

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ

Преподобный
Феодор Студит

ПОСЛАНИЯ

КНИГА 1

Одобрено
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Москва

2003

Приход храма Святого Духа Сошествия

✠ Когда ум возревнует о добродетели, тогда и внешние чувства: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание не побеждаются даже такими трудностями, которые для них чужды, необычайны, выходят из пределов естественных сил. А если когда проявится естественная горячность, то и телесная жизнь не ценится более, чем прах. Ибо когда сердце возревнует духом, тело не печалится о скорбях, не приходит в боязнь и не сжимается от страха, но ум, как алмаз, своей твердостью противостоит всем искушениям. Поревнуем и мы духовной ревностью о воле Иисусовой. И будет отогнано от нас всякое нерадение, порождающее в мыслях наших леность, потому что ревность рождает отвагу, душевную силу и телесную старательность. Как устоят демоны, если душа подвигнет против них свою природную сильную ревность? А также и усердие называется порождением ревности. И когда оно приводит в действие свою силу, то придает крепость всякой силе в душе, и она становится безбоязненной (а и венцы исповедничества, какие принимают подвижники и мученики терпением своим, приобретаются ревностью и усердием, которые порождаются силой естественной горячности); тогда люди и в жестокой скорби мучений делаются бесстрашными.

Преподобный Исаак Сирий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

І. К ПЛАТОНУ, ОТЦУ ДУХОВНОМУ¹

О чем будем говорить с тобой, любезнейший отец наш, мы, отторгнутые ради Бога от твоей святой утробы? Что скажем приятного или радостного? Ибо не со слезами и скорбью мы переносим кажущееся изгнание. Таковым мы научились от тебя признавать не это, — так как мы *пришельцы* на земле (Быт. 15, 13), — но одно только отпадение и далекое отлучение от Бога через преступление какой-либо заповеди Его. Поэтому радуемся и веселимся по поводу того, что и мы, хотя и недостойны неба и земли, удостоились вместе с тобой, святым отцом нашим, потерпеть это за Его заповедь и лишиться общения с тобой по плоти. Впрочем, ты, отец, всегда с нами, перед нашими глазами и беседуешь с нами.

А как же иначе могли бы мы жить благополучно, когда каждый из нас пребывает отдельно от других, сам по себе, если бы покровом святых молитв твоих не были сохраняемы невредимыми от лукаво-го? Однако мы все остались целыми, невредимыми и твердыми. И хотя дорогой немного пострадали, так что некоторые и заболели, однако Сказавший: *взгляните на птиц небесных и полевые лилии* (Мф. 6, 26–28), — и Неложный в обещаниях

¹ Это и следующие два письма к прп. Платону написаны св. Феодором из г. Фессалоники в 797 году, во время первой его ссылки.

Своих сохранил нас, как мы и не надеялись, приведя нас сюда и склонив к состраданию нашим бедствиям сердца здешних мужей, особенно архиепископа.

Одна остается у нас забота и непрестанная дума, соединенная с усердным и недостойным молением, — о том, чтобы ты укреплялся, возжеленнейший отец наш, и пребывал твердым и непреклонным в предпринятом исповедании за истину Божию, ничего не страшась и не колеблясь духом от наветов людей, старающихся извратить и унижить дарованные тебе благодатью Божию подвиги за благочестие. Ибо молва об этом распространилась повсюду и устрашила души почти всех, и Господь *воздвиг рог спасения* между христианами и *снял поношение* с монашествующих (Лк. 1, 25, 69). И, знаю, каждый здравомыслящий скажет, что в нас живет и царствует Христос, и Ему мы повинемся больше, чем людям, которых Он создал не для того, чтобы Ему быть презираемым, но для того, чтобы быть прославляемым ими.

Ты знаешь все, знаешь, что нужно делать, не нуждаешься в нашем напоминании, но ты сам прежде приказал нам писать об этом. Итак, отец, не бойся человека или огорчений от людей. Ты знаешь, что святые, считая это сновидением и тенью, сделались предметом удивления на небе и на земле. Немного потрудимся, умоляю, еще немного потерпим, и *доброе течение* наше будет кончено (2 Тим. 4, 7). Венец сплетен, вечная награда уготована, и назовешься ты другом Небесного Царя, общником святых и исповедником между людьми. Так умоляю же и заклинаю милосердие отца моего: будь для нас опорой, терпением, мужеством. Ибо, если ты, отец, устоишь, то и мы, слабые дети твои, сделаемся

твердыми, будем мужественными, все случающееся перенесем мужественно силой Божией и твоими молитвами.

Это поощрение от Бога, Который таким образом, конечно, испытывает нас и Сам подает силу. Не бойся же, отец, козней тех, кто старается отклонить тебя от истины. Речь об этом проста. Святой Елифаний в своей беседе о Пасхе показывает, каким бывает человек, советующий вопреки тому, что содержится в Божественном Писании. Он говорит от своего сердца и излагает уставы человеческие. Приведу слова апостола, который говорит о таких людях: “Если это скажет и ангел с неба, анафема ему” (Гал. 1, 8). Говорить ли о словах: *Священники Мои отверглись закона Моего и осквернили святыни Мои* (Иез. 22, 26)? Приводя это пророческое изречение, свт. Григорий Богослов в великом защитительном слове¹ прибавляет следующее: “Они не отличали святого от скверного, но все для них было одинаково”.

И еще много другого, если бы кто захотел слушать! Да умолкнут, наконец, искажающие истину Божию ложными речами, и да внимают самим себе. Мы же при столь ясной заповеди, притом угрожающей вечным огнем за преступление, не падем перед человеческими угрозами или мучениями, — нет, клянусь подвигами за добродетель, — но, если даже нужно пролить кровь, с радостью сделаем это, укрепляемые Богом по твоим святым молитвам.

Мужайся же и ты, брат мой Евфимий: Ты *подвигом добрым подвизался* (2 Тим. 4, 7). Не будем отставать друг от друга, свет мой и жизнь моя.

¹ Творения в русском переводе. Ч. I. С. 46. М. 1889.

Ради малого и временного благополучия не будем терять блаженной жизни. Не услаждайся, брат, настоящими удовольствиями и не сокрушайся скорбями, не показывай тыла. Христос радовался, видя, что тебя бичевали за Него. Не опечаль же Его, возлюбленный мой, равно как и сорадовавшихся Ангелов, и господина отца, и почтенную мать, болезнующую о нас Духом Святым, и всех братьев твоих, особенно меня, которого ты называешь дорогим даром.

Нас три брата по плоти¹, будем же братьями и по духу. Не обесчестим почтенного и богоначального числа, предадим себя на страдания за Божию заповедь, чтобы нам жить вовеки. Великая, отец, у нас печаль и о прочих любезных братьях наших: как Господь устроил их? Ибо мы, грешные, молимся о том, чтобы Он Сам был их Попечителем, Управителем, Руководителем, устраивая их дела, как Он Сам знает, и повелевает, и желает. Ибо поистине, мы проливаем о них горькие слезы, и лица их постоянно имеем перед нашими глазами, прося молитв их на помощь нашей лености.

Впрочем, ты, отец, молись обо всех, чтобы нам стяжать терпение, благополучие, помощь Божию и защиту от искушений диавола и, если угодно Богу, — о том, чтобы нам увидеть во плоти тебя или братьев наших. Да исполнится это! Осмеливаемся просить тебя приветствовать от нас любезного брата нашего, если он с тобою. Если же случится кто-нибудь другой из братьев наших, то и ему также поспеши сообщить это. Вместе со мной приветствует святую душу твою господин диакон и отец наш, до-

¹ Т. е. Феодор, Иосиф и Евфимий.

брый брат и сын твой эконо́м, и прочие почтенные и многолюбезные братья. Молись о нас, отец, пламенно и непрестанно, как ты заповедуешь. Чего-либо другого сказать нам нечего.

II. К НЕМУ ЖЕ

Второй раз уже я пишу к господину и отцу моему. Не знаю, получил ли ты мое письмо. И в нем мы, хотя и недостойно, сказали немного из того, чего требовало время и что было нам по силам; и теперь скажем, что следует и что даст Бог на пользу смиренной душе моей, а также, осмелюсь сказать, и к утешению твоего, отец, великодушия. Как прежде часто, так и теперь, я говорю и исповедую, что если есть во мне какой-нибудь дар слова и способность писать что-нибудь малое, то это дано не ради меня, униженного раба твоего, но ради тебя, имеющего обильную, в сердце источающуюся, благодать.

Поэтому ты охотно и радостно продолжаешь учить и вразумлять не только нас, которых иные ошибочно считают твоими племянниками, но и всех сыновей и детей твоих, рожденных духом твоим. А то, что я говорю правду, доказали дела. Ты истинный пастырь, положивший *душу за овец своих* (Ин. 10, 11–12), чтобы мы не уклонялись от истины и были готовы сейчас охотно пролить и собственную кровь. Такова бдительность истинного пастыря, обличающая лжецов и поистине являющаяся достойной пред Богом, Отцом и Архипастырем! Итак, дарованное мне ради тебя весьма скудно приношу тебе, и ты пожинаешь эти, — не знаю, как сказать, — тощие плоды семян, которые ты многозаботливо и обильно сеял, как добрый земледелец.

Что же скажу приличного и благопотребного святой душе твоей, любезнейший отец мой? Кто отлучил меня от твоего, всегда возжеленного, лица, от сладкоречивой беседы, от спасительного руководства? Ты — мой свет, всегда сияющий светильник среди мрачных душевных помыслов, жезл, укрепляющий немощь сердца моего, изменение уныния, бодрость, благовестие, радость, умягчение, празднество, слава. Без тебя и солнце нерадостно для меня; я желал бы лучше не видеть света, чем не лицезреть твоего образа. Нет для меня ничего приятного на земле без твоего присутствия; ибо что возжеленнее истинного отца, даже и пред очами Божиими? Это знает сын, любящий отца и поистине родной. Но к чему много слов? Скажу, что случилось со мной.

Часто, когда я и не намеревался идти в святую келью твою, незаметно, как бы влекомый кем-нибудь, я приходил к тебе, вставал перед лицом твоим, так что часто, когда ты спрашивал: “Зачем пришел?” — я не мог ничего ответить. Настолько от тебя зависело мое спасение! Кто не стремится к свету? Но благодарю Бога, ради Которого я отторгнут от тебя руками поправших закон Его и рожденных от подобных им. Да не вменит им Господь Бог мой этого во грех, но да приведет их к осознанию безрассудства, и пусть они окажутся безответными в этом. Тебя заключили, как мы слышали, в тесную хижину, но таким образом показали тебя жителем неба. Ведь они заключили под стражу сокровище исповедания Божия и не уразумели. Если бы видели они, могли бы познать из этого, что сделали тебя досточтимым среди людей, спасительным для мира и возжеланным для многих.

Ты принял бесчестие и оскорбления вместе со Христом, подвергся гонению, как блаженный. Рассеяли овец твоих, ибо поразили тебя, пастыря, как Христа. Хотя и дерзновенно сказать, но это Его слова: *Если Меня гнали, будут гнать и вас* (Ин. 15, 20), — и другие, которые последовали Ему, терпят одинаковые с Ним страдания. *Если только с Ним страдаем*, — говорит великий Павел, — *то с Ним и прославимся* (Рим. 8, 17). И это так.

Мне же, непотребному и недостойному, по святым молитвам твоим, праведный отец, Милосердный Господь даровал утешение быть вместе с тобой духом, ибо я постоянно как бы вижу тебя, беседую с тобой, принимаю благословение, пользуюсь твоим покровительством, даю и получаю сведения к утверждению исповедания, которое ты исповедал. Мне кажется, что я слышу слова, произносимые твоим внятным голосом: “Смиранный Феодор, мы поистине претерпеваем малое, тогда как Бог подает прекрасную надежду”. Это для меня утешение и отрада.

Не бойся, отец, за меня, раба твоего, совершенно отверженного. Подлинно, я — отребье неба и земли и охладел более всякого человека. Однако дерзаю говорить, как имеющий добрую надежду, хотя и недостойно, глядя ввысь, укрепляемый твоим предстательством, не превозносясь тем, что я потерпел, но укоряя себя за то, что терпел не мужественно и не как следует, но мало и незначительно в сравнении с животворными страданиями святых. Ибо я читал о многих мученических подвигах, описанных в двенадцати книгах, так что сердце содрогалось, и не смею сказать, что я потерпел что-нибудь ради Христа.

А что возжеленнее, отец,— напоминаю, как раб,— страданий ради Него? Воззри, отец, ввысь; смотри на Господа, представляй лики Ангелов, воображай сонмы святых, созерцай сидящего на высоко превознесенном престоле Судию мира, Который провозгласит тебя верным рабом, хранителем Его заповедей и, что еще больше,— исповедником. Куда Он пошлет тебя потом? Не в огонь вечный, который принимает не покоряющихся закону Его, но в живоносную обитель, в бессмертный покой, в беспредельную радость. *Войди*,— скажет,— *в радость Господа твоего* (Мф. 25, 23).

Взоры всех нас обращены на тебя, все мы сильны духом, когда ты стоишь твердо. Да будет с тобой еще более помощь Божия, ограждающая тебя, укрепляющая тебя, утверждающая тебя, ободряющая тебя! Боясь Бога, не бойся того, что сделал тебе человек, или, может быть, сделает (Пс. 117, 6). Ты надеешься на Господа, ты — гора Сион, не подвигнешься вовек (Пс. 124, 1), ибо в тебе обитает Основатель и Создатель вышнего Иерусалима.

Убегай от ядовитых и обольстительных речей, искушающих тебя, подобно змеям, и желающих удалить тебя от животворного древа истины, и, однажды утвердившись в истине, утвердившись до совершенной непоколебимости на многих свидетельствах Священного Писания, и отчасти — благочестивых людей, будь внимателен, чтобы тебе получить и похвалу, которая содержится в следующем изречении: *делающий так не поколеблется вовек* (Пс. 15, 5).

Братья все здоровы: господин диакон, отец мой, брат мой любезный, а ныне еще более достойный любви, и прочие возлюбленные и почтенные

мои братья и твои дети. О них всех вместе со мной молись, отец. Все они совершают доброе течение; одного только желают — твоего здоровья в Господе, и все то, что они терпят, переносится легко. Конечно, мы и скорбим, и сетуем, и скучаем, и унываем, и имеем множество порочных помыслов, ибо невозможно без печалей пройти настоящую жизнь, но укрепляемся надеждой и твоими молитвами. Обо мне же молись, отец, ибо я изучаю святого Исаию, и скажи мне, желаешь ли ты, чтобы я, кроме того, что пишу, еще и читал письма.

III. К НЕМУ ЖЕ

Прежде слов у меня льются слезы, внутренность содрогается, рука дрожит при письме, я терзаюсь со всех сторон и не в силах переносить скорбь. О как я стерплю твои, отец, хриstopодобные страдания? О как перенесу твое высокое и святое уничижение? Как стану отвечать тебе надлежащим образом? Куда обращусь и с чего начну письмом? Мне ли ты, отец, пишешь это? Мне, червяку, праху и непотребному, отец произносит слова, с которыми обращаются к сыну? Принимаешь вид умоляющего ты, которого самого должно умолять. Что же после этого скажу я, несчастный? Какое покажу уничижение перед праведным отцом моим? Впрочем, я принял недостойными руками святое послание твое, отец, как богописанные скрижали, выслушал написанный голос твой, как иной выслушал бы голос Ангела или апостола. И сокрушило оно мое сердце, источило слезы, и я заплакал, и плакал не плачем Иеремии о бедствиях, постигших ненавидящих Бога, но неким особым плачем, в ко-

тором была и любовь к отцу, и истинная благодарность к Богу. Действительно, достойно похвалы то, что написал ты, праведный отец, достойно переписывания; твои слова служат выражением твоей всецелой преданности Богу.

Итак, отец, ты утвердил наши умы, укрепил наши сердца. Мужество твое выше надежды, дерзновение твое выше ожидания. Ты явился нам иным, нежели мы знали тебя; ты весь изменился в Боге. Слава Укрепившему тебя! Не сразил тебя страх царской власти, не ослабило тебя коварное обольщение. Не избрал ты наслаждение временными удовольствиями, желая впереди других подвергаться опасности за истину Божию. *Добрый пастырь* — тот, который *жизнь свою полагает за овец* (Ин. 10, 11–12), который и теперь содержится узником под стражей, как апостол Христов.

О, та хижина, в которой содержишься ты, как сосуд честный и благопотребный Владыке Богу! О, если бы мне обнять тот помост, по которому ходят ноги господина моего и отца! О, если бы мне облобызать те ключи и замки, которые охраняют тебя, как сокровище благочестия! Или лучше, я желал бы облобызать честные уста, исповедавшие слово истины, и преподобные руки, воздеваемые в святых и богоугодных молитвах. Как отлетело любезное мне лицо? Как умолк спасительный голос?

Вот я — сирота, жалкий и совершенно одинокий, лишенный отца моего, лишенный светильника моего, врача и питателя смиренной души моей, я остался без руководителя и защитника против невидимо нападающих на меня: *был как ворон в пустыне, как птица на кровле* (Пс. 101, 7–8). Ежедневно напрягаю я зрение, оглядываюсь кругом, и нигде нет

желанного лица. Я не могу вполне изобразить моего страдания. Впрочем, благодарю и много благодарю за то, что я сподобился этого за закон Божий, что я сын такого отца. Сейчас мне кажется, что сегодня я царствую через тебя, святой отец, если молитвы твои сохранят меня невредимым.

Я боюсь своей греховности и непотребства, но ты прими к сведению, что святыми молитвами твоими я укрепляюсь и утверждаюсь, хотя сам я весьма немощен. И не только я, но и все мы — одно, мы — единомысленные с тобою, единокоренные, решившиеся вместе страдать до смерти, и относительно нас ты ничего не бойся. Хорошо, отец, хорошо, хорошо, доблестный кормчий, ревнитель благочестия, подражатель святым. Поистине великолепно ты подвизался, мужественно сражался. Я знаю, что дух твой пребывает с мучениками. Это так, хотя не как следовало, соответственно моему желанию и твоему достоинству.

Но поскольку ты приказываешь обстоятельно описать тебе наше путешествие и все, случившееся с нами за это время с того дня, как мы подверглись этой прискорбной разлуке, то, хотя это и не вполне возможно, однако весьма быстро исполню твое приказание. Итак, в тот самый день, в который ты, отец, добровольно пошел путем, ведущим к смерти, и мы отправились в ссылку. Ехали на животных, какие случились. Сначала, как не испытывавшие прежде такого положения, мы были в некотором унынии. Ибо, останавливаясь в селениях, мы делали предметом зрелища для людей всякого пола и возраста; уши наши оглашались шумом и криками, когда ведущие нас останавливались и отправлялись для приобретения необходимого.

Но впоследствии мы привыкли и гораздо легче переносили эти неприятности. Более всего нас огорчала слабость отца, господина диакона. Таким образом, мы совершили путь измученные и изнуренные. Остановки были следующие: от Кафар до Ливиан, потом в Левки, затем в Фирей, где с нами случилось нечто прискорбное и достойное повествования.

Неожиданно появилось девять первенствующих братьев, как рассеянные овцы, и они окружили нас со слезами, сокрушая наше сердце. Но ведший нас не позволил нам разговаривать с ними; поэтому, жалобно посмотрев друг на друга и сказав слова приветствия, мы со слезами были разлучены. Далее, когда нас привели к Павлу, мы нашли достопочтенную сестру твою с господином Саввою¹ и, тайно поведавшись с ними, целую ночь пробыв вместе, поговорив о необходимом и приветствовав друг друга, как приговоренных к смерти, расстались со стонами и воплями. Там можно было видеть, как терзаются и трепещут внутренности, когда природа бывает побеждаема священными чувствами.

Отправившись оттуда снова в путь, мы остановились в Лупадие, встретив дружеское сочувствие со стороны странноприимца; там совершили и омовение по причине ран, ибо у некоторых были трудноизлечимые раны от путешествия. Итак, нас привели в Тилис. Там встретил нас авва Захария с Пионием, которые от пламенного расположения к нам плакали и хотели идти вместе с нами, но им не дозволили. Оттуда — в Алкеризу, затем — в Анагс-

¹ Савва — игумен Студийский, бывший вместе с прп. Платоном на седьмом Вселенском Соборе.

граммены, потом — в Перперину, оттуда в Парий. Мы вступали в общение с епископами и, кроме того, со смирением напоминали им о клятве. Потом наш путь последовал в Орк, оттуда — в Лампсак, в котором, найдя ираклиотян¹, мы пробыли три дня, не имея возможности отплыть.

Затем, получив такую возможность, отправились в путь и приплыли в Авид, где были милостиво приняты тамошним начальником. Прожив там восемь дней до субботы, поплыли в Елеунт, где пробыли неделю ввиду затруднительности плаванья. Потом, когда подул попутный ветер, прибыли на Лимнос за девять часов. Здесь мою речь останавливает благочестие тамошнего епископа, который так благосклонно, как никто другой, принял нас, утешил и снабдил необходимым на дорогу.

Отплыв оттуда со страхом, ибо опасались соседнего народа, мы при сильном северном ветре переплыли море в сто пятьдесят миль и пристали у Капастра в пределах Фессалоники. Потом мы поплыли в Паллину, в местность, лежащую близ залива; затем — к пристани; оттуда, снова сев на животных, вошли в город².

Это было в субботу, в день праздника Благовещения, часу в третьем. И какой был вход! Нельзя обойти молчанием и этого. Один из сановников, посланный вперед префектом, с воинами ожидал нас у восточных ворот, и они встретили наше приближение, стоя в молчании. А после того, как мы вошли, они затворили ворота и торжественно повели нас через площадь перед глазами людей, собравшихся на

¹ Жители г. Ираклиона.

² Фессалонику.

это зрелище, и таким образом привели к начальнику.

Это — прекрасный человек. Явившись с благосклонным лицом, он после поклона кротко разговаривал с нами и послал нас к архиепископу. Мы же прежде всего помолились в храме Святой Софии. Святейший, закончив молитву в своей церкви, принял и приветствовал нас, побеседовал с нами о необходимом и тогда же, удержав нас, доставил нам отдых омовением и пищей.

На второй день рано утром нас взяли и, по нашей просьбе дозволив нам помолиться в храме святого Димитрия, разлучили друг с другом после того, как мы высказали благословения и приветствия друг другу. Нас, двоих братьев, отвели в то место, в котором я нахожусь теперь, и разлучили после того, как мы со слезами простились друг с другом, так, что и некоторые из зрителей были тронуты и прониклись жалостью.

В таком состоянии, отец, наши дела; и теперь влачу я, смиренный, здесь жизнь прискорбную и многоплачевную. Знаки благословения от святой руки твоей мы приняли, как имеющие силу Святой Троицы, и храним их, как сокровище, и кладем их перед глазами своими, как бы лобызая твою десницу. Опять слезы, опять содрогаются моя внутренность, ибо хочу закончить речь.

О отец, для чего ты меня оставил (Мф. 27, 46)? Но ты не оставил. Как ты удалился от меня? Но ты пребываешь во мне. Где же еще увижу тебя? Как взгляну на тебя? Где услышу сладчайший и спасительный голос твой? Когда разделю с тобой трапезу? Где буду наслаждаться твоим присутствием? Или когда буду читать тебе вслух, или петь

перед лицом твоим, или получать вразумления, или епитимьи, или напоминания, совершая по обычаю угодное тебе угощение, пищу, питье, беседу, стояние, сидение, возлежание? Что случилось со мной? Призываю людей в свидетели, призываю и Небесные Силы на мою защиту: закон Божий отлучил меня от тебя, одна вечная заповедь. Да услышит поднебесная!

Поэтому я радуюсь и возношу глас хвалы Богу; переносу все более, чем с избытком сил; восхищаюсь. Не буду больше сиротствовать, не буду сетовать, не буду говорить что-нибудь непристойное. Прими, отец, и вышесказанное, как благочестное, ибо это — знаки любви к тебе.

Однако я опять буду плакать, но уже от радости. А ты, преблаженный отец, радуйся и веселись: тебе назначены награды, тебе уготовано место покая. Ревность твоя подобна ревности отцов твоих, заключение под стражу провозглашает истину. Связан праведник, как непреклонный, — благочестивые благодарны, соревнующие делаются более пламенными, видя прекрасное начало. Гонители вне сплетают речи и злословят, особенно некоторые из монахов, а внутри терзаются мыслями, имея жестокого обличителя в собственной совести, притом удивляются. Ибо, как говорит великий Григорий Богослов, “великим подвигам человека умеют дивиться и враги, когда пройдет гнев, и дело оправдает само себя”¹. Тебя Ангелы воспевают, люди ублажают, Христос принял и отверз тебе врата царства небесного навеки. Аминь.

¹ Творения в русском переводе. Т. II. С. 70. М. 1889.

IV. К НИКИФОРУ-ИГУМЕНУ¹

Когда нам был передан твой ответ через господина диакона, мы хотели тотчас писать к тебе, истинный и многолюбезный брат мой². Но так как было зимнее время и новые соображения останавливали нас, то мы почли за благо отвечать не скоро. Если же вместе с вопросом, выраженным словом, и письмо потребовало того же самого, то для чего еще рассуждать и не высказывать того, что приходит на мысль?

Во-первых, скажу — и ты, почтеннейший, пойми меня, — что я, как ты и сам знаешь, многим подавал своей жизнью пример великой греховности, и почти нельзя найти греха, к которому бы я и сам не был причастен, и другим не давал повода. Но зная, что человеколюбие Божие спасает и погрязшего в бездне зла и подает руку помощи кающемуся, я избежал отчаяния и, по-видимому, несколько утвердился на правом пути.

Поэтому, как ведает Бог, знающий тайное, я уклонился даже от сношения с родственниками своими и общения с любезными моими по плоти и от всех остальных при помощи одной силы Божией, укрепляющей немощь мою во всем. То, о чем ты спрашивал меня, несведущего, и теперь находится в таком состоянии, о котором сказал тебе господин диакон. И это мы высказывали и представляли не без рассуждения, но основываясь и утверждаясь на иссле-

¹ Это и следующее письмо написано немного прежде того, как прп. Феодор был отправлен в первую ссылку, по поводу того, что некоторые убеждали его не восставать против незаконного брака Императора.

² Двоюродный брат прп. Феодора.

довании и изучении Богодухновенного Писания, равно как и расспрашивая тех, кого следует. Подлинно, это истина, потому что Божественный Закон ясно говорит это не только через святого Павла, но и через других богословствующих Отцов, которые то же самое и определяют, и доказывают, и излагают согласно с апостольской заповедью.

Как же я могу впредь оставаться неразумно безразличным? И не лучше ли мне уклониться и устранить от тех, кто причиняет вред несчастной душе моей? И разве это не опасно, если верховнейший из Отцов взывает и говорит, что отнюдь не должно принимать ничего противного заповеди или извращающего ее, хотя бы за это обещали жизнь или угрожали смертью? Не стану говорить, сколько есть других изречений, не позволяющих нам даже малейшего отступления от заповеди, особенно когда при этом мы имеем повеление свт. Василия Великого, что “неопустительно должно соблюдать все, преданное Господом в Евангелии и через апостолов”¹.

Это я осмелился открыть тебе, как отцу и возлюбленному, между тем как мы — Сердцеведец Бог Свидетель! — не проповедуем этого, ибо не имеем преимущества и не питаем ненависти, но и к самодержцу и благочестивейшему Императору сохраняем любовь в сердце, и ко всем сродникам моим питаем благорасположенность, и поминаем его на Божественной Литургии, и молимся о нем в уединении и общенародно. Также и с Церковью мы находимся в общении, и да не будет, чтобы мы когда-нибудь отделились от нее!

¹ Нравственные правила. Правило 12. Гл. 3. Творения в русском переводе. Ч. III. С. 308. М. 1891.

Простите меня, который один только грешен; я предпочел оплакивать свои грехи в этом углу и не вмешиваться в дела мирские. Какое здесь преступление? Позволь мне, любезнейший брат,— ибо я знаю, что ты можешь это,— и оставаться в покое здесь, и быть вдали от всех людей, насколько возможно, и ты мудрым умом своим сделай *кривизну ровной* (Ис. 42, 16) и острое гладким, и будь для нас причиной мира и споспешником покоя, чтобы, если произойдет что-нибудь полезное для нас, устраивать это справедливо и разумно.

V. К СТЕФАНУ-СЕКРЕТАРЮ

Вчера, когда мы наслаждались достославным твоим присутствием, после некоторых других бесед, для которых ты и прибыл сюда, у нас зашла речь о предметах Писания, и мы, находясь в большом недоумении, расстались друг с другом, не достигнув в этом согласия. Конечно, господин, мы, как люди простые, совершенно не соответствуем присущей тебе мудрости. Но чтобы молчанием о том, о чем должно говорить, нам не навлечь на себя осуждения,— ибо Писание говорит: *обличи ближнего твоего, и не понесешь за него греха* (Лев. 19, 17), а с другой стороны, *обличая премудрого*, будем еще более возлюблены им (Прит. 9, 8),— мы почли необходимым высказать тебе то, что должно.

Ты, господин мой,— скажу кратко,— соединяя вместе многие вопросы и возражения, сказал, что, кроме веры, ни о каких других заповедях Господних никому не следует вразумлять предстоятельствующего пастыреначальника, когда он, по неведению или по своему желанию, делает что-нибудь непозволитель-

ное. А мы говорили, что следует, и даже очень, но только тем, которые превосходят других знанием и благоразумием. И каких только доказательств неосновательности такого мнения мы не можем привести? Приведем пример из Ветхого Завета.

Во-первых, что ты думаешь о поступке Даниила (Дан. 13, 46—62)? Не удостоился ли он похвал за то, что не только вразумил, но и осудил старцев, незаконно обвинивших святую Сусанну, хотя он был в таком возрасте, который по закону не давал права говорить и высказываться свободно? Так или нет? И разве ты не одобряешь Иоава, который, когда божественный Давид задумал пересчитать народ, что послужило поводом к гневу Божьему, возражал, удерживал и старался убедить Царя не делать этого (2 Цар. 24, 1—9)? Ты ведь знаешь историю.

Убеждает меня в том и Иофор, который напоминал великому Моисею и уговаривал его не так управлять народом, некоторым образом вразумляя его и склоняя к своему желанию (Исх. 18, 13—24). А кто он был? Иноплеменник, хотя и тесть Моисея. И кому говорил? Тому, кто делал все по откровению Божию. Но скажем об этом немного, чтобы речь наша не была длинной.

Надобно перейти к Новому Завету. Послушаемся, если угодно, почтеннейший, повеления громогласного проповедника вселенной: *Если же последнему будет откровение, первый да молчит* (1 Кор. 14, 30); и это относится не только к вере, как возражает твоя любовь. Также,—чего я едва не забыл,— великий проповедник истины Иоанн обличал Ирода (Мф. 14, 4). Прошу ответить мне. Знаю, что против меня готова насмешка: “Он ставит себя наравне с пророком”. Но не так, почтеннейший. *Сие*

же, — говорит апостол, — написано было в наставление нам (1 Кор. 10, 11). И еще св. Павел сказал: *Будьте подражателями мне, как я Христу* (1 Кор. 11, 1).

А как можно мыслить право, действуя неправо, когда божественный Иаков утверждает, что вера является от дел, и те, которые погрешают в одном, не имеют и другого (см. Иак. 2, 17, 10)? При столь многих и при таких свидетелях, я не думаю, чтобы твое благородство стало возражать. Если же так, то пришли недостойнству нашему разбор вышеизложенного, так же, как и яснейшие возражения из того, что будет у тебя заготовлено. О, если бы они были налицо! И мы замолчим и будем просить прощения за свою настойчивость, хотя и происходящую от ревности. Ибо только осуждать легко и доступно для всякого желающего, как ты читал. А приводить свое мнение, основываясь на свидетельстве Богодухновенного Писания, свойственно мужу поистине здравомыслящему и умному. Впрочем, чтобы слишком не распространить письма, мы на этом закончим речь, присовокупив еще для полнейшего доказательства изречения свт. Василия Великого. Пребывай здоровым со всем домом своим, возлюбленный господин наш, благоденствуя во всех отношениях, ибо мы, и когда пишем, и когда не пишем, желаем сохранить благо любви твоей.

Из 20-го слова святого Василия о подвижничестве: “И предстоятелю, если преткнется, должны напоминать преимущество первые из братии по возрасту и благоразумию”¹. Из слова 34-го: “Кто не при-

¹ О подвижничестве. Правила, пространно изложенные. Вопрос 27. Творения в русском переводе. Т. V. С. 132. М. 1901.

нимает одобренного предстоятелем, тот должен открыто или наедине представить ему свое возражение, если имеет какое-либо твердое основание, согласно со смыслом Писания, или молча исполнять приказанное; если же он сам постыдится, то пусть употребит на это посредниками других”¹. Из нравственных правил его же, слово 72-ое: “Слушатели, наставленные в Писаниях, должны испытывать то, что говорят учителя”². “Предстоятель слова должен все делать и говорить с осмотрительностью и после многого испытания, с целью благоугодить Богу, как подлежащий испытанию и от самих вверенных ему”³.

VI. К ФЕОКТИСТЕ, СВОЕЙ МАТЕРИ

Если бы возможно было пересылать в письмах слезы, то я, наполнив ими это мое письмо, послал бы их в эти дни тебе, почтенная, любезная и богоугодная мать моя. Ибо, поистине, я не могу равнодушно слышать о твоём положении, не говорю — о близости к гробу, но и о болезнях, угрожающих смертью. И для чего, мать моя, ты захотела оставить нас, возлюбив грядущий век, отойти от нас и пребывать у Господа? Ты, конечно, возлюбила тамошние блага, по сильнейшей любви переменив образ мыслей, ты более пожелала пребывать с моей доброй и святой сестрой и с любезным моим господином Евфимием, или лучше, в лике святых.

¹ О подвижничестве. Правила, пространно изложенные. Вопрос 47. Творения в русском переводе. С. 164.

² Нравственные правила. Правило 72. Гл. 1. Творения в русском переводе. Т. III. С. 388. М. 1901.

³ Там же. Правило 70. Гл. 37. С. 387.

Как же, мать, я могу без слез продолжать изложение письма? Неужели суждено мне в моей горестной жизни услышать о твоей смерти, воспеть тебе плачевные песни, увидеть твой гроб и написать надгробные стихотворения, чтобы ты почил телом под землей, — ибо знаю, что духом ты будешь обитать на небесах, — а я останусь на земле, продолжая влачить прискорбную и многогрешную жизнь мою? Как можно стерпеть это? Да не будет этого со мной!

Впрочем, надобно все предоставить воле и определению Преплаготоу Бога нашего. Ибо Он знает, что полезно каждому из нас, ведает, что нужно, устраивает потребное. Он — Отец чадолюбивый, Он располагает все хорошо, кстати, благоразумно, промыслительно, премудро, прекрасно, совершенно. О премудрость и глубина судеб Его, *ибо непостижимы и неисследимы пути Его* (Рим. 11, 33)! Еще раньше Он взял к Себе сестру, потом взял брата, теперь желает третьего. Кто будет им? Если ты сама, то великая похвала; ты довершаешь троиственную награду, прекрасно проведя жизнь, все оставив, все предав Богу: голову, члены, саму себя, изнузив подвигами честное тело свое, совершив многопечальную жизнь, или лучше, пройдя *узкий и тесный* путь Господень (Мф. 7, 14), и теперь желая исхода в доброй старости. Об этом я молюсь до сих пор. Впрочем, самое лучшее — то, что угодно Богу: кто родственнее Его может заботиться о наших делах?

Радуйся же, мать, и при жизни, и умирая. Ты не умрешь, потому что имеешь в себе жизнь. По своей воле ты умерла для жизни, потому что ты подвизалась *подвигом добрым* (1 Тим. 6, 12), потому что ты отказалась от земного, чтобы наследовать небесное, потому что ты бескровно участвова-

ла в подвигах мученичества, отсекая члены свои — нас — по любви к Господу. Ты отходишь без забот, без завещания. Ибо у тебя нет ничего, о чем бы делать завещание, кроме волосной одежды твоей и другой какой-нибудь случайной принадлежности простой жизни. Уже обнаженной ты идешь отсюда предстать Богу, имея душу чистой от вещественной нечистоты.

Однако ты имеешь, что оставить нам, а именно — крепкую молитву, которой ты осеняла нас еще в юности нашей, знаменуя и запечатлевая нас в часы ночные, вознося за нас моления к Господу во всякое время. Ты оставишь и неленостное усердие свое в божественных службах, любовь к чистоте, ревность к добродетели и апостольскую хвалу трудолюбия. Ибо поистине, много трудов совершили преподобные руки твои, и одевали, и согревали не нас одних, но и всех братьев, которые, признавая и уважая тебя, как духовную мать свою, одинаково с нами скорбят о тебе и взывают. Это, еще не совершившееся, мы изложили в письме, доставляя утешение себе самим и выражая тебе чувства нашего сердца, о которых ты и сама знаешь.

Я же, как ты знаешь, святая мать моя, хотя и желал бы прибыть к тебе, но никак не мог по причине забот, возложенных на меня, недостойного, и не знаю — каким образом. Ибо как удивительно было то, по словам Писания, что и *Саул в пророках* (1 Цар. 10, 11), так и то, что Феодор в игуменах. Это задержало меня, это связало меня. Если бы я был связан железными цепями, то разорвал бы их и предстал бы перед лицом твоим. А теперь вместо себя посылаю к тебе для малого утешения пресвитера, потому что сам он пользуется твоей любо-

вью и уважением, чтобы он во всем помогал твоей немощи, наблюдая и заботясь о потребном. И если ты останешься в том же месте, то и он останется, а если отпавишься, то и он отправится вместе с экономом.

Впрочем, как управит Бог и позволит немощь твоя, так и поступай, почтенная мать моя, и, желая отправиться, не напрягайся через силу. Поскорее пришли нам известие о том, как ты чувствуешь себя в болезни, чтобы нам немного успокоиться. Сейчас все братья совершили о тебе молебный канон, они постоянно возносят моления о твоём здоровье. Удостой нас святой молитвы твоей, благослови нас материнскими дарами, приветствуй нас письмом, даруй нам мир, который ты имеешь по благодати Христовой и будешь иметь во веки веков.

VII. К ИРИНЕ-ИМПЕРАТРИЦЕ¹

Глас в Раме слышен, — говорит созерцатель божественных видений Иеремия, — *и рыдание, и вопль великий, Рахиль плачет о детях своих* (Иер. 31, 15; Мф. 2, 18). А ныне какие великие дела происходят? Откуда явились вчера, добрейшая Государыня наша, вестники священного двора твоего, возвестившие нам хвалы всех недавно совершенных тобой дел? Поистине, они огласили слух наш. Почему же? Потому, что ты явила концам вселенной знак такого благочестия. И вот отовсюду несется к тебе, как летящие облака, многочисленные мольбы, прославляющие Бога за добрые дела твои.

¹ Написано в 801 г. по случаю облегчения народных пошлин.

Скажи нам, Государыня, кто возвел чистейший ум твой на высоту разума истины, так что ты, как будто с некоего высокого и превознесенного места, увидела эти дела, богоугодные и святые? Научи, откуда вселилась в тебя такая любовь к благочестию, так что ты ненасытимо возжелала благоуждать Богу и простерла величайшее попечение о душевной и телесной пользе христиан?

Или ты, много помышляя о Божественном и имея материнское расположение, нашла недостаточным только освободить народ твоим верховным содействием, как будто из некоего египетского рабства, а именно — от нечестивой веры, если бы не присоединила к прежним, разнообразно сияющим, подобно звездам, добрым делам твоим, и настоящую милость, как верх добродетелей? *Свят, Свят, Свят; возвеселитесь, небеса, горé*, — возгласим мы, хотя и дерзновенно, вместе со святогласнейшим Исаией, *ибо помиловал Бог через тебя народ Свой* (Ис. 6, 3; 44, 23).

Все царство твое исполнилось радости и веселья, *ибо отнят беззаконный ярем, лежащий на нем, и жезл, лежащий на шее* такой державы (Ис. 9, 4). Кто слышал о таких делах? Вот, скажите, мужи. Кто видел при другом царствовании такое, настолько великое благодеяние? Хвалите ее, все народы; величайте ее с нами, начальники и подчиненные, священники, и монахи, и весь христианский род! Ибо не только то удивительно, что прощено столько талантов золота, хотя и это — дело несравненное, но и то, что таким образом пресечен многообразный поток нечестия, — дело святейшее. Уничтожена сеть насильственных и пагубных для души вымогательств, скрывавшаяся от всех предшествен-

ников твоих, хотя некоторые из них благочестиво царствовали. Это предоставлено тебе.

Прекратились присяга, многочисленные клятвы, или, точнее, ложные божбы и требовавших, и тех, с кого требовали, от чего и те и другие, как правило, погибали, когда один старался скрыть, а другой стремился захватить. Прекратилась скорбь притесняемых и забота бедных, — забота не о том, чтобы найти целительное врачевство против бедности, — это было бы менее прискорбно, — а о том, чтобы уплатить сборщикам не положенное и свыше приписанное, как порождение греха.

Уже не облагаются пошлинами пути как на земле, так и на море. Это согласно со словами великого и святого Златоуста. У жителей суши уже не отнимаются несправедливо деньги сидящими там в ущельях, как каким-то свирепым бесом или неукротимым зверем, непременно съедающим что-нибудь из запасов бедного путника. И бедные уже не остаются дома из боязни таких гнусных поборов, не посещая ни городских, ни приморских местностей, как это было, когда везде высились башни несправедливости. Мореплаватели, плывущие с востока, запада и севера, уже не стесняются во время плаванья, принуждаемые отдавать, как из горла, пошлины при узких устьях. Освобождены от них занимающиеся и охотничьим ремеслом, и исполняют его ныне легко.

Священной души Ирина! Рыболов, вытащив, может быть, три рыбы, и притом после многих трудов целый день, не отдает в пошлину одной из них. Стрелок или птицелов, поймав, может быть, немало птиц, которые служат ему необходимой пищей, и не обязываясь платить с них пошлину, мо-

жет жить благополучно. Солдатки, удрученные скорбью о потере мужей, не будут горько плакать от бесчеловечных поборов за умершего. Умалчиваю о пастухах, овцеводах, виноторговцах. Не говорю о мясниках, ткачах, кузнецах, сапожниках, красильщиках, продавцах ароматов и плотниках, — кратко сказать, о каждом ремесле, связанной с отделкой золота, дерева или любого другого вещества, дабы не слишком распространить речь таким подробным перечислением. Все, добрейшая Государыня, восплескали руками своими и возрадовались великой радостью, взывая: “благодарю Тебя, Господи, ибо помиловал меня и был мне во спасение” (Ис. 44, 23; Исх. 15, 2).

Поэтому я с доверием буду относиться к твоей благодарованной царской власти. Все это исполнено хвалы и величания, возлюбленная Христом, любезная делом и именем Ирина! Весть об этом разнесется не только в державе царства твоего, но и во все концы вселенной, и услышат о нас другие народы, и удивятся, и изумятся благодетельности мудрых начинаний твоих. Ибо “великим подвигам человека умеют дивиться и враги”, — говорит громогласнейший из богословов.¹

Так сохраняется непоколебимым твое царство; так подчиняются и охотно покоряются тебе подданные; таким образом ты угождаешь Богу; таким образом ты радуешь избранных Ангелов Божиих и людей, живущих преподобно и праведно, богоименитая Ирина! В этом сияет твое благочестие, за это все уста и каждый язык открываются для твоего

¹ Свт. Василий Великий. Творения в русском переводе. Т. II. Слово 16. С. 70. М. 1889.

прославления. Это поистине слава Церкви, это — печать сохраняемого тобой отеческого и богодухновенного Православия христиан, ревнительница по Богу и поборница истины! Таково приумножение добродетелей твоих! Как же велики и достохвальны награды твои, как велико и превосходно воздаяние тебе от Бога всех!

Великое дело — и одного спасти, ибо не справедливо ли это, когда Божественное Писание говорит: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15, 19)? Как же спасение столь многих душ и всего народа не считать делом великим, почтенным и поистине достойным высшего воздаяния?

Итак, ты, носящая поистине великое и действующая согласно ему имя, вступила на царство со всякими благами. Благоволи же, чтобы правда пребывала вечно.

VIII. К СИМЕОНУ-ИГУМЕНУ

Отеческая святость твоя, более, чем мы сами заботящаяся о делах наших, в двух собственноручных письмах сообщила нам странное и дивное. Но о подателях писем Бог благоволил так, что они с согласия игумена приняты в свой монастырь. Хорошо поступило благочестие твое, возвратив их назидательным словом своим в отеческие и духовные недра.

О брате же нашем, оставившем звание и изверженном из монастырского общежития, как из рая, не знаю, что и сказать. И мы прежде смотрели на этого человека, как на виноград поистине богосаженный, *самое чистое семя, плодоносное* (Иер. 2, 21). Как же теперь *повредил его лесной*

вепрь и одинокий дикий зверь посл его (Пс. 79, 14), и он обратился, так сказать, в горечь смертную? Не потому ли, что он предался неукротимым зверям страстей, — понимаю под этим плотоугодие и любоначалие, — и теперь можно видеть, как он в умственных помыслах пожирается ими и терзается, будто устами львов?

Божественный Василий, как ты знаешь, говорит, что падение безрассудно отлучившегося и отвергшего отца — такое же, как и у того, кто нарушил и сам святой обет, поэтому они одинаково и осуждаются на отлучение и прочие епитимьи. Впрочем, мы, грешные, молимся о том, чтобы он опять взянул на прежний свет из своей отупевшей от страстей и омраченной души и опять возвратился домой к любезному отцу и возлюбленной общине.

Самих же братьев мы увещеваем оставаться мужественными в общежительных подвигах и не колебаться из-за падения нечестивого, но все более и более по этому поводу прилепляться к истинной вере и неразрывному союзу, даже до пролития крови, как учат богоносные Отцы, чтобы за совершенство покорной жизни своей получить им венец мученичества в день Суда и ликовать вместе с Досифеем, Акакием и Дометианом, мужами вполне святыми, проведшими жизнь свою в полном послушании. Ибо ныне, как твое преподобие говорит в остальной части письма, господствует нестроение и непослушание, так как почти все, можно сказать, опираются на обычаи человеческие и на установления соседей, противоположные заповедям Божиим, и больше хотят вести образ жизни такого-то и такого-то игумена, нежели Божественных Отцов наших.

Поэтому пастыри, из них я первый, стали неразумными; не ищем Господа и не держимся безукоризненного и неизменного образа жизни, но — как будто обветшал закон Божий, упразднилось Евангелие, обессилели духовные уставы и, скажу нечто более нечестивое, как будто изменился неизменяемый Бог!

Это относится к тем, кто говорит и ссылается на времена, дни и поколения, — тогда одни, а теперь другие. А я возражаю, что такое различие произошло не от времени. Ибо ни небо не получило другого вида или другого движения, ни светило — причина дня — не приняло другого сияния, ни вселенная не стала носиться и обращаться вопреки прежнему порядку; *поставил их*, — сказано в Писании, — *во век и в век века, повеление дал — и не пройдет оно* (Пс. 148, 6).

Но это произошло, святейший, от перемены свободной воли, оскудевшей божественной любовью и обратившей привязанность свою на вещи тленные, не желающей и не решающейся следовать достохвальным примерам и отображать первоначальный и отеческий боговидный образ, а следующей примерам безобразным, нелепым и чудовищным. Поэтому мы и носим в душе своей идолов, имеющих вид отчасти человека, отчасти пса, отчасти, может быть, леопарда, отчасти рыбы, или какого-либо пресмыскающегося, — твое преподобие примет это как иносказание.

Итак, те, которые по заблуждению болтают так, пусть или с открытым лицом разорвут Евангелие, свидетельства и заповеди Господни, и все переданные святыя письма, или, не делая этого, оставят младенческие и неразумные суждения, как поистине

достигающие *полного возраста Христова, мужа совершенного* (Еф. 4, 13), согласно божественному изречению. Пусть и сами так поступают, и других учат; или, не делая ни того, ни другого из сказанного, пусть обвиняют собственное нерадение и невоздержание. Ибо, может быть, и для них настанет время вразумления.

Но горе мне, честнейший отец, что я, будучи сам подвержен всему сказанному и причастен всякому пороку и нечестию, начал укорять других и предписывать законы. Да восплачут и возрыдают и камни бесчувственные обо мне, подвергающемся опасности каждый час и рассеивающим паству Христову, вверенную мне, недостойному. Это я вынужден отвечать тебе по твоему повелению, богочтенный.

Ты же, укрепляясь силой Духа и соблюдением заповедей закона и Отцов, да пребываешь неподвижным, непоколебимым и неустрашимым от многообразных слухов, приносимых к тебе некоторыми, подобно ветрам и треволнениям. Шествуй царским путем чистой жизни, не обращая внимания на вопиющее с обеих сторон пустословие людей и молясь непрестанно о нашем смирении с великим усердием.

IX. К ГЕЛАСИЮ-УЧЕНИКУ

Сын мой, авва Геласий! Каким образом виновник зла сатана изгнал тебя из общежительного рая, как некогда Адама из Едема, — тебя, последовавшего совету змееподобного Аммона? И теперь ты обитаешь в местах, на которые не взирает Бог, порождаешь тернии и возделываешь в поте лица бесчестные страсти. Ибо что хорошего ты сделал

или делаешь, уйдя оттуда? Или, скорее, чего не сделал ты дурного и ненавистного? Оскудел путеводный свет ума твоего, погасла искра духовной любви; друзья твои и ближние твои, — говорю не только о возлюбленных братьях твоих, но и об Ангелах Божиих, — *вдали от тебя стали, и приблизились* бесы, *ищущие* погубить прежде совершенные подвижнические труды твои (Пс. 37, 12–13).

Где твоя молитва, некогда чистая? Где твое исповедание, некогда непоколебимое, и светоносное проповедание, ангельское ликование, богоподобное послушание, христоносное смиренномудрие, и то *хорошо и приятно*, что воспевают песнописец Давид, — *жить тебе с братией вместе* (Пс. 132, 1)?

Так как всего этого ты лишился, сын мой, то взамен ты имеешь поселившееся в тебе противоположное этому: омрачение ума, ожесточение души, ослепление сердца, неверие, отчаяние, малодушие, страх смерти, боязнь суда. Для чего нужно перечислять все порознь, если ты живешь, совсем как Каин, *стена и трясясь* (Быт. 4, 12)? Не говорю о множестве плотских страстей, волнующих твою внутренность и воспламеняющих грех. Поэтому, сын мой, познав истину через смиренное письмо мое, обратив взоры к свету, предавшись божественному сокрушению, проникнувшись любовью, вспомнив и поняв, откуда ты ниспал, и в каких находишься бедах, и где обитаешь, так сказать, за *шатрами Кидарскими* (Песн. 1, 4), приди в себя, восстань, пробудись, обновись и воспламени себя и, не медля ни часа, ни дня, ни недели, скорее оставив все, приди мужественно и уверенно ко мне, несчастному отцу твоему, и к доброму братству твоему, к великому моему отцу и твоему отцу.

Кроме того, я было решил, когда узнал, что ты извержен оттуда, послать к тебе брата с письмом, чтобы он возвратил тебя. Но так как относящий письмо пресвитер уверил меня, что ты непременно придешь и по одному этому письму, то я и удовольствовался им. Итак, сын мой, как сказано, не только я, несчастный, и отец мой, но и владыки мои Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов — безусловно повелевают тебе поскорее удалиться, пока не постигла тебя неожиданная смерть.

Если же, — чего я не думаю, — ты ожесточился и будешь упорствовать, то знай, что ты отлучен от общества, и от всех святых, и от нас, грешных, пока не увидишь лица нашего. А если удалишься оттуда, как мы советовали, и возвратишься, то тебе уже разрешено участие и в Божественных Дарах, и в прочих снедах.

Х. К НИКОЛАЮ, УЧЕНИКУ

Так как ты, духовный сын мой Николай, по благоволению Божию, возведен в звание игумена, то тебе надлежит соблюдать все, заповеданное тебе в настоящем письме. Без необходимости не изменяй ни в чем ни того порядка, ни правил, которые ты принял от своей духовной обители. Не бери ничего от этого мира и не береги лично для себя ни одного сребренника.

Не расточай души и сердца своего в попечениях и заботах, кроме вверенных тебе Богом и забот о ставших твоими духовными сыновьями и братьями, ни о бывших прежде близкими по плоти, ни о родственниках, ни о друзьях, ни о товарищах. Не пользуйся имуществом своей обители, ни при жизни, ни

после смерти, ни в виде подаяния, ни по завещанию, для упомянутых выше своих близких и друзей. Ибо ты не от мира и не должен иметь общения с мирскими, если только кто-то из них пожелает перейти из общественной жизни в наше звание, тогда позаботься о них по примеру Святых Отцов.

Не приобретай раба ни для своей нужды, ни для вверенной тебе обители, ни для полей своих, — сотворенного по образу Божьему человека, ибо это допускается только для мирян. Ты же должен сам служить для единокровных братьев своих рабом по своему произволению, хотя внешне считаешься господином и учителем. Не имей животных женского пола для служебной необходимости, как совершенно отказавшийся от женщин, ни в обители, ни на полях, так как никто из Преподобных и Святых Отцов наших их не имел, и самая природа не позволяет. Без необходимости не ездь на лошадях и мулах, но, по примеру Христа, ходи пешком, когда же это невозможно, то пусть осленок будет твоим подъяремным животным.

Наблюдай непременно, чтобы у братства все было общее и нераздельное и ничто в отдельности не становилось собственностью частного лица, даже игла. Твои же и тело, и душа, не говорю уже о чем-то ином, должны быть разделены равной любовью ко всем духовным сыновьям и братьям твоим. Не проявляй власти над двумя братьями твоими и сыновьями моими: ни в начальствовании, ни в возложении рук не делай ничего без разрешения отца твоего. Не вступай с мирянами в братское общение, или в восприимничество, как удалившийся от мира и брака, ибо этому не находится примера у Отцов, а если бы и нашлось, то редко, и это — не закон. Не

разделяй трапезы с женщинами, кроме матери по плоти и сестры, если будет, не знаю какая нужда и необходимость, как заповедуют Святые Отцы. Не предпринимай частых отлучек и путешествий, без нужды оставляя свою паству, тогда как и в твоём присутствии с трудом могут спастись разнообразнейшие и на многих путях находящиеся словесные овцы.

Старайся непременно преподавать катехизическое поучение трижды в неделю по вечерам, ибо это передано от Отцов и спасительно. Не давай малой, как говорят, схимы, а потом через некоторое время другой, как бы великой, ибо схима одна, подобно Крещению, — так употребляли ее Святые Отцы. Не преступай законов и правил Отцов, особенно же святого отца нашего Василия. Все, что будешь делать или говорить, делай, как бы имея свидетельство из Писаний, или как бы по обычаю Отцов своих, без преступления заповеди Божией. Не оставляй своей паствы, чтобы перейти к другой или достигнуть высшего достоинства без разрешения отца своего.

Не вступай в дружбу с девственницей, не ходи в женскую обитель и не беседуй наедине с монахиней или мирянкой, разве только заставит необходимость, и то в присутствии двух лиц с обеих сторон. Ибо пребывание наедине, как говорят, подает повод к клевете. Не открывай дверей овчарни для входа какой-либо женщины без крайней нужды, если же можешь принять ее без взаимного лицемерия, то и это не укоризненно. Не устраивай для себя гостиницы или для духовных сынов своих — мирского дома, в котором бывают женщины, который и ты часто посещал бы, но старайся останавливаться на пути и удовлетворять необходимые нуж-

ды у мужей благочестивых. Не предпочитай держать в своей келье юного ученика, но употребляй для услуг себе лицо не подозрительное и различных братьев.

Не носи украшенной и драгоценной одежды, кроме того случая, когда совершаешь священнослужение, но по примеру Отцов, скромно одевайся и обувайся. Не будь роскошен ни в издержках на себя самого, ни в приемах гостей, ибо это свойственно сластолюбцам настоящей жизни. Не храни золота в своей обители, но любые излишки отдавай бедным, отворяя двор свой, как делали Святые Отцы. Не удерживай в своей власти сохранного места и не заботься об экономических делах, но все твои заботы пусть будут о душах. А золото и нужные вещи предоставь эконому, келарю и кому следует по каждой должности. А ты, разумеется, будешь иметь власть над всеми и передавать по своему желанию каждую должность тому или другому лицу и требовать отчета по каждой службе, как ты приказал.

Не делай ничего и не распоряжайся по собственному произволу ни в чем: ни относительно путешествия, ни относительно продажи и покупки, ни относительно принятия или извержения брата, ни относительно изменения должности, ни в каком-либо другом из телесных дел, так же, как и в случае душевных проступков, без совета с превосходящими всех знанием и благочестием, братьями, одного, двух, трех или и большего числа, в зависимости от случая, как заповедано Отцами. Все это и другое, что ты принял, соблюдай и сохраняй, да благо тебе будет (Исх. 20, 12), и да будешь благоуспешен во Господе во все дни жизни своей. Противного же этому да не будет ни на словах, ни в мыслях.

XI. К АНАСТАСИЮ, ЕПИСКОПУ КНОСИЙСКОМУ¹

Что случилось с тобой, святейший отец, и почему ты после первого и второго отказа еще настаиваешь, чтобы от меня, несведущего и преданного страстям, получить полезное назидание? Я, низший по званию и омраченный по жизни (не относительно обязанностей епископства, — увы, это моя неспособность, — но относительно монашеского и игуменского состояния), имею больше нужд просвещаться от тебя. Каким образом мне, надлежащим образом руководя паствой, вверенной мне, недостойному, заслужить милость Божию в день страшного ответа моего.

Но ты сделал это, конечно, по высокому смиренномудрию, ибо мне непристойно подозревать, что архиерейство твое хотело испытать мое невежество. Но я действительно страшусь за собственный сан, священная глава, и поистине недоумеваю относительно управления душами, — как привести вверенную мне малую словесную ладью из многомятежного и бурного духовного моря к пристани спасения. Ибо для этого нужны и чистая жизнь, и достаточные знания, чтобы, управляя как будто двумя рулями, бодрственно и искусно сохранить и себя самого, и следующих за мной непотопленными водами греха. Таково мое оправдание, несчастного.

Но так как совсем оставить без послушания повеление твоей святости, хотя оно и выше моих сил, не безопасно, а с другой стороны, я получил повеление и от моего собственного отца, то, повинуюсь

¹ Имеется в виду Кносс, город на острове Крите.

обоим, я в виде напоминания высказываю тебе, святейший отец, следующее. Корабль твоего совершенства гораздо больше и превосходнее моей ладьи (разумею высоту епископского сана в сравнении с игуменским достоинством) и тем более, что ты удостоился начальствовать над большим количеством людей, при том, может быть, не добровольно подчинившихся, не единопластных, не одного пола и звания: над мужчинами и женщинами, отшельниками и общежительными монахами, начальниками и подчиненными, брачными и безбрачными, рабами и свободными, сиротами и вдовами, богатыми и бедными, господами и слугами, должниками и займодавцами, живущими роскошно и изнуряемыми голодом, имеющими большое состояние и не имеющими крова, носящими изысканные одежды и одевающимися в рубище.

Этого и еще большего, чем это, не оказывается в нашей жизни, а твоя жизнь — полна. Притом не одним распоряжением устраивается весь народ твой, и не всех лица и имена ты знаешь, и не каждого образ жизни тебе известен, но все весьма различно ведут свою жизнь. Ибо одни, может быть, возделывают землю, другие плавают по морям, иные занимаются скотоводством, иные ничего не делают, а иные занимаются промыслом, и долго было бы говорить о видимой деятельности каждого.

При всем этом какой, насколько великий нужен труд? Я думаю, невыразимый. Каков должен быть труд, борьба, подвиг, напряжение, забота, попечение, изнурение тела, скорбь души, утомление ума? Как управляющий кораблем во время великой бури и волнения морского бывает всецело бодрствующим и внимательным, не давая сна глазам своим, потому

что немалой опасности подвергнется и от маленького недостатка опыта и внимания, — так правитель душ должен еще тщательнее и точнее знать дело предстоятельства, чтобы не быть потопленным в бездне погибели.

Поэтому, святейший, я скажу, как взывал великий апостол: *кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся (2 Кор. 11, 29)?* И еще: *для Иудеев я был как Иудей, для подзаконных как подзаконный, для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона, но подзаконен Христу. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых (1 Кор. 9, 20–22).* Вот таковы, по словам его, законы и правила епископства, как свидетельствуют и сами божественные Отцы наши. Впрочем, ты сам, читая и понимая учение святых и имея в руках своих богопереданные изречения, зачем требуешь чего-нибудь подобного от меня, бедного?

Я думаю, что епископ является начальником и подлежит ответственности за все действия подчиненных: это неумолкающий благовестник, проповедующий заповеди Божьи, неусыпный глаз, наблюдающий за путями каждого из руководимых им, образ Христа, взирая на который следующие за ним устраивают жизнь свою по-евангельски, всегда сияющий светильник, видимый подвизающимися во мраке неведения и греха, слово учения, поящее жаждущих спасительным питьем, высший распорядитель, который должен будет дать отчет за жизнь каждого во время воздаяния. Поэтому ничто не находится в такой близости и любви к Богу и не достойно такой награды, как это предстоятельство, ибо Сам Христос сказал верховному апостолу: “Если

любишь Меня, Петр, больше всех, *паси овец Моих*” (см. Ин. 21, 15. 16). И нет ничего опаснее и пагубнее, как недостойно носить этот сан.

Но ты сам, превосходнейший из отцов (я это хорошо знаю), как *пастырь добрый*, всегда полагаешь *душу свою за овец* (Ин. 10, 11) и готов на опасности за каждую из них, не боишься угроз человеческих, не скрываешь слова истины перед лицом противников, повинешься воле одного Царя. Обличаешь без всякого стеснения, наказываешь с состраданием, примиряешь несогласных, благоразумно отделяешь *скверное от святого*, здоровое от больного, чтобы оно не передало болезни своей ближнему, обращаешь *зablуждающегося*, поднимаешь *изнеможенного*, перевязываешь *раненного* (Иез. 22, 26; 34, 4). Подлинно, как много у тебя дела!

Надзор за игуменами, разбор живущих по кельям, рукоположение пресвитеров и диаконов, наблюдение за жизнью всех их, предстательство за вдов, покровительство сиротам, защита обременяемых, заступничество за обижаемых и, кроме того, сохранение своего достоинства. Ибо, когда ничто не вредит и не препятствует благочестию, то надлежит и нам повиноваться всякому начальству и власти, и всегда, если возможно, показывать дружелюбие ко всем посредством щедрого и радушного приема и пожертвования.

Да не говорится о твоём блаженстве то, что, напротив, относится к худым пастырям — к тем, которые пасут паству для гнусного прироста, которые считают этот сан средством для удобной жизни, для плотских наслаждений, для удовлетворения похотей, для собирания преходящего богатства, для приобретения десятин земли, толпы рабов и множества

скота, и потому достигают высоты предстательства человеческими, а не божественными способами, чтобы превозноситься перед подчиненными и гордо сидеть впереди более почтенных людей. Не стану говорить о тех, которые, подобно стряпчим, ведут тяжбы о вещах тленных, а не защищают догматов благочестия, или, что гораздо хуже, о тех, которые отнимают и присваивают принадлежащее подвластным и таким образом приобретают могущество и богатство. Притесняя и бедных, которым они скорее должны были бы подавать руку помощи, кому они могут быть уподоблены? Петру ли и Иоанну и их последователям, у которых, как говорится в Писании, не было *серебра и золота*, но благодать Божественного Духа (Деян. 3, 6)? Или Симону волхву, Иуде-предателю и сребролюбивому Гиезию, и прочим богатым века сего?

Я говорю о тех, которые заботятся только о настоящем, как бы им было хорошо здесь, угождают плоти, прилепляются сердцем к золоту, которые, может быть, отдают деньги в рост или снабжают ими бедных с лихвой, владеют для удовлетворения собственных пожеланий и пристрастно снабжают недостойных или родственников, которые, может быть, все заботы сводят к тому, чтобы много посеять и пожать, насадить и собрать много плодов, прибавить и умножить рабочий скот или стада, подобно некоторым земледельцам выбирая время и пользуясь нуждами других для продажи и покупки того и другого, проводя жизнь подобно промышленникам и торговцам, а не так, как следует епископам и священным лицам окрылять души, освобождать их от мира, возводить к Богу и спасти всю паству от греховной смерти, а необходимое для настоящей

жизни, как второстепенное, устраивать через экономов и приставников.

Но горе мне, потому что я перечислил это в вину себе самому, по собственным страстям изобразив то, чего нет у других. Ты же, всечестнейший отец, будучи чист от всего этого, святыми молитвами отгоняй духовных волков от запечатленного Христом двора твоего. Я хорошо знаю, что ты так и делаешь и выводил пасомых на пажити добродетелей, питая и утучняя их пищей своего сладчайшего учения и водой своей чистой веры, и непрестанно приносишь благоприятные жертвы при словесных и священных своих службах Богу. Прошу и умоляю: упаси и меня молитвами своими, несчастнейшего и многогрешного, и прости, если я чем-нибудь возбудил смех в тебе по своему невежеству.

Впрочем, я приступил к этому не по собственному желанию, но побуждаемый твоей священной и духовной любовью, или лучше, повелением, высказав кое-что не для пользы твоей, но в доказательство, повторю, искреннего моего послушания тебе. Будь здоров в Господе, святейший отец, молясь о нас, единых во всем грешниках.

ХИ. К ФОМЕ-КОНСУЛУ

Какое приветствие или какое слово утешения может найтись у нас, смиренных, для твоей именинности при постигших тебя, господин, прискорбных обстоятельствах? Ты удален из города, в котором родился и воспитывался, лишен величайшего дома, лишен блестящего сана (и, прибавлю, имущества), отлучен от друзей, знакомых, любезнейших детей твоих, отправлен в ссылку. Ссылке же свойственно

все, что приводит к изнурению непривычного к тому твоего тела: недостаток в пище, в питье, в омовении, отсутствие собеседников, множество оскорбляющих и огорчающих.

Ибо когда-то благорасположенные, теперь, может быть, отвернулись от тебя; друзья и знакомые, находясь близко или далеко, отвратили свои лица, не узнают и не любят тебя, не заботятся о тебе. У тебя же — попечение об оставшихся еще слугах, рабах, а прежде всего — о прекрасных детях, но возможности для этого нет. И ты сидишь перед городом, как некогда Израиль, отведенный к ассирийцам, — при реках Вавилонских: там, — говорит он, — сидели и плакали, когда вспоминали о Сионе (Пс. 136, 1). Да, твои обстоятельства достойны воздыхания, скорби и слез. Но так как у тебя есть благодать ведения и дар благоразумия, то мы думаем, что ты не падешь духом совершенно, зная, что *искушение — житие человека*, по выражению приснопамятного Иова (Иов. 7, 1).

Твоей многоопытности хорошо известно, сколько он претерпел, так же, как и все непостоянство течения нашей нынешней жизни, изменяющейся почти каждый день и час. Поистине, она подобна приливу и отливу, цветам и сновидениям, и всему преходящему, по божественным изречениям святых. Пусть припомнит почтенная душа твоя, сколько перемен произошло со времени твоей ссылки, как одни пали, другие возвысились, иные умерли, одни достигли счастья, другие подверглись несчастью.

Нет никакого постоянства в изменчивом и быстром течении нашей жизни. С другой стороны, истинно и то, что все мы — люди — находимся в ссылке, так как через первозданного мы изгнаны из

рая, как сказано, и обитаем в этой смертоносной стране, пока не воспоем: *изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему* (Пс. 141, 8), пока, наконец не перейдем, из странствования на свободу. Поэтому, если говорить точнее, люди и не могут отправлять в ссылку подобных себе, сами находясь в ссылке: ибо все мы являемся странниками и пришельцами.

Если это может послужить для тебя врачевством и утешением, средством для успокоения, то просим и убеждаем великодушно переносить случившееся прискорбное с благодарностью, чего ты, как мы уверены, уже достиг, ибо как иначе мы вытерпим несчастье? Притом через это мы приобретем великие блага: через неблагополучие — большее благополучие, через бедность — негибнущее богатство, через бесславие — нетленную славу. И сами владыки, благочестивые Императоры наши, может быть, наконец, склонятся на то, чтобы возратить тебя домой и воздать тебе должное, ибо мы знаем их человеколюбие и снисхождение, которое они оказывают особенно в таких делах.

Но пока ты находишься здесь, да утешит тебя Господь Бог утешением терпения и благодарности, и да внушит владыкам поступить с тобой вышесказанным образом и возратить тебя, вожделенного, любящим тебя!

ХІІІ. О СЛУЖЕНИИ УМЕРШИМ БЕЗ ПРИЗРЕНИЯ

Так как человек создан по образу и подобию Божию, то необходимо человеческой природе, как образу, насколько возможно, носить в себе черты

первообраза. Так как Божество в самом деле простигает Промысл Своей благодати на все сотворенное Им, то справедливо было бы и людям по возможности подражать промыслительному действию неизреченной премудрости.

Поэтому и мы, смиренные и ничтожнейшие, благоговейно обращая взоры к Божеству и питая чувство любви к единоплеменникам, присоединяемся к этому благочестивому обществу, так как оно учреждено для заботы об оставленных без призрения вместилищах душ, т. е. об умерших, которые, по бедности или по причине странствия, остаются без выноса и погребения в этом царствующем городе¹.

Итак, следуя Божественному примеру и делая ежегодно из посылаемых от Бога даров посильный взнос для покупки погребальных вещей, нужных для погребения других, определяем в Господе следующее: когда будет найден на пути любым из причисленных к братству умерший человек, то его с подобающими погребальными принадлежностями выносить и полагать в назначенных у вас священных гробницах и ежегодно в начале индикта² и многократно в дни Пятидесятницы совершать нам общее поминовение всех погребенных, устраивая в то же время складчину и вечерю телесного утешения.

Впрочем, не переступать установленных пределов достаточной трапезы, чтобы многопитием или многоядением нам не обесчестить совершаемого поминовения, но с благоговением возносить славословие Богу, удостоившему вас совершить такой священный праздник. И таким образом приступать к

¹ Т. е. Константинополе.

² В начале церковного Нового года (1 сентября).

употреблению трапезы при чтении книги, чтобы и во время принятия пищи преследовать угодное Господу, излишнее уделяя бедным и не употребляя во время трапезы праздных слов, шуток, а тем более насмешек, так как разум запрещает любому христианину делать это.

Если же надобно будет говорить, то о приличном для христиан, а именно — о том, чтобы нам воздерживаться от клятвы, иметь любовь между собой, произносить устами истину, избегать обмана и зависти, по возможности делать благотворения, посещать находящихся в темницах и больных, быть внимательными к чтениям и к предстоятелям церкви, оказывать честь друг другу, особенно священникам Божьим и монахам, принимать странников, совершенно воздерживаться от блуда и пьянства, хранить православную веру, удаляться от общения с еретиками. Ибо беседа и попечение о таких делах может быть для нас источником многих благ.

Одобрив и сочувствуя таким божественным учреждениям, мы присоединяемся к этому обществу, как к Господу, ибо Он говорит: сотворивший *одному из братьев Моих меньших, сотворил это Мне* (Мф. 25, 40), — ничего из постановленного не отвергая и ничем не пренебрегая. Так что, если кто-либо из братьев будет замечен в том, что он или не обратил внимания на лежащего мертвеца и не донес первенствующему в братстве, или за трапезой говорил непозволенное и делал непристойное, прогневливая этим Бога, на того налагается настоятелем епитимья, — лишение вина в течение трех дней и уплата одного сребренника, а на будущее время от него требуется исправление.

Кроме того, вам должно соблюдать следующее: когда кто-либо из братьев умрет обыкновенной смертью, то всем собираться вместе и совершать его вынос и погребение так, чтобы и через это прекрасная община ваша получала похвалу во славу и честь Щедрого Бога нашего.

Итак, с верой и страхом присоединяясь к этому братству, мы подписываем имена свои с приложением пожертвования, ожидая за это малое усердие наше воздаяния в будущем веке от Мздовоздаятеля, Праведного Судии всех, Иисуса Христа, Господа и Бога нашего.

XIV. К ИГНАТИЮ-ИГУМЕНУ

Прежде всего считаю долгом приветствовать отеческую святость твою, ибо так следует, а потом образно расскажу о причине письма. Словесная овца наша, известный брат, обольщенный многообразным коварством душепагубного волка, отторгнут от нашей смиренной паствы, и, как известно нам, принят в обители твоего преподобия. Если бы ты, приняв его, тотчас велел ему возвратиться, показав обольщение и погибель, которой он подвергся, и потом, исправив его, отослал к нашему смирению, то не сделал бы ничего несправедливого, но приличное тебе, как нам заповедано святыми.

Но так как прошло столько времени и нет никакого результата, то я хочу спросить, каким образом твое боголюбие задерживает моего ученика, как будто не зная об этом. Надлежало бы, узнав, отпустить того, кого ты не постригал, зная, как много от этого вреда. Ибо тебе известно, что божественный и великий Василий заповедует не принимать ни в ка-

ких братствах отлучившегося от общества своих братьев¹. Ибо как могли бы существовать общежительные обители, если бы прежде всего не соблюдалось это главное правило? Ибо если учителям этого мира не позволено принимать в обучение отрока, отданного в другое училище, а кто сделает это, того все, собравшись, подвергают взысканию и наказанию, то не тем ли более, святейший отец, должно быть так у нас, которые руководят Церковью Божией и управляют душами по примеру первого Учителя и Пастыря нашего Иисуса Христа?

Знаю, что ты исполнен мудрости и ведения, но прошу тебя: пойми несообразность сделанного, ты, имеющий особое преимущество перед другими и влияние в священном братстве. Или ты не знаешь, преподобнейший, что и для самой твоей паствы вредно присоединять к себе чужую овцу? Итак, если такое зло, наконец, признано всеми, то просим передать брата, по получении нашего нижайшего прошения в письме посланным для этого братьям нашим, чтобы они привели его к своей пастве с церковными вещами, которые он присвоил.

Если брат не послушается, то благоволи тотчас извергнуть его из священной паствы своей. Если же — чего мы не думаем — после этого известия ты захочешь удержать его, то знай, что он связан нами не без рассуждения, но весьма рассудительно, или лучше, Святой Троицей и всем священным законоположением, так что он не должен иметь общения в Божественных Дарах и участия даже в обычной еде, пока, возвратясь, не будет принят в

¹ Подвижнические уставы. Гл. 33. Творения в русском переводе. Часть 5 С. 387—388. М., 1901.

свою обитель. Как несправедливо было бы, если бы собственного ученика твоего, связанного твоей святостью, разрешил кто-нибудь другой! Ибо это дело незаконное и по суду всего церковного общества подлежит такому же наказанию. Так и на нашу власть, которую Господь даровал нам, недостойным, не для погибели, но для назидания душ, да не посягает твоя святость, ибо за такое — страшный суд.

Побуждаемый этим, ты непременно передай духовного нашего сына братьям, моля о нас, грешных, непрестанно.

ХV. К ФЕОДУЛУ, СТОЛПНИКУ

С давнего времени и до настоящего я имею желание прибыть к тебе, святейший отец мой, и испросить святых молитв твоих, но до сих пор, конечно, за грехи мои, не открывался мне путь, равно как и теперь. Посему я вынужден послать брата нашего Калогира, который восполнит отсутствие нашего смирения, а после и мы при помощи Божьей придем преклониться перед честными стопами твоими. Прости мне, отец, то, о чем я хочу сказать; ибо скажу в простоте, от искренней любви и по желанию моему, без укоризны тебе.

Некоторые, зная, что я — твой искренний и единокорный друг и сын и сами будучи хорошими друзьями, сказывали, что твоя святость поступает не так, как должно. Когда я негодовал и стал возражать и говорить о величайших подвигах твоей высокой жизни, то они согласились со мной в этом, но в некоторых словах и делах обвиняли тебя, а именно скажу об одном: они говорили, будто ты выставил на окнах Ангелов, и притом распятых, подобно

Христу, и Самого Христа и Ангелов изобразил престарелыми.

Много мы беседовали об этом, но я не мог возразить им: ибо они утверждали, что это — дело странное и чуждое церковному Преданию и, конечно, произошло не от Бога, но от врага, так как в течение столь многих лет и у столь многих Богоносных и Святых Отцов не видано такого примера. Ибо от нынешних нововведений, хотя бы и от Ангела, апостол предостерегает нас, говоря в одном месте: *но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать*, — прибавлю: и передавать, — *не то, что мы благовествовали, да будет анафема* (Гал. 1, 8).

Что сказать на это, святой отец мой, я не знаю, и, находясь в недоумении, вынужден писать к тебе, дабы не скорбеть от тех, кто осуждает основательно и как бы от всей Церкви. Ради Бога, прими меня, как советующего сына твоего, заботящегося о тебе, считающего твою славу своей славой и не желающего слышать какой-нибудь укоризны на тебя, проводящего жизнь поистине безукоризненную. Просвети, наставь, послушай, внемли, будь милостив, избавь от всякого недоумения взирающих на высокую жизнь твою.

XVI. К НИКИФОРУ, ИМПЕРАТОРУ¹

Благому Богу нашему, промышляющему о Церкви Своей, благоугодно было поставить Ваше благочестие Царем над настоящим родом христиан, дабы не только мирское управление, находившееся в

¹ Написано в 806 г., по случаю избрания нового патриарха Константинопольского (после смерти свт. Тарасия).

худом состоянии, было устроено хорошо, но и церковное управление, если в нем будет какой недостаток, было исправлено, чтобы *быть новым тестом* в обоих (1 Кор. 5, 7).

По благодати Его, Ваше христоролюбивое царствование в одной части уже сделало исправления и еще больше сделает, укрепляемое внушением свыше, остается теперь и другой части испытать подобное внимание и заботливость. Это может быть даровано Богом, а с Божией помощью — и вами через совершение законного избрания будущего архипастыря.

Но так как ты и от нас, грешных и недостойных, желал узнать наше мнение, то вот, как будто пред Господом, Который будет судить нас, ответ наш, за который мы дадим отчет в день Суда. Мы не знаем и не ведаем никого — не потому, что оскудели люди, сияющие жизнью и словом, ибо есть известные и Богу, и людям, хотя не в равной мере, и особенно твоей просвещенной душе, но потому, что мнение и желание Вашего царства требуют такого, который мог бы совершенным сердцем постигать уставы Божии, был бы по достоинству и чину постепенно возведен от низшего к высшему, который, *претерпев, быв искушен*, мог бы и *искушаемым помочь* (Евр. 2, 18; 4, 15).

И для чего нужно говорить много тебе, хорошо знающему и по собственному положению и успеху представляющему, каков он должен быть. Он должен блистать перед многими, как солнце среди звезд. Не видя такого, мы и не осмеливаемся подать голос; но, как бы для памяти, с покорностью и почтением предлагаем, — что, конечно, не безызвестно и твоей многоопытной и божественной мудрости, — чтобы, делая выбор из епископов, из игуменов, из

столпников, из затворников, потом из клира и из самых сановников, взяли тех, которые превосходят прочих умом, благоразумием и жизнью.

Пусть же сойдут и столпники, пусть выйдут и затворники — потому что ищется полезное для всех, — чтобы ты обсудил и вместе с ними избрал достойнейшего. И блажен ты, а еще более блаженны они, если устроите все это, хриstopодобные владыки наши. Через это еще более утвердится царство Ваше, *возвеличится имя Ваше в род и род* (Пс. 134, 13), и умножатся годы державы Вашей.

Бог даровал христианам эти два дара — священство и царское достоинство; ими врачуетя, ими украшается земное, как на небе. Поэтому, если одно из них будет недостойно, то и все вместе с тем неизбежно подвергается опасности. Итак, если хотите доставить Вашему царству величайшие блага, а через Ваше царство — и всем христианам, то да получит и Церковь себе предстоятеля, равного, насколько возможно, Вашей царской доблести, дабы радовались небеса и воспевала земля.

Да будет рука Божия, в которой и сердце Ваше, руководительницей и указательницей лучшего, и да сподобитесь Вы от нее за предпринятые Ваши труды, заботы и попечения об этом царства нескончаемого!

ХVII. К ИОАННУ, СПАФАРИЮ

Услышав, что твоя именитость совершила такое божественное дело, мы удивились твоей поистине великой вере, человек Божий! Ибо известивший об этом говорил, что ты употребил святую икону великомученика Димитрия вместо восприемника и таким

образом совершил Крещение богохранимого сына твоего. О уверенность! *И в Израиле не нашел Я такой веры*, — сказал Христос, мне кажется, не только сотнику тогда, но и тебе теперь, соревнователю его в вере (Мф. 8, 10).

Тот нашел, чего искал, и ты получил то, что надеялся получить. Там — Божественное повеление вместо телесного присутствия, а здесь — телесное изображение вместо первообраза. Там слову было присуще великое Слово, Божеством невидимо совершившее чудо исцеления; и здесь великомученик был присущ духом своему изображению, воспринимая младенца. Для нечистого слуха и неверующих душ это неприемлемо, как нечто невероятное, особенно для иконоборцев, но для твоего благочестия проявления очевидны и доказательства ясны.

Ибо чего не может Бог даровать верующим? И каким образом на иконе не созерцается и не признается существующим тот, кто изображается на ней в соответствии с именем? “Чествование образа, — говорит Василий Великий, — переходит к первообразу”.¹

Итак, мученик через свой образ воспринял младенца, поскольку ты так веровал. Какое же счастье твоей именитости, что ты приобрел такого, как говорят, кума, а не какого-нибудь начальника, или вельможу, или, можно сказать, самого облеченного в диадиму, ибо приобретенный тобой выше и превосходнее! Он — мужественнейший из мучеников, славнейший из чудотворцев, истинный друг Христов, сожитель Ангелов; он мог и может сотворить столь многие и столь великие дела в поднебесной, что тру-

¹ К Амфилохию о Св. Духе. Гл. 18. Творения в русском переводе. Т. III. С. 244. М., 1891.

бой чудес своих он прославляется от края до края земли. Поистине блажен ты, благочестивейший муж, что получил такого восприемника, очень счастлив и сын твой, воспринятый столь великим славой и силой.

Впрочем, мы желали бы увидеть этого сына твоего, соименного святому Димитрию, если позволишь, чтобы обняв его, как сына, могли и мы, грешные, надлежащим образом приветствовать его, а также рассказать другим об этом событии. Ибо добрые дела не должно замалчивать, но открывать другим, как очевидные доказательства благочестивой веры.

ХVIII. К СТАВРАКИЮ, СПАФАРИЮ

О причине отсутствия нашего смирения мы уже сказали, и нет нужды больше оправдываться. С чего же мы начнем? Или какое лекарство найдется против страдания, постигшего почтенные души ваши? Как иной врач, встретив трудно излечимую болезнь, останавливается в недоумении о том, каким образом приступить к делу, так и мы недоумеваем, какое слово утешения предложить при тяжчайшем вашем страдании.

О несчастье! О бедствии! Отошел от вас отрок добрый и прекрасный, тот, который первый разрешил материнскую утробу, через которого вы получили имя родителей, начало преемственности рода, корень чадорождения, отрасль словесного произрастания, как бы первородная роза отеческого плодоприношения. И что мне сказать, представляя красоту этого сына, кроме того, что *младенец возрастал и укреплялся духом и благоразумием, и благодать Божия была на нем* (Лк. 2, 40), как и мы успели

увидеть? Как же столь прекрасный сын, отсеченный мечом смерти от самых, так сказать, чресл ваших, может не вызвать безутешной скорби в сердце вашем? Кто не станет сокрушаться и страдать при отсечении мечом какого-либо из членов своих, как случилось с вами?

Да воздыхают справедливо отцы, видя потерю такого отличного сына, да плачут матери, взирая на отсечение такого прекрасного плода. Ибо, поистине, отсечен член ваш, отрезана часть плоти вашей; горе велико, целительное врачевство найти трудно. Уныние в доме, скорбь у служителей, печаль у родных, а больше всех у деда, господина патриция, и бабки, госпожи протоспафарии: со всех сторон скорбь и печаль.

Но послушай меня, муж добрый, великий благоразумием, мудрый умом, стяжавший обширные познания в течение многих лет: побереги себя самого, уврачуй себя самого. Обрати, убеждаю тебя, взор ума своего на происходящее во вселенной, взгляни на древние роды, на самого праотца нашего Адама, посмотри и подумай: кто, явившись на свет, остался в этом веке, а не отцвел и не иссушен смертью скоро, подобно произрастающей траве? Или, как в течении реки одно проходит, а другое встает на его место, так и преемственность родов не останавливается, но проходит с каждым днем. Так было с родившими наших родителей и с их предшественниками. Так восходя, ум дойдет до начала, а нисходя, опять придет к концу всего этого. И *какой человек, по словам Писания, поживет и не увидит смерти* (Пс. 88, 49)?

Настоящая жизнь — некое определенное служение и однодневный труд, а потом тотчас — воз-

вращение домой, подразумеваю переход отсюда туда. Патриархи были и ушли, пророки были и ушли; отцы и матери были и ушли; братья, друзья и родные были и ушли. А что — цари? Что — вельможи? Что — начальники? Что — всякий возраст и весь род человеческий? Не все ли пошли в землю или пойдут спустя некоторое время, как произошедшие из земли?

Но вот что нужно: чтобы, хорошо потрудившись здесь и проведя жизнь в согласии с волей Создателя Бога, мы оказались бы неосужденными, предстоя тамошнему страшнейшему Судилищу, чего сын ваш верно и несомненно достиг и сподобился. Ибо блажен, говорят, тот из рожденных женами, кто мало жил и кого Господь избрал и взял к Себе в первом возрасте, не испытывавшим горьких грехов здешней жизни.

Пришел и ушел господин Сотирих во спасении, соответственно своему имени¹, удостоившись праздничного восклицания (Пс. 41, 5), веселья неизреченного, причисления к покоящимся в недрах Авраама святым младенцам, еще не послужив тлению и плоти, вступив в вечность.

Отсюда желаем мы тебе почерпнуть средства к утешению, отсюда — успокоение. Будь виновником радости и врачом не только для себя, но и для госпожи спафарии, которая особенно нуждается во врачевстве и утешении, по причине того, что мало привыкла к терпению, а потом — и для прочих близких к тебе, так, чтобы ты явился сведущим в предметах Божественных, и поступающим по закону Божию и знающим, куда отошел преставившийся, особенно

¹ Сотирих — значит “спасительный”.

любезнейший сын твой: не к смерти, не к небытию, но в жизнь вечную и к Богу, создавшему все; и чтобы отцам, и знакомым, и собравшимся на погребение показать прекрасный пример того, как переносить с благодарностью и смиренномудрием потерю детей и не противиться Божиим повелениям.

ХІХ. К ОБЩЕСТВУ АНТИСАРХЕНСКОМУ¹

Мы получили от вашей досточтимости письмо об ученике нашем, который некогда убежал, и в тамошних местах, не знаю каким образом, по неведению и нечестию, принят, и в какой-то пещере основал не монастырь, а притон страстей, — с просьбой, чтобы мы удостоили его разрешения.

Ответ краток. Ученик наш Маркиан, пока не возвратится в свой монастырь, в котором он перед Свидетелем Богом принял на себя обеты отречения, будет связан и осужден и останется недостойным общения, по писанным Божественным правилам. Не нами положена такая угроза, но богодухновенными Отцами. Поэтому если вы, по любви, желаете ему спасения, то внушите ему возвратиться в свое место; а мы его, раскаявшегося и возвратившегося, готовы принять с отеческим расположением и простить ему все прегрешения. Ибо как овце, отлучившейся со двора своего и заблудившейся, невозможно не быть уловленной зверем, так и ушедшему из монастыря беззаконно, по собственной воле, и находящемуся на месте, к которому не благоволит Господь, невозможно не быть уловленным бесами. Поэтому его ке-

¹ Антисарх, или Антисар — малоизвестное селение.

ля — прибежище бесов, уловление душ, притон женщин, мастерская всякого беззакония, какими бы словами и способами он или вы ни старались смягчить сказанное.

Итак, если он послушается и вы послушаетесь, то будет хорошо и ему, и вам, так как избежите Божественного гнева и угрозы; а если нет, то увидите перед своими глазами плоды вашего неповиновения. А святейший епископ благословен от Господа, если он будет соблюдать законы и далеко прогонит нечестивого. Ибо этот последний совершенно недостоин рукоположения, хотя бы он и возвратился сюда. Я знаю его состояние лучше его самого, как бывший отец его.

XX. К ПИНУФИЮ И МАРИЮ, СЫНАМ

Я не хотел было писать к вам, потому что второе письмо ваше не согласно с первым: в первом содержалось обещание скорейшего раскаяния и возвращения к нам, а во втором — отказ и измена, — и потому, что вы оправдываете то и другое, а не исповедуете более по правде свое падение, оплакивая и раскаиваясь в том, что худо сделали. Если же вы раскаиваетесь и есть в вас искра страха Божия, возгревающая в сердцах ваших данные вами исповедания и обеты Богу и нам, перед страшным Престолом Его, перед свидетелями Ангелами и всем братством, то будет хорошо. И уже не озирайтесь туда и сюда, но тотчас разорвите бесовские узы самоугождения и своеволия, которыми он оболостил вас, выведя вас из монастыря и увлекши в места, которых не посещает милостью Господь. Ибо как

Он будет милостиво взирать на преступление святых Его заповедей?

Придите к нам, придите с сокрушенным сердцем и смиренным словом, чтобы вам вести жизнь не такую, как прежде, ибо прежняя была дурна и при возрастании мало-помалу вашей дерзости и непокорности довела вас до греха отступничества. Мы же, хотя сами грешны, примем вас с отеческим расположением и готовы отдать смиренную душу свою на смерть, чтобы понести ваши немощи душевные и телесные. Ибо с тех пор как вы пали, мы не оставались без попечения о вас, равно как и о других, но сокрушались сердцем своим и возносили к Богу прискорбный и нечистый голос свой, чтобы Он возвратил вас в обитель вашу, внушив мысль о покаянии. Если вы так поступите, то опять умилюстите Бога и нас, грешных; ибо Он *не хочет смерти грешника, но хочет чтобы он обратился и жив был* (Иез. 33, 11).

Обратитесь же, обратитесь, пока внезапно не постигла вас погибель, как Петрония, и пока не оказалось тщетным и напрасным для вас раскаяние, когда уже не будет от раскаяния никакой пользы. Где же обеты твои, Пинуфий, и твои, Марий? Вы изъявляли желание принять подвиги мученичества за наше смирение, или лучше — ради спасения, которое приобретается послушанием, и много раз; а между тем малый ветер, придя, увлек вас, как какую-то вертушку.

Пробудитесь, обратите взоры к Богу, убойтесь суда Его и за те дела ваши, которые вы признаете за собой; ибо для раскаяния и в них одних недостаточно вам всей жизни; для чего же вы еще более прибавляете грехов к своим тяжким грехам?

А что касается того, чтобы мы написали к тем, которые, как вы говорите, приняли вас радушно и гостеприимно, то этого мы не делаем потому, что вы отошли от нас не из послушания, только тогда мы считали бы вас достойными принятия. Но, напротив, рассуждая об этом, мы предлагаем вам следующее: в тот же день, когда вы получите письмо, быстро оставьте тамошние места. Если же останетесь непослушными, чего не дай Бог, чего и я не желаю, то будете вне общения, осуждены и обвинены судом Истины, “мертвы душой и лишены благодати Духа”, как изрек великий и божественный Василий¹. Равно и принявшие вас не свободны от осуждения, как не соблюдающие божественных правил.

XXI. К СИМЕОНУ, МОНАХУ²

Из прежнего мы знаем, отец, каким и насколько великим ты был по отношению к нашему смирению при всех случающихся скорбях, умиrotворяя и устраивая все на пользу; и теперь знаем, что ты опечалился по причине обещания брата при настоящих обстоятельствах. Но что нам делать, если есть заповедь Божия и отеческие правила, отстраняющие нас от такого общения? Пусть же поторопится скорая помощь твоя и искренняя любовь твоя к Богу и к

¹ Подвижнические уставы. Гл. 21. Творения в русском, переводе. Т. V. С. 368. М., 1901.

² Написано в 808 г. от имени прп. Платона, когда он и прп. Феодор с близкими своими открыто прервали общение с патриархом Никифором, по случаю принятия в общение с Церковью в 806 г. отлученного эконома Иосифа.

нам, грешным, чтобы отклонить искушение, как некое тревожение, и умирить беспокойство благочестивых владык наших¹.

Ибо не против них наш отказ в общении, и причина его — не любовь к распре, а более почтение, уважение, любовь и надлежащее благоговение, но против того, кто незаконно повенчал прелюбодея, вопреки слову Господнему, который осмелился содействовать такому злу и одобрить его перед всем миром, которого низложил Сам Христос, как подпавшего двум правилам. Кроме прочего, в первом из этих правил пресвитеру не дозволяется даже пиршествовать на браке второбрачного² (в правиле не решились написать: “на браке прелюбодея”), не тем ли более — венчать последнего? А во втором говорится, что от впавшего в какое-нибудь преступление и за это отлученного, если он в течение года не позаботится о своем восстановлении, после уже не дозволяется принимать его голоса³. А этот, просрочив более девяти лет, вторгся в Церковь. Если его считать невинным, то прелюбодея — тем более; а если тот виновен в грехе, то кто может сомневаться, будто сочетавший его браком и богохульствовавший против Духа Святого не преступнее и не нечестивее?

Вот что, святой отец, страшит и стесняет наше сердце. Поэтому мы и не имеем общения с ним, как не имели и с предшествовавшим патриархом, когда он был в общении с прелюбодеем: мы были заклю-

¹ Симеон-монах был в родстве с Императором Никифором, при котором был в то время соправителем сын его Ставракий.

² Собора Неокесарийского правило 7.

³ Собора Карфагенского правило 83.

чены, я — там, где ты находишься, а игумен и прочие — в Солуни. Но Бог опять собрал нас молитвами твоими; и мы вступили в общение с патриархом не как пришлось, но только после того, как он признал, что мы поступали хорошо. Если же тогда, когда совершалось прелюбодеяние и преступались правила, мы силой Божией не уstraшились, то как же теперь, когда царская власть благочестива, мы будем бояться из-за одного пресвитера, и изменим истине, подвергая опасности душу свою?

Ни в коем случае. Скорее мы перенесем все даже до смерти, чем войдем в общение с ним и с теми, которые служат вместе с ним, пока он не будет лишен священства, как и при прежнем патриархе, хотя последний хуже. Ибо прежний ни разу не служил вместе с ним; и тогда войти в общение было бы нелепо, но не было бы таким злом; а теперь нам угрожает лишение священства, если будем служить вместе с ним. Пусть он будет экономом, но для чего ему еще недостойно священнодействовать? Он перестал быть пресвитером. Если же служащим вместе с ним это кажется ничтожным, то они увидят, что делают. Пусть они пощадят нас, смиренных, остававшихся в покое и не говоривших ничего до настоящего времени, но воздерживавшихся в последние два года (с тех пор, как он вторгся), чтобы таким образом нам проводить мирную жизнь.

Владыки наши — добрые посредники и судьи правды; они любят свободно говорящих истину, как возвещают часто собственные почтенные уста их.

Священники пусть по-священнически или убеждают, или сами убеждаются; но, хотя бы и не случилось ничего незаконного, говорить только шепотом нам невозможно, — видит Бог, больше Которого

нет никого, перед Которым одним должно страшиться, и перед тамошним Судилищем, перед коим мы все предстанем отдать отчет во всем.

Впрочем, просим твою доброту и, как бы повергаясь к почтенным стопам твоим, убеждаем и умоляем оказать милость нам и общую пользу как самим благочестивым Императорам нашим, так и Святейшему патриарху и всей Церкви, — не только у нас, но и по всей вселенной: чтобы один был отлучен для славы Бога и чтобы не возмущалась Церковь Его.

Если же нет, то просим о втором, чтобы нам остаться в том же положении, как в последние десять лет; ибо то, что прочие иерархи, священники и игумены, хотя бы и в бесчисленном множестве, имеют общение с ним, это неудивительно, потому что они же имели общение и с прелюбодеем. И никто ничего не говорил.

Это Бог через нас — хоть и дерзновенно так говорить — внушает и изрекает. Впрочем, как тебе угодно.

XXII. К НЕМУ ЖЕ¹

Опять мы сочли за благо просить твою отеческую святость, чтобы ты усердно принял за общепольное дело и служил ему самым лучшим образом. Ибо не против благочестивых владык наших наш отказ в общении, и причина его — не любовь к распре, как мы и прежде писали, а более почтение, уважение, покорность и надлежащее благоговение, — но против того, который незаконно повенчал пре-

¹ Написано в 808 г., также от имени прп. Платона и по тому же поводу, что и предыдущее письмо.

любодея, вопреки слову Господнему; против того, который осмелился содействовать и одобрить такое зло перед всем миром.

А чтобы полнее пояснить сказанное, не для научения, но для напоминания, если позволишь, мы приведем священную молитву, которая читается при венчании сочетающихся браком, и увидим отсюда, как он Самому Христу — хотя и дерзновенно это сказать — противоречил и воспротивился нечистыми своими устами, объявив себя невинным. Ибо Христос называет *прелюбодеем* того, кто *разведется с женой*, законно сочетавшейся с мужем (Мф. 19, 9), прелюбодеяние же, как тебе известно, есть грех тяжкий и равносильный грехам убийцы, мужеложника, скотоложника, отравителя и идолопоклонника, по правилу божественного Василия¹. Он же, поставив такого перед жертвенником, при всем народе осмелился произнести нечистые слова свои.

Посмотрим же, отец, убеждаю, как это страшно и непристойно, ибо говорится так: “Сам, Владыко, ниспосли руку Твою от святаго жилища Твоего, и сочитай раба Твоего и рабу Твою; сопрязи я в единомудрии, венчай я в плоть едину, яже благоволил еси сочетаватися друг другу; честный их брак покажи, нескверное их ложе соблюди, непорочное их сожителство пребывати благоволи”².

Не страшно ли то, что слышится и что подразумевается? Какое оскорбление Святого Духа нужно полагать здесь при таком богохульстве и заодно

¹ К Амфилохию. Правило 7. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 10. М., 1892.

² См. Последование венчания.

огорчение святых Ангелов при таком злословии? Или как земля, тотчас разверзшись, не поглотила, как Дафана и Авирона, провозвестника лжи, называющего тьму светом и старающегося представить Христа впадшим в противоречие? Ибо что произносит священник, то и Бог безусловно обещает утвердить, по словам великого Дионисия¹.

Но Он долготерпеливо все переносил, отверзая дверь покаяния виновному во грехе. А этот, вместо того, чтобы плакать и рыдать до смерти и оставаться отлученным и отверженным как пример божественного наказания для последующих поколений, опять вступил в Церковь и открыто является священником! Итак, он вошел, как сделавший что-то доброе, а Христос побежден, как неразумно осудивший его. И это должно, через служение его вместе с другими, распространяться по всей нашей Церкви, и все должны одобрить такое дело. Ибо что иное произойдет, если не это?

Но да не будет! В подражание этому скоро должно произойти следующее: и прелюбодеи будут венчаться, и венчающие, как бы совершившие что-нибудь великое и могущие так принести пользу многим и ввести это в обычай, будут приветствоваться многими. Но да не будет! Ибо и он не священник, и подражающие ему также. Пусть не обольщается тем, что прелюбодеем был Царь, ибо законы Божии господствуют над всеми, как написано.

Однако совершивший это тягчайшее преступление еще старается выдать беззаконие за правду и, так сказать, представить себя более святым, чем

¹ О церковной иерархии. Гл. 7. В русском переводе. 1855. С. 230.

Предтеча и Креститель. Ибо тот обличал прелюбодеяние Ирода и умер за истину; а этот второго Ирода, оказавшегося поистине виновным в таком же прелюбодеянии, и повенчал, и целовал до смерти, выражая не словами, а делами то, что св. Иоанн Предтеча как бы заблуждался, неуместно и незаконно обличая и подвергшись смерти.

Но да не будет! Ибо тот был поборником закона и обличителем нечестия; а этот попраля Божественные Таинства, сочетал и запечатлел незаконную связь. Тот и по смерти взывает: *не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего* (Мк. 6, 18), и в лице Ирода говорит всей вселенной, чтобы никто не смел делать того же; а этот самыми делами, напротив, доселе говорит второму Ироду: “Должно тебе иметь женой” Феодотию-прелюбодейку, и в его лице открыто повелевает людям до скончания века прелюбодействовать, а тем, которые венчают их, быть священниками.

О, дерзкое сердце! О, презрение уставов Божиих! Почему же каждый не осуждает более этого поступка и не удаляется от такого человека ни в пище, ни в общении, пока он не исповедует греха своего, подвергшись совершенному отлучению от всякого священнослужения?

Поэтому мы просим твое благочестие и точность в соблюдении священного порядка внушить эти слова благочестивым владыкам нашим. Ибо мы веруем, что, если они обуздают его с соизволения Святейшего патриарха нашего, то Ангелы восхвалят их, все святые прославят, и вся Церковь возвеселится, и держава их получит великое приращение от Божественной помощи свыше, при победе над врагами и противниками и мирной долгоденственной жизни их.

А как мы, святой отец, поступим со священными правилами, отлучающими его от священства? Первое, как мы уже говорили, не позволяет пресвитеру даже пиршествовать на браке второбрачного, хотя этот брак дозволен Богом. Если же он на запрещенном и прелюбодейном браке пиршествовал целых тридцать дней, и делал не только это, но и возложил победные венцы девства на прелюбодеев и нечистых, то чего он достоин? Не мало ли, быть может, и низложения? Если же это останется ненаказанным, то божественные предметы превратятся в шутку, а правила — в ничто.

По второму правилу, напомним, от впавшего в какое-нибудь преступление и отлученного за это, если он в течение года не позаботится о своем восстановлении, после уже не дозволяется принимать его голоса. А этот, просрочив более девяти лет, вторгся в Церковь.

Если же он скажет, что получил приказание от предстоятеля и его поступок безупречен, то почему же приказавший сам не повенчал? Обыкновенно патриархи венчают Императоров, а не какой-нибудь простой священник; этого никогда не бывало. Очевидно, что когда ему (патриарху) угрожала опасность лишиться самого архиепископства, он, найдя готового на такое дело, — ибо этот вращался при дворе, — переложил опасность на голову последнего, если только он действительно приказал, чему мы не верим, основываясь на свидетельстве вашем и многих других. Если он еще скажет, что он не был отлучен прежним патриархом, то почему же он не служил в течение девяти лет?

Почему теперь, как он говорит, разрешен собором? Известно, что разрешается связанный, а не не-

связанный¹. Таким образом, он сам себе противоречит и в этом случае оказывается связанным, так как он в течение года, по правилу, не доказал своей невинности и не получил разрешения открыто, если только могло быть разрешение всецело связанному, хотя бы он представил тысячу лжесвидетелей...

XXIII. К НЕМУ ЖЕ²

Из всего, что ты сообщил нам теперь, святой отец, ничто не прискорбно так, как то, что благочестивые владыки наши не хотят, чтобы мы по обычаю прибыли и удостоились почтительно приветствовать их и высказать напутственные и благожелательные речи при отправлении их, как делают все люди. Но, конечно, снисходительное и незлопамятное и христоподрожательное сердце их не всегда будет так поступать с нашим смирением; ибо оно умеет примиряться и с врагами, а не только с нами, любящими и почитающими их от искреннего сердца.

Прекрасно сделала святость твоя, предложив ответы нашего смирения их священному слуху. А то, что они одобрили их, зависит от их великого божественного благоразумия. Они умеют судить право о предметах божественных, как исполненные мудрости и полные ведения Божия. Впрочем, приказано

¹ Эконом Иосиф был допущен к общению с Церковью собором 15 епископов, созванных Императором Никифором, с согласия патриарха Никифора, в 806 г.

² Написано в 808 г. от имени Иосифа, архиепископа Солунского, брата прп. Феодора, по тому же поводу, что и два предыдущих письма, и по поводу нареканий на него за принятие епископства.

спросить, почему мы приняли епископство, когда известно бедственное обстоятельство. На это мы с почтением отвечаем, что, насколько зависело от нас, мы не хотели того, имея в виду как опасность такого достоинства, так и самое упомянутое уже дело эконома. Но когда пришли фессалоникийцы с просьбой будто бы от всего города и добрые владыки наши согласились на избрание, то мы боялись не послушаться и противиться Богу и благочестивым владыкам нашим, рассудив, что возможно избежать вышеупомянутой опасности, когда рукоположение совершится своими епископами.

На прочее же отвечаем: во-первых, он живет далеко отсюда; во-вторых, можно и живущему в чужой стране оберегать себя различными способами; в-третьих, происходят и смертельные случаи, и соблазн прекращается, как случилось и с нами, смиренными, находящимися здесь, которые были осторожны до настоящего времени, действуя, применительно к обстоятельствам. Ибо должно, насколько возможно, избегать искушений, особенно тем, которые не имеют епископского достоинства. Поэтому мы как при Свидетеле Боге приняли предложенное, думая — прибавим еще, — что это, конечно, не безызвестно нашим благочестивым владыкам, знающим отсутствующее и отдаленное, по высокой мудрости своей, так же как и самому Святейшему патриарху. Ибо и ему писали тогда об этом деле мы, которые за необщение с повенчавшим прелюбодея и с прежним патриархом, когда он только сообщался с ним, различным образом подверглись изгнанию; притом и собственные почтенные уста их часто произносили суждение и объясняли, что это действительно так. Вот наше оправ-

дание, которое и представь, как тебе угодно, благосклонной державе их.

XXIV. К ФЕОКТИСТУ-МАГИСТРУ¹

То, что твое высокопревосходительство заботится о делах наших по своему величайшему благочестию, доказали слова, переданные благоговейнейшим игуменом, а также и слова, теперь переданные братом нашим в ответ на посланные заявления и возражения. За такое доброе расположение твое к общей пользе Бог, распределяющий все мерой и весом (Прем. 11, 21), конечно, воздаст тебе награды и без наших прошений. Но, господин, может ли быть экономия² с нашей стороны более той, какую соблюдали мы? Ибо и я, и архиепископ до настоящего времени уклонялись от речей, сохраняя молчание, так как есть *время говорить и время молчать* (Екк. 3, 7), принимая все меры к тому, чтобы это дело не обнаружилось.

Но Судящий судил и не солгал Сказавший: *нет ничего тайного, что не сделалось бы явным* (Мк. 4, 22), — так что и без нашего желанья, по самому свойству своему, эти дела не могли долго казаться чем-нибудь иным по сравнению с тем, что они есть. И теперь мы, пользуясь экономией, утверждаем следующие два положения: или пусть перестанет священнодействовать низложенный, и мы тотчас войдем в общение со святым патриархом, что

¹ Это письмо и следующие два написаны также в 808 г., по делу об экономе Иосифе.

² Т. е. приспособление к обстоятельствам, послабление к лицам и снисхождение к человеческим слабостям.

вообще было бы полезно, или, если это не будет принято, мы останемся такими же сдержанными, как прежде, предоставив суд об этом предмете Господу. А что больше этого, то будет, прости, уже не экономия, а вина беззакония и преступления божественных правил. Ибо предел экономии, как ты знаешь, состоит в том, чтобы и не нарушать совершенно какое-нибудь постановление, и не вдаваться в крайность, и не причинять вреда важнейшему в том случае, когда можно сделать малое послабление по времени и обстоятельствам, чтобы таким образом легче достигнуть желаемого.

Этому мы научились из апостолов от св. Павла, который очистился и обрезал Тимофея (см. Деян. 21, 26; 16, 3), а из Отцов — от свт. Василия Великого, который принял приношение Валента и до времени не провозглашал Духа Богом. Но и ап. Павел не продолжал очищаться, и Василий не продолжал принимать дары от Валента и не называть Духа Богом¹; напротив, видно, что они оба готовы были принять смерть за истину.

Таким образом, кто приспособляется к обстоятельствам века, тот не отступает от добра; ибо он скорее достигает желаемого, уступив немного, подобно управляющему кормилом, который немного опускает руль в случае противного ветра. А поступающий иначе отступает от цели, совершая преступление вместо приспособления к обстоятельствам. Этому много примеров, писать о них многословно — трата времени.

¹ Свт. Григорий Богослов. Надгробное слово свт. Василию Великому. Творения в русском переводе. Т. IV. С. 86 и 103. М., 1889.

Что же касается твоих слов, господин, будто Златоуст сделал послабление апостольского правила о рукополагающих и рукополагаемых за деньги¹ в отношении к тем шести епископам, которых он низложил², то не было никакого нарушения правила, хотя и кажется так, когда он, лишив их всякого священного сана, позволил им только причащаться от жертвенника. Но допустим, что он и отступил, и сделал послабление; пусть желающие подражают ему, и никто не будет препятствовать; ибо и он — уста Божии и общник апостолов; о нем многое воспоминается даже до настоящего времени, и никто не спорит об этом.

Но здесь не то: ибо повенчавший прелюбодея опять священнодействует, как бы не сделавший ничего непристойного, и притом выступая не в каком-нибудь сокровенном месте, но в самой Кафолической Церкви, как бы представляемый в хороший пример священникам.

А чем кажется нам языческое двоеженство Валентиниана³? И венчавший его разве провозглашается за это святым, а не незаконным, если только он был венчан? И кто из тогдашних досточтимых Отцов передал письменно, что Валентиниан поступал благочестиво, имея двух жен, и что с тех пор должно это делаться? Так и многие другие, воля которых руководствуется законом не Божественным, а человеческим и предосудительным, делали и, может быть, будут делать до конца века. Но Церковь

¹ Апостольское правило 29.

² Житие свт. Иоанна Златоуста, написанное Палладием. Гл. 15.

³ Т. е. императора Валентиниана младшего (IV в.).

Божия осталась невредимой, хотя и была поражена многими стрелами, и *врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18).

Она не позволяет ни делать, ни говорить чего-нибудь вопреки постановленным правилам и законам, хотя и многие пастыри нередко безумствовали, составляя великие и многочисленные соборы, называя себя церковью Божией, по видимости заботясь о правилах, а на самом деле действуя против правил.

Что же удивительного, если и теперь пятнадцать, быть может, епископов, собравшись, признали невинным низложенного на основании правил по двум причинам и разрешили ему священнодействовать? Так, господин, собор — это не просто собрание епископов и священников, хотя бы их и было много, — ибо сказано: *лучше один праведник, творящий волю Господню, нежели тысяча грешников* (Сир. 16, 3), — но собрание во имя Господа, для мира и соблюдения правил и для того, чтобы связывать и разрешать не как случится, но как следует по истине, по правилу и по точному рассуждению.

Пусть же собравшиеся или докажут, что они так поступали, и тогда мы будем вместе с ними; или, если не докажут, пусть извергнут недостойного, чтобы это не послужило им к осуждению и не было передано последующим поколениям. Ибо *для слова Божия, по свойству его, нет уз* (2 Тим. 2, 9). И епископам отнюдь не дана власть преступать какое-нибудь правило, а — только следовать постановлениям и держаться прежнего.

Я не знаю, есть ли что-нибудь, не определенное правилами и оставленное без внимания. Например, у святого Василия есть правило относительно священника, истинно поклявшегося, что он будет до-

вольствоваться только своей церковью и никогда не принесет дара в другой¹; и есть правило Карфагенского собора относительно тех, которые рукополагают ушедших из монастырей, что таким не позволяется священнодействовать в другой церкви, кроме той, где каждый имеет епископство, а рукоположенные должны быть низложены².

Если же согрешившие в таких не важных и многим не кажущихся чем-либо преступным делах не остаются без наказания судом и постановлениями Божиими, то не гораздо ли более в настоящем деле? Не позволительно, господин, не позволительно — ни нашей церкви, ни другой, делать что-либо вопреки постановленным законам и правилам, потому что, если это будет позволено, то тщетно Евангелие, напрасны правила. И каждый во время своего епископства, если бы ему было дозволено так поступать со своими, как ему угодно, был бы новым евангелистом, иным апостолом, другим законодателем.

Но нет. Мы имеем заповедь от самого апостола, что если кто станет учить или повелит нам делать не то, что мы приняли, не то, что записано в правилах Соборов вселенских и поместных, того не должно принимать и не должно считать святым; не станем произносить того тягостного слова, которое он изрек (см. Гал. 1, 8).

Итак, для нас, находящихся вне мира, нет никакой другой обязанности, как добиваться того и делать то, в чем нам можно и превозноситься, и соревноваться. И если жизнь будет проходить в этом, то

¹ К Амфилохию. Правило 10. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 14. М., 1892.

² Собора Карфагенского правило 84.

будет хорошо; если же нет, то полезнее быть в ссылке и без крова и скитаться по поднебесной со всякой скорбью и теснотой.

Итак, да поможет нам посильно душа твоя боголюбивая и ревнующая о предметах божественных!

XXV. К НИКИФОРУ, ПАТРИАРХУ

Пользуясь смиренным письмом нашим, как некоторой завесой, из благоговения к Ангелу блаженства твоего, мы, смиренные, являемся перед святейшей главой твоей по необходимости. Ибо Иоанн, сослужитель и ученик наш, известил уже нас о том, что он, удостоившись почтеннейше поклониться тебе, слышал от твоего блаженства нечто странное и невыносимое. “Вы, — сказала твое блаженство, — отщепенцы от Церкви”.

Блаженнейший! Какой скорби справедливо должна была предаться душа наша при этих словах? Как не высказать оправдания перед твоей святостью, чтобы молчанием не подтвердить обвинения? Но прежде оправдания я с почтением докладываю, что не должно как придется отверзать слух для всякого, желающего сказать что-нибудь против кого-нибудь и без суда высказываться против обвиняемого лица.

Судит ли закон наш, — говорится в Писании, — человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает (Ин. 7, 51)? Так следовало поступить и тогда, когда твое блаженство услышало нечто тяжкое и прискорбное о нашем смирении.

Подлинно, какое зло больше отделения от Церкви и того, чтобы овца лишилась архипастыря или сопастыря? Ибо и нам, грешным, хотя и недостойно,

принадлежит помазание от Бога и имя пастыря, чтобы — осмелюсь сказать — сносить, рассуждать, внушать и наедине, и перед другими, по переданному от Господа учению: *между тобою и им одним или при двух или трех*; а кто и после этого будет упорствовать, тот, как говорит Он, *будет тебе как язычник и мытарь* (Мф. 18, 15–17).

Мы же доселе ничего такого не слышали от святой души твоей ни через посланного, ни лично, и не получали внушения; и такой произнести приговор! Да рассудит совершенство твое, справедливо ли причинена эта скорбь чадам твоим?

Перейдем и к самому оправданию, отдавая отчет перед Вездесущим Богом и перед твоей святостью. Мы не отщепенцы, святая глава, от Церкви Божьей; да не случится этого с нами никогда! Хотя мы и повинны во многих других грехах, однако мы православны и питомцы Кафолической Церкви, отвергающие всякую ересь и принимающие все признанные вселенские и поместные Соборы, равно как и изреченные ими канонические постановления. Ибо не вполне, а наполовину православный тот, кто полагает, что содержит правую веру, но не руководствуется божественными правилами. И твое блаженство, когда ты был возведен, мы приняли, как и исповедали это открыто перед тобой.

И с того времени доныне мы, как подобает, поминаем твое блаженство при священнодействии; и — Свидетель Бог! — если бы в тот день ты захотел войти в общение с нами, то мы имели бы общение с тобой, нисколько не сомневаясь: потому что ты любезен нам с самого начала.

Но это волнение — из-за него, из-за эконома, которого низложила сама истина, как виновного в

нарушении многих правил. Ибо еще до открытого прелюбодеяния он не только совершал богослужение для этого императора, прелюбодействовавшего с разными лицами, причащал его и пиршествовал с ним, но и *имел часть* вместе с ним (Ин. 13, 8), от чего сделался готовым и на открытое бесчинство, презрев Бога и Божественные уставы.

А чтобы сказанное было яснее — не для научения, нет, но для напоминания, — если угодно, обрати внимание на священное последование венчания и посмотри, какое оскорбление Святого Духа происходит в таких противоречиях¹. Ибо что произносит священник, то и Бог верно утверждает, по словам великого Дионисия.

Поэтому просим твое совершенство запретить священнослужение тому, который низложен правилами и предшественником твоей святости был отлучен целых девять лет, и вторгся незаконно.

Мы отверзли смиренные уста свои теперь, когда вынуждены к этому. Ибо когда происходило то малое собрание (не знаю, как назвать его), тогда я возвращался из темницы и, увидев собравшимися тех, которые и прежде одобряли прелюбодеяние и принимали сочетавшего прелюбодеев, припомнил пророческие слова: *мудрый будет молчать до времени*, ибо время лукаво (Сир. 20 7). Но так как пророк говорит: *долго молчал я, неужели и всегда буду молчать?* (Ис. 42, 14), — то и я, подвергшись клевете, в благопотребное время высказал предлагаемое.

Насколько зависело от меня, я всячески остерегался в последние два года того, что это дело обна-

¹ Т. е. между молитвой брачного чинопоследования и действиями эконома.

ружится, рассуждая сам в себе: так как я, не имея епископского достоинства, не могу обличать, то для меня достаточно оберегать самого себя и не входить в общение с ним и с теми, которые заведомо служат вместе с ним, пока не прекратится соблазн.

Итак, просим и умоляем, чтобы святая душа твоя склонилась обуздать этого человека, дабы не подвергалась порицанию безукоризненная святость твоя и не осквернялся божественный жертвенник служением низложенного и не было основательных причин к расколам.

Блаженство твое да знает истинно и ясно, что если этого не будет сделано по мановению и твоей боголюбивой души, и благочестивейших и победоносных Императоров наших (ибо они — ревнители), то одному Богу известно, что будет с нами, выступающими на защиту заповеди; а в Церкви нашей — Свидетель Бог и избранные Ангелы Его — произойдет великий раскол.

Сжался же, пастырь добрый, помоги, врач сведущий, пастве твоей, овцам твоим, церквям твоим, мерами твоей мудрости, словами твоего благоразумия, средствами твоего врачевания — отлучи одну овцу от одного только священнослужения, и ты достигнешь всего. Паршивостью одного да не заразится Церковь, которую приобрел Господь и Бог наш *Кровию Своею* (Деян. 20, 28)!

XXVI. К СИМЕОНУ, ИГУМЕНУ

Достойное священной и богоносной души твоей, почтенный отец, начертал ты нам письмо, которое и выражает любезное расположение твое к нам, грешным, и показывает равное и единоедушное согласие с

нами относительно Божественных заповедей, а также учит лучшему и вместе обнаруживает готовность неуклонно переносить предстоящие подвиги и отнюдь не колебаться от пустословия иноверцев и лжецов. Поистине почтенное письмо твое воодушевило наше мужество и укрепило наши силы, так что мы прославили Благого нашего Господа, не оставившего совершенно смиренный род наш, но даровавшего животворные искры желающим пламенеть добрыми делами благочестия.

Мы же, грешные, усердно молимся, чтобы жизнь твоей святости оставалась примером спасения как для нас, так и для других желающих. Ибо искажающие правила и престапующие постановления совершенно не видят правоты в тех, которые точно соблюдают слово истины, но даже поднимают их на смех и произносят порицания. Что же иное отсюда происходит, как не то, что мы еще более утверждаемся, познавая их нетвердость и непостоянство? Что твой высокий ум не улавливается ими, достойно удивления и вожделенно для нас.

Впрочем, ты желаешь знать, что нового произошло в настоящем деле, но мы не можем ничего сказать, потому что Императоры теперь в лагере. Что сказать и об архiereе¹, который даже не ответил нам ни слова и не хочет ничего слушать, предоставляя все кесарю? Господин Симеон² двуличен, изменяясь то так, то иначе, впрочем, мы опять вели с ним речь и не скрывали истины. Он несколько смягчается, но остается тем же, помышляя и заботясь о том, чтобы совершенно угодить Императорам.

¹ Т. е. патриархе Никифоре.

² Имеется в виду монах Симеон, к которому написаны письма XXI—XXIII.

Когда наш благочестивый владыка отправлялся, то мы опять писали ему, по его желанию; и, однако, он не хотел, чтобы мы явились перед ним. Мы, грешные, остаемся, пока поддерживает молитва ваша, в том же состоянии, не желая изменять истине и входить в общение с ними, даже если бы угрожала ссылка, даже если бы сверкал меч, даже если бы воспламенился огонь. Но мы, недостойные даже называться монахами, не имели бы силы для этого, если бы Господь, внемлющий святым молитвам вашим, не укреплял нашей немощи и нетвердости. Поэтому бодрствуйте, святые отцы, считая своим делом то, что действительно является таковым — защищать общепольное.

Отправляющийся по повелению Божьему достопочтеннейший брат наш и эконо́м вашей святой обители доставит твоей святости копии писем, посланных обоим лицам, чтобы ты, яснее узнав из них о наших делах, отчасти содействовал письмами, отчасти помогал просьбами. И еще некоторую весть мы доверили этому брату, которую он, конечно, отнесет и передаст, когда придет и увидит почтенное лицо твое.

Приветствуют тебя с нами и архиепископ Калогир, и авва Леонтий, и остальное наше братство; твою святую общину потрудись приветствовать от нас.

XXVII. К НИКИТЕ, ПАТРИЦИУ

Других, может быть, иногда благосклонность человеческая возводит на высоту достоинств, а тебя, благочестивейшего и превозлюбленного господина нашего, не благосклонность какая-нибудь, а поистине добродетель возвела в великое достоинство, при-

том не на некоторое время и не в одной области, но навсегда и во многих, взяв тебя, как некое золото, и сделав во всех отношениях украшением благочестивому нашему царству. И это положение дела очевидно, хотя бы мы и не говорили. Поэтому и ныне хриstopодражательные Императоры наши похвально сделали, поставив тебя в наши дни образом своей благости в этом царствующем городе. Таков ответ наш на присланное ныне от твоего благочестия приветствие через подателя письма.

Господь Бог наш да сохранит тебя на будущее время невредимым душой и телом, в начальствовании и власти, чтобы самые дела засвидетельствовали, что власть дана тебе от Бога. Но так как, по снисхождению к нашему смирению — ибо мы думаем так, а не иначе — благочестие твое беседовало с братом о волосах, с которыми поступаем определенным образом, и о том, что следует и соблюдать время, и поступать по правилам, и не переходить своих пределов, когда и патриарх председательствует здесь, то мы предлагаем истинное оправдание, принося тебе наперед благодарность за то, что ты хлопчешь и печешься о делах наших. И справедливо, ибо это самое служит знаком и свидетельством твоей сердечной доброты, которую мы провозглашаем; а может быть, и по родству¹ должна быть некоторая особенная по сравнению со всеми остальными расположенность.

Так, господин, есть божественные законы и правила, которые руководят каждым благочестивым, в которых нельзя ни прибавить, ни убавить что-нибудь. Они направляют нас, смиренных, хотя мы и ошибаемся многократно, как в других предметах, так

¹ Он был родственником прп. Феодора.

и в отношении к отращающим волосы. И как твоя власть старается соблюдать установленное нашими благочестивыми владыками, то донося о случающемся, то исполняя приказанное, заключая и изгоняя, и делая прочее, не боясь никого — ни малых, ни великих, — и то, что услышит и что приказано, спешит исполнить тотчас, ибо не малая опасность и от малого промедления, — так точно и еще гораздо более гибельно и опасно нам, достигшим священства, не исполнять всего, предписанного Царем всех Богом через божественные правила и досточтимых Отцов.

А что о волосах есть божественное повеление, это, во-первых, показывает апостол (1 Кор. 11, 14), потом постановления¹, затем Златоуст, доказывающий, что мужчинам растить волосы — несомненный грех², наконец, правило святого шестого Собора, в котором предписывается отлучение неповинующим³, которое я и прилагаю, чтобы ты, сам прочитав, знал, что мы, грешные, ничего не делаем без правил. И не теперь мы стали держаться этого правила, но давно. Это было известно и предшествовавшему патриарху, ибо и он надлежащим образом беседовал с нами, не осуждая, но одобряя, — ибо как мог бы он осуждать, когда есть правило? При этом мной и было упомянуто об этом, хотя мы не были выслушаны.

Относительно экономии мы не рассуждали с ним; и доньше мы так проводили время, не высказываясь перед другими, потому что мы не епископствуем, а в собственной церкви соблюдая осторожность, потому что мы священствуем, и не следует

¹ Постановления Апостольские. Кн. I. Гл. 3.

² Толкование на первое Послание к коринфянам. Творения в русском переводе. Т. X, кн. 1. С. 252. СПб., 1904.

³ Собора Трульского правило 96.

давать Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа тем, которые явно преданы греху, — кто бы это ни был, если он не обещает исправления. Впрочем, многим мы и прощали, и прощаем до первого и второго напоминания, и даже до третьего; а свыше того — уже небрежность и презрение правил, или даже уже Бога, Который дал их.

Таково наше оправдание перед твоим, господин, высоким превосходительством; и какая бы ни донеслась молва, просим тебя, как имеющего быть судимым и получить воздаяние от Бога, — не забывать должного. Ибо тому, будто мы здесь разделялись с кем-нибудь собственной рукой, смешно и поверить всякому благоразумному человеку. Ни в коем случае. Но сделанное нами было исполнено со всяким увещанием и снисхождением к принимающим, равно как и обрезание волос у обросших ими почти до пояса и преданных беспечности, чтобы не казалось, что мы отступаем от правила и в чем-то малом; а равно и для того, чтобы через это произошло преуспеяние к лучшему.

Итак, молись, господин, чтобы нам жить праведно и мирно, по возможности содействуя и со своей стороны делам нашим, дабы, если будет что-нибудь доброе, и честная душа твоя участвовала в добре.

XXVIII. К ВАСИЛИЮ, МОНАХУ¹

Мы получили письмо твоей братской любви и удивились ее внезапной перемене. Первое письмо — не стану говорить о прочем, не относящемся к

¹ Написано в 808 г, когда этот Василий, авва монастыря св. Саввы, друг прп. Феодора, находился в Риме.

предмету, — содержало в себе осуждение эконома Иосифа, как неправо вторгшегося в Церковь; а второе, напротив, объявляет его совершенно невинным. Ты одного и того же в одном и том же деле то хвалишь, то порицаешь, а твое благочестие должно знать, что говорит об этом некто из святых. Впрочем, поставим это ни во что, хотя здесь есть противоречие. Но почему ты решился так необдуманно, прежде исследования и тщательного испытания, провозгласить нашему смирению отлучение от нашей Церкви и, следовательно, анафему? *Внимай себе*, — говорит Писание (1 Тим. 4, 16); и еще: *прежде, нежели не испытаешь, не порицай; узнай прежде, и тогда запрещай* (Сир. 11, 7).

А ты, не исполнив ничего из этого и не подумав, что и мы, конечно, можем говорить и делать разумно, упрекнул нас, как неопытных, неразумных новичков в монашеской жизни и начинающих учиться. И не только это, но и подверг порицанию. И если бы только это! Но еще и предал анафеме.

Увы, дела человеческие! Почему ты больше не сохраняешь неприкосновенными пределов дружбы? Ибо, если бы она оставаясь для твоей честности в сохранности, то так неожиданно не укорил бы ты нашего смирения. Впрочем, мы достойны этого, и неудивительно, что порицаемся и твоей дружбой.

Что такое мы, это известно Богу, а твоему благоразумию, когда оно претыкается и соблазняется, следует объяснить. Мы, почтенный, не отщепенцы от Церкви Божьей; да не случится этого с нами никогда! Хотя мы и повинны во многих других грехах, однако составляем одно тело с ней и вскормлены Божественными догматами и правила ее и постановления стараемся соблюдать.

Производить смятения и отделяться от той, которая поистине не имеет никакой *скверны или порока* (Еф. 5, 27), как в предметах веры, так и в отношении к постановленным правилам от начала века и до сих пор, свойственно тем, вера которых извращена и жизнь неправильна и незаконна. Один из них есть и этот Иосиф, повенчавший прелюбодея, а равно и те, которые позволяют себе служить вместе с ним, как с невинным, а также и те, которые одобряют его как священнодействующего безукоризненно.

Как твое благочестие, хотя пишет к нам на основании правил, не знает божественных правил и того, что этот человек низложен на основании их?..

Итак, брат, оскорбление святых — священствовать ему, и совершенное извращение правил — не уклоняться от этого. Что говорит Златоуст? “Не безопасно не делать исследования относительно священника”. Не о вере, как ты думаешь, он говорит это, а об исправности жизни. Исследовать и испытывать каждого, в каком он состоянии, не должно, ибо благодать и при недостойных нисходит ради приступающих. Но не действовать прямо против явно осужденных, один из которых и этот Иосиф, совершивший открыто перед глазами всех весьма великое беззаконие, запрещенное Господом, и таким образом оказавшийся преступнее того прелюбодея, которого он сочетал браком, — это, по словам свт. Григория Богослова, явная измена истине и нарушение правил¹.

Или не знает дружба твоя, что Сам Бог был Мстителем, когда не восстал и не обличил управлявший тогда Церковью, как случилось некогда с

¹ Творения в русском переводе. Т. I. С. 192.

Самуилом при безумном Сауле (1 Цар. 15), — и пресек царствование нового Ирода из-за прелюбодеяния? То же потерпел и тот Ирод, изгнанный собственным народом и умерщвленный, так как он, оставив законную жену свою, дочь царя Ареты, вступил в незаконную связь с Иродиадой, женой брата Филиппа. Если же такого не должно осуждать, то перед твоей любовью окажется согрешившим — хотя и дерзновенно сказать, — св. Иоанн Предтеча, обличавший Ирода и умерший за обличение, равно как и Златоуст, который вел упорную борьбу за поле вдовицы¹. *За благодетеля*, — говорится в Писании, — *может быть, кто и решится умереть* (Рим. 5, 7). Не говорю о таких же настоячивых действиях других святых в защиту подобных. Или опять не знает честность твоя о том, что христианство состоит из веры и дел, и если недостает чего-нибудь одного, то и другое не приносит пользы имеющему его?

Итак, просим тебя, поревнуй о Божественном; и, во-первых, как сын общего нашего отца, стремись вместе с нами к должному; во-вторых, как ученик блаженного Саввы, стремись к точности не только относительно веры, но и относительно правил; в-третьих, как собрать братское думай вместе с нами и, напоминаем, сохраняй собственное свое место, чтобы вследствие этого нам не преткнуться в главнейшем.

Прости по-братски напоминающим, как и мы прощаем тебе; мы не должны негодовать, когда нам напоминают. Пусть же и твоя честность не сердится,

¹ См. письма свт. Иоанна Златоуста в русском переводе. Творения. Т. XII. Ч. III. С. 1001. СПб., 1906.

но еще более воспламеняется любовью и пишет нам подобное, сколько захочет, ибо мы от этого не потерпим вреда, разве только будем жить осторожнее.

Что же касается папы, то какое нам дело, так он поступает или иначе? Он, прости, возносится на собственных крыльях, по пословице. Ибо когда он сказал, что нисколько не заботится о явных грехах священника, то не священника какого-нибудь, но Главу Церкви он осмел через это и презрел, так что нам стыдно и слышать. Если это справедливо, то увы — иерархия!

Впрочем, просим, будем осторожно говорить о главах и не станем высказываться так резко. А по поводу того, что люди, как ты написал, могут открыть уста и говорить, что мы, оставив здешнюю патриархию, перенесли дело к другой, об этом пусть не беспокоится твоя честность. Бог знает и первое начинание, и второе, даже и третье Сам рассудит, Сам обличит, Сам представит пред страшным Престолом, и Сам воздаст сообразно тому, как мы поступали и действовали. Ибо слова: *если бы я угождал людям, то не был бы рабом Христовым* (Гал. 1, 10), — не нами, грешными, сказаны.

Мы поминаем при священнослужении, как подобает, и Святейшего Патриарха, и благочестивых наших Императоров, не отказываемся иметь общение и со всяким неосужденным. Мы писали и к самому архиерею — как известно и благочестивым Императорам нашим, — о том, что у нас ни в чем нет разногласий, кроме только дела об Иосифе, и когда этот будет отлучен от священнослужения, то мы тотчас войдем в общение с ним. Притом он — возлюбленный нами муж, не только потому, что он — гла-

ва нашей Церкви, но и потому, что издавна уважаем нами, и, что есть в его жизни прекрасного, мы не перестаем превозносить. Если же случится, что он и сам примет ревность, — не стану говорить о святых епископах, игуменах, монахах и множестве мирян, — тогда что скажет любовь твоя?

Поэтому знай, что у нас не отделение от Церкви, но защита истины, оправдание божественных законов; а иное, как сказала честность твоя, было бы нарушением истины и извращением правил, и справедливо можно сказать тебе следующее: *священники отверглись закона Моего и осквернили святыни Мои, не отделяли святого от несвятого, но все для них было одинаково (Иез. 22, 26)*. Ибо выражение: *не имать скверны или порока*, опять скажу, нужно разуметь так: Церковь не принимает нечестивых догматов и противных правилам деяний, равно как и запрещенных соглашений с делающими их, как говорит в одном месте божественный Василий¹; с ними великий Павел не позволяет *даже есть* (1 Кор. 5, 11).

Ибо со времени апостолов и впоследствии часто вторгались в Церковь многие ереси и возникали нечистые дела, незаконные и запрещаемые правилами, как и ныне, однако она вышесказанным образом осталась нераздельною и непорочною и останется вовек, между тем как дурно мыслящие и делающие отлучаются и отбрасываются от нее, как яростные волны от непоколебимой приморской скалы.

Итак, брат, останемся при своем и будем взирать на свет истины, твердо держась и священных пра-

¹ К Амфилохию. Правило I. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 5—8. М., 1892.

вил, и догматов, особенно мы, монахи, особенно мы, считающиеся значащими что-нибудь. *Если свет, который в вас, есть тьма, то какова же тьма, миряне (Мф. 6, 23)? И: если соль потеряет свою силу, то чем сделаешь ее соленой (Мф. 5, 13)?*

Мы желаем и молимся, чтобы ты был для тамошних спасителем, и просветителем, и светильником строгости и благочестия, не делаясь всем для всех, но высотой добродетели, согласной с правилами, жизнью и благочестивым обращением; напоминание же брата твоего перенеси, как происходящее из любви, уважения к истине и божественного суждения.

Желал бы я сказать и больше этого, но обширность письма заставляет остановиться здесь. С удовольствием приняли мы твое богатое благословение и то, как ты заботишься о своем смиренном монастыре; это доказывает, что ты берегаешь и трудишься для него. Труд твой велик. Но Господь воздаст тебе, чего желаешь, — преуспевание в добродетелях и наслаждение вечными Его благами.

XXIX. КО ЛЬВУ-СИРОПИТАТЕЛЮ

Хотели мы сами прибыть и приобщиться к постигнутому вас несчастью — утрате блаженного сына вашего, возлюбленный господин мой, а не только в письме оплакать беду и принять участие в вашей скорби. Подлинно, как не жалко, как не мучительно испытывать потерю одного сына за другим, лишаться как будто одушевленного сокровища, богатства родовой преемственности, многовожделенного плода материнской утробы, прекрасных глаз дома, радости бабки, украшения всего рода?

Появился первый плод, и преждевременно исторгнут из родительских рук; родился второй, и этого сразила жестокая смерть; произросла третья отрасль, в утешение за первые, цветущая, прекрасная, продолжавшая жить до третьего года, к которой были крепко привязаны души родителей, и — увы, несчастье! — страдание не позволяет продолжать речь! — ушла и она от глаз ваших и, что еще прискорбнее, не на глазах отсутствующего родителя.

Но зачем увеличивать несчастье? Поражено сердце ваше, отца, матери, госпожи патриции, и меч прошел посреди обоих, и эту скорбь может утешивать не слово, не утешение, не человек, не Ангел, но один Бог, так устроивший пределы нашей жизни. Ибо Сам Он взял превозделенного сына вашего, господин мой, как Он же взял и прежних.

Прискорбно весьма прискорбно ваше положение, но отнюдь не их, взятых. Потому что они, чистые и не оскверненные грехами по причине недавнего рождения, отойдя отсюда к блаженной и бесстрастной жизни, ликуют в недрах Авраама, обитают со святыми младенцами, воспевают с окружающими Христа отроками. Итак, не погибли прекрасные дети, но спасены для вас и остались невредимыми, и вы увидите их спустя немного, когда окончится эта временная жизнь, радующимися и веселящимися не в кратковременном возрасте, но в совершенстве *полного возраста Христова* (Еф. 4, 13).

Поэтому увещеваем и просим вас действительно утешать себя этими мыслями и таким образом исторгать из души неумеренную скорбь.

Господь назначил нам меру, дабы мы и выражали естественное сострадание, и не преступали в этом надлежащих пределов. Первое преклоняет Бога на

милость, а последнее располагает сопротивляться распоряжениям Промысла: первое радует отшедших, а последнее обыкновенно огорчает их, достигших покоя. Ибо всякий желает, чтобы при его радости радовались, а не скорбели те, которые признаются, что любят его.

Мы же веруем, что госпожа Хартулария опять зачнет и родит сына, уже не на краткое время, но который будет жить здесь долго для преемственности рода, только умерим скорбь и вознесем словами и делами благодарственные жертвы о младенце Владыке Христу.

XXX. К НИКИФОРУ, ПАТРИАРХУ ¹

Нет необходимости излагать в письме Ангелу твоего блаженства то, что высказано было устами, хотя не от обоих нас, смиренных. Но чтобы собравшийся вчера по твоему повелению Собор епископов, изрекший нечто не согласное с тем, что на нем сказано было нами, не смутил священного твоего слуха, мы сочли пристойным представить кратко всю сущность нашего оправдания.

Мы, блаженнейший, православны во всем, отвергаем всякую ересь и принимаем всякий признанный Собор вселенский и поместный, а также и изреченные ими священные и канонические постановления твердо сохраним. Ибо не совсем точно соблюдает слово истины тот, кто считается содержащим правую веру, а не руководствуется божественными правилами. Кроме того, мы принимаем и законную, по временам употребляемую святыми, экономию,

¹ Написано в 806 г.

ибо и настоящее сношение нас, смиренных, с твоей святостью относительно извержения эконома — дело поступающих не точно по правилам, но приспособляющихся к обстоятельствам и уступающих; и с предшественником твоей святости, Святейшим Патриархом, мы сносились таким же образом по настоящему делу, когда мы возвратились из ссылки и прелюбодейный брак был расторгнут, а эконом отлучен от священнослужения.

“Да не будет нам части с тобой,— говорили мы,— ни в сем веке, ни в будущем; потому что ты без различия допускаешь прелюбодея иметь общение с твоей святостью”. Когда же он сказал: “Я действовал применительно к обстоятельствам, уступая ему до времени”, и потом выразился так: “Да будут отсечены руки мои, если бы они совершили прелюбодейное венчание; разве я венчал?” — тогда мы стали иметь общение с ним до кончины его. И твою святость мы также приняли в достоинстве архиепископа, равно как и поминаем тебя каждый день при священнослужении, и ни в чем не имеем с тобой разногласий, кроме только того, что касается эконома, низложенного священными правилами по многим причинам, особенно же потому, что после девятилетнего отлучения он опять стал священнодействовать, и притом не в каком-нибудь потаенном месте,— это было бы еще сносно, так как мы не принимали бы участия в этом деле,— но в самом источнике нашей святости, т. е. находится в явном общении с тобой и вместе служит постоянно.

Поэтому справедливо, и праведно, и нужно для избежания соблазна народу Божию и особенно нашему званию, чтобы недостойно вторгшийся был отлучен от священнослужения, а мы продолжали

бы поминать твою святость и иметь общение со всяким иерархом и священником, не осужденными явно, по учению свт. Григория Богослова. Если же это не состоится по грехам нашим, то да не будет,— говорим не из страха, но из сострадания к обществу,— с нашим смирением сделано святостью твоей что-нибудь неправильное и незаконное! Ибо мы со своей стороны потерпим силою Божией, что бы ни случилось по Его соизволению, но свидетельствуем твоей святости перед лицом Христа и перед святыми Ангелами, что великий раскол произойдет в нашей Церкви. Хотя мы подчиняемся власти, как люди, но и властью священных и божественных правил, волей или неволей, мы управляемся и руководствуемся.

Впрочем, умоляем твою святость: приклони ухо твое и услыши голос наш, как врач сведущий, как пастырь добрый; отлучи одну овцу от священнослужения и избавь всех от соблазна... Мы — твои друзья и хвалители, так же, как и благочестивейших и победоносных владык наших. Если же мы таковы, то отчего смятение? Для чего происходит то, что противно повелениям Божиим? Удостой нас священной твоей молитвы.

XXXI. К БРАТИЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В САККУДИОНЕ¹

Пока было время уклоняться и скрывать обстоятельства нашего несообщения с экономом Иосифом, мы делали это, сыны и братья, руководствуясь не стра-

¹ Т. е. в монастыре близ Саккудиона. Это письмо написано в 808 г.

хом, хотя мы и грешники, но вызываемой обстоятельствами снисходительностью, подражая некоторым образом Святым Отцам нашим. И они, поступая так же в надлежащее время, таким образом избавляли себя от искушений, с одной стороны, щадя более слабых и злобствующих, а с другой — несколько уступая по примеру кормчих, чтобы спустя немного достигнуть желаемой цели.

Но так как в настоящее время, по благоволению Благого Бога нашего, это обстоятельство ясно обнаружилось, то мы и пишем теперь. Каким образом? Вследствие вопроса логофетадрома и ответа со стороны архиепископа.

Тот говорит: “Для чего ты доселе не вступаешь в общение с нами и с патриархом, тогда как прошло столько праздников? Скажи откровенно причину”. Архиепископ не отрекся, но сказал: “Я не имею ничего ни против благочестивых Императоров наших, ни против патриарха, но — против эконома, повенчавшего прелюбодея и за это низложенного священными правилами”. На это ответ логофета: “Благочестивые Императоры наши не имеют в тебе нужды ни в Солуни, ни в каком-либо другом месте”.

После того ни ответа не было дано тотчас, ни другого вопроса не было предложено доселе, хотя прошло тринадцать дней, кроме того только, что мы отправили письмо к господину Симеону, которое при сем прилагаем, чтобы вы узнали всю силу дела.

Это обстоятельство дошло до слуха патриарха и почти всего города; и есть много людей, сочувствующих и соглашающихся с нами, но они — ночные чтители Бога, которые не могут свободно действовать при свете.

А мы, сыны и братья, утверждаясь на вере в Бога и на основании истины, а также на совершившемся и открывшемся действии правды, которое видел мир на прелюбодее и сообщниках его, неуклонно соблюдаем заповедь и отеческие правила и не уступим, не изменим благочестию и не разрушим того, что прежде хорошо устроили твердостью в ссылке, чтобы нам не оказаться преступниками закона.

Крепко держась Божественного закона, мы побеждаем, как и прежде победили, решившись скорее испытать и перенести все, если благоволит Бог, нежели вступить в общение с ним и служащими вместе с ним, пока низложенный не перестает священнодействовать.

Люди будут много пустословить; как они теперь насмеются, так и будут насмехаться, и даже, что еще прискорбнее, немало среди них, кто носит один с нами образ и одно звание, и кажущихся друзьями. Но в этом нет ничего странного, ибо написано: *враги человеку домашние его* (Мих. 7, 6; Мф. 10, 36); и они сводничали, содействовали, вместе пили и ели на прелюбодейном браке и омочили перо для нашей ссылки.

Но Господь, восставший тогда для отмщения закона Своего, прервавший царствование прелюбодея ослеплением его и посрамивший его соучастников, как жрецов Вааловых, а наше смирение возвративший сверх чаяния в свой монастырь, — Он же и ныне присутствует Сам, попустив на малое время незаконный брак.

Потом Он благоволил подвергнуть осуждению радость Назиреев, совершивших венчание прелюбодеев и преданных им, через справедливый суд бла-

гочестивых наших Императоров, которые возвратили прелюбодея, после его смерти, законной его супруге, назвали прелюбодействовавшую прелюбодейкою и рожденное от прелюбодеяния дитя лишили наследства, как незаконное и недозволенное, — о чем почтенные уста их при мне вслух говорили, — по римским законам.

Однако совершившие беззаконие не стыдятся, и богохульствовавший против Святого Духа в священной молитве при венчании сочетающихся не скрывается, но вторгшись, как кот, в Церковь Божию, опять прыгает и опять начинает осквернять святыню своим священнослужением, старается представить беззаконие правдой и, так сказать, показаться святее Предтечи и Крестителя...

Но что я говорю об Иоанне, большем всех святых?

Самому Христу, хотя и дерзновенно сказать, он противоречил и противился нечестивыми своими устами. При том, что Христос называет прелюбодем того, кто разведется с законной женой (Мф. 19, 9), — он, поставив такого пред жертвенником, среди всего народа, осмелился произнести нечестивые слова свои против Святого Духа...

Не вострепетали ли вы, услышав об этом? Какое полагаете вы оскорбление Святого Духа в этом богохульстве? Какое огорчение святых Ангелов?

Однако совершив такое зло и подав пример нечестия для подражания подчиненным, — как это и случилось, особенно же между властвующими и начальствующими в далеких землях, например, это нашло подражание в Лонгобардии, Готии и тамошних пределах, между тем как и у язычников не делалось ничего подобного, — он, несчастный, не

стыдится, но, как сказано, служит, нечестивый, а тех, которые справедливо отвращаются от него, старается отправить в ссылку.

Но Господь — Помощник ревнующих о заповеди Его; Он преклонит сердца благочестивых Императоров наших воздать отмщение за Церковь Его, как сделал с прелюбодем, дав соизволение на отлучение и этого от священнослужения, ко благу Святейшего патриарха и всей Кафолической Церкви.

Поэтому мужайтесь, сыны и братья, не бойтесь и не падайте. Теперь время исповедания, время борьбы, время подвига, а может быть, и других страданий, но и венцов, и небесной славы. Ибо говорится: *Я прославлю прославляющих Меня, а унижающий Меня будет посрамлен* (1 Цар. 2, 30); и еще: *блаженны не уклоняющиеся от заповедей Твоих* (Пс. 118, 21). *Посему радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда, если вы устоите, на небесах* (Мф. 5, 12); будьте усердны в делах ваших. Молитесь об Императорах наших, об архиерее, о том, чтобы Иосиф был извергнут от жертвенника, о мире Церкви, ибо *ходящий непорочным путем заповеди Господа сильно возлюбит* (Пс. 100, 6; 111, 1), во всяком благочинии и согласном с правилами образе жизни, пока вы не услышите еще чего-нибудь, или мы не известим вас.

Христос с вами, Богородица — Покров ваш; Предтеча и Богослов — хранители ваши, и все святые молитвами отца моего и отца вашего. Приветствую всех по имени; благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми вами, сыны возлюбленные. Аминь.

XXXII. К НИКОЛАЮ, ХАЛТУЛАРИЮ

Мы понимаем, как великое благочестие твое, возлюбленный господин наш, негодует на наше смирение ввиду некоторого встретившегося обстоятельства. Но ты поистине доказал в настоящее время, что честная душа твоя чиста от всякой вражды и исполнена всякого благочестия, что ради мира Церкви Божией ты скоро и охотно вошел в сношение со Святейшим нашим патриархом тотчас после первого нашего прошения. Это — знак искренней дружбы, это — свойство человека богобоязненного, это — доказательство деятельной ревности к истине. Да воздаст тебе Господь совершенную праведную награду, хотя бы и ничего не произошло от того! Ибо не за окончание дел, но за расположение к ним, похвальное или не таковое, обычно назначает Бог воздаяния делающим.

Итак, ты в одно мгновение времени приобрел не золото и серебро, но негибнущие сокровища небесного воздаяния. Еще просим и убеждаем тебя настойчиво продолжать это дело, чтобы сам ты приобрел богатое сокровище, а мы, смиренные, удостоились лицезрения архиерея, или лучше, чтобы Церковь Божия, умиротворившись при твоём посредстве, сплела тебе великие венцы похвал. Больше ничего не нужно говорить. Но так как ты приказал объяснить, каково условие для общения с патриархом нашего смирения, то неложно извещаем великое превосходительство твое, как перед лицом Господа, ведущего тайное.

Нет у нас никакого препятствия к общению с архиереем, кроме дела об экономе, низложенном бо-

жественными правилами. И после того, как он будет отлучен от священнослужения, как прежде по благоизволению Бога и Святейшего патриарха и благочестивых владык наших (ибо он — эконом и имеет почетное звание), мы тотчас станем и служить вместе, и иметь общение и простирать руки, несколько не входя в разбирательство сослужения его в последние три года, ради экономии, не из-за страха, но ради пользы и спасения.

Пусть умолкнут лжесвидетельствующие языки, восстающие на мир Божий и говорящие, что, если эконом будет отлучен от священнослужения, то мы найдем причину к низложению нашего архиерея, как уже служившего вместе с низложенным, потом к осуждению и предшествовавшего Святейшего патриарха. Коварны уста, говорящие такое; это — выдумка клеветников и ненавистников, не желающих исцеления случившегося недуга Церкви.

Нет, да не будет; мы и предшествовавшего патриарха принимали и принимаем, и потому до смерти будем иметь общение с ним, и нынешнего архиерея принимали и принимаем, ибо за него ежедневно возносим молитвы. Пусть будет отлучен от священнослужения эконом, повенчавший прелюбодея; и тогда мы, как выше объяснили, будем служить вместе с ним, если он прикажет, в кафедральной церкви, каждый по собственному своему чину. И если это исполнится, то будет радость на небесах, мир в нашей Церкви Божией, раскол исчезнет, согласие ясно воссияет, архиерей наш будет увенчан похвалами так, что эта хвала его перейдет к последующим поколениям.

Могущественные Императоры наши вместе с драгоценными диадами своими увенчаются ан-

¹ Написано в 809 г.

гельским славословием: *священники Его облекутся* во спасение, а тем более *преподобные Его*, т. е. монашествующие, *радостью возрадуются* (Пс. 131, 9, 16). Какую и насколько великую получит награду наш владыка? Нужно ли говорить? Или, лучше, чего не произойдет? Что приятное не водворится? Прибавим к этому, что и сам эконо́м будет хвалим и прославляем и унаследует за это великую милость и в настоящем веке, и в будущем.

Мы же, грешные, будем припадать, и поклоняться и благодарить, делом и словом воздавая ему, как архиерею, честь выше, чем любому человеку, как надлежит. Для удостоверения же в сказанном представляем пространное письменное заявление о том, что после отлучения его от священнослужения по-прежнему, если мы тотчас не придем и не вступим в общение, как выше написано, да будет произнесен на нас приговор, какой вам угодно, и да не будет дозволено нам говорить более об этом предмете.

Так не Ангел, не человек, но Сам Господь через нас влечет, и побуждает, и увещевает тебя.

XXXIII. К ЛЬВУ, ПАПЕ РИМСКОМУ¹

Святейшему и верховнейшему отцу отцов, Льву, господину моему, апостольскому папе, Феодор, нижайший пресвитер и игумен Студийский.

Так как великому Петру Христос Бог даровал вместе с ключами царства небесного и достоинство

¹ Это и следующее письмо к тому же папе писаны прп. Феодором в 809 г. из ссылки на островах близ Константинополя.

пастыреначальства, то Петру или его преемнику, необходимо сообщать обо всем, нововводимом в Кафолической Церкви отступающими от истины.

Итак, научившись этому от древних Святых Отцов наших, и мы, смиренные и нижайшие, так как и теперь в нашей Церкви сделано нововведение, почли долгом и прежде — через благоговейнейшего архимандрита, брата и сослужителя нашего Епифания, и теперь — смиренным письмом нашим донести о том Ангелу верховного твоего блаженства.

Так, божественнейшая глава всех глав, состоялось, по выражению пророка Иеремии, *сборище преступников* и *собрание прелюбодеев* (Иер. 9, 2). Ибо что там было сказано через идольское прелюбодееяние, то здесь доказывается утверждением прелюбодейной связи. Те и другие отвергли Самого Господа: те преступлением закона, а эти преступлением Евангелия. И на этом они не остановились, составив на первом собрании через принятие сочетавшего прелюбодеев и сослужение с ним недозволенное *сборище*, по выражению божественного Василия¹. Но, как бы с целью приобрести название совершенной ереси, они на другом открытом соборе подвергли анафеме того, кто согласился с их незаконным учением, то есть всю Кафолическую Церковь. Из тех же, кто встретился им, одних изгнали далеко, других заключили под стражу, возобновив гонение по здешнему обыкновению.

И в оправдание свое они опираются на нечестивый довод: утверждают, что прелюбодейное сочетание есть “экономия”; постановляют, что божествен-

¹ К Амфилохию. Правило 1. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 6. М., 1892.

ные законы не распространяются на Царей; осуждают защищающих, подобно Предтече и Златоусту, истину и правду до крови; утверждают, что каждый из епископов имеет власть над божественными правилами, несмотря на содержащиеся в них постановления. Поэтому, когда кому-нибудь из посвященных лиц приходится тайно или явно подвергаться низлагающим правилам, то властью желающего он может оставаться не низложенным. И свидетелем этих слов служит сочетавший прелюбодеев, который вместе с другими осуждается различными правилами и открыто служит вместе с ними. Совершающих беззакония под видом экономии — и других, и самих себя — они называют святыми, а не одобряющих этого анафематствуют как отчужденных от Бога. Доказательством же этих слов служит и здешнее гонение.

Что же нужно, блаженный, сказать об этом? Не апостольские ли слова: *и теперь появилось много антихристов* (1 Ин. 2, 18), — если мы все, люди, имеем власть над божественными законами и правилами? Донося об этом неложно, мы, смиренные, возносим хриstopодобному блаженству твоему то же моление, которое верховный апостол с прочими апостолами вознес ко Христу, когда на море поднялась буря: *спаси нас, архипастырь поднебесной Церкви, погибаем* (Мф. 8, 25).

Поступи по примеру Учителя твоего Христа, и протяни руку нашей Церкви, как Он Петру, Он — начинавшему утопать в море, а ты — погрузившейся уже в бездну ереси. Поревнуй, просим тебя, соименному тебе папе, и как он при возникновении тогда евтихианской ереси восстал духом по-львиному, как всем известно, посредством своих догма-

тических посланий, так и ты сам, осмеливаюсь сказать, согласно со своим именем возгласи божественно, или лучше, возгреми надлежащим образом против этого лжеучения. Ибо, если они, присвоив себе власть, не побоялись составить еретический собор, хотя не властны составлять и православного собора без вашего ведома по издревле принятому обычаю, то тем более справедливо и необходимо было бы божественному первоначальству твоему, — напоминая со страхом, — составить законный Собор, чтобы православным учением Церкви отразить еретическое, чтобы и твое верховное достоинство со всеми православными не подвергалось анафеме от новых суесловов, и желающие, воспользовавшись этим прелюбодейным собором, как поводом к беззаконию, не устремились бы легко ко греху.

Возвестив об этом, как следует нашему ничтожеству, как нижайшие члены Церкви и повинующиеся вашему божественному пастыреначальству, мы, наконец, просим святую душу твою считать нас как бы собственными овцами твоими и издали освещать и утверждать священными молитвами, а если и наставлениями, то это было бы делом твоего божественного снисхождения.

Так и Христос писал к Авгарю, и многие из подвластных удостоились получить послания от апостолов и святых. Это письмо — от меня одного, грешного и содержащегося под стражей, потому что отец и служитель мой заключен, и архиепископ Солунский, брат наш, также содержится под стражей на других островах. Впрочем, и они через меня и вместе со мной говорят то же самое и припадают к священным стопам твоего блаженства.

XXXIV. К НЕМУ ЖЕ

Равноангельному, блаженнейшему и апостольскому отцу, Льву, папе римскому, Платон-заключенный и Феодор-пресвитер и игумен Студийский.

Поистине великое для нас, смиренных, и достойное высочайшей признательности дело, что мы удостоились получить от вашего апостольского блаженства ласковое приветствие и изложение внушенных Духом священных изречений ваших через Епифания, сослужителя и возлюбленного нашего сына. И это в то время, когда мы заключены лжеучителями, и притом так, что мы лично увиделись с доставившим послание. Поэтому мы возрадовались, возвеселились, восхвалили Господа, дивным образом даровавшего нам, недостойным, неожиданное, по божественным твоим молитвам, так что мы едва не увидели твои святые черты через эти изречения.

Ты по примеру Христа воззвал к нам, смиренным, и оживил дух наш, укрепил немощь, утвердил слабость, как бы помазав нас своими, превышающими наше достоинство, утешительными и назидательными речами, увещевая стоять в православной вере непреклонно до конца, что да будет нам по твоим милостивым молитвам! Мы же, ничтожные, опять сочли за благо, как прежде через нашего вернейшего доставителя писем, и потом через Евстафия, другого нашего сына, так и теперь донести тебе нужное. У нас, блаженнейший, состоялся всенародный собор, на котором заседали и начальствовали сановники, собор для нарушения Евангелия Христа, ключи Которого ты получил от Него через верховного из апостолов и преемников его до предшественника святейшей главы твоей. И как стерпит богоподобная кротость твоя, когда услышит об этом?

Начнем с закона и пророков. Так говорит закон: *не прелюбодействуй, не произноси ложного свидетельства, не произноси имени Господа Бога твоего напрасно* (Исх. 20, 13. 14. 7). И Соломон: *Содержащий прелюбодейку — безумен и нечестив* (Прит. 18, 23). И Малахия: *уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа* (Мал. 2, 7).

Перейдем к Евангелию. *Кто разведется с женою своею, — говорит оно, — и женится на другой, тот прелюбодействует* (Мф. 19, 9); и еще: *что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19, 6). А каково различие между законом и благодатью, мы знаем из слов Самого Господа, Который говорит: *здесь Тот, Кто больше храма* (Мф. 12, 6); затем и из слов апостола, который говорит: *если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то насколько тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не считает за святыню Кровь завета, и Духа благодати оскорбляет* (Евр. 10, 28–29).

Это так. Не повинующиеся Господнему слову нечестивым языком своим назвали спасительной для Церкви экономией нарушение закона и Евангелия, то есть прелюбодеяние прежнего императора, отвергшего законную жену и взявшего прелюбодейку, и еще большее этого и тяжчайшее беззаконие, то есть бракосочетание прелюбодеев, так как при этом священнодействии было произнесено лжесвидетельство на Бога, и употреблено имя Его в незаконном действии, и возложены на прелюбодеев победные о

Христе венцы с причащением Божественных Даров, которые осквернил сочетавший прелюбодеев, оказавшись поистине вестником не Вседержителя Бога, а миродержителя сатаны. И все содействовавшие и сочувствовавшие участвовали в этом преступлении вместе с прелюбодеем и сочетавшим прелюбодеев и назвали экономией столь основательной и богоугодной, что не уступивших и не заключивших дружбы с ними соборно предали анафеме с заключением под стражу и другими мучениями, как не признавших этой экономии святым делом.

Слушайте, небеса, — говорит Исаия, — *и внимай, земля, потому что Господь говорит* (Ис. 1, 2). Мы же, смиренные, теперь взываем к тебе: услышь, великая глава Божия, и внемли тому, что устроил сатана. Так, если это соборище и этот анафематствующий приговор состоялся по воле и поущению Божьему, то очевидно, что не по закону Божьему, не по пророкам, в числе которых и Предтеча, обличавший прелюбодеев; далее — не по Евангелию, вопреки которому они устроили свою любезную экономию. Ибо если они скажут, что это — от Него же, то одно из двух: или они объявляют лжеучителем Христа, Который в древности говорил через пророков и дал закон, а ныне Сам от Себя — в Евангелии; или Он Истинен, как и в действительности Он является Истиной, а они лгут и несомненно оказываются богохульниками, поэтому и подлежат той анафеме, которую произнесли против Христа и святых Его, как признавшие прелюбодейство, сочетание прелюбодеев и содействие прелюбодейному мудрым делом Бога и святых.

Иначе быть не может, *ибо нет лицемерия у Бога* (Рим. 2, 11), — а не так, как объясняют эти

прелюбодеев, утверждая, что законы Его не одинаково относятся ко всем, но перед царями отступают и получают новый смысл. Где же Евангелие царей? Поистине, они впали в крайнее нечестие, не понимая, что *Бог не взирает на лицо человека*, как говорит святой апостол (Гал. 2, 6), а также и того, что Он же, укоряя их через одного из пророков, говорит: *Вы не сохранили путей Моих, лицемерствуете в делах закона. Не один ли у всех вас Отец? Не один ли Бог сотворил вас* (Мал. 2, 9, 10)?

И Соломон пишет так: *слушайте, цари, и разумеете*, и далее: *ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией. Страшно и скоро Он явится вам, — и строг суд над начальствующими. Господь всех не убоится лица* (Прем. 6, 1, 4–7).

С другой стороны, они и все Евангелие отвергли своими прежними беззакониями, священная и божественная глава, ибо и одного беззакония достаточно, чтобы нарушить весь закон. Ибо все заповеди связаны между собой, так что с нарушением одной и прочие обязательно нарушаются, говорит Василий Великий¹, заявляя это не от себя, но со слов Христа, Который говорит в Евангелии: *кто нарушит одну из заповедей сих малейших, малейшим наречется в царствии небесном, то есть погибнет* (Мф. 5, 19). И блаженный Иаков говорит: *кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновником во всем* (Иак. 2, 10).

¹ Творения в русском переводе. Т. V. С. 75, 115. М., 1901.

Итак, блаженный, они нарушили Ветхий и Новый Завет преступлением не малых, но величайших заповедей Господних, когда противопоставили, несчастные, свой закон закону евангельскому, захотев волю царей предпочесть воле Бога.

Впрочем, каждый хочет своего, и в разное время — по-разному. И через это происходит разрушение всего, как во времена антихриста, и поэтому сатаной названное у них слово “экономия” справедливо будет назвать предтечей антихриста. А о преступлении правил нужно ли говорить? Ибо если уже отворотились от Евангелия, то о них поздно заботиться. Бог через пророка говорит так: *и ключ дома Давидова возложу на рамена его; отворит он, и никто не запрет, запрет он, и никто не отворит* (Ис. 22, 22). Они же, как враги Божии, затворили то, что Он отверз, низложив невинных, как было угодно им, а не Богу, и отверзли то, что Он затворил, возвысив подлежащих низложению по суду Божьему; одним словом, постоянно распоряжаясь священными правилами по своему усмотрению и произволу, как господа слугами и рабами.

Таковы незаконные и нечестивые предприятия и действия прелюбодейной ереси. Об этом мы, нижайшие чада Кафолической Церкви, сочли необходимым донести тебе, первой апостольской главе нашей. Впрочем, рассудить и сделать угодное Богу предстоит тебе, руководимому Духом Святым, как в других делах, так и в этом. Благоволи также удостоить нас получения изреченного тобой самим и богоначертанного послания твоего, по примеру одинаково с тобой ревновавших святых, как и теперь мы получили богатые и превышающие наше достоинство дары твои и благословения.

Тот же брат наш Епифаний известил нас, божественнейшая глава, что он получил от тебя замечание относительно еретиков Варсануфия, Исаии и Дорофея, которых мы будто бы принимаем за православных. Мы весьма изумились тому, что мы, смиренные, страждущие за Православие, еще сверх того терпим, из-за еретиков.

Да заградятся всякие уста, доносящие и клеветующие на нас! Мы — православные, хотя в других отношениях и грешные, блаженнейший, но в этом не позволяющие никакого отступления от апостольской веры, принимающие всякий истинно признанный собор вселенский и поместный, с изложенными на них святыми правилами, отвращающиеся от всякой ереси и еретика и анафематствующие их. Анафема Варсануфию, Исаии, Дорофею и Досифею, которые и преданы анафеме святым Софронием¹.

Если будет и еще кто-нибудь другой одноименный им, такой же еретик, с подобной ересью или другой, — епископ ли, подвижник ли, — кто бы он ни был, да будет анафема. И кто своевременно и необходимо не станет предавать анафеме всякого еретика, да будет часть его с ними! Ибо мы чисты от всякого еретического мудрования, священнейшими молитвами твоими, святейший.

Еще извещаем о том, что мы — хотя это не было объяснено в письме нашем, посланном с братом Евстафием, — писали к святой главе твоей через Епифания. Епифаний не солгал, и дело было так: мы

¹ Они принадлежали к секте так называемых акефалов, учивших между прочим, что человеческое естество в лице Иисуса Христа поглощено Божеским, и были преданы анафеме Софронием, патриархом Иерусалимским.

действительно вручили ему письмо¹, а потом из страха перед Императорами стерли его. Он же, понимая оставшиеся значки, с радостью принес это к святым стопам твоим после нашего изгнания. Это подлинно уста смирения нашего и слово, излившееся от сердца нашего. Пусть не подозревает святая душа твоя чего-нибудь зазорного в этом сослужителе нашем, весьма верном во всем.

Брат наш и архиепископ Солунский распростертыми руками сердца принял приветствие твоего блаженства, и через нас почтительно приветствует святую главу твою.

XXXV. К ВАСИЛИЮ-ИГУМЕНУ²

Василию, благоговейнейшему игумену и архимандриту римскому, смиренный Платон, заключенный, и Феодор, нижайший пресвитер и игумен Студийский.

Мы, смиренные, так ожидали получить письмо от твоего отеческого преподобия, как земля, жаждущая дождя своего. Потеряв же надежду, скорбели, как и следовало, но когда узнали причину от Епифания, возлюбленного и вернейшего нашего сына, а именно, что это произошло по необходимости, а не из презрения к нам, смиренным и весьма любящим твое благочестие, то оставили скорбь сердца и получили великую радость. Он известил нас, что ты остаешься в одном и том же располо-

¹ Имеется в виду третье письмо к папе Льву, предшествовавшее настоящим двум.

² Это и следующие шесть писем написаны, вероятно, в 809 г.

жении и любви к нам, и даже оказал еще больше доброты. Рассказом же о ревности к благочестию, присущей святой душе твоей, он занял весь слух наш.

Благословен Господь Сил, поставивший тебя в первом из всех городов богосветлым светильником, распространяющим слово жизни обилием добрых дел, даровавший тебе язык, свободно возвещающий божественные истины Православия возвышенным проповеданием! Поэтому и просим помогать нашей Церкви как собственными силами, так и посредничеством перед святейшим апостольским престолом. Ибо ваше мужественное заступление за слово истины служит опорой поднебесной Церкви, и ваша ревность обычно всегда возбуждает всю вселенную к пламенному исповеданию нашей веры во Святом Духе. Поэтому пусть представит твое благоговение, какое в этом основание подвига за благочестие для вас и какая похвала от Бога с достойными воздаяниями за Его защиту и исповедание. Сохраняйте же и не переставайте проповедовать Его, божественнейшие и достопочтенные отцы наши.

Для этого мы послали снова брата, поклоняющегося стопам твоим, Епифания, чтобы он известил о наших обстоятельствах, поскольку они хороши по святым молитвам вашим, как мы, грешные, радуемся и благодушествуем среди гонения и в темницах, так что дерзаем говорить: нам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него (Флп. 1, 29),— чтобы он расположил вас к усерднейшей молитве об укреплении нас, немощных, и общей пользе, о которой у нас речь уже в третий раз. Просьба к вам, святейшим, не о том, чтобы нам ос-

вободиться из заключения, — ибо это мы считаем не бесславием, но величайшей и превышающей наше недостойнство славой, — но для достижения общей пользы, хотя мы и из числа последних. Ибо всюду должно, как говорит свт. Григорий Богослов, предпочитать полезному для себя самих полезное для многих¹.

А полезно было бы то, — в чем и состоит наша цель и желание, — чтобы соборно были осуждены верховнейшим апостольским престолом (как было издревле и от начала) составившие собор против Евангелия Христова и подвергшие анафеме держащихся Евангелия и не принявших ни прелюбодеяния, ни сочетания прелюбодеев, ни прелюбодейного сближения. Чтобы были осуждены за экономию, допускаемую “святыми”, — как утверждают прелюбодеи, называя при этом беззаконных святыми, — ибо никто из святых не имел “части” с прелюбодеем, не венчал таковых и не причащал их Божественных Даров. Святые учили не давать таким ни крова, ни огня, хотя бы они были царями. Притом преступившие оскорбили и Само Божество при совершении священнодействия венчания — и произнесли анафему на Него, когда анафематствовали держащихся закона Его.

Если же этого осуждения не будет, то мы испрашиваем, наконец, ваших сильных молитв, крепкого союза любви, могущественных ответов для утешения малодушных и для укрепления немощных, в чем, конечно, вы нам не откажете, святейшие, возлюбленные и приснопочитаемые отцы наши.

¹ Творения в русском переводе. Т. I. С. 252—253.

XXXVI. К ЕВПРЕПИАНУ И НАХОДЯЩИМСЯ С НИМ

Я твердо надеюсь, возлюбленные чада, что вы ведете мирную и богоустановленную жизнь. Поэтому обращаю речь к самому необходимому. Что же это? Когда мы раскроем их нечестивое учение и покажем причины, по которым они анафематствовали нас вместе с другими, то ясно обнаружится, что они — не просто какие-нибудь еретики, но отступники от Евангелия Божия, проклявшие святых и нарушающие правила.

Во-первых, они поступают против Ветхого и Нового Завета. *Не прелюбодействуй*, — говорит закон, — *не произноси имени Господа Бога твоего напрасно* (Исх. 20, 14, 7); *один закон да будет и для иудея, и для пришельца* (Исх. 12, 49). Потом Евангелие, или Христос говорит: *вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам: и не взирай на женщину с вожделением* (Мф. 5, 27, 28), и еще: *Тот, кто нарушит одну из этих заповедей малейших, малейшим наречется в царствии небесном* (Мф. 5, 19), т. е. будет ввергнут в огонь, как толкуют Отцы.

А эти, — страшно и слышать, — прелюбодеяние, запрещенное законом и благодатью, вплоть до взгляда с вожделением, нарушение первой в жизни и величайшей заповеди, и притом употребление имени Божия не всуе, а при таком беззаконном и нечестивом действии, то есть употребление имени Божия при бракосочетании прелюбодеев, приобщение Таин Христовых и противное Богу венчание, совершенное поистине виновником прелюбодеяния диаволом и его служителем, — назвали Божией экономией, благой и спасительной для Церкви.

Закроем уши наши, братья, чтобы нам как-нибудь не погибнуть от этого богохульства. А в оправдание себе они говорят, что по отношению к царям не нужно обращать внимания на законы Евангельские. Вот другое предвозвещение антихриста! Что же значит: *один закон да будет* (Исх. 12, 49)? Что значит: *строг суд над начальствующими. Господь всех не убоится лица* (Прем. 6, 5)? Что значит: *Бог не взирает на лицо человека* (Гал. 2, 6)? Кто же законодатель для царя? Если по начальнику бывает и подчиненный, то Евангельские законы не только для подчиненных. Ибо если эти законы относятся к первому, то и к последним, чтобы, подчиняясь одному закону и законодателю, они были покорны и мирны. Если же к начальнику не относятся, когда он хочет, — он же, может быть, не захочет соблюдать ни одного, — а к подчиненным относятся, то одно из двух: или царь этот Бог, ибо только Божество не подлежит закону, или будет безначалие и восстание.

Поистине, где нет одного закона для всех, то как быть миру, когда царь хочет одного, например, прелюбодействовать или еретичествовать, а подданным заповедано не иметь участия с прелюбодеем, не участвовать в ереси и не преступать ничего, переданного Христом и апостолами? Разве из этого не ясно, что антихрист уже при дверях? Ведь прелюбодеи не осмелятся сказать: неужели царь не может сделать и приказать, чтобы народ подчинился тому, что он незаконно совершает? В этих словах их ясно виден антихрист. Ибо и он, будучи царем, станет требовать только того, чего он хочет и что приказывает; и никакого различия не будет между ним и предшественниками его, кроме того, что он будет

желать и требовать не того, чего они и прежде, и теперь желали бы.

Такой же произвол показан и епископами на соборе. Разве всякий здравомыслящий и не любящий споров не согласится, что это действительно так? Может ли быть что-нибудь хуже этой ереси до самого явления антихриста? Я не думаю, что оно уже наступило; но, начавшись ныне, оно достигнет своего конца в то время. И те, которые падут теперь, пали бы, если бы были и тогда, а те, которые силой Божией устоят в борьбе, были бы и в те дни победителями антихриста через смерть со Христом.

Но, о бедствие человеческое! Иные уже и теперь повернули тыл! Как мы ясно показываем, чем мы будем! Поэтому немного таких, которые устоят; поэтому будут Илия и Енох (не знаем, будет ли также Богослов и евангелист) помощниками человеческой немощи, предстоятелями и победоносцами в исповедании Христовом; поэтому *прекратятся дни* того бедствия, которое уничтожается явлением Христовым (Мф. 24, 22).

Понимающие, стойте, не отрицайтесь Христа отныне, ибо настоящее является началом того, что должно быть тогда. Второе не нуждается в продолжительном объяснении, становясь ясным из предыдущего. Ибо анафематствовавшие тех, которые не принимают ни сочетания прелюбодеев, ни прелюбодеяния императора, ни беззакония всех присутствующих и принимавших в этом участие под видом святой экономии, что иное сделали, как не анафематствовали святых, прежде всего Предтечу, и, — справедливо, хотя и страшно, сказать, — Самого Владыку святых? Ибо Он, без сомнения, запретил это, не принимает и не одобряет, но угрожает неиз-

бежным судом даже только общающемся с прелюбодеем, не с каким-то определенным, но со всяким, кто бы то ни был, — царь или вельможа, малый или великий.

Один закон да будет, — говорит Писание (Исх. 12, 49), и одно Евангелие мы приняли. И кто бы ни стал изменять в Евангелии что-нибудь, хотя бы он был Ангел с неба, у тебя достаточно твердое положение. А император разве больше Ангела? Миродержитель в этом мире не больше ли всех бесов и людей, управляющих с властью людским, а не божественным? И однако что говорит апостол? *Анафема да будет* (Гал. 1, 8). Ангелы не дерзают изменять, а если изменяют, то не остаются не анафематствованными, как диавол и его отступническое общество. Как же при этом какой-нибудь человек, находящийся во плоти, изменяя и делая нововведения, особенно нововведения такого рода, не будет чужд Богу?

У этих же получилось, что тот, кто не принимает запрещенного Богом, — ибо должно снова начать речь оттуда, где она укрепилась, — по приговору прелюбодеев (точнее, антихристов), уже предан анафеме. Если же о Господе они говорят подобно иудеям, что Он *изгоняет бесов силою веельзевула* (Лк. 11, 15), то что скажут они относительно рабов и служителей Его? Их они или признают не повинующимися законам Господним в их экономии, сделав сочетание прелюбодеев и общение с ними равными по силе с экономией (потому и предали святых анафеме, как беззаконников и преступников заповедей, за что, конечно, сами должны быть анафематствованы); или, признавая их хранителями законов, они, несчастные, отлучили самих себя, а не святых,

присвоив себе имя святых в так называемой у них экономии при сочетании прелюбодеев.

Через это они опять же анафематствовали святых, как не святых; потому что, по их мнению, святые — это те, которые по возможности соблюдали и соблюдают экономию при сочетании прелюбодеев и общении с прелюбодействующим властителем, а те, которые не принимают оправдывающей прелюбодеяние экономии и которые не следуют их стопам, — чужды Богу, беззаконники и нарушители заповедей.

Так, с какой стороны тебе угодно и на какое слово этих нечестивых захочешь обратить внимание, вникни, благоразумный, и ты удивишься, увидев и найдя бездну над бездною нечестия. Ибо ереси не напрямую обнаруживают все свое нечестие, но одни из них совершенно отступили от Евангелия, а другие, прикрываясь некоторыми евангельскими изречениями, выдают себя за не противоречащие Божиим увещаниям, но по видимости всецело ратующие за них, придавая им такой, а не другой смысл, и таким образом приписывая двусмысленность Божественным изречениям. Так как они отступают от здравого смысла, то и названы ересями. Но здесь явное отступление от веры. Они не отступают от здравого смысла, но когда говорят: “Хотя Христос сказал так и закон гласит то же, однако по отношению к царям должно быть по-другому”, — то нарушается Евангелие.

Посмотри, как началу соответствует конец. Со времени воплощения Христова начались ереси, не согласные с Евангелием. Потом диавол, отраженный мало-помалу преуспевавшей благодатью, стал вторгаться прикровенно, под видом самого Евангелия: породил ереси, вплоть до иконоборческой,

прикрывая свою отраву Писанием и самими его изречениями. Когда же он увидел, что люди внимают ему и уже приближается конец времен, то начал снова разжигать ненависть против самого Евангелия, чтобы удобнее встретить антихриста, в котором он будет обитать, в котором откроется вся его жестокость и отвратительность и которого скоро умертвит Господь своим явлением.

Что сказать о третьем? Те, которые дерзнув открыто нарушить Евангелие предали анафеме не хотевших нарушать его, станут ли они заботиться о правилах, даже и запечатленных Духом Святым, хотя определением их решается все, касающееся нашего спасения? Ибо у них нет священства, жертвы и прочих средств врачевания наших душевных болезней.

Впрочем, для чего я говорю о правилах и делаю различие? Говорить о них и о Евангелии Христовом — одно и то же. Ибо Он Сам даровал ключи царства небесного великому Петру, сказав: *что разрешишь и что свяжешь на земле, будет то и другое на небе* (Мф. 16, 19), также и всем апостолам: *Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 22). Соответственно этому передает власть и их преемникам, если только они будут так же поступать. Поэтому Василий и равные ему святые принимали эти правила, как апостольские, и следовали им, нисколько не изменяя их, но дополняя по необходимости. А эти епископы на деле оказываются новыми лжеапостолами, когда совершенно не по установленным правилам святых, но вопреки им, по своему произволу и решению иногда разрешают то, чего нельзя разрешать и связывают

то, чего нельзя связывать. Вы можете видеть, что это совершается ежедневно. Святое осквернено, и прелюбодейный собор явно и тайно служит опорой для греха: низлагается достойный, рукополагается изверженный; подлежащий по правилам низложению допускается безнаказанно совершать священнослужение, и совершается возведение в сан по приказанию человеческому, а не по определению Бога и правил.

Но увы мне, как прискорбно изображать все это! И кто из имеющих чувствительное сердце не станет скорбеть и вздыхать? И какой ум, взирая и вникая в это, не признает, что это ересь, отступившая от Христа? Впрочем, для чего мне высказывать все, что есть на уме, и переходить меру письма? Сказанное само по себе очевидно, не приукрашено, не трудно для понимания, — с одной стороны, потому что я не имею способности говорить высоко и весьма не красноречив, не многословен и малосведущ (имея и это по молитвам общего моего и вашего отца); а с другой — потому что некоторые из вас не могут понять отвлеченного изложения ереси. Кроме того, слово истины просто, и эта ересь очевидна, чужда догматов и понятна даже младенцу. Кому сказал Бог, речь того кратка. Они же не право поступают, а право поступающих предают анафеме. Да даст вам Господь благодать во всем, возлюбленные чада!

XXXVII. К ИОСИФУ, АРХИЕПИСКОПУ СОЛУНСКОМУ

Ныне присланное ко мне письмо твое, исполненное смирения, мудрости твоей и любви ко мне, несчастному, и превышающей мое достоинство хва-

лы твоей, преблаженный брат и отец мой, содержит чистую и несмешанную истину, далеко сияющую из твоей световидной души. Радостно приняв ее, я возблагодарил исполнившего мое желание Христа, Подателя всех благ. И как не благодарить? Ты, обогащенный ведением и ревностью о должном, и кроме того, истинный сын общего отца, мыслишь и поступаешь согласно с нами, нижайшими! Это хорошо; для меня, когда буду выслушан, особенно вождельно согласие нас обоих. Через него луч истины яснее блистает, а коварство, или, точнее, ночное мерцание противящихся ей ослабляется и помрачается.

Впрочем, прости, найдя в письме деление необходимого, я изумился. Ибо это — деление не необходимого, а случайного, которое делится на три: на большее, равное и меньшее. А первое делится на настоящее и будущее; потом настоящее подразделяется на постоянное и случающееся; а случающееся подразделяется на подлежащее и сказуемое. Часто случающееся переходит в существующее, а уже это — в необходимое. Но последующее не переходит назад в предыдущее, хотя и происходит от него. Ибо, если что-то необходимо, то оно уже не случайно; а часто случающееся, переходя в существующее, бывает необходимым.

Например: всякий человек грамматик; и: некий человек грамматик. Первое случайно, ибо так может быть, а второе необходимо, коль скоро оно действительно существует. После смерти же его эта необходимая действительность прекращается. Это, так сказать, существует, если существует, — то есть до тех пор, пока существует. А есть иное, что никогда не изменяется по сравнению с тем, чем оно является, например, вечные блага, Ангел и душа.

Итак, мы нашли то, что искали: подпавшего под правило, касающееся случайного, можно иногда наказывать за другие нечестные дела по правилу, которое касается необходимого; а подпавшего под последнее нельзя наказывать по случайному, это уже не допускается и равносильно невозможному. Ибо все невозможное — в обратном смысле то же, что и необходимое; например, необходимо, чтобы солнце сияло, и, наоборот, невозможно, чтобы оно не сияло. Если же оно некогда не сияло, как говорит святость твоя, именно при страдании Христовом (не знаю, как бывает ночью), — то это чудесные, не обыкновенные, не постоянные явления, а сверхъестественные, или преестественные; и во-первых, это произошло при домостроительстве Христовом, во-вторых же, нынешнее беззаконие совершилось отнюдь не в сокровенном месте и не мимоходом, но явно и принято как закон соборным деянием изгнание защищающих истину, как будто за преступление какого-либо из божественных правил, или, справедливее сказать, за тяжкую и нечестивую ересь.

О, дерзость виновников этого! Но так как им угрожает осуждение за презрение божественных законов, а точнее, Евангелия и всех правил, то нам, смиренным, опасно оставлять без внимания что-нибудь из надлежащего. Какая может быть экономия по отношению к тем, кто служит вместе с сочетавшими прелюбодеев и председательствовал на соборе, утвердившем прелюбодеев, как сказал божественный Василий? Ибо он говорит, что иногда и удалившиеся вместе с непокорными, если раскаются, принимаются в тот же чин¹, но не от нас, хотя бы

¹ К Амфилохию. Правило 1. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 6. М., 1892.

они и раскаялись, а от равностепенных, по выражению божественного Дионисия.

Прочее предоставляю твоему благоразумию, которое может свято прозревать и то, что от нас скрывается. Хвала Богу за освобождение братьев, если это справедливо. Хвала Богу и за богодарованное терпение твое, брат мой, в жестоких огорчениях от тамошних людей, не обрезанных духом. Не оставь меня постоянным напоминанием, которое пробуждает меня, спящего, еще и теперь нуждающегося в священных молитвах всех вообще, особенно отца нашего и твоих. Я узнал, что ты, благодатью Божией, написал некий труд, и желал бы, если позволишь, прочитать его для пользы.

XXXVIII. К АРСЕНИЮ, СЫНУ

Как я ныне обрадовался, прочитав письмо твое, возлюбленный сын мой, не столько тому, что у тебя больше существует возможностей сноситься с братьями, хотя это и вождедено, сколько Божией благодати слова, которой ты заграждаешь необузданные уста еретиков! Итак, да прибавит еще тебе Господь слово ведения и мудрости для обличения защитников нечестия, чтобы тебе справедливо можно было воспевать вместе с божественным Давидом: *уста мои я открыл и привлек в себя Дух, ибо заповедей Твоих не забыл* (Пс. 118, 131, 176). Неистововавшие же прелюбодеи, напротив, делами своими как будто произносят следующие слова Писания: *отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих* (Иов. 21, 14). Ибо, если бы они знали, то не нарушали бы заповедей Господних, и нарушив, не признавали бы соборно этих преступлений экономией,

спасительной для Церкви Христовой, предавая анафеме не одобряющих этого.

Такое учение столь нечестиво, что им не только нарушается святое Евангелие (ибо нарушением части естественно нарушается целое), но упраздняется и само домостроительство Христово, так как они противоположны друг другу. А что сочетание прелюбодеев, названное ими спасительной экономией, противоположно Божественному и направленному к истреблению греха домостроительству, это очевидно для всякого.

Впрочем, этот прелюбодейный собор полон и других преступлений, о которых расскажет тебе брат Евпрепиан, если тебе придется опять увидеть его.

Будь здоров и мужайся, сын мой, отражая невидимо нападающих с обеих сторон врагов силой веры, страха Божия и любви. Ибо когда они, нападая извне посредством вводимых ими ересей, отражаются православным суждением, то нападают, коварные, изнутри, стараясь похитить душевное сокровище. Да избавимся от их уловления, воздевая руки к Богу, при помощи молитв общего нашего отца и всех благочестивых, я, и ты, и все братья наши!

Игумен Авлита играет на флейте¹, но нечто непонятное и несогласное с Духом Святым. Словами же, что он взирает на Рим, прикрывает слабости и ложно оправдывается в соответствии с настоящими обстоятельствами, а то, что он говорит о Савве и Феоктисте, благочестивейших монахах, и о том, что происходит в Риме,— несправедливо. Ибо они на-

¹ Вероятно, название монастыря, подавшее повод к употребленной здесь игре слов: слова “Авлит” и “флейта” по-гречески звучат схоже.

стаивали, чтобы обращающиеся из иконоборческой ереси епископы не были принимаемы в своем стане, притом не все, но главные и высшие начальники ереси, по словам святого Афанасия¹, что справедливо. Но когда собравшийся в то время собор рассудил принять всех, следуя примеру четвертого святого Вселенского Собора, то и они согласились; потому что не было нарушено ничего необходимого. Относительно же симониан тогда не было ничего объявлено, так как это дело должно было рассматриваться после собора. А когда было рассмотрено, то... во-первых, епитимья на один год и более²...

О, дерзновение! При помощи некоторых монахов, имена которых обхожу молчанием, патриархом было издано определение об уничтожении низложения навсегда, так что те, которые низложены Богом через верховного апостола Петра, снова могут стать священнослужителями Христовыми. Так как на это не только не согласились единомысленные с Саввой, но и вступили в спор с ним, то что делает последний? Он исправляет зло добром: он отрекается от того, что назначал такую епитимью и принимал рукоположивших и рукоположенных за деньги. Но говоря это, он разоблачается тогдашней императрицей, которой он и был увлечен назначить незаконную епитимью.

Наступил день Богоявления Христова. Пришли в этот день и подвергнутые епитимье, исполнив свое наказание, и потребовали разрешения. Тот отказал,

¹ Афанасия Александрийского правило 2.

² Пропуск в греческом подлиннике. По мнению Барония, здесь говорится об обстоятельствах, относящихся ко времени седьмого Вселенского Собора.

но императрица настаивала на их принятии. Патриарх снова меняет добро на зло: открыто служит вместе с ними в тот самый праздник, конечно, не против воли, но добровольно, коль скоро он служил, имея возможность не сослужить с низложенными, хотя иной и скажет, что он не мог поступить иначе. Отсюда пошло разногласие его с единомысленными с Саввой, отсюда получило силу разрешение, превышающее божественные правила. Рим же не одобрил этого (да не будет!), но признавал и сам собор не вселенским, а поместным и исправлявшим собственные погрешности. Ибо заседавшие не были представителями других патриархов, это ложно. Римские присланы были сюда по другой причине, не для собора.

Поэтому, как говорят, по возвращении своем они и были низложены пославшим их, хотя и оправдывались принуждением. Другие же восточные представители были убеждены и увлечены здешними, а не посланы патриархами (потому что патриархи и в мыслях не имели такого), или уже после признаны посланными от них из страха перед народом. Здешние же делали это с той целью, чтобы склонить еретическую народ к Православию тем, что будто бы на самом деле был созван Вселенский Собор.

Если же ты скажешь, почему мы тогда не противодействовали и почему после собора приняли рукоположение от господина Тарасия, то мы в свое оправдание и тебе, и всем говорим: с одной стороны, мы были подвластными и тогда не знали того, что нам стало известно после, а с другой стороны, мы имели основательную причину в словах Тарасия, что он и епитимьи не назначал бы, а также ни с кем из

таких людей не стал бы служить вместе, если бы знал, но и низложил бы их.

Хотя на самом деле было не так, как оказалось, но мы, желая согласия, удовольствовались сказанным, рассудив, что в сомнительном деле надо снисходительнее склоняться к миру, как говорит в одном месте свт. Григорий Богослов¹, а вместе с тем и потому, что он был одобряем за Православие и за мужественную ревность о нем со стороны прочих Церквей.

Это я изложил тебе, сын мой, чтобы ты знал, что тебе следует знать, а также и то, что единомысленные с Саввой имели и имеют основание для своего мнения, если не соглашались с патриархом по этой причине, а не по каким-либо другим неблагоразумным поводам. Ибо, как мы на основании отзыва, что он не принимает таких, а и низлагает, имели общение с патриархом, так они, на основании сделанного явно, справедливо защищают божественное правило. И, конечно, нет никого, кто мог бы возразить им в этом, хотя бы сказали, что Тарасий принял рукополагавших за деньги, приспособляясь к обстоятельствам, даже если бы предстали Петр и Павел. Ибо они сами постановили такое правило и сами говорят: *но если даже мы или Ангел с неба стал бы благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1, 8).

XXXIX. К ФЕОФИЛУ-ИГУМЕНУ

Хотел я скорее послать письмо твоей святости, но не находил удобного способа, содержась под крепкой стражей. Когда же Благой Бог благоволил

¹ Творения в русском переводе. Т. I. С. 192—193. М., 1889.

доставить и способ, и лицо, тогда я, смиренный, исполняю свое желание, приветствую и обнимаю тебя, моего духовного отца, которого поистине очень люблю. Ибо, разлучив нас телесно, начальники века сего этим еще не расторгли нашего единодушия по Богу и расположения друг к другу, но еще более укрепили их. Ибо я уверен, что и твое преподобие любит нас, недостойных, и непреклонно пребывает в православном и богоугодном исповедании, на основании того, каким ты и прежде, и после показывал себя пред Богом и людьми. Ты избрал вместе с нами, смиренными, и гонение за благочестие, хотя этого и не хотели властители, опасаясь изгнать и заключить многих и надеясь этим как бы убедить мир, что несогласие с ними ограничивается нами одними, а других противящихся нет. Между тем таких множество в их державе, хотя они и скрываются по причине страха или приспособляясь к обстоятельствам, так что можно повторить слова божественного Давида, который взывает: *попытаюсь счесть их, но они многочисленнее песка морского* (Пс. 138, 18).

Подлинно, это нечестие не малое и не тайное, но весьма великое и очевидное для имеющих ум. Они, святейший, извратили домостроительство Христова, насколько от них зависело, объявив нарушение Евангелия через сочетание прелюбодеев, а прелюбодееяние — экономией, спасительной для Церкви, и предав анафеме не одобряющих этого. Они нарушили Евангелие преступлением одной заповеди, объявив это преступление Божиим домостроительством, ибо, если тот, кто соблюдает весь закон, как написано, *согрешит в чем-нибудь одном, становится виновным во всем* (Иак. 2, 10). Они же совершивших падения, самого прелюбодеея и соче-

тавшего прелюбодеев, сообщников прелюбодея и всех, имевших часть с ним (потому что нельзя разделять друг с другом совершивших и увлеченных ими) называют не виновными, но домостроителями Божиими. Неужели солгал Тот, Кто объявил таких людей виновными? И тогда святые перестают быть домостроителями Божиими, потому что никто из святых не преступал закона Божия, а преступивший не может быть назван святым.

Эти же люди считают настоящее преступление неизменным догматом, как бы законом Божиим, а не принимающих участия в этом вместе с ними — предадут анафеме. Но святые на небе и на земле, конечно, не содействуют прелюбодеянию.

Итак, очевидно, что они нарушением одной евангельской заповеди не только извратили все Евангелие, соборно признав это нарушение спасительной для Церкви экономией и приняв, насколько это от них зависело, неизменный закон, что это бывает при нарушении всякой заповеди и называется экономией, но и анафематствовали святых, не одобряющих этого, ибо и Бог не одобряет такое.

Впрочем, зачем много говорить о том, чего письмо не может вместить? Тяжкое лжеучение объявлено нашей Церкви. Эта прелюбодейная ересь вместе с извращением Евангелия нарушила и божественные правила, признав невинным прелюбодея, низложенного ими. Ибо, если уж они презрели Евангелие, то заботиться о священных правилах было бы для них потерей времени. Напомнить об этом тебе, моему отцу, я счел необходимым вместе с моим приветствием, чтобы ты, зная, что это ересь, избегал ее и еретиков, чтобы не имел общения с ними и не поминал их на Божественной Литургии в священной-

шей обители своей, ибо страшные угрозы произнесены святыми для тех, кто участвует с еретиками даже в принятии пищи.

Если же твое преподобие спросит, почему мы сами не говорили этого прежде взятия под стражу, но даже поминали господствующих в Византии, то прими к сведению то, что тогда еще не было собора и не было произнесено это нечестивое учение и анафемы. До этого небезопасно было совершенно отделяться от беззаконников, разве только избегать явного общения с ними и по надлежащей экономии поминать до времени.

Когда же еретическое нечестие открыто обнаружилось во время собора, то теперь следует и твоей осторожности вместе со всеми православными говорить смело, не имея общения со лжеучителями и не помяная никого из присутствовавших на прелюбодейном соборе или разделяющих образ его мыслей. По истине, преподобный отец, следует тебе, Феофилу, живущему во всем согласно со своим именем¹, любить Бога и в этом. Ибо Златоуст великим и громким голосом объявил врагами Божиими не только еретиков, но и вступающих в общение с ними. И если твоя твердость не устоит, то кто же спасется? Если тот, кто прежде совершенного обнаружения ереси дерзал силой Божьей, как святой, станет уклоняться теперь, после обнаружения ереси, то как другой осмелится подать голос? Если монашеский чин не вменит *все за сор* (Флп. 3, 8), т. е. монастыри и все находящееся в них, то как мирянин оставит жену, детей и все прочее? Поэтому напоминаю, как наименьший брат и сын: не будем молчать, чтобы у нас не поднялся вопль содомский, не будем жалеть земного, чтобы не

¹ Феофил (греч.) — любящий Бога.

потерять небесного, не будем подавать соблазна Церкви Божией, которая может состоять и из троих православных, по определению святых, чтобы нам не быть осужденными судом Господним.

Не ради себя самого говорю это я, окаянный, — ибо для меня (дерзновенно сказать) и умереть за истину — приобретение, радость и жизнь, если мы будем укрепляемы вашими священными молитвами, — но ради давней и духовной любви между нами и ради общей пользы. В самом деле, если Сын Божий, Господь и Владыка всех, принес Себя Самого в жертву за всех Богу и Отцу, то чего не должны мы потерпеть и перенести ради Него, особенно монашествующие и распявшиеся отречением от мира, истинно и не напрасно отрехшиеся? Не по внешнему виду надо судить о делах — ибо многие надевают маски и не являются тем, чем кажутся, — но по истинным делам.

Итак, монахи в настоящие времена пусть покажут это делами. А дело монаха — не допустить ни малейшего нововведения в Евангелии, чтобы, подав мирянам пример ереси и общения с еретиками, не подвергнуться ответственности за их гибель. Много лишнего сказал я об этом предмете, с позволения высокого смиренномудрия твоей святости. Ты же, отец мой, молись и умоляй о мне, немощном и грешном, но весьма много любящем тебя. Содержимый под стражей вместе со мной также приветствует тебя и испрашивает молитв твоих.

XL. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ

Снова ты в темнице, возлюбленный сын, но это снова позор для бесчестных еретиков, а для тебя —

умножение наград и почестей небесных. Поэтому о них я въздыхаю и плачу, о тебе же радуюсь и благодарю. Разве ты не делаешься более испытанным благодаря вторичному заключению под стражу, подобно золоту, дважды сжигаемому в горниле? Укрепляйся же, святой сын мой, и являйся перед Владыкой Господом во всем чистым и непорочным, сосудом поистине благопотребным, уготованным на всякое доброе дело (2 Тим. 2, 21).

Переноси долготерпеливо необычность второго стража твоего (не скажу — игумена или священника: ибо никакой служитель Божий и монах не станет прислуживать в воинских делах и даже общаться с таким прислужником). Впрочем, извести меня, как он обходится с тобой, ибо, я думаю, он лучше прежнего.

Но так или иначе, ты все-таки, сын мой, стой мужественно, облегчая скорби радостными надеждами и пользуясь уединением для приобретения бесстрастия посредством обращения взоров к одному только Богу, взирающему на тебя, и посредством постоянного соединения с Ним, с презрением отвергая негодные помыслы, приносимые сеятелем плевел.

Что же касается желания твоего, чтобы я обстоятельно отвечал о ересьях и крещениях, то это превышает меру письма, и притом излишне было бы распространяться о том, что богоносный Елифаній исследовал и описал, как никто из Отцов. Поэтому прочитай священную книгу его об этом, и из нее узнаешь, что желаешь узнать. Тебе вручит ее добрый Евпрепиан.

О крещаемых кратко отвечу. Суждение о них троякое. Крещаются маркиониты, таскодругиты, манихеи и подобные им до мелхиседекиан, всего

двадцать пять ересей¹. Помазуются святым миром тессарескедекатиты, новатиане, ариане, македоняне, аполлинаристы — всего пять. Не крещаются и не помазуются, а только анафематствуют свою и всякую другую ересь мелетиане, несториане, евтихиане и подобные им, до нынешней ереси, количества их теперь я не указываю, потому что ересь акефалов распадается на много частей, и письмо было бы слишком длинно.

Относительно же сказанного тобой, что правило не различает, но определенно гласит, что рукоположенные или крещенные еретиками не могут быть ни клириками, ни верными, — прими во внимание, что апостольское правило называет еретиками тех, которые не крещены и не крестят во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Тому же научаемся мы и божественными словами свт. Василия Великого. Он говорит, что “ереси — это те, которые совершенно отторглись и стали чуждыми по самой вере; расколы — те, которые по другим каким-нибудь причинам церковным и по вопросам исправимым имеют разногласия между собой; а недозволенные сборища — это собрания, составляемые непокорными пресвитерами, или епископами, или невежественным народом”.

Сам же он, приводя один пример первого, говорит к святому Амфилохию: “Какое основание принимать крещение их (пепузиан), которые крестят в Отца и Сына и Монтана или Прискилу? Те и не крещены, которые крестились в то, чего нам не передано”. Поэтому правило и Отцы, как говорит боже-

¹ Т. е. крещаются при обращении в православную веру. Апостольское правило 49.

ственный Василий, называли их и подобных им еретиками. Далее святой Василий приводит пример второго: “Кафары принадлежат к числу раскольников”¹.

Если же ты спросишь, почему называются еретиками и эти, и все последующие, то мы говорим и понимаем это так. Первые — еретики в собственном смысле, потому что они нечестиво учат о самой сущности нашей веры в Троицу. Вторые называются еретиками по злоупотреблению этим словом и потому, что их производят от первых. Они исповедуют и веру, и Крещение в Троицу с сохранением особого свойства каждой Ипостаси, а не только одного общего Трем, хотя о другом и учат еретически. Пример третьего также приводит сам святой отец: “Например, если кто-то после обличения во грехе, удален от священнослужения и не покорился правилам, но сам себе присвоил председательство и священнослужение”. Как вторые соименны первым, так и третьи соименны вторым. Так, мелетиан, которых увлек за собой раскольник Мелетий, древние называют раскольниками, хотя они не держатся лжеучения, ибо они, анафематствуя собственный раскол, как говорят, принимались Кафолической Церковью. Вообще, ереси подобны некоторой цепи, сплетенной бесом: они держатся одна другой и все зависят от одной главы — нечестия и безбожия, хотя различаются по названиям, по времени, месту, количеству, качеству, силе и деятельности. Так, одно и то же тело состоит не из одного только члена, но из многих, различны их действия друг на друга, силы, свойства, отношения и значения.

¹ К Амфилохию. Правило 1. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 6–7. М., 1892.

Относительно других твоих вопросов. На первый из них — о православном пресвитере, из страха гонения поминающем епископа-еретика, — я отвечал тебе прежде и опять скажу: если он не служит вместе с еретиком и не имеет общения с такими людьми, то должно принимать его в сообщество при псалмопении, при благословении яств, и то по экономии, но не при Божественном Причащении. Когда господствует ересь, непременно нужно исследовать и, приняв исповедание, довольствоваться им, если только оно не будет явно ложным. Ибо могу сказать тебе, что мы научились от Отцов не исследовать в такое время, когда не свирепствует ересь, и не исследовать относительно лиц, не осужденных явно. Ныне же редко можно найти такого пресвитера, который бы не сносился и не имел общения с еретиками.

Второй вопрос — о христоролюбивом человеке, приглашающем в свою часовню отслужить всенощную: должно ли служить в ней и с кем? Нужно согласиться, и идти, и петь вместе, — конечно, если приглашающий и певцы православны, и тот и другие остерегаются общения с еретиками. Нужно и служить в часовне, если владлец достоверно докажет, что в ней еще не служил еретик. Ибо уже сказано, что нужно исследовать всюду по причине свирепствующей ереси.

Третий: если кто-нибудь из православных примет от кого-нибудь церковь, а там окажется обычай — собираться народу однажды или дважды в год и на Литургии помянуть еретика, то петь там по необходимости можно позволить, но служить Литургию — нет. А если возможно прекратить этот обычай, то следует и Литургию служить.

Четвертый: если встретится церковь, в которой служащий поминает еретика, а православный священник имеет освященный жертвенник на плащанице или на досках, то можно ли полагать его в той же церкви в отсутствии поминающего и служить на нем православному? Не следует, но лучше по необходимости служить в обыкновенном доме, избрав какое-либо чистое место.

Пятый: если в пути случится православному быть приглашенным каким-нибудь священником или мирянином на общую трапезу и будет время песнопения, то как нужно поступить? Я сказал и опять скажу: когда ересь господствует и не поражена православным собором, то необходимо исследовать, как при Божественном Причащении, так и при общей трапезе, и в этом отношении нет места ни стыду, ни медлительности. Чтобы просто принять хлеб от кого-нибудь, не нужно исследование, так же, как и чтобы принять от него угощение, может быть, наедине, и получить ночлег, — конечно, в том случае, если раньше он не был известен ересью или нравственной испорченностью. Но относительно прочего по необходимости должно исследовать.

Шестой: если православный на дороге встретит церковь возле села или города, то следует ли ему молиться там, или даже остановиться, избегая входить под кров к мирянам? Следует и молиться, и останавливаться, если она одна. Но и в доме мирянина, и в доме священника — безразлично, как сказано, по необходимости по причине позднего времени, можно остановиться и вкушать пищи наедине, без исследования, и принять нужное (если, как я сказал, принимающий ранее не был известен принимаемому как принадлежащий к числу нечестивых или безза-

конных). А без необходимости нехорошо принимать сказанное как придется, но должно исследовать и останавливаться у православного и, если нужно, у него брать потребное для дороги: ибо так заповедует Господь через святых Своих.

Пресвитеру и игумену ты хорошо ответил, что отлучены от священнослужения те, кто ныне рукоположен епископом, оказавшимся еретиком, хотя и говорящим, что собор был дурной и мы погибли. Ибо почему он, признавая это, не убегает от гибели, уклоняясь от ереси, чтобы быть епископом Божиим? Тогда и рукоположения его тотчас будут приняты. Или почему, при господстве ереси, игумен послал братьев для еретического рукоположения?

Итак, если бы рукоположивший исправился, то им тотчас можно было бы священнодействовать; а так как он пребывает в ереси, поминая еретика, то хотя бы он и говорил, что имеет здравый образ мыслей, невозможно, чтобы рукополагаемые им были истинными служителями Божиими. Если же в игумене воспламенится дух ревности по Боге и он пожелает получить венец исповедания, то пусть и не служит в церкви, в которой тот председательствует, и не поминает его как епископа. Блажен он будет, являясь примером спасения и для многих других.

Когда же в той же церкви будет помещен жертвенник, то нет никакого препятствия служить там. Что я забыл отметить выше, о том напомним здесь. Когда святой Василий говорит об участвовавших в недозволенных собраниях, что иногда и находящиеся в церковной степени и отступившие с непокорными, если раскаются, принимаются в тот же чин, — то, да не подумает твое благочестие, что эти слова противоречат апостольскому правилу, которое гласит:

“Если кто, принадлежа к клиру, будет молиться с низложенным, как с клириком, да будет низложен и сам”¹. Вспомни, что как положено Отцами различие между ересями и расколами, так по последовательности мыслей различается, к кому относится правило, низлагающее безвозвратно, а именно — к молящемуся вместе с низложенным, а не к участвующему в недозволенном собрании. Ибо тот знает, что он молится вместе с явно низложенным, и потому справедливо тотчас низлагается, как не повиновавшийся правилу, а этот — как не считавший низложенным того, к которому он был увлечен толпой: “если раскается, принимается в тот же чин”, — говорит святой отец.

В словах святого часто повторяется и то, что и раскаявшийся не принимается в тот же чин². При этом эти слова произнесены условно; апостольское же правило говорит решительно и безусловно.

Что лжеименный Христофор³ опять возвратился на свою блевотину (2 Пет. 2, 22), этому я несколько не удивился, зная нетвердость и непостоянство его. А что Климодий только один день переносил за истину заключение под стражей и бичевания от нечестивых, этому я весьма удивился. Раз он доселе стоял твердо силой Божией, то не лишним было бы тебе и прочим братьям подать ему руку помощи, если возможно.

О вышесказанных же, то есть крещаемых, помазуемых святым миром и анафематствующих

¹ Апостольское правило 2.

² К Амфилохию. Правила 32 и 51. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 48 и 99. М., 1892.

³ Христофор (греч.) — носящий Христа.

ересь, я написал не так, как божественный Епифаний распределил и перечислил ереси, но как я нашел в толковании одного из древнейших трудолюбивых мужей, сделавшего исследование и извлечение из книг византийской Церкви.

Брат Григорий искренно приветствует тебя.

XLII. К СИЛУАНУ И ЕВПРЕПИАНУ, СЫНАМ

Так как я часто желаю знать об учениках, сыны мои, да и вы сами иногда хотите известить о них, то я счел за благо как для краткости, так и для сокровенности, означать их алфавитными знаками, двадцатью четырьмя буквами, а именно: α будет означать отца нашего, β — архиепископа, γ — Калогира, δ — Афанасия, ϵ — Варсануфия, ζ — Николая, η — Софрония, ω — Евфимия, ι — Иоанникия, χ — Дометиана, λ — эконома, μ — Арсения, ν — Акакия, ξ — Мелетия, \omicron — Лукиана, π — Епифания, ρ — Литоия, σ — Василия, τ — Евхимона, υ — Силуана, ϕ — Евпрепиана, χ — Григория, ψ — Евстафия, ω — меня.

Итак, когда в надписи поставлена какая-нибудь буква, то она показывает, чье именно это письмо; например α — отца нашего, и каждая точно так же. Опять же, когда я спрашиваю: “Как здравствует β ?”, очевидно, надобно разуметь, что вопрос касается архиепископа. Подобным же образом, когда я спрашиваю: “Как здравствуют находящиеся при β ?” — ясно, что вопрос касается находящихся при нем; точно так же и с другими буквами. Если будет вопрос: “Что слышите о π или о ρ , или о ψ ?” — ответ должен быть относительно каждой из этих букв.

Если я спрашиваю: “Кто пришел от внешних?” — Вы должны отвечать по буквам: или η , или \omicron , или прочие; или: “Не пришел η или \omicron , но бывшие при η или \omicron , в таком-то количестве”; “случилось то и то с такою-то буквою”. Точно так же, когда приключится смерть: “умерла такая-то буква (или больна, или скорбит)”, — и прочее. Если что-нибудь случится с кем-либо из находящихся при букве, то, указав имя, скажите, например, о Христофоре, что он убежал от ϵ , как и случилось.

Таким образом, когда вы будете получать посылаемые нами письма, то письмо будет иметь в надписи букву, — конечно, в том случае, если оно от лица обозначенных буквами. Так и вы сами, посылая письма от тех же букв, ставьте в своем письме эти буквы. Если посылающие не знают этого, то стирайте надпись и ставьте букву писавшего письма. Если же он не из числа обозначенных буквами, то пусть остается надпись, как и в моих письмах. Если адресат не из числа обозначенных буквами, то пусть остается надпись о том, к кому письмо.

Еще надо заметить, что в каждом моем письме к тем, которые обозначены буквами, надпись будет такая: ω к α , и так далее. И присылаемые ко мне письма пусть имеют пометку: α или υ , или какую-либо другую из букв.

Надо знать и следующее: так как есть еще три буквы, которые стоят вне двадцати четырех букв, а именно: стигма, коппа и сампи, — то первая будет означать всех наших братьев, совершивших некогда прегрешения, прежде или после, вторая — патриарха, третья — Императора. Итак, когда нужно будет или спросить меня, или известить нас об одном из этих троих, то будет означено одной из этих букв.

XLII. К АННЕ, МОНАХИНЕ

Я думал, что блаженная мать моя уже умерла, а она, оказывается, еще находится на земле. Подлинно, можно ли сделать больше того, что сделала ты, побуждаемая материнской заботливостью обо мне, смиренном? Хотя я и грешник, однако верую, что Господь воздаст тебе за наше недостойнство не малую благодать и получение того, чего ты желаешь и просишь.

Впрочем, сделанного достаточно. Об этом я говорил и в прежнем письме. Но ты потерпела еще более издержек на пожертвования. Как же ныне мы могли бы не помнить о твоём благочестии? Одеждами, священным приношением, пищей и питьем — всем ты привела нас в изумление. Поэтому положи конец дарам и будь в благой надежде на Божественное воздаяние. Ибо не ложен Сказавший, что Он воздаст награды и за чашу холодной воды (Мф. 10, 42).

Ты говоришь, что огорчаешься заботой о сыне, которая отвлекает тебя от надлежащего попечения о душе. Бог силен — и дела прекрасного сына устроит, и тебе даст досуг для всецелого занятия душеполезным, чтобы с готовым сердцем встретить исшествие из тела. Ты не можешь поститься и трудиться, имея болезненное тело? Переноси это без скорби, принося Господу возможное и избытком смиренномудрия восполняя недостаток подвижничества.

Ты желаешь научиться, как следует тебе молиться. Этому Сам Господь научил словами: *Отче наш* (Мф. 6, 9), — заповедав и то, чтобы не просили ничего временного, но — царствия Его и правды

вечной. Кроме того, Отцами заповедано, во-первых, благодарить Бога, во-вторых, исповедовать пред Ним грехи и затем просить прощения их и достижения других средств ко спасению.

Итак, когда ты намереваешься молиться, то благодари Господа и Владыку за то, что Он привел тебя из небытия в бытие, что избавил тебя от всякого заблуждения, призвав и удостоив быть причастницей ведения о Нем Самом, от заблуждения языческого, от заблуждения еретического, потом за то, что Он подготовил тебя к началу монашеской и равноангельской жизни после наслаждения общественной жизнью. Размышление об этом в достаточной мере расположит душу к сокрушению и пролитию слез. Отсюда — просвещение сердца, услаждение духа, стремление к Богу, а когда это пребывает в сердце, то прогоняется всякий порок.

Когда таким образом вознесешь благодарность Богу, исповедуйся пред Ним, говоря: “Ты знаешь, Владыка, сколько я грешила пред Тобою и сколько грешу каждый час”, — припоминая такой-то и такой-то грех и ведением, и неведением, впрочем, не перечисляя без разбора то, что усиленным припоминанием может причинить вред душе. Отсюда произойдет у тебя благодать смиренномудрия с сокрушением сердца и страхом воздаяния Божия.

После этого проси, вздыхай, умоляй Господа твоего о прощении грехов и укреплении тебя на будущее время для угождения Ему, говоря: “Более, Господи мой, Господи, не буду прогневливать Тебя, более не буду любить ничего другого, кроме Тебя, поистине достойного любви; а если опять прогневаю, то, припадая к милосердию Твоему, молю даровать мне силу, чтобы я могла угождать Тебе”.

Если явится тебе мысль совершить еще что-нибудь доброе, усердно проси о том. После того призывай Пресвятую Богородицу, чтобы Она помиловала тебя, святых Ангелов, того Ангела, который является хранителем жизни твоей, чтобы он охранял тебя и покровительствовал тебе, Предтечу, апостолов, всех святых и тех, кого ты особенно обычно призываешь, и того, память которого совершается в этот день.

В этом, кажется мне, состоит сила молитвы. И хотя каждый может молиться иными словами, а не одними и теми же постоянно, ибо и молящийся сам в себе не всегда говорит одно и то же, но сила молитвы необходима одна и та же для всех, по моему мнению.

Бодрствуй, молясь о должном, постоянно совершенствуясь и строгой жизнью представляя себя угодной Господу.

XLIII. К ИОСИФУ, БРАТУ И АРХИЕПИСКОПУ¹

И первое письмо братской и отеческой святости твоей было исполнено глубины, хотя по количеству слов оно было мало, и второе полно всякого ведения и смиренномудрия, имея один только недостаток — незаслуженные похвалы мне, бедному. А я не для красоты речи, нет, но истину сказал, что ты сияешь среди нашего поколения в архиепископском сане, подобно Святым Отцам. И я не погрешил бы, назвав тебя столпом и утверждением Церкви, прекраснейший брат мой. Ибо всякий, за-

¹ Написано в 809 г.

ступающийся и страждущий за истину, является ее основанием и вершиной.

Хорошо, что ты просмотрел тетради¹. Твое напоминание, вернее, приказание послужило для нас поводом к рассмотрению и разрешению этого предмета, которое вместе с другими приложениями, по совету отца нашего, в вышеупомянутых тетрадях я послал твоей святости, не привнеся от себя самого никакого суждения во всем сочинении. Ибо нельзя быть законнее закона и справедливее правила: только выбрал и соединил, хотя и неискусно, мнения и заповеди божественных Отцов, как того требовало содержание учения противника. Если ты не откажешься от труда прочитать, то, я уверен, это будет полезно.

Поскольку мир несомненно прекрасен, — я люблю его, хотя и грешник, — и надо склоняться к нему, то мы и делали это, пока было возможно, “удалив много тяжести”, по выражению божественного Кирилла, — отчасти тем, что, по общему совету, хранили молчание, когда еще раньше объявили невинным сочетавшего прелюбодеев. Тогда я находился там, а молчание — это отчасти согласие, ухватившись за которое, противники, как ты знаешь, старались отклонить нас от противодействия. Отчасти мы делаем это тем, что когда объявлено было второе оправдание его поправшими законы Божии, мы говорили: “Пусть он только перестанет священнодействовать, продолжая пользоваться почетом, по правилу святого Василия”². Вместо этого он слу-

¹ τετράς, или τετράδιον — лист, сложенный в четыре части.

² К Амфилохию. Правило 70. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 103 М., 1892.

жил уже два года вместе с патриархом, — вот что страшно и превышает экономию.

Не стану говорить о ложных суждениях относительно того, почему мы удалились от него, и о том, как принимали участие в благословениях от пресвитера на пиршествах и в поминовении патриарха. Но пока мы настолько склонялись к экономии, они, напротив, с упорством возрастали во грехе. Бог же прозревал нечто лучшее — чтобы и мы, смиренные, не напрасно переносили первую ссылку и чтобы вторгшееся в мир прелюбодеяние не было признано чем-то маловажным от излишнего снисхождения к сочетавшему прелюбодею.

Поэтому теперь, возлюбленный, настало время говорить нам: до каких пор ты будешь применять экономию? Покажи свою готовность когда-нибудь и строить. Согласно с божественным Василием, нам нужно в точности следовать правилам, ибо одни речи до войны, и другие — после войны. Теперь нужно в терпении проводить наши дни, как ты внушал, и молиться за гонителей. Я соглашаюсь и с радостью принимаю три твои почтенные изречения: не разделять Церкви из-за падения одного человека, не принимать участия в его разрешении и иметь общение со всяким не осужденным священником. Таков их смысл. Прости мне, брат, если я не для научения, но для общей пользы разъясню эти слова.

Относительно первого: из-за одного человека мы не отделяемся от Церкви, которая *от севера, и запада, и моря* (Ис. 49, 12), и даже от здешней Церкви, конечно, кроме одобренных прелюбодеяние. Ибо они — не Церковь Господня; если же они — Церковь, то мы, то есть не принимающие сочетавшего прелюбодею, отделяемся от этой Церкви

из-за одного человека, принятого в общение с ней. А так как они — не Церковь Божия, то поистине они отделяются от Церкви Божией из-за одного человека, принятого в общение с ними, уподобляясь тем, о которых говорится в летописях. Мы же не отделяемся от нее из-за такого человека. Относительно второго: мы не принимаем участия в разрешении его, ибо не имеем общения с явно разрешившими его. Если бы мы имели общение с ними, то вместе с тем принимали бы участие и в разрешении его. Но так как мы благочестно не вступаем в общение с разрешившими, то, несомненно, не принимаем участия в разрешении его.

Относительно третьего: со всяким неосужденным священником мы имеем общение. Поэтому мы не имеем общения и с Иосифом, как открыто осужденным, осуждены же, конечно, должны быть, и те, кто служит вместе с ним, низложенным. Если бы мы имели общение с ними, как с невинными, то невинным был бы и Иосиф, служащий вместе с ними. Но так как он поистине осужден, то мы и не имеем общения с ним, а также, конечно, и с теми, кто служил вместе с ним, тоже осужденными.

Итак, слова твоей святости тверды, и поэтому мы соглашаемся с ними. Да будет между нами, через истинное согласие здесь, нерасторжимый союз и в будущем веке, любезнейший брат мой, чтобы и нам, смиренным, удостоиться хотя бы немногого в наследовании доблести Отцов наших! Что же касается города твоего, то в нем ты возжег высокое пламя благочестия, которого человек не погасит вовеки. Не печалиться следует, но радоваться этому, как и я, окаянный, радуюсь рассеянию смиренного монастыря моего; ибо это рассеяние — ради Господа. И

не только в том великая слава, что столь многие устояли, не преклонив колен, но хотя бы один, потому что *лучше один, творящий волю Господню, нежели тысяча грешников* (Сир. 16, 3). И не ты виновен в рассеянии их — хотя некоторые и болтают об этом, — но я, несчастный. Да будет у нас, если позволишь, общение в том и другом! И такую ты получишь награду за благоугодное рассеяние братьев, какой я желал бы себе за оставление Солуни ради закона Божия. О страже моем ничего не скажу, — такой он человек, единоклубный с Иосифом.

Не переставай крепко молиться о моем смиреннии, добрый и преподобнейший брат и отец мой. Прими к сведению, что Феосост подвергся преследованию за то, что не вошел в общение со вступившим святотатственно на твой престол, и дерзко изгнан из своего монастыря. Живущие с Афанасием братья наши опять взяты и сосланы туда. Страж мой, отправившись, принес мне поклон от патриарха, который передает: “Бог простит тебе. Мы желали, чтобы ты был здесь нам в помощь, а ты ушел и остался там, я завидую тебе”. Выслушав это, я рассмеялся, ибо в то время мне нечего было отвечать, кроме следующего: если он завидует, то пусть и сам уйдет.

Впрочем, он ослабил содержание под стражей, желая дать мне отдых. Принес он от Симеона поклон и известие, что он хочет сказать Императору, как ты истомился в темнице, и смиренный поклон от Леонтия, который говорит: “Я вытерпел нужду, и да не лишит меня Бог слова твоего!” Я сказал, что не требую этого от него.

Его принуждали идти к эконому, к Арсению и к Иоанну и сказать, что господин Тарасий разрешил

его и что только теперь я прозрел. Его действительно бичевали. Находящийся со мной с великим усердием приветствует моего пастыря через меня.

XLIV. К СЕРГИЮ, КОНСУЛУ

Ты, как я узнал, получаешь одну должность за другой у здешнего кесаря, и притом против воли, возлюбленный мой и почтеннейший. А я, смиренный, не перестаю желать, чтобы ты стал близким другом Вышнего Царя всех посредством благочестия, потому что лучше быть поставленным самым незначительным на самом отдаленном и последнем месте перед Небесным Царем, нежели на самом первом перед земным.

Впрочем, зная твое ревностное попечение о спасении, я надеюсь, что ты не потерпишь для своей души никакого вреда, но даже получишь пользу от этого сана, так как здесь есть немало способов для достижения пользы. Для бедного данника достаточно не только облегчения податей, но и благосклонного взгляда сборщика царских денег, ласкового голоса и приветливой речи, не говорю уже о расторжении союза неправды и других благодеяниях, которые начальнику легко делать для подчиненного.

Итак, делай добро другим, кому ты имеешь возможность благодетельствовать, не забывая о самом себе, господин мой, но поступай как благоразумный и знающий, что спустя немного времени мы отойдем из здешней жизни, ничего другого не взяв с собой, кроме своих деяний. К ним и будем прилежны, ими и будем обогащаться, ибо они для нас средство достижения вечной жизни и наслаждения.

Так увещеваю мою кровь, мое желание, поистине отрасль доброго корня Анны, весьма почтенной и любезной для меня и всеми знающими ее славимой за честность, поистине моей блаженной матери во всех отношениях.

XLV. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ¹

XLVI. К АННЕ, ИГУМЕНИИ

XLVII. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ

XLVIII. К АФАНАСИЮ, СЫНУ²

С великим терпением прочитал я письмо твое, возлюбленный брат, и весьма изумился внезапной перемене твоей.

Обойду молчанием прежнее, — как ты, находясь перед глазами моими, соглашался, что прелюбодейное лжеучение является ересью, ссылаясь на свое невежество и беседы с другими, и как после этого, прочитав “*пять слов*”, отозвался, что это пять светов. А теперь, кажется, ты говоришь против них, во всей речи своей высказав сходство с прежним своим невежеством или, скорее, вражду против сказанного моим смирением. Если бы то были мои слова, человека темного, то не было бы ничего удивительного. Но так как словами Господа, апостолов и пророков и кроме того, богоносными Отцами доказано, что это — тягчайшая ересь, то пусть посмотрит твое

¹ Текст этого письма и следующих двух утрачен.

² Написано в 809 году.

благоразумие и кто бы то ни был другой единомысленный с тобой, против кого вы хотите ратовать.

Ибо ваши доказательства относительно того, что это — не ересь, простите, не от слов Господних и не от уст святого, но, говоря словами пророка, *от земли говорящих* (Ис. 29, 4), от законов чуждых и от толпы, побуждаемой страхом человеческим повторять чужие мнения. Ты говоришь, что все друзья и вообще все благочестивые, ученые и неученые, изумляются, слыша, что это — ересь, и в свое оправдание приводят следующее: как мы станем называть их еретиками, когда никто не настаивает и не учит прелюбодействовать и разрешать святотатцев?

Что те являются преступниками заповедей Господних, нарушителями божественных правил и святотатцами, — это справедливо. Но можно ли не удивляться, во-первых, вашим усилиям, с которыми вы неоднократно повторяете то же, что и они, слыша при этом истинные суждения, которые могли бы убедить и детей, а во-вторых, тому, как вы, представляете то же самое с еще сильнее непониманием и нападением на нас, как будто неосновательно называющих это ересью? Это поистине поражает нас.

О противниках же скажу следующее: как они могут говорить, что не проповедуют и не учат тому, что они соборно проповедовали и утвердили с анафематствованием тех, которые противятся их учению (или экономии) и чему еще продолжают учить каждый день своими делами? За что же тогда я, смиренный, заключен здесь? За что заключенный отец мой страдает, будучи сначала отделен от других, а потом отведен в то место, в котором содержится? За что архиепископ низложен судом их и за-

тем, содержась в великом стеснении, запрещении и под наблюдением (так что и пищу получал мерой, согласно приказанию, отданному подателям пищи), был заключен во дворце, а недавно отправлен в ссылку? За что твоя честность с братьями находится под стражей в Солуни, а игумен Феосост изгнан из того же города с учениками своими, и другой тамошний игумен был безмерно бичуем? За что братья Навкратий и Арсений до сих пор содержатся под крепкой стражей, как и Василий и Григорий? Почему добродетельный игумен Стефан ушел из своего монастыря с пятьюдесятью учениками, со стадесятью другими и с прежним епископом, произнесся анафему на прелюбодейный собор, как нарушивший Евангелие, о чем свидетельствует отправленное им послание? За что содержится в Амморейской крепости благочестивейший игумен Антоний, подобно предыдущему произнесший вместе со своим братством анафему на прелюбодейный собор? За что жившие с братом Емилианом связаны и отведены из Никомидии в Финию и испытали бичевания и поругания, а напавшие на них разграбили имущество монастыря, как воинскую добычу? За что потерпел гонение в Херсоне благочестивейший епископ Лев (по прозванию Валелад) и почтенный игумен Антоний с двумя другими заключен под стражу? За что наши братья содержатся в темнице в Липаре, по ту сторону Сицилии? За что жившие с Литоем в Херсоне задержаны, оттуда отправлены под стражей к Императору, затем посажены в темницу в Византии, а других стерегут в монастырях?

Скажу еще о нас троих. За что в монастыре Агафском объявлено нам от императора через спафариев: “Вы преданы анафеме и низложены собором”?

За что содержание под стражей у святого Маманта нас троих, отделенных друг от друга? Зачем прибыли туда те же спафарии с троими, принесшими от противника грамоту для повторного прочтения о нашем низложении и анафематствовании, хотя мы и заграждали уши, чтобы не слышать? За что мы отправлены в разные места и заключены: и эконоом, и Арсений, братья, а другие сосланы за двенадцать миль от Константинополя, — так что иные скрываются в пещере, чтобы тайно служить нам, переодевшись в мирскую одежду, а иные весь день прячутся в гробницах и, не имея возможности выходить днем, посещают друг друга ночью? За что те, которые были найдены, задержаны воинами, заключены в темницу, а потом высланы из города?

А если говорить о том, что было в начале, зачем Студийский монастырь был охраняем отрядом воинов, внезапно прибывших, так что мы даже дышать не смели. Зачем прибыли туда епископы Никейский и Хрисопольский убеждать, чтобы мы приняли сочетавшего прелюбодеев, будто бы получившего приказание от прежнего патриарха совершить это прелюбодейное сочетание? “Так как, — говорили они, — повелевший так был святым, как Златоуст, то это было приспособлением святого к обстоятельствам; поэтому примите его”.

За что мы четверо были взяты оттуда ночью начальником и воинами и отведены к Симеону (я не знаю, как его назвать), через которого было объявлено нам Императором, чтобы мы, переменив свое мнение, за которое до сих пор стоим, приняли их распоряжение как экономию? За что опять мы были заключены у святого Сергия, куда опять приходил от Императора Симеон с той же целью? Зачем мы

были приведены начальниками на многочисленный собор, на котором заседали и трое важнейших савновников? За что я, смиренный, был там оскорбляем и со всех сторон осыпаем бранью: “Ты сам не знаешь, что говоришь, что болтаешь”? Тогда как я взывал: “Гибнет Предтеча, нарушается Евангелие, это — не экономия”, — они многократно повторяли, что это именно экономия, что так поступали святые и предшествовавший святой патриарх. Вот свидетели того, что он приказал совершить прелюбодейное сочетание, хотя они и не называли его так, но при имени сочетавшего прелюбодеев скрежетали зубами, как будто желая растерзать говорившего. За что была громко произнесена анафема на не принимающих такой экономии святых, и я вместе с отцом моим и Калогиром был вытолкнут из середины начальнической рукой, архиепископ же задержан и низложен ими, как обыкновенный пресвитер, только потому, что отслужил по моей просьбе в Студийском монастыре?

Сочетавшего прелюбодеев, который низложен Самим Христом и божественными правилами, они оправдали, признав его невинным во всем и еще прежде допустив к священнослужению вместе с собой, а того, который не подлежит низложению по правилам, подвергли низложению, самым делом подтверждая свое учение, что епископы имеют власть по своему произволу пользоваться правилами.

Так они действуют постоянно, не желая понять, что если так будет, то низлагающие епископа тем самым, кого низлагают, сами могут быть низложены, во исполнение апостольского изречения¹.

¹ Апостольское правило 8.

Эту заповедь относительно правил примите от нас, епископы! Соблюдая ее, вы спасетесь и будете иметь мир, а не повинясь, потерпите наказание и будете иметь постоянную войну между собой, получая надлежащее воздаяние за непослушание.

Зачем было и случившееся после собора, — допрос всех братьев Императором, говорившим, что мы низложены, а собор, утвержденный им, свят, как будто прелюбодейное сочетание — это допускаемая святыми экономия и совершивший его невинен? А когда мы не приняли этого, то последовало заключение каждого порознь, или по двое, или по трое, или большего числа в монастырях и крепостях, бичевания и мучения некоторых, так что это разнеслось повсюду, на суше и на море?

Коротко сказать, за что все это? Не за то ли, что не согласились признать нарушение Евангелия экономией, которую противники делом и словом провозгласили для мира как спасительную и подобную действию святых, и еще до сих пор продолжают так говорить и действовать через гонение? Почему же еще спрашивают: когда никто не настаивает и не учит этому, как мы станем называть их еретиками? А все вышесказанное — мечты и сновидения или истинно? Если истинно, то разве не учат они везде и не проповедуют делом и словом? И вы, слушаясь их, не стоите ли почти вместе с самими говорящими это (впрочем, если бы мы и молчали, концы вселенной возвещают истину), навлекая на самих себя страшный суд за молчание?

По этой причине я, смиренный, вынужден не молчать, но говорить письменно и устно, по мере имеющихся у меня сил, со страхом и трепетом, с готовностью к смерти, хотя кто-нибудь из вас, может

быть, и думает, что я совершенно напрасно действую таким образом.

Но возвратимся к предмету речи. Ты говоришь, что когда никто не настаивает и не учит прелюбодействовать и разрешать святотатцев, на каком основании мы станем называть их еретиками? Прелюбодействовать и разрешать святотатцев они действительно не учат словом, ибо и язычники, не имеющие закона, не учат прелюбодействовать, и мы не утверждали, что они открыто провозглашают это. Но утвердив прелюбодейное сочетание (и прочее вместе с ним), а через это признав с произнесением анафемы, с нарушениями божественных правил и другие преступления против Евангелия спасительной экономией, оправдывая это ежедневно выше-сказанными ссылками и заключениями под стражу, они действительно нарушили Евангелие, по суждению святых, и насильно внушают, что при всяком преступлении бывает экономия, изменяя неизменные заповеди Божии и представляя их изменяемыми. И как не будут они в таком случае изменяемыми и превратными, если соборно делом и словом учат, что нарушения их являются спасительными приспособлениями к обстоятельствам?

Конечно, они не будут простирать ложь до такой степени, чтобы говорить, что они не составляли собора, разве только скажут, что они не называли прелюбодейного сочетания экономией, подобной действию святых, и не предавали анафеме не принимающих этого. Но если они скажут, что не предавали анафеме, то зачем провозглашали: “не принимающим приспособительных действий святых — анафема!” Очевидно, что некоторые не соглашались принимать, потому так и провозглашено, если мы не

опьянели. Какого же другого предмета касалось несогласие, если не прелюбодейного сочетания? Итак, несомненно, именно из-за него было провозглашено анафематствование, как за сопротивление приспособительным действиям святых. Если же их действие подобно этим, то приспособительные действия святых незаконны. Но так как святые — не беззаконники, что истинно, — то преданы проклятию те, которые не принимали сочетания прелюбодеев, какими бы искусными способами ни старались они представить ясное темным.

Но совершившееся не может укрыться. А что заповеди евангельские неизменны, о том послушай свт. Василия Великого, который говорит: “Может быть, Господь хотел укрепить мою душу и сделать ее более бодрственной на будущее время, чтобы она не внимала людям, но руководилась евангельскими заповедями, которые не изменяются вместе с временами и обстоятельствами дел человеческих, но остаются одними и теми же: как были произнесены неложными и блаженными устами, так и пребывают вовеки?”

А они, провозгласив сочетание прелюбодеев спасительной экономией, что иное объявили, как не то, что заповеди Божии изменяемы, что они иногда изменяются, а иногда нет и действуют неизменно, в некоторые же времена и при некоторых обстоятельствах человеческих, как например, по их словам, в отношении к императорам, изменяются и приспособляются к беззаконию, и при этом имеют такую силу, что не принимающие таковых, как говорят они, приспособительных действий святых, — то есть этих преступлений, — предаются Церковью анафеме?

Отсюда следует не что иное, как то, что Бог изменяем и превратен. Это подобно тому, как если бы кто прямо сказал, что Евангелие безразлично в отношении к спасению и гибели. Так что же: относительно всех людей и при всяком нарушении заповеди соблюдается экономия, или относительно некоторых и не всегда? И каково основание того, что относительно некоторых и иногда бывало так, а относительно других и при других обстоятельствах — нет? Относительно же кого именно и сколь многих соблюдается экономия? Относительно одних ли епископов, или и священников? Соборно совершаемая, или и любая, частным образом? Если же относительно одних только императоров, то в отношении ли к одному прелюбодеянию, или и ко всякому беззаконию? И как в отношении к императорам теряют силу заповеди Бога? Совершенно ли, как будто бы царство Его получило конец, — ибо и закон императора не теряет силы, пока не воцарится его преемник, ему другой император?

Но и это еще требует разрешения, так как божественный апостол говорит: *мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна* (Еф. 5, 25–27).

Как же Церковь, допуская теперь прелюбодеяние и сочетание прелюбодеев, а в другие времена другие подобные грехи, могла бы остаться без пятна и порока и не сделалась бы оскверненной? С трепетом говорю это. Пусть объяснят нам это нынешние евангелисты, ибо они, допуская такие дела, называ-

ют самих себя Церковью Божьей, а не принимающих этого признали ее противниками. Но поистине, как говорит пророк, *глупый глупое изречет, и сердце его помышляет суетное, чтобы совершать беззаконные и произносить хулу на Господа* (Ис. 32, 6).

Итак, это — тягчайшая ересь, и можно здесь повторить слова блаженнейшего апостола: *удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию, которое, впрочем, не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1, 6–8).

Ибо, вопреки тому, что благовествовал не апостол, но Сам Христос, прелюбодейный собор проповедал, что сочетание прелюбодеев, от которого происходит прелюбодеяние, и всяческое послабление блудникам является спасительной экономией. И это он постоянно проповедует делом и словом, хотя коварно и старается прикрыться, чтобы, по уловлении обманутых опять возвысить своего кориванта¹. Хитрого замысла его да избежу я, несчастный! Молю я, грешный, чтобы и вы избежали, хотя и не хотите внимать мне!

Итак, брат, вот я из Евангелия, из апостолов и из отцов доказал тебе, если хочешь послушаться слов истины, что этот прелюбодейный собор, несо-

¹ Кориванты — жрецы Реи или Кибелы, совершавшие свое идолослужение с шумом и неистовством; здесь, конечно, разумеется эконом Иосиф.

мненно, ввел полную ересь, начав с прелюбодеяния, хотя он и прикрыл это одним названием, или лучше, проповеданием, что прелюбодейное сочетание есть экономия Церкви Божией. Впрочем, не удивляйся, что одно слово производит ересь, когда слышишь слова Господа, Который говорит: *ни одна йота или ни одна черта не преидет из закона, пока не исполнится все* (Мф. 5, 18).

Не вздумай говорить: “Какая нужда много исследовать и из одного слова выводить ученые суждения и делать такие-то и такие-то умозаключения”, — чтобы тебе не впасть в ересь гносимахов¹, о которых один писатель говорит: “Гносимахи восстают против всякого познания христианского, утверждая, что напрасно трудятся ищущие каких-нибудь познаний в Божественных Писаниях, потому что Бог не требует от христианина ничего другого, кроме добрых дел, поэтому гораздо лучше всякому жить в простоте и не исследовать никакого догмата ученым образом”. Так говорят гносимахи.

Докажи же сам, если можешь, из божественных изречений, что это не ересь, а не указывай мне на большинство и не хвастайся ночными читателями Бога, которых ты называешь сведущими, простыми и дружелюбными. Если они почитают Бога, то где смелость речи? Если они сведущи (я не говорю, что они не таковы, ибо сознаю, что многие выше меня, человека простого), если они соблюдают истину, — пусть разумно докажут это из самой истины, с помощью примеров, подходящих к делу, а не негодных и противных истине и апостольским и отеческим

¹ Гносимахи — противники ведения, еретики VII века; о них говорит св. Иоанн Дамаскин в книге “О ересях”.

правилам. Если они любят Бога, то почему они имеют общение с еретиками? Такие люди не бывают истинными и верными друзьями.

Послушай же, брат, что говорит божественный Василий тем, которые судят об истине по большинству. “Кто не осмеливается, — говорит он, — дать основательный ответ на предложенный вопрос и не может представить доказательства, и поэтому прибегает к большинству, тот сознается в своем поражении, как не имеющий никакой опоры для смелой речи”. И далее: “Пусть, хотя он и один, покажет мне красоту истины, — и убеждение тотчас будет готово. А большинство, присваивающее себе власть без доказательства, устрашить может, но убедить никогда. Какие тысячи убедят меня считать день ночью, или медную монету признать золотой и считать ее за таковую, или принимать явный яд вместо годной пищи? Так в земных вещах мы не станем бояться большинства лгущих. Как же в небесных истинах я буду следовать бездоказательным внушениям, отступив от того, что передано издревле — и поистинне издревле — с великим согласием и свидетельством Святых Писаний? Разве мы не слышали слов Господа: *много званых, но мало избранных* (Мф. 20, 16); и еще: *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7, 14)?”

Кто же из здравомыслящих не желает быть лучше в числе немногих, тесным путем достигающих спасения, нежели в числе многих, широким путем несущихся к гибели? Кто не пожелал бы, если бы ему случилось жить во время подвигов блаженного Стефана, быть лучше на стороне его одного, побиваемого камнями и бывшего предметом всеобщих

насмешек, нежели на стороне многих, которые по несправедливому самовластию считали свое дело правым?

Один благоугождающий Богу достойнее уважения, нежели тысячи самовольно превозносящихся. Так и в Ветхом Завете мы находим подтверждение этому, — когда тысячи народа падали от ниспосланного Богом наказания, один *Финеес встал, и умилоствил* Господа, и прекратилось поражение сынов Израилевых (Чис. 25, 7–12). А если бы он сказал: “Как я осмелюсь пойти против того, что согласно делается столь многими, как я подам голос против решивших жить таким образом?” — и он не совершил бы доблестного подвига, не остановил бы зла, и остальные не были бы спасены, и Бог не оказал бы Своего благоволения.

Итак, прекрасно, прекрасно и одному быть по правде дерзновенным и разрушить неправое согласие многих. Ты предпочитаешь, если угодно, спасающемуся Ною утопающее большинство, а мне позвошь с немногими войти в ковчег. Присоединяйся также, если угодно, к числу многих в Содоме, а я пойду вместе с Лотом, хотя он один спасительно отделяется от толпы. Впрочем, для меня почтенно и большинство, не избегающее исследования, но представляющее доказательства, не отмщающее тяжело, но поступающее отечески, не радующееся нововведению, но соблюдающее отеческое наследие. О каком же ты говоришь мне большинстве? О том ли, которое подкуплено лестью и дарами, обманывается по невежеству и неопытности, предано страху и трепету, предпочитает временное греховное наслаждение вечной жизни? Это многие выразили явно. Не ложь ли ты поддерживаешь большинством? Этим

ты показал чрезмерность зла. Ибо чем большее число людей находится во зле, тем больше несчастье”¹.

Об этом сказано так. Разбирать же другие предложения твои, возлюбленный, было бы тратой времени и потому, что письмо превысило бы меру, и потому, что для того, кто принимает слова с добрым чувством, сказанного может быть вполне достаточно.

XLIX. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ²

Ты никогда не говоришь и не говорил мне, возлюбленный сын мой, о чем-нибудь лишнем и пустом, но всегда о благовременном и пристойном и ведущем к душевной пользе, как и теперь делаешь. Я же, восхваляя твою ревность, признаю и усовершенствующийся образ речи, который ты еще больше улучшишь, если будешь в состоянии заняться грамматикой. Поистине, должно владеть и силой, и искусством слова тому, кто защищает Православие и желает бороться с лжеучителями. Ибо если они при таком знании мечтают иметь нечто великое, хвалятся, когда услаждают ищущих одного лишь приятного для слуха, то прекрасно и православным не иметь недостатка в силе слова, чтобы низлагать губительные их орудия. Поэтому мне приятно, сын мой, что ты укрепляешься в этом. Впрочем, чего я желаю для тебя, то не для всякого вооб-

¹ Этот отрывок или заимствован из такого сочинения свт. Василия, которое не дошло до нас, или принадлежит блж. Феодориту, или Еферию Тианскому, как думают некоторые.

² Написано в 809 г.

ще, потому что каждый имеет свои способности и по-своему полезен.

Ты говоришь, что братья Филипп и Филон скончались, хорошо, что оба — благой кончиной, не потому, что дела их прежде кончины были неодобрительны, — как можно сказать это, если они отреклись от мира, плоти и крови, и возложили на себя благое иго послушания, — но потому, что они сподобились высочайшего блаженства, будучи ради Господа гонимы, огорчаемы и притесняемы. Против этого никто не станет возражать, кроме бесчестных прелюбодеев, нарушивших Евангелие. Приятно и этим ограничить похвалу Филону; у доброго же Филиппа много доблестей, которые ты сам прежде исчислял. Я же, кроме сказанного, еще удивляюсь его простоте и искренности, негневливости и незлопамятности, сострадательности и братолюбия, послушанию и смирению, короче — бесстрастию, от которого происходило и сокрушение, и отвращение от мира, и любовь к Богу, и скромность. Прибавь к этому, как ты и прежде говорил, частые слезы этого мужа, любовь к отцу и охотное повиновение, смелость и ревность в опасностях, совершенную безропотность и как бы постоянное благоухание добродетелей многоцветущей души его.

Доблестен и крепкий Гайан, прошедший почти по всем местам, где рассеяны братья. За то, что они здоровы, — благодарение Господу Богу; за то, что они не падают в скорбях, но еще больше укрепляются, — слава укрепляющему их Христу. А что они терпят гонение, не достаиваясь даже крова от некоторых монахов, особенно от всех, сговорившихся в этом между собой, не удивляйся. Написано: *враги*

человеку домашние его (Мф. 10, 36). Разве не гнали они, несчастные, Самого Христа Бога нашего, сказавшего это? Так говорит сын грома: *пришел к Своим, и Свои Его не приняли* (Ин. 1, 11).

Где же различие, если те не приняли Христа, Искупителя мира, а эти — потерпевших за Него и за Его Евангелие гонения и заключение под стражу? Никакого, кроме распятия и умерщвления. Да не вменится им этот союз неправды! Эти, как ты сказал, не перенося возражений от подчиненных им и желая не того, чтобы им воссиял свет истины, но чтобы им оставаться во тьме неведения, изгоняют братьев наших, чтобы святое слово истины и правды не достигали слуха их, то есть не служили напоминанием. Но не будет так, не состоится этот совет их, а слово Божие, которое они попрали, будет возвещаться и стоять твердо во веки. Ибо *небо, — говорит Он, — и земля прейдут, но слова Мои не прейдут* (Лк. 21, 33). Кто же может восставать против этого, кроме мучителя сатаны и учеников его, признавших прелюбодейные спасительной экономией для Церкви Христовой, суемудрых и враждебнейших?

Впрочем, нужно возвратиться к твоим вопросам. Ты спрашиваешь, почему божественный Кирилл Александрийский соблюдал экономию, позволив не отделяться от тех, которые на востоке поминали в диптихах еретика Феодора Мопсуетского? Потому, что догматы благочестия у них соблюдались в совершенно неповрежденном и надлежащем виде. Так написано упоминающим об этом святым Евлогием, архиепископом Александрийским, в его слове “Об экономии”, употребление которого мы объяснили в составленном нами особом сочинении

“Об экономии вообще”. Итак, разрешение дал сам рассказавший об этом. В каком-нибудь другом месте не сказано об этом, и нет нужды искать другого. Но для разъяснения приведу здесь сказанное нами о том же предмете.

Из приспособлений к обстоятельствам одни были допущены Отцами на время, другие имеют постоянную силу. Например, имеет постоянную силу позволение, данное святым Афанасием италийцам — употреблять выражение *πρόσωπα* вместо *ὑποστάσεις* (о Лицах Святой Троицы). А на время, — например, распоряжение апостола относительно обрезания, или Василия Великого — относительно Святого Духа, или настоящее — божественного Кирилла. То, что было допущено до некоторого времени, не подлежит обсуждению и нисколько не странно и не незаконно, а только уклончиво и не очень точно. Это — временная экономия. Ибо невозможно ни для врача тотчас избавить больного от болезни, ни бешеного коня или сухую ветвь немедленно сделать первого покорным узде, а вторую — исправной, даже для самого опытного в этом, но только — мало-помалу пользуясь как одобрениями и ласковыми словами, так и нежным обращением.

Так поступали и святые в экономиях, так и великий Кирилл в настоящем случае. Он немного сниждал к медлительности восточных в рассуждениях и к их склонности не признавать еретиком того, кто на самом деле еретик. Ибо как иначе мог бы он поступить, когда они исповедовали православную веру и этим самым анафематствовали того, кто был ими поминаем? Ибо каждый, православный во всем, своей деятельностью, если не словом, анафематствует всякого еретика. А потом, когда у них пробу-

дился совершенный ум, тогда святой, может быть, во всем был согласен с ними.

Разве не то же самое и мы делаем явно? Случается, что некоторые единодушные с нами, отличаются от нас в чем-нибудь таком, от чего не много вреда или отступления от точности. Однако, мы имеем общение с ними, чтобы из-за малого, что спустя немного времени может быть исправлено, нам не потерять всего; это было бы свойственно людям неопытным, а не строителям Таин Божиих.

Таково временное приспособление к словам и нравам в суде, истине и законе, а отнюдь не в беззаконии и лжи. Пусть же прелюбодеи не злоупотребляют здесь выражениями, пусть не называют руководителем того, кто сбрасывает в пропасть, и кормчим того, кто топит, и врачом того, кто причиняет болезни, которому они сами уподобились, будучи вместе с прелюбодеем, сочетав прелюбодеев вместе с сочетавшим их, клеветав на Бога вместе с клеветавшим на Бога, нарушив Евангелие вместе с нарушившим Евангелие, по-собачьи (так можно выразиться точнее). Диоскора же, александрийского еретика, где и каким образом принимал божественный Кирилл, как говорят прелюбодеи, пребывающие во мраке возле света и клеветующие на святых? Это неслыханно, и их ложь неправдоподобна, ибо он жил позднее божественного Кирилла. Как же того, кто оказался еретиком после кончины святого во время разбойничьего собора в Ефесе, после третьего святого Собора, сам святой принимал, будучи уже выше мира? Так они лгут, сочиняя басни, чтобы уловить души простых людей.

Поэтому будьте искусны и сведущи во всем, чтобы вам избежать змея и говорящих змеиным

голосом, от которых погибли очень многие из рода в род.

О других вопросах. Если епископ не находился на прелюбодейном соборе и называет его лже-сборищем, но поминает бывшего на нем своего митрополита, то следует ли иметь общение с пресвитером такого православного епископа? На это я отвечал в другом письме к Еводию, что следует по экономии, если только он не служил вместе с еретиками. Ибо когда епископ, который поминается, православен, то ничего не значит, если он поминает своего митрополита-еретика из страха перед ним. Когда такой пресвитер приглашает на всенощную, нужно идти, и когда он предоставляет церковь, надо принимать, и когда сам входит в нее отслужить, надо позволять, или — чтобы помянуть покойника (только православного), надо дозволить, и когда берется служить в ней, не надо препятствовать. Если же он поминает епископа-еретика, то, хотя бы он ублажал, хотя бы сам мыслил православно, нужно воздерживаться от Божественного приобщения вместе с ним и от общей трапезы, если при этом надлежит помянуть того. Можно принимать его в общение при благословении и псалмопении только в том случае, если он не совершает священнослужения с еретиком, — своим ли епископом, или каким-либо другим, или не имеет с ним общения сознательно.

Если кто вкушает пищу вместе с сочетавшим прелюбодеев или с другим еретиком, безразлично, то не надо принимать пищи вместе с таковыми, хотя бы они и притворялись православными. Ибо они не соблюдают заповеди апостола, повелевающего с таковыми даже и не есть (1 Кор. 5, 11). Далее, не

нужно исследовать или узнавать, не пиршествовал ли он с тем, кто пиршествовал вместе с еретиком, а тот с другим, и таким образом уводить речь с прямого пути и уклоняться от всех. Это дело произвольное, а не святое. Ибо сказано: *доселе дойдешь и не перейдешь* (Иов. 38, 11). Разве они не могли исследовать этого и передать нам? Но нет. Поэтому не хорошо преступать пределы, *которые положили отцы наши* (Прит. 22, 28). А с кем мы не вкушаем пищи, от того не нужно и принимать дара, если он, получив внушение раз и два, не обращает внимания и не слушается нас. Не знаю, следует ли от стражей принимать подаваемое — не как благословение, но как потребность, если только ввиду экономии. И от других, только бы они избегали того, чтобы безразлично пиршествовать вместе с еретиками, если случится какая-нибудь необходимость, не знаю, не следует ли также и принимать, и вкушать пищу вместе с ними. А давать таким стражам пищу и питье нужно без сомнения, потому что всякому человеку нужно подавать. А чтобы наш пресвитер служил в церкви господина Григоры, нашего сына, не смею сказать, потому что она открыта после прелюбодейного собора и освящена первым из прелюбодеев, служащим и служившим вместе с сочетавшим таковых.

Л. К НЕМУ ЖЕ

Ты, возлюбленный сын, горишь желанием спрашивать и узнавать о полезном, и это — похвальное дело, но я не в состоянии разрешить твоего недоумения. Впрочем, для общей пользы сделаю, что смогу. Ты спрашиваешь о второбрачных. Есть

относительно них сомнение: следует ли венчать их так, как первобрачных, или нет? И если принять последнее, каковым может быть их бракосочетание, когда они не будут сочетаться священником? Носится молва, что обычай венчания второбрачных получил силу со времен нечестивого Константина¹, в связи с его третьим браком, ибо прежде него этого не было. Я не отвергаю достоверности этой молвы, но любителям истины должно заимствовать суждение о предметах не из молвы или обычая человеческого, но из самого Богодухновенного Писания и из отеческого и канонического предания. Известно, что второй брак позволен святым апостолом и через него — Христом, но это не закон, как говорит святой Григорий Богослов, а позволение². Позволение же может быть дано не относительно того, что безукоризненно и безгрешно, — ибо иначе зачем оно было бы нужно — но относительно некоего падения и предосудительного поступка. Это выразил и божественный апостол, сказав: *если не могут удержаться, пусть вступают в брак* (1 Кор. 7, 9). А невоздержание, потерявшее силу мужества, сродни падению и прегрешению.

Руководствуясь этим, божественные Отцы подвергли второбрачных епитимьи, например, Отцы Лаодикийского собора — неопределенно сказали: “По непродолжительном времени и упражнении в молитвах и посте, мы определили даровать им общение по снисхождению”³.

¹ Вероятно, имеется в виду Константин Копроним.

² Творения в русском переводе. Т. III. С. 181. М. 1889.

³ Лаодикийского собора правило 1.

Святой Василий Великий говорит определенно: “О троебрачных и многобрачных Отцы постановили то же правило, что и о второбрачных; ибо второбрачным назначили епитимью на год, а иные на два года”¹. Таким образом, из сказанного видно, что второй брак подвергался епитимьи как падение. Поэтому и Святые Отцы Неокесарийского собора запретили пресвитеру пиршествовать на свадьбе второбрачного². Если, говорят они, второбрачный имеет нужду в покаянии, то как пресвитер станет сочувствовать этому браку, участвуя в пиршестве на нем?

Что же необходимо следует из этого? То, что первый брак, как собственно законный, справедливо венчается священниками как нескверный, чистый, свободный от блудной страсти, и поэтому увенчиваемый как победитель над грехом. Потому при нем бывает и приобщение Святыни, на нем присутствует и венчавший, и любой другой священник.

Так и Господь и Бог наш благоволил разделить трапезу на браке в Кане Галилейской, благословив Своим участием в нем всякое брачное пиршество. Также и наложение венцов Он издревле благословил, даровав их прародителю нашему Адаму. Каким образом? *И сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал: “Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею”* (Быт. 1, 27–28). Вот благословение брачного союза, от которого произошло всякое благословение однобрачного сочетания; ибо и Адам был одно-

¹ К Амфилохию. Правило 4. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 10. М., 1892.

² Неокесарийского собора правило 7.

брачным. Надобно заметить, что отсюда произошло и возгласение при наложении венцов, которое напоминает о создании первого человека и сочетании с женой, произошедшей из ребра его.

А второй брак, хотя и позволен, но подлежит епитимьи. Ибо как может быть достойным венчания побежденный, а не победивший? И какой пресвитер станет венчать его, получив от Отцов запрещение даже просто присутствовать на его пиршестве? И как будет принимать Божественное Причастие тот, кто отлучается от Святыни на один или два года? И какая благословенная молитва будет читаться при сочетании его, когда нет другой, кроме одной, читаемой при первом сочетании? Итак, из всех Писаний и Отцов следует, что второй брак не должен быть венчаемым и поэтому не сочетается священником. Он и не завещан нам, а допускается тогда, когда будет исполнена какая-либо епитимья, наложенная по определению священника, после чего второбрачные могут приобщаться Божественных Даров, получая благословение через это, как бы при венчании, второстепенным образом, по снисхождению.

Ибо благословение есть дар и вместе с тем знак сочетания от священника. И с того времени не воспрещается ему разделять пиршество с второбрачными, как и с однобрачными. Таким образом второй брак пользуется законом снисхождения, по апостолу, сознавая, что он занимает второе место после однобрачия, и не домогаясь безрассудно прав первого брака, которых уже прежде вкусил.

Ты, может быть, спросишь: как же они вступят в союз? С человеческими обрядами, как и троебрачные, и многобрачные, ибо так названо Отцами соче-

тание после третьего брака. Или тогда пусть венчаются и эти? Ибо поистине крайнее нарушение правил или, вернее, Евангелия, привело теперь к тому, что не только второбрачные и троебрачные, но и прелюбодеи венчаются священниками, а поборников заповеди и истины Христовой, которые, защищая Божественный закон, не соглашаются на это, преследуют и предают проклятию как чуждых.

Ужаснись об этом, небо! Высокое сделалось низким, правда — беззаконием, свет — тьмой, вследствие того, что говорят и делают прелюбодеи. Это свойственно слепым и глухим душой, и, следовательно, предшественникам антихриста. Может быть, ты еще скажешь: если один из вступающих в брак — девственник, то не следует ли при чтении молитвы венчания одному из сочетающихся возлагать венец на голову, а другому, уже бывшему в браке, на плечо? Это мне кажется не только нелепым, но и смешным. Ибо допустим третий брак: тогда где будет возложен венец — на руке или на колене, если вдова, вступающая в брак, будет принимать венец на плечо? Это нелепо. И кто будет возлагать венец? И как разделится нераздельная молитва? Одна из сторон, как непорочная и победительница, будет благословляться, а другая нет? Это смешно и невозможно.

И как одна сторона будет принимать приобщение, а другая — нет, так как находится под епитимьей? Если это будет муж, а муж — глава жены, и оба они составляют одно тело, то остальное тело будет участвовать в приобщении, а глава нет?

Таким образом соединяемое тотчас же будет расторгнуто самим священником, который должен соединять, если по снисхождению второбрачным

будет позволено ему сделать это. Ибо главная принадлежность и цель сочетания есть святое и единое Тело и Кровь Христовы; или он станет приобщать обоих? Впрочем, оставим пустословие. Очевидно, что таковой будет не священником, а преступником божественных постановлений и поэтому лишенным священства, так как ему не позволено и пиршествовать на таком браке, не только что совершать такое беззаконие.

Как же, скажешь ты, неужели девственная сторона теряет победный венец с благословением и, не будучи побежденной, не одерживает большей победы и не доставляет вместе с собой благословение, и венчание, и участие в приобщении стороне, побежденной второбрачием? Если бы было так, то было бы определено отеческими правилами; но никакого различия не сделано. А что не определено и не утверждено свидетельствами Отцов, то вымышлять, и говорить, и делать — тщеславие.

Я же скажу так: справедливо будет, если девственная сторона лишится свойственного однобрачным венчания, ибо она могла бы воспользоваться им через сочетание с равночестным. Ибо следует сочетаться чистому с чистым, девственному с девственным, побеждающему с побеждающим. А кто захотел сочетаться с недевственным, тот падает и через это бесчестит девственную хвалу, которой, может быть, он и не имел, а если бы имел, то несколько унизил бы ее пристрастным расположением к второбрачному. Поэтому следует не только не возвысить, но еще унижить того до епитимьи, назначенной стороне второбрачной. Это я сказал тебе, как мог, добрый сын мой. Если же тебе или кому-либо другому, при помощи собственного разумного соображения

покажется истинным иное, если только это мнение основано на Писании и отеческом и каноническом предании, то и мы готовы последовать и охотно желаем просветиться светом других, весьма нуждаясь в свете.

LI. К НЕМУ ЖЕ¹

Три действия оказало на меня настоящее письмо твое, возлюбленный сын: я изумился, и возрадовался, и воспел; изумился о беззаконных, возрадовался о соблюдающих законы, воспел о Боге, укрепляющем поборников закона Его. О святом моем Афанасии и возлюбленных союзниках его, также и о мужественнейшем моем Феососте и богохранимом его обществе из семнадцати человек не стану говорить здесь, так как достаточно сказано в моих письмах² к ним, хотя они и достойны больших речей и похвал, ибо подвизались и еще подвизаются свято и мужественно.

Перехожу к главной теме моего письма. Какой христианин слышал когда-либо о беззаконных и безумных делах, которые были совершены бесчестными прелюбодеями, которые лишь называются епископами, а на самом деле совершенные святотатцы по суду апостольскому и отеческому, даже если и не принимать во внимание их ересь? Какая человеческая, не говорю христианская, но варварская рука, бичуя когда-нибудь, бичевала так? Двести шестьдесят шесть ударов и потом, немного погодя, еще сорок ударов ремнями по спине... Так поступил бла-

¹ Написано в 809 г.

² См. письма XLIII и XLVIII.

городный архиепископ, вернее, лжеепископ солунский, и не с кем-нибудь из простых людей, но с монахом, и притом игуменом весьма благочестивым, по имени Евфимий, поистине соименный благодущию¹.

Ужаснулось, слыша это небо, и вострепетал я, несчастный, и, думаю, всякий человек, имеющий естественную сострадательность и жалость, так же ужаснулся бы. Тот, кто должен представлять собой образ Христа и, получая удары, не воздавать ударами, оказался свирепее зверей, не имея в себе никакого следа чего-либо христианского, а тем более — епископского.

И для чего было это истязание? Для того, чтобы заставить подвижника Христова поминать его как епископа. Но, о, мужество и твердость блаженного! — ибо справедливо так называть его, — и после такого количества ударов и такого пролития святой крови, что обогрились подошвы ног присутствовавших там и земля в здании церкви Божией сделалась пурпурною грязью, лежа почти уже бездыханным и безгласным, на вопрос терзавших, будет ли он поминать мучителя, говорю я, а не архиепископа, блаженный отвечал: “Нет”. Так он сохранил ум непреклонным почти до смерти и не отступил от того, в чем православно был убежден!

Едва не опустил я самого важного, именно, что преторией Пилата был храм Божий. Ибо там, т. е. в так называемом храме Архангела, по твоим словам бичевали этого мученика. Жестокие истязатели и оставили его полумертвым. А некто, подражая Христу, взял его в свой дом и, приложив к кровавым ранам и телесным язвам свежую кожу убитого ягненка, оживил этого мужа, понемногу и постепенно ук-

¹ Евфимий (греч.) — благодущный.

репив его силы, отпустил его тайно, вопреки письменному приказанию мучителя. Таким образом тот игумен, будучи уже почти мертвым, дивно воскрес для утверждения Православия и торжества над лжеучителями.

Что может быть нечестивее этого? Кто из православных когда-нибудь поступал так с еретиком? Но, чтобы и здесь открылось нечестие прелюбодействующих и кто чей ученик: Христов ли — бичуемый и страждущий подобно Ему, или диаволов — бичующий, — для этого епископ старается устрашать и мстить за себя таким образом. Будем, брат, избегать участи его, а первому сочувствовать со всеми православными. Воззри, Господи, на такое бедствие и пощади народ Твой, утвердив мир Православия в нашей Церкви. Ничего другого не можем мы сказать при настоящих обстоятельствах кроме того, что следует охотно переносить все страдания за имя Его.

Ты же, возлюбленный сын мой, хотя, как сообщаем, и заключен под стражу в другом месте, радуйся, ибо тебе сплетается много венцов. И хотя Леонтий¹, некогда бывший учеником, а теперь ставший отступником, будет игуменствовать в том месте, где ты заключен, не удивляйся этому: ныне время долготерпения Божия, дабы открылись искусные (1 Кор. 11, 19) и да царствует сын Тавеилов в Вифлееме (см. Ис. 7, 6).

Что касается покаявшегося и просившего для себя епитимьи, то она назначена ему правильно. Я согласен с твоим ответом ему: если он не хочет подвергнуться епитимьи за умерщвление врагов, то пусть продолжает воевать, и мы до окончания вой-

¹ Смотри выше письмо XLIII и ниже ХС.

ны не будем судить. Если же он желает подчиниться правилам Церкви, то ему надо избрать одно из двух: или, воюя, пользоваться земными почестями, или получить и исполнить епитимью.

Впрочем, ради последнего не стоит отвергать первого, ибо сражающиеся с врагами достойны похвал, как говорит божественный отец. Но им надо и нести епитимью. Так было и в древности: Моисей Боговидец оставил израильтян, возвращавшихся с победой после войны с мадианитянами, вне стана на семь дней, без сомнения, по внушению Божию, сказав так: *Всякий, убивший человека и прикоснувшийся к убитому, очиститесь в третий день и в седьмой день, вы и пленные ваши* (Чис. 31, 19).

Руководствуясь этим, или скорее, по вдохновению Божию, Василий Великий назначает таким епитимью на три года и учит, как может назначающий сократить ее¹. Ибо назначение епитимьи таким людям, конечно, касается убийства случайного, а не злонамеренного².

Будь здрав о Господе, возлюбленный сын мой, молясь о мне, грешном, и о приветствующем тебя вместе со мною возлюбленном моем сыне и твоим брате Григории.

II. К ФИЛИППУ-ДИАКОНУ

Не думай, священный муж, что я затворяю дверь покаяния — это дело новациан, — но я не хочу открывать дверь желающим греха. Не таков ли и

¹ К Амфилохию. Правила 8, 11 и 13. Творения в русском переводе. Т. VII. С. 11–12 и 15. М., 1892.

² См. письмо XXXVII.

случай, о котором ты извещал в прежнем письме своем? Девица, давшая обет уневестить себя Христу, даже если бы жених ее и выздоровел, а после его выздоровления захотевшая сочетаться с ним, отвергнув тем иного Жениха, ищет врачевства против этого.

Мы отвечали тебе, что будет лучше, и не может отвечать иначе тот, кто предпочитает дела Божии человеческим. Ибо кто назначает епитимью еще не согрешившему, а только намеревающемуся согрешить? Или какой врач лечит прежде болезни, а не предохраняет, чтобы имеющий склонность к ней не заболел? Обязанность врача состоит в том, чтобы или сохранять имеющееся здоровье, или восстанавливать потерянное. Но прости, безрассудно было бы лечить болезнь еще только воображаемую, как уже существующую. Это дело не врача, а убийцы, вовлекающего в болезнь то, что еще не болит. Так рассуждай и относительно девицы.

Я здесь не говорю о том случае, когда кто намеревался сделать что-нибудь доброе, но не привел этого в исполнение; такой будет подлежать суду, как определил божественный Василий¹. А в этом случае предшествовало дело, совершенное по доброй воле, посредством прощения и обета. Остерегайтесь же, возлюбленные, шутить этим, слыша слова: *Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить* (Еккл. 5, 4). *Не в твоей ли власти это было; для чего ты допустил солгать Духу Святому* (Деян. 5, 3, 4)? А о том, что следует далее, умолчим, ибо это злословие.

¹ Творения в русском переводе. Т. V. С. 100. М., 1901.

И не потому я говорю так, что презираю эту девицу. Я жалею ее, как зеницу ока моего, и ее саму, желающую врачевания от моего смирения, и госпожу мать ее, которую почитаю и уважаю, как преподобную свою мать. Но говорю так, потому что страшусь приговора, который грозит в день Суда каждому, и спрашивающему, и отвечающему, так что нам невозможно избежать того, чтобы не дать отчет неподкупному Судии и за случайное праздное слово (см. Мф. 12, 36).

Поэтому, если девица еще не замужем, то ответ наш пред Богом и людьми тот же, и вам следует его держать. Если же она замужем — увы мне, несчастному! — то надобно меня известить, и тогда мы назначим епитимью; ибо нет ничего неисцелимого для желающих исцелиться.

ЛШ. К СТЕФАНУ-ЧТЕЦУ И НАХОДЯЩИМСЯ С НИМ¹

Я получил письмо от ревнующей по Богу любви твоей, посланное, судя по подписи, одним, а по смыслу — несколькими лицами. Но, спрошенный одним или многими, я обязан дать удовлетворительный ответ, насколько это возможно для моего неведения. Во-первых, те похвалы, которыми превознес меня твой многоглаголивый язык, не относятся ко мне, ибо я грешник и провожу неисправную жизнь. А если есть во мне что-нибудь, то это — Божий дар, дарованный по молитвам духовно родившего меня отца и на будущее время могущий сохраниться невредимым, по молитвам вашим любители благочестия.

¹ Написано в 809 г.

Во-вторых, я не знаю, как мне дать ответ, если вопрос поставлен неясно. По моему разумению, вопрос касается бывшего патриарха Тарасия. Об этом предмете я уже давно думал, много рассуждая сам с собою и представляя последствия этого. Тех, которые ревнуют о благе и много лет страдали, я хвалю и одобряю, но отнюдь не упускаю из вида и того, чтобы они были единомысленны. Да и можно ли думать иначе о тех, которые оказались такими мужественными в благочестии?

Впрочем, положив в основание истину, по мере возможности и подобающим образом дам ответ. Итак, скажу следующее. Что было причиной нашего разногласия с Тарасием? Вера ли? Но, насколько известно, он был православным, следовал святым Соборам, по образу мыслей был согласен с прочими патриархами и прежде много подвизался за веру. Принятие ли возвращавшихся из ереси? Но это не его нововведение, ибо они принимались Святыми Отцами трояким образом: или через перекрещивание, как пепузиане, или через миропомазание, как ариане, или через проклятие собственного учения, как несториане.

Было ли причиной разногласий рукоположение за деньги, которое непременно наказывается низложением? Да, это совершенно справедливо. Тогда пастыри оказались свирепыми волками, разрушались жертвенники, подвергались бесчестию святые мощи, сжигались священные книги. Что еще? Даже икона Христа вместе с другими священнейшими предметами была оскорблена и поправа. Кто может кратко перечислить то, что требует продолжительного повествования?

Не от того ли все беды, что тогдашний предстоятель, внезапно возведенный из мирского состояния

в епископское достоинство, не имел достаточно сил бороться за дух? Отсюда соблазны, здесь начало и нынешним смятениям. Вы знаете, как относиться к нему? А мы, услышав, в частности, о том, что рукоположенные за деньги, не принимаются им в общение, сочли полезным для блага мира сохранять согласие с ним, хотя сами думали иначе. Ибо Григорий Богослов говорит, что, пока возможно, надо склоняться к миру и там, где прискорбное только подзревается, снисхождение лучше надменности.¹ Впрочем, ни мы не принуждаем вашу совесть, ни вы не требуйте от нас решения относительно того, что неясно для нас. Ибо и личное общение, и время, и опыт изменяют тех, кто неодинаково относится к одному и тому же.

А для чего нужно обращение назад, к божественному Герману, и требование, чтобы рукоположение непременно было совершено тогда? Ибо что значат три еретика, которые были в промежутке? Разве есть хоть один епископ, который не был бы рукоположен ими или рукоположен через них, так как рукоположение преемственно передавалось до Тарасия? Сколько людей с востока и запада, с севера и моря, приходили за это время и вступали в общение с нашей Церковью в священном звании? И сколько тогда было рукополагаемых и рукополагавших без денег, хотя и были еретиками? Все это может знать только Бог, человек же не может утверждать и по этой причине считать всех низложенными.

Мы люди, и поэтому, давайте смотреть на дела, увещаваю вас; ибо *человек смотрит на лицо*,

¹ Творения в русском переводе. Т. I. С. 192–193. Т. II. С. 198. М., 1892.

а Господь смотрит на сердце (1 Цар. 16, 7). Надобно требовать только исповедания веры устами, когда оно не произносится с явной ложью, по которому и сам Тарасий принял рукоположение, и относительно которого тогдашние ревнители и строгие исполнители согласились с Тарасием и были в единомыслии с ним. Однако вскоре после Собора появились разногласия, по их мнению, по поводу принятия рукоположения за деньги и по некоторым другим вопросам. Если это и вам кажется справедливым, то мы перейдем к следующему вопросу: скажем о том, что было со времен Тарасия до сих пор.

Какой же следует отсюда вывод? Со всяким неосужденным священником, согласно Богослову и Златоусту, надобно иметь общение. Ибо первый говорит: “Считай каждого способным к очищению, только бы он был из числа избранных и не из явно осужденных и чуждых вере”; а последний: “Исследуй, дознавай, ибо общение без исследования небезопасно, и опасность касается великих предметов”.

Итак, будем исследовать и познавать, с кем мы должны вступить в общение, исповедует ли он правую веру, не рукоположен ли он за деньги, и не справедливо ли что-нибудь другое худое, что подозревают в его жизни или что передает молва. Если же справедливо то, что он получил рукоположение от такого-то еретика или рукоположенного за деньги, но сам не еретик и по неведению возведен в сан рукоположенным за деньги, т. е. симонианином, а сам исповедует всю истину, соблюдает веру и правила неизменными и уклонившихся от того и другого отвергает, то нам нет никакого основания удаляться от него. Ибо такой не подлежит осуждению,

по мнению вышеупомянутых святых, а значит и по общему мнению.

В таком случае мы сами имеем с ними общение и вам советуем делать то же. Ибо если исследование продолжить, то будут отвергнуты увещания святых и становится тщетным великий дар священства, с помощью которого мы становимся христианами. Таким образом мы можем впасть в язычество, что было бы безрассудно. К тому же, предпринимающие такое исследование, путешествуя по западу и востоку, не нашли бы достойного, так как все один от другого оказались бы подлежащими низложению по причине взаимного служения вместе. Ибо известно, что при Тарасии посланные отсюда апокрисиарии служили вместе с предстоятелем Римским, а от него посланные, может быть, служили вместе с восточными. Таким образом, священство уничтожилось бы, и чтобы не случилось сего, мы, в согласии со святыми, станем соблюдать вышеупомянутую меру.

В Церкви случалось и случается много подобных проступков, которые никто из святых, насколько мне известно, не исследовал подробным образом, — потому что это невозможно, и не заповедал нам поступать так. Услышав же о том, будто наша настойчивость для нас не полезнее собора, утвердившего прелюбодеяние, я удивился, ибо она настолько же достопочтеннее, насколько голос Господень — апостольского. Я не утверждаю, что Тарасий не говорил, будто было рукоположение за деньги, но он, как известно, объявил, что не принимает в общение таких.

А ныне из-за принятия в общение сочетавшего прелюбодеев было соборно, вопреки Евангелию, Предтече и правилам, произнесено учение, согласно

которому беззаконие признается экономией, будто епископы и священники могут господствовать над правилами когда захотят; а тех, которые несогласны с этим, проклинают и преследуют, как вы знаете. Хотя это и произошло после времен иконоборческой ереси, но, для рассуждающих благочестиво, не лучше той. Их молитвами Господь да истребит зло и дарует прежний мир Своей Церкви! Впрочем, как ты писал, одно действие опровергается другим, и признание беззаконного действия сменяется отвержением и наоборот. Господь да сохранит тебя и весь дом твой здоровыми и молящимися о нашем смирении, первейший из друзей и лучший из ревнителей!

LIV. К АННЕ-ИГУМЕНИИ

Почему ты перестала писать и извещать нас о делах твоего преподобия? Но мы, несмотря на это, не перестанем писать к тебе, как потому, что уже однажды мы отверзали смиренные уста свои, обращаясь к тебе так и по причине твоей ревности о Боге и пламенного благочестия. Ибо я слышу, что ты непрестанно благотворишь братьям нашим, путешествующим туда и сюда, каждого приходящего принимая человеколюбиво и провожая с благожеланиями, как служителя Христова. О, как прекрасно твое занятие! О, святая душа твоя, бодрствующая в делах божественных!

Эти действия не одиноки, они — побеги других добродетелей и порождение твоего духовного плодородия; ибо невозможно не благоухать носящему ароматы и не светить несущему свет. Поэтому везде и всегда, особенно же во время гонений за Христа, одни оказываются любителями святости и бого-

блаженными, а другие — преданными порокам и недобрыми, хотя внешне и делают вид, что имеют внутри добро¹...

LV. К ИРИНЕ-ПАТРИЦИИ

Письменная беседа — средство для оживления любви, вызывающее привязанность в душах любящих, и тем более, чем чаще бывают такие беседы. Оно как бы пробуждает скрытые искры любви и воспламеняет взаимную симпатию. Нечто подобное произвело и в нас, смиренных, письмо твоей милости, исполненное духовной дружбы и содержащее в себе живейшие искры воспоминаний. Пользуйся же, благочестивейшая госпожа, этим средством любви, и извещай нас о твоём здоровье и благополучии. Ибо мы знаем о твоей всегда цветущей добродетели и великом благочестии из того, что слышали и слышим и из того, что сами испытали и испытываем, — или через отзывы других, или в своих беседах.

Мы слушали бы твой голос с большим удовольствием, не просто внимая звуку, но вместе с тем понимая и то, что ничто так не выражает состояния души, как исходящее из нее слово, каково бы оно ни было. Узнав о том, что случилось с госпожой дочерью твоей, мы опечалились, но какую молитву или облегчение доставим мы, грешные? Впрочем, будь уверена в том, что такие скорби ничего не могут сделать, если мы сами не дадим им места какой-нибудь невнимательностью. Ибо, как невозможно какому-либо месту, освещенному солнцем, заклю-

¹ Конца письма нет в греческом подлиннике.

чать в себе мрак, так невозможно и человеку, руководящемуся Божественным светом, т. е. мудростью и добродетелью, потерпеть какой-либо вред от враждебных и бесовских наваждений.

Да исцелится же дочь твоя во имя Господа, исцеляющего всякую болезнь и всякий недуг, и да будет рука Божия распростерта над нею, осеняя голову ее и отгоняя всякое вредное влияние, чтобы она вместе с богобоязненной матерью, в здравии могла воссылать свои молитвы с благодарением Господу!

LVI. К АНТОНИЮ, ИГУМЕНУ МОНАСТЫРЯ СЯГО ПЕТРА, И НАХОДЯЩИМСЯ С НИМ¹

Письмо ваше, написанное к нам с великой печалью и скорбью сердца, мы получили от отеческой вашей святости, и нужно ли говорить, сколько мы плакали, проникшись братским состраданием, хотя мы и недостойны, и, вследствие одинаковых страданий, понимая и представляя ваше затруднение? Ибо понять скорбь может только тот, кто подобным образом переносит такие же скорби. Но грехи наши так умножились в настоящем веке *беззакония*, когда охладела *любовь*, по слову Господа (Мф. 24, 12), что те, которые должны были бы устранять соблазны и преткновения, сами делают, как можно видеть, то же, что и внешние власти, и даже хуже.

¹ Написано в 811 году.

Вы говорите, что вы терпели и все еще терпите заключения в темницах, ссылки, поругания, гонения и притеснения от управляющих Церквами Божиими, вы, которым не следовало бы переносить это от пастырей Божиих не только тогда, когда вы защищаете заповедь, но и если бы вы были уличены в человеческих преступлениях, а не боролись бы за истину, вы, которых надлежало бы хвалить и ублажать и которые, к тому же, украшены монашеским обетом. По делам их *познаете их*, — сказал Господь (Мф. 7, 20). Подлинно, не видано подобного у святых, а напротив, они скорее сами подвергались страданиям, научаемые голосом апостола, который говорит о Господе: *будучи злословим, Он не злословил взаимно, страдая, не угрожал* (1 Пет. 2, 23), и кротко подставлял бьющему Божественную ланиту (см. Лк. 6, 29). Так познаются пастыри Христовы; так же — и чуждые епископы.

Но что приходится терпеть при укрепившемся в нашем несчастном роде нечестии человеческом, которым превозносятся как предметом гордости, считая незаконное законным и пользуясь властью для сопротивления Божественным велениям? Да получают они воздаяние за то, что делали и делают, или лучше да получают прощение от Неподкупного Судии, Который не оставит ничего неисследованным и безнаказанным в день Суда! Вы же, честнейшие братья и достопочтеннейшие отцы, радуйтесь и веселитесь, что вы получили славу божественного блаженства, с честью приняли бесчестие Христово, за малые труды и подвиги получая величайшие и вечные награды.

Как мы писали прежде, по благоволению Преподобного Бога не стало того, с кого начались разно-

гласия в нашей Церкви¹, и водворился мир по мановению, устройению, благосклонности и, прибавлю, благодаря убеждениям победоносных и христоролюбивых наших Императоров и при содействии и защите Святейшего патриарха нашего, — ибо отныне так надобно называть его. Да примет и ваше преподобие суждение, вынесенное нами, смиренными, после многих соображений, исследований и обозрений отеческих деяний и иногда возникающих церковных соблазнов, которые иногда случались, дабы таким образом и в нашей Церкви Христовой воцарился мир Божий в сердцах всех. Ибо если мы не сделаем так, то не будет это свято пред Богом, и мы не одержим победы, но, может быть, излишне стремясь к справедливости, потеряем и то благо, которого достигли прежними трудами.

Итак, признайте и примите Святейшего нашего патриарха, увещеваем вас. Имейте общение и с вашим епископом в том, в чем нет явного беззакония, предоставив остальное Господу, Испытателю и Мздовоздаятелю за слова и деяния. С этой целью мы решили послать письмо и нашему Святейшему патриарху с просьбой, чтобы вы были освобождены из заключения, и заключили друг с другом союз мира, чтобы, если случится что-нибудь сомнительное, тотчас было бы это разрешено между вами. А если случится что-нибудь такое, чего нельзя исправить переговорами между вами и почтеннейшим епископом, то эти болезни были бы исцелены в присутствии самого Вселенского патриарха, чтобы все содействовало радости мира и искренности согласия.

¹ Имеется в виду, конечно, Император Никифор, умерший в том же 811 году.

LVII. К ПЛАТОНУ, ОТЦУ СВОЕМУ

Для чего ты, святой отец, повелеваешь мне, несчастному, делать то, что выше моих сил? Я должен просвещаться от тебя, а ты сам желаешь научиться от меня, омраченного? Но и это ты делаешь, подавая мне пример смирения. Не знаю, что сказать соответствующее времени, кроме того, что Бог хорошо устроил наши дела. Ибо если некоторые, из любви к Богу оставив принадлежавшую им власть и убежав далеко, считали себя блаженными в тихой жизни, то как нам, смиренным, находящимся под стражей в ссылке за ревность о законе Божиим, не радоваться в Господе, считая благодатью Его и величайшим даром то, что мы удостоились достигнуть такого состояния, которого многие, желая, не получили?

Пребывай же, святой отец мой, в том месте, где до времени заключил тебя Бог, а не человек, ибо мы не знаем, что родит наступающий день (Прит. 27, 1) и как повелит Промысл, прославляй прославившего тебя Господа мученической твоей твердостью, вкушай с благодарностью и радостью хлеб свой, который люди думали поднести тебе с горечью. Уже оскудели силы твои в старости после подвижнических трудов, перенесенных тобой в юности, по благодати Божьей.

Поэтому прошу и умоляю, подкрепляй одряхлевшее тело пищей и питьем. Не отказывайся от этого, достаточно для тебя уединения, заключения под стражей, одиночества, лишения собеседников, немощи от старости, недуга, заботы о нас, грешных, и иных. Довольствуйся перенесением этого, соблюдая чистоту помыслов обращением к Богу достопо-

чтенной души твоей. Когда бывает уединение, тогда ум, подобно воде, выбрасываемой из трубки, легко может восходить от земного к небесному. Главное желание — всегда бесстрастно пребывать с Богом. Впрочем, по определению отцов наших, венцы доставляет борьба, так что, если мы, подвергаясь нападениям, стоим твердо, то получаем славу победы над пораженным диаволом.

Я, одержимый страстями, стыжусь, говоря это тебе, отцу моему, но вынужден делать это, повинувшись тебе. Прекрасное дело — освободиться от страстей и быть объятый ненасытимой любовью к Господу. Полезное дело, отец мой, — удалиться от зловония страстей и благоухать благовонием Духа. Блаженное дело — здесь сокрушаться и плакать о...¹ и радость будет такому, стоящему впереди всех со страхом Божиим, который, как огонь, когда водворяется в душе, прогоняет соблазны греха. И как не бояться Того, Которого трепещут Ангелы, от взоров Которого колеблется тварь, пред Которым все мы предстанем обнаженными и открытыми (Евр. 4, 13) и вскоре получим воздаяние за то, что сделали в жизни?

Я же несчастный, сам не достигнув ничего из того, о чем сказал, с прискорбием прошу помощи твоих святых молитв, чтобы открылись очи души моей для вкушения истинной любви. Вместе с душой слабо мое тело, как тебе известно, и я не знаю, что делать. Если приложу по видимости немного усилий, теряю и то малое здоровье, что имею. Одно только утешение нашел я, о котором надобно сказать и тебе, отец мой: я узнал из чтения и изучения обычаев восточных Отцов, что проводящим уе-

¹ Пропуск в греческом подлиннике.

диненную жизнь нужно, если возможно, каждый день принимать Божественное Причастие. Так я и делал, и находил помощь в горести, потому что по причине величия этого Дара, ум воздерживается от страстного движения.

Что может быть важнее для просвещения души и больше Божественного Причастия? Налив вина в определенную для этого стеклянную чашу и совершив обычные молитвословия, я, недостойный, причащаюсь этого дара.

Наконец, *трудами рук твоих будешь питаться: блажен ты, отец мой, и благо тебе будет* (Пс. 127, 2). Ты — отец многих, возведший их на такую степень добродетели, что в настоящее время все они находятся в изгнании за ревность о законе Господнем. Молись же о всех, чтобы они совершили свое служение.

LVIII. К СПАФАРИИ, ПО ПРОЗВАНИЮ МАХАРА

Как прекрасно письмо твоего благородия, изложенное туземным языком, и, что удивительно, содержащее исповедь, представляющую для нас богоугодный дар! Но откуда такая великая вера твоя и благочестие, когда мы грешны? Или сие нужно для того, чтобы и нам было известно, кто ты и каково твое благочестие, каков господин твой и глава и госпожи сестры твои, что вы все являетесь как бы изысканными яствами трапезы Божией? Как достойно это письмо, выражающее прекраснейший образ вашего благочестия! Но я недостойн ваших слов о том, что вы предали себя самих моему смирению; не нам, но лучше Богу предавайте себя.

Поэтому мы обязаны и радоваться доброй жизни вашей, и желать вам священных благ, и давать вам только то, что мы можем дать, — простое наше слово. Что и делая теперь, мы спрашиваем: по какому поводу твоя досточтимость требует, чтобы я рассказал о Божественном Причащении, и почему ты столько лет редко причащаешься? Это должно иметь какое-нибудь основание. Причащаться должно нередко и не просто каждый день, но с чистой совестью; ибо сказано: *Кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем* (1 Кор. 11, 29).

Итак, если ты, наблюдая таким образом за своим состоянием, с благоговением медлишь некоторое время, то это хорошо, будет ли то недолго или долго. Предела этому иного нет, кроме того, чтобы приступить к Причастию с чистым сердцем, насколько это возможно для человека. Если же случится какое-нибудь прегрешение, удаляющее от Причащения, то очевидно, что такой человек может причаститься тогда, когда исполнит епитимью. А если опять он уклоняется от Причастия по причине ереси, то это правильно. Ибо причащение от еретика или явно осужденного за его жизнь отчуждает от Бога и предает диаволу.

Обдумай же, блаженная, какого образа действий из указанных держаться, согласно твоему наблюдению над собой, и таким образом приступай к Таинствам. Всем известно, что ныне в нашей Церкви господствует ересь прелюбодействующих, поэтому побереги честную твою душу, сестер твоих и супруга. Ты говоришь мне, что боишься сказать своему пресвитеру, чтобы он не поминал ересеначальника. Что сказать тебе на это? Я не оправдываю его:

если общение через одно поминовение производит нечистоту, то поминающий ересеначальника не может быть православным. Господь же, возведший вас на такую степень благочестия, Сам да сохранит вас во всем неповрежденными и совершенными телом и душой на всякое благое дело и на всякую потребность жизни, с супругом вашим и с благочестивейшими сестрами. Все вы Господу молитесь о нашем недостоинстве!

ЛІХ. К ВАСИЛИЮ, ПОЧТЕННОМУ ИГУМЕНУ, СО ВСЕМИ БРАТИЯМИ ЧЕСТНОЙ ОБИТЕЛИ СВЯТОГО САВВЫ¹

Когда догматы благочестия соблюдаются твердо, тогда свойственно волноваться лишь любителю смут. Но когда они колеблются, как ныне в нашей Церкви, то не должно ли восставать, не щадя ничего, презирая не только продолжительный путь и другие неприятности, но и саму смерть? Такова причина отправления к вам преподобнейших духовных сынов ваших Литоия и Симеона, такова причина опасного их путешествия с надеждой на Бога.

Но, святые отцы, как я могу описать вам обстоятельно все, что здесь предпринято и сделано против Евангелия Христова? Многоплачевный Иеремия в одном из своих пророчеств говорит: *пастыри обезумели и не взыскали Господа* (Иер. 10, 21). А здесь нечто более тяжкое и крайне безнравственное, ибо тех, которые стараются искать Господа и держатся закона Его, предали анафеме, как чуждых Ему.

¹ Лавра св. Саввы Освященного находится в Палестине, близ Иерусалима.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

І. К ИКОНОБОРЧЕСКОМУ СОБОРУ¹

Следуя Божественным заповедям и каноническим постановлениям о том, что не должно без согласия своего епископа делать или говорить что-либо, касающееся церковного благочиния, а тем более относящееся к догматическому исследованию, хотя ваша власть и один раз, и другой призывала к этому наше смирение, мы не дерзали прибыть и сделать что-нибудь вопреки законам, как поставленные Божественным Духом под священную руку Святейшего патриарха Никифора. Когда же некоторые из имеющих один с нами чин игумена рассудили прибыть туда и вступить в словопрения, нам пришлось услышать то, от чего так сокрушается наше смиренное сердце.

Ибо, говорят, это собрание состоялось для низвержения второго Никейского святого Собора, т. е. для уничтожения поклонения честной иконе Господа нашего Иисуса Христа и Богородицы, а равно и всех святых. Слыша об этом, кто не вздохнет тяжело из глубины сердца, ведь этим уже низвергается спасительное домостроительство Господа нашего Иисуса Христа? *Слушайте, небеса, и внимай,*

¹ Это и следующее письмо написаны в 815 г. по случаю возобновления иконоборческой ереси при императоре Льве Армянине. В заглавии этого письма прибавляется: "Как бы от лица всех игуменов".

земля,— да воскликнет с нами велегласнейший Исаия (Ис. 1, 2); или лучше сказать: “Слушайте, восток и запад, север и морская страна, в каком положении ныне наши дела и для чего дерзнули составить собор”.

Но мы, низайшие, и прибывшие, и не прибывшие,— ибо и другие единомысленны в одном божественном мышлении,— держась веры, согласной с поднебесной Церковью, утверждаем, что выставлять и почитать божественную икону Самого Спасителя нашего Иисуса Христа и Пресвятой Матери Его и каждого из святых справедливо по учению второго Никейского святого Собора или другого, божественно учившего прежде него. Более того, имея письменные и неписьменные свидетельства от самого пришествия Господа нашего и Бога, мы твердо пребываем на том основании, о котором говорит Христос: *Ты Петр, и на этом камне созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18).

Подлинно, какое может найтись слово у желающего противоречить такой силе истины? Ибо, если Господь наш Иисус Христос несомненно явился в человеческом образе и в нашем виде, то справедливо Он пишется и изображается на иконе, подобно нам, хотя Божественный образ Его остается неопишесым. Он есть Посредник между Богом и людьми, и при этом сохраняет неизменными свойства обоих естеств, из которых состоит.

А если бы Он не был описуем, то перестал бы быть Человеком, и тем более — Посредником, так как с уничтожением описуемости уничтожаются все однородные ей свойства. Ибо, если Он не описуем, то и не осязаем; а если осязаем, то вместе с

тем описуем, чему противоречить было бы глупо так как это свойства тела, подлежащего осязанию и изображению. И как Он будет неопишесым, если может страдать?

Если же Он описуем и может страдать, то, конечно, нужно и поклоняться Ему в том виде, в каком Он изображается. Ибо слава первообраза не разделяется в образе, по выражению Василия Великого. Чествование образа переходит к первообразу¹, т. е. чествование всякого, естественного ли, или художественного образа.

Так же точно надобно рассуждать и относительно изображения Честного Креста: через поклонение этому изображению чествуется поклонением и Животворящее Древо; равно как и, наоборот, вместе с уничтожением первого по необходимости уничтожается и второе. Разве исповедание этого изображения не является исповеданием Животворящего Креста? Равным образом и отвержение преобразования отвергает сам Крест.

Подобное отношение надобно предполагать и между иконой Христовой и Самим Христом всякому здравомыслящему. Впрочем, теперь не время для догматического изложения, которое может легко убедить признать свет истины даже слабоумного.

Такова наша, грешных, евангельская вера, таково наше, смиренных, апостольское исповедание; такое передано нам, низайшим, богопочитание от Отцов! Сверх этого, если не только кто-нибудь из нынешних или древних, но даже если Петр и Павел,—

¹ К Амфилохию о Св. Духе. Гл. 18. Творения в русском переводе. Т. III. С. 244. М., 1891.

говорим о невозможном, как бы о возможном, — даже если пришедший с самих небес станет учить и проповедовать иначе (см. Гал. 1, 8), то мы не можем принять его в общение, как не согласующегося со здравым учением веры.

Наконец, как бы ни было угодно вашей власти, наше смирение готово скорее страдать до смерти, чем отречься от нашего искреннего исповедания.

II. К МОНАШЕСТВУЮЩИМ

В настоящее время, когда Христос преследуется через Его икону, не только тот, кто имеет преимущество по званию и знаниям, должен подвизаться, беседуя и наставляя в православном учении, но и занимающий место ученика обязан смело говорить истину и свободно отверзать уста. Эти слова принадлежат не мне, грешному, а божественному Златоусту, так же говорили и другие Отцы.

То же, что господа игумены, задержанные императором, не сделали вышесказанного, хотя они и по званию, и по знаниям выше всех игуменов здешней страны, а, напротив, скорее молчали, и не только молчали, — хотя и это тяжко, — но еще собственноручно поставили подписи, что они не будут ни собираться вместе, ни учить. Это — измена истине, отречение от пастырства и погибель подчиненных и равноправных.

Апостолы, получив повеление от иудеев не учить во имя Христово, говорили: *судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога (Деян. 4, 19)*; и еще: *должно повиноваться больше Богу, нежели человекам (Деян. 5, 29)*. Это же и подобное следовало сказать и тем игуменам,

чтобы Бог прославился через них, в назидание православным, чтобы утвердить монастыри, чтобы укрепить страждущих в ссылках.

Почему же мы предпочитаем монастыри Богу и получаемое от них благополучие — страданию за благо? Где слова: *говорил пред царями и не стыдился (Пс. 118, 46)*? Где изречение: *вот уста мои не возбраню (Пс. 39, 10)*? Где слава и сила нашего звания? Помните, как блаженные Савва и Феодосий в то время, когда император Анастасий предался нечестию¹, пламенно восстали в защиту веры, то анафематствуя лжеучителей в Церкви, то свидетельствуя в письмах, которые посылали императору, что они готовы скорее потерпеть смерть, нежели изменить что-нибудь из постановленного?

Эти же господа игумены, как рассказывают, говорят: “Кто мы такие?” Во-первых, — христиане, которые теперь должны непременно говорить; потом — монашествующие, которым не следует ничем увлекаться, как не привязанным к миру и независимым; далее — игумены, которые отвращают соблазны от других и никому не должны подавать повода к искушению; *чтобы служение*, — говорит апостол, — *было беспорочно (2 Кор. 6, 3)*. А какой соблазн и искушение, или лучше, унижение произвели они собственноручной подписью, нужно ли об этом говорить? Ибо если молчание — это отчасти согласие, то насколько позорно утверждение такого согласия подписью перед целой Церковью?

¹ Т. е. император Анастасий I (491–518 гг.), преданный евтихианской и манихейской ереси.

Еще вы говорите, что патриарх Никифор, священнодействуя в скрытном месте¹, тайно поминает святых, и все патриции, не говоря о других, остаются православными. Но что говорит Христос? *Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным* (Мф. 10, 32); а противоположное этому — в случае отречения. И если они собственноручно поставили подписи только не собираться вместе, то и это тоже является отречением.

Ибо как они будут соблюдать сказанное Христом: *грядущего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6, 39)? Приходит кто-нибудь, спрашивая и желая научиться истине, игумен ли, или кто-то другой; что же ответит ему игумен? Очевидно, это: “Я получил повеление не говорить; и, — о, если бы только так! — но и не принимать тебя в монастырь и не иметь общения”. А Христос говорит: “Прими и научи, *если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя*” (Евр. 10, 38).

Итак, они дали подписку повиноваться императору вопреки Христу. Вот что, братья и отцы, сделали они, как я достоверно узнал. И так как вы постановили, чтобы я высказал, что кажется мне важным, то я и объявил перед Свидетелем Богом, взяв слово хранить это, как тайну, опасаясь искушения. Впрочем, вы, спасая, спасайте свои души, молясь и о мне, смиренном.

¹ Лев Армянин сначала лишил Никифора права заведовать патриархией, а затем добился насильственного низложения его с кафедры.

III. К ИГУМЕНУ¹

IV. К ФЕОФИЛАКТУ, ЕПИСКОПУ НИКОМИДИЙСКОМУ²

Второй год я забочусь и помышляю о том, чтобы послать письмо священной главе твоей, и только ныне исполнил я, смиренный, свое желание. Но хорошо, что я удостоился письмом приветствовать тебя, моего отца, столп истины, опору Православия, стража благочестия, утверждение Церкви, победоносного мужа, христоносного архиерея, мученика исповедания Божия.

Подлинно, не принадлежит ли тебе венец мученичества? Ибо ты за Христа изгнан, удален из отечества, терпишь много страданий, будучи слаб телом от природы и, как мне известно, изнурен подвижнической богоугодной жизнью. Тобой хвалится сонм православных, радуется область никомидийская и превозносится, представляя тебя вселенной, отклонив от себя те упреки, какие издревле болтали относительно тамошних предстоятелей.

Веселится святой Тарасий, взирая на того, кто прежде был овцой его двора и находился под его рукой, а потом стал знаменитым пастырем, ныне подвижающимся и подвергающимся опасности за Православие, для которого и он потрудился со своей стороны соборно, по благодати Божией, во дни со-

¹ В списках сохранилось только неполное заглавие этого письма, текст же утрачен.

² Написано в 816 году.

³ Т. е. Императрицы Ирины (780—802).

именной миру и даровавшей мир Императрицы³, так что дела совершенно соответствовали именам. Таковы были тогдашние обстоятельства, а нынешние горьки и прискорбны.

Как же нет, когда жертвенники уничтожаются, церкви разрушаются, когда ересь все ниспровергает и гонит Христа с Его Матерью и служителями? Поистинне, не Их ли гонят, когда истребляются Их святые иконы? Разве тогда, когда уничтожается изображение Животворящего Древа, может кто-нибудь противоречить тому, что вместе с этим ниспровергается Крест? Если же в этом случае можно сказать вместе с этим так, то как не согласиться с этим и относительно иконы, ибо и икона есть изображение.

Но, кто я, несчастный и непросвещенный, чтобы мне доказывать это божественному отцу и учителю? Ты, священнейший, научи нас совершеннейшему, как богопросвещенный, и самым делом наставь терпеливо переносить настоящие наказания и испытания, первое — нам за грехи, а второе — тебе за божественную любовь ко Христу, Которого ты не переставай молить, чтобы Он скорее сменил тень нечестия рассветом мирного православия.

V. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ¹

Весть — за вестью, слово — за словом. Что мне сказать и о чем говорить? Как я, несчастный, стану относиться к произошедшему? У меня радость и печаль, утешение и плач. Я оказался между двух страстей и не знаю, о которой из двух предпочесть гово-

¹ Написано в 814 году.

рить. Однако побеждает Победивший сатану и начальников, и мучителей века сего.

Умерщвлен за Христа агнец Христов, претерпевший бичевание Фаддей, отрасль моя, сердце мое, сын послушания, ветвь благочестия, соименник апостола. Неизмеримая радость, чрезвычайное веселье не только для меня, смиренного, но и для Ангелов, и для людей. *Как величественны дела Твои, Господи* (Пс. 91, 6)! Ибо и ныне в этом смиренном поколении, явил Ты неопишимого свидетеля истины Твоей, и притом не из мудрых и благородных мира сего, но из противоположных им, чтобы исполнилось слово апостола: *незнатное и уничиженное избрал Бог, чтобы упразднить значащее* (1 Кор. 1, 28).

Куда ты удалился от меня, блаженный сын? Куда так скоро вознесся ты, сопричисленный к мученикам? О, жребий твой! О, благородство твое! О, благоразумие твое! В один день ты приобрел бесконечную жизнь, мучительными страданиями ты стяжал неизреченные радости. За сто тридцать ударов, — за подвиги ты получил совершенную награду вместе с мучениками от Святой Троицы, так как первая из этих цифр означает совершенство, а вторая — Троицу. Так из самого наказания твоего Бог явил величие твое. Кровь твоя — миро; останки твои — источник очищения для прикасающихся к ним.

Прошу тебя, святой Божий Фаддей, молись о мне, недостойном рабе твоём; ибо не дерзаю называть тебя сыном. Смотрите, братия мои, что случилось, какое сокровище и какого брата мы приобрели. К славе Божией, и к нашей хвале, а также и к радости целой Церкви служит мученик Христов Фаддей.

Что еще? *Будут*, — говорит Господь, — *первые последними и последние первыми* (Мф. 19, 30). Это я говорю об Иакове и Лукиане, из которых один подвизался, и, о, если бы подвизался до конца вместе с Дорофеем и Виссарионом! А другой по грехам моим потерпел кораблекрушение с подобными себе. О, как пали они, несчастные, среди светил! Таким образом они забыли Сказавшего: *Не бойтесь убивающих тело* (Мф. 10, 28). Разве не знает меры сил единый Сильный и укрепляющий немощных? И свидетели этому близко. Разве не исторгает Он из беды слабых по природе, а не по воле? *Свидетель Фаддей на небе верен* (Пс. 88, 38).

Не будем же пугаться, братия мои, и не будем страшиться, видя падение поражаемых, спасаясь мыслью о том, что и мы не в состоянии перенести ударов. Будем переносить их силой Божией и идти вперед, хотя бы встретился огонь или меч. Бог идет впереди и призывает нас войти в обетованное нам царство, как Израиля, — в обетованную землю. Разве вы не знаете, что потерпели возмущавшие тогда народ, говоря: “Мы не сможем войти, ибо там *грады ограждены до неба и мы видели там исполинов, сынов Енаковых* (Втор. 9, 1; Числ. 13, 34)?

Что же случилось? Не за это ли они были сожжены огнем, и весь роптавший народ погиб, и тела их остались в пустыне?

Пусть никто не будет таким возмутителем, никто — малодушным, никто — потерявшим надежду. Пойдем, братия, пойдем, как Халев и Иисус Навин, наследники обетования. Поколеблются перед нами умственные стены, как тогда Иерихонские, от

трубных звуков благодарности, которую воспел блаженный Фаддей, взывая с самого начала подвигов: *сей день сотворил Господь* (Пс. 117, 24). Так убеждаю, так прошу; *мы*, — говорит апостол, — *посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас* (2 Кор. 5, 20). Умоляю не бояться даже смерти за Него и с Ним, если будет нужно.

Это письмо ко всем, хотя и написано тебе, добрый сын. Поэтому всех приветствую и всем сораднуюсь в страданиях. Кто достоин *восполнить недостаток скорбей Христовых в плоти своей* (Кол. 1, 24)? Горе же отрекшемуся и отступившему, пусть даже и под угрозой смерти; ибо вечная *смерть будет пасти их, и праведные скоро будут владычествовать над ними* (Пс. 48, 15).

Мир вам Христов, держава, сила, утешение, молящимся обо всех братьях и обо мне, чтобы и я, по милости Божьей, оказался исполнителем того, к чему призываю. Находящиеся со мной братья приветствуют вас.

VI. К ПРЕСВИТЕРУ ПОДПИСАВШЕМУСЯ¹

Что потерпел ты, честный отче? Подписка стала для тебя кораблекрушением. Сколько ты оплакивал это падение? Ибо поистине падение — это восстание против святой иконы Христовой, хотя бы ты

¹ Вероятно, имеется в виду подписка о том, чтобы не собираться вместе и не учить православному почитанию св. икон, о которой говорится выше, во втором письме. Настоящее письмо написано в 816 году.

только подписался рукой. Я узнал об этом из твоего письма, человек Божий, и сострадал, совоздыхал, соблезновал, взывал горько, как и следует дружелюбно расположенному.

Ибо мы члены друг другу (Еф. 4, 25), и если страдает один член, то вместе с ним страдают и все члены, — говорит апостол. — И если славится один член, с ним радуются все члены (1 Кор. 12, 26). Но, о бедствие! Мы подверглись нападению, устрашились, убоялись того, чего не должно страшиться и бояться, если действительно читаем слова: *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28).

Зачем же ты, друг, обратил речь ко мне, непотребному? Какое врачевание могу я предложить, болеющий грехами и не принадлежащий к тем, кому вверено исцеление таких ран? Бог — не Бог нестроения; исправление и исцеление пресвитеров, т. е. священников, Он вверил епископам. Ты требуешь от меня того, что выше моих сил. Не следует этого делать. Впрочем, чтобы мне не оставить тебя совершенно без ответа, с любовью предлагаю тебе следующий совет.

Благой Бог не хочет смерти человека, но хочет, чтобы он обратился от пути своего и жив был (Иез. 33, 11). Итак, если раскаяние твое истинно, то совершенно устранись от священнослужения; только по какой-либо настоятельной нужде можешь преподать кому-нибудь Святыню. Ибо иногда из-за нужды и затруднений бывает и так, что иной сам от себя принимает ее для избежания ереси. Поэтому, что сделал ты сам по себе или по внушению другого, то похвально и хорошо для умиловления Бога.

Но разрешить священнослужение совершенно нет никакой возможности, даже если такое разрешение будет дано каким-нибудь архиереем. И так до водворения мира в Церкви Божией, когда все подобное будет надлежащим порядком определено соборным судом и получит божественное решение.

Если же скажешь, что, подписываясь, ты восклидал, что покланяешься святым иконам, то, прости, брат, и Пилат, устами называя себя невинным в убиении Христа, тростью утвердил Его смерть. Вот что тебе советую я, смиренный, как пред Богом.

Прошу совершать молитвы о моем спасении при сокрушенном покаянии твоём. Утешай святых отцов моих из епископов, которых, по твоим словам, ты видел, и приветствуй их, как бы от меня, несчастного.

VII. К ИОАННУ, СЫНУ

Я утешаюсь, сын и брат, письмами твоими, ибо они приходят в порядке и чужды неприятного многоглаголания. Достоинство письма — то, что оно тотчас касается предложенного предмета и говорит о том, что нужно, а не возвращается к тому, что не таково. Пойдем же далее.

О чем ты спрашивал, о том рассуждать теперь не время, и не нам учить тебя, добрый сын. Кроме того, я не посвящен в предметы неудобопостижимые. Но, чтобы не опечалить тебя молчанием, о первом скажу, что никто из других богоносных Отцов не разъяснил этого предмета так, как Григорий Нисский. Будем же довольствоваться духовным созерцанием этого на открытом уже пути к созерца-

нию. Ибо, что дальше Гадира, то недоступно, как говорит пословица¹.

О втором: *разумный безмолствует в это время, ибо злое это время* (Ам. 5, 13); это мне не кажется дурным и неправильным. Ибо нам определено Богодухновенным Писанием *время говорить и время молчать* (Екк. 3, 7), по требованию нужды, так чтобы мы соблюдали и благоустраивали слово истины. Ибо не дано ли нам повеление: *не давайте святыни псам и не мечите бисер перед свиньями* (Мф. 7, 6)?

Посмотри на богоносных мужей, и ты увидишь, что они то берегли слово под спудом молчания, когда говорить бесполезно или даже вредно, то ставили его на подсвечник, когда сеяние обещало хороший плод и нива была не камениста. Вот что мне представлялось относительно предложенных вопросов.

Если же ты найдешь сам или при помощи других то, что более испытано, то не откажись сообщить мне, твоему отцу и брату, нуждающемуся в советах. Будь здоров и много молись обо мне.

VIII. К БРАТИЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ССЫЛКЕ И ТЕМНИЦАХ²

Феодор всем братствам или общинам, повсюду рассеянными за Христа, с находящимися в темницах и ссылке, желает о Господе радоваться.

Благодать вам и мир, скажу словами апостола, *от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*,

¹ Гадира, или Гадес, нынешний Кадикс в Испании, — отдаленнейший из городов, известных древним.

² Написано в 814 году.

Надежды нашей (Гал. 1, 3), за Которого и ради Которого вы терпите это гонение, скорбь и притеснение, удаление в пустыни и ссылку, заключения под стражу и мучения и все прочие ежедневные бедственные обстоятельства и события. Поэтому, возлюбленные братия мои, желая доставить вам какое-нибудь утешение в связи с отсутствием смиренного лица нашего, мы посылаем это послание, извещая, что мы *непрестанно вспоминаем о вас* в смиренных молитвах наших (Рим. 1, 9, 10), вспоминая и представляя себе каждого из вас.

Со слезами и воздыханиями воздевая руки к Богу, молимся о том, чтобы мы как приняли на себя подвиги за истину и вышли с одним духом и одной душой, как бы из гнезда, из наших священных мест подвижничества, так и пребывали до конца, силой Господа; *имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единокорны и единомысленны* (Флп. 2, 2). Мы содержим учение истины, проповеданное и написанное перед глазами и для слышания всей твари, именно: поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Преславной и Блаженной Троице, по богословскому учению.

Да исповедуем, что одно из лиц Троицы, Сын и Слово Божие, Господь наш Иисус Христос, *уничтожил Себя, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам* (Флп. 2, 7), в образе нашем представляется и изображается в телесном виде. Ибо Он есть совершенный Бог и одновременно Человек, настолько же подлежащий описанию, подобно нам, чье естество Он принял, насколько чужд этого по неопишуемому естеству Божескому. Ибо *не Ангелов*, — говорит Писание, — *воспринимает Он*, хотя и им свойственно принимать образ, как видели те,

кто взирал Духом, но воспринимает семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братьям (Евр. 2, 16, 17).

Пусть же скажут христорборцы, как возможно семени Авраамову не изображаться на иконе? Как Он, назвавшийся нашим братом, будет во всем подобен нам, если оказывается, что Он не получил свойства описуемости, присущего нам? Тогда Он не будет ни братом, ни подобным нам, поэтому Он и не Человек.

Такое заключение следует из их слов о том, что Христос не может быть изображен на иконе, подобно нам. Так христорборцы разрушают спасительное домостроительство, подобно манихеям, валентинианам и маркионитам, общения с которыми будем избегать, братия, как змеиного яда, заражающего не тело, как говорит в одном месте Григорий Богослов, но глубины души.

Мудрствуя согласно с апостольской и поднебесной Церковью, — настоящая же византийская является еретической частью, которая привыкла часто отделяться от прочих, — мы изображаем Господа нашего Иисуса Христа в телесном виде. Это издревле непрерывно передавалось от самого явления Его апостолам путем переписывания иконы с иконы, равно как и образ Животворящего Креста.

Разве возможно, чтобы Крест, который есть оружие Христа против диавола, изображать, а Того, Кто является Оруженосцем и Победителем сатаны, не изображать. Ибо как может быть изображаемо оружие победоносное и истинное, если оно не имеет представляемого перед глазами оруженосца?

Мы поклоняемся святой иконе Его, поклоняясь как бы Христу, изображенному на ней. Ибо Он

родился из чрева Матери Своей Богородицы, имея образ. А если бы это было не так, то был бы каким-нибудь вырожденком и не получившим образа человеком, о богоборцы! Если же Он родился имеющим образ младенцем, что истинно, как говорит пророк: *Всякий младенец мужского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу* (Исх. 13, 2; Лк. 2, 23), то совершенно необходимо следует, что Он может быть и изображаем на иконе. *Слушайте, глухие, и смотрите, слепые, чтобы видеть* (Ис. 42, 18).

Одна только особенность есть во Христе по сравнению с нами, — та, что Он был зачат в утробе Девы без семени и родился без тления, ибо не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его (1 Пет. 2, 22). Прочее же все, как у нас: Он ел, пил, дышал, рос, ходил, потел, уставал, был распят, умер, хотя, как Бог, в третий день воскрес, имея и после Воскресения наш изображаемый вид, обоготворенный и ставший нетленным в Нем.

В этом виде Он являлся апостолам, с ними ел и пил после Воскресения и был осязаем Фомой, сказав всем принимавшим Его за духа: *осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня* (Лк. 24, 39). Так Он и вознесся во славе, так и опять придет в том же виде — в нашем образе, и увидит Его всякая плоть грядущим с небес, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Его (2 Фес. 1, 7–8), с которыми будут мучиться распявшие Его иудеи и не принимающие изображений Его иконоборцы. Это, братия, евангельская проповедь, это — апостольское учение.

Мудрствующие же иначе, напротив, стараются *увести* народ Божий к иному благовествованию, которое, *впрочем, не есть иное* (Гал. 1, 6–7), предлагая ложные писания, говоря от своего чрева, а не из уст Господних. Ибо обычно к пшенице всегда примешиваются плевелы и к истине прибавляется ложь. Да и как открылась бы истина, если бы не было противоречий? *Но если даже мы, —* говорит апостол, *— или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема* (Гал. 1, 8–9).

Излишне было бы мне писать вам, что возможно изображать Богородицу и святых. Ибо глупо было бы говорить, что какой-нибудь человек не может быть изображаем. А отрицающие, что Христос, Который есть Глава тела Церкви может быть изображаем, полагали заодно уничтожить и иконы членов Христовых, так как мы все — *тело Христово, а порознь — члены* (1 Кор. 12, 27). Ибо для них является обличением то, что Матерь Божия изображается на иконе, а Родившийся от Нее и питавшийся сосцами Ее и испытанный все, относящееся к телесному пребыванию Его, нет. Их разоблачает и то, что свидетели и слуги будут живописуемы, а Тот, Которому они служили и с Которым общались, не будет изображаем.

Они оказываются даже хуже иудеев, потому что не принимают иконы ни Моисея, ни кого-либо другого из пророков, между тем как иудеи, жившие прежде благодати, принимали священные изображения, будучи подзаконными, а не христианами. А эти так безумствуют, что противоречат и самим себе,

и иудеям, и, по сути, не являются ни иудеями, хранителями закона, ни христианами, так как не изображают Христа, Которого признают ставшим Человеком.

Есть такое изречение апостола Петра в истории мученичества святого Панкратия: “Сын Иосиф, вынеси икону Господа нашего Иисуса Христа и поставь ее на башне, чтобы видели, какой образ принял Сын Божий, чтобы, увидев, еще более уверовали, взирая на вид образа, и вспоминали о том, что нами проповедано Им”¹.

Есть изречение апостола Павла: *о несмысленные галаты! Кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый* (Гал. 3, 1)? Есть изречение Василия Великого: “Да будет изображен на картине и Подвигоположник в борьбе, Христос”². И еще: “Чествование образа переходит к первообразу”³. Есть изречение много подвизавшегося Афанасия: “Мы, верные, поклоняемся иконам не как богам, подобно еллинам; да не будет; но только выражаем расположение и усердие нашей любви к начертанию лица иконы”. Есть изречение святителя Иоанна Златоуста: “Мне нравилась и картина, сделанная из воска и исполненная благочестия. Я видел на иконе Ангела, прогоняющего тьмы варваров, видел попираемые племена варваров и

¹ Четвы Миней. Июль 9. Acta Sanct. April, 1. Pag. 237–243.

² О мученике Варлааме. Творения в русском переводе. Т. IV. С. 258. М., 1842.

³ К Амфилохию о Св. Духе. Творения в русском переводе. Гл. 18. Т. III. С. 244. М., 1891.

Давида, который истинно восклицал: *Господи, уничтожь образ их в городе Твоем* (Пс. 72, 20)¹. Это и делают ныне иконоборцы с Христом, Богородицей и святыми, — страшно слышать! — уничтожая их святые иконы. Не упоминая об изречениях других, — ибо их много, — и добавив еще одно, я обращаю речь к другому предмету.

Есть изречение шестого святого Собора богоносных Отцов: “На некоторых священных иконах изображается агнец, на которого указывает перст Предтечи, принятый в образ благодати и преобразовавший нам в законе истинного Агнца, Христа Бога нашего. Почитая древние образы и тени, переданные Церкви как знамения и предначертания истины, мы предпочитаем благодать и истину, принимая ее как исполнение закона. Ради этого, чтобы и искусством живописи очам всех было представлено совершенное, повелеваем отныне образ Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, представлять на иконах в человеческом естестве, вместо ветхого агнца, чтобы так созерцая смирение Бога Слова, мы приводились к воспоминанию жития Его во плоти, Его страданий и спасительной смерти, и таким образом совершившегося искупления мира”².

Итак, возлюбленные, имея такие свидетельства, вместе с собственным и на самой истине неопровержимо основанным убеждением, как показано выше, *бодрствуйте*, увещаю вас, *стойте в вере, будьте мужественны, тверды* (1 Кор. 16, 13), не

¹ Творения в русском переводе. Т. VI. Кн. 2. С. 711. СПб. 1900.

² Трулльского собора правило 82.

страшитесь ни в чем противников, так же, как и ложных братьев, оболыщенных и обманутых, это для них есть презнаменование погибели, а для нас — спасения. И сие от Бога. Ибо написано: Ибо вам дано ради Бога, ради Христа, не только веровать в Него, но и страдать за Него таким же подвигом, какой вы видели во мне, грешном, и ныне слышите о мне. Стойте в одном духе, подвизаясь единокорно за веру евангельскую, со страхом и трепетом совершайте свое спасение (Флп. 1, 27–30; 2, 12), дабы мне, грешнику, слыша о вас, радоваться.

Смотрите на сатану, смотрите на дерзость его, смотрите, чтобы кто-нибудь не оскорбил чем-нибудь Бога. Ибо этот великий дракон весьма хитер и многоопытен. Где он не может погубить посредством веры, там старается падением произвести то же зло в нас самих через закон греха, противящийся закону ума нашего. Он, как лев, рыкает, ищет, кого похитить, оболыщает, воспаляет огонь, старается сжечь дом души (1 Пет. 5, 8). Но мы имеем от Бога средства для изгнания его: воду в голове — источник слез, прощения, молитвы.

Во всем пусть будет страх Божий, приковывающий и пригвождающий плоть нашу. Нигде пусть не обитает ни зависть, ни вражда, ни тщеславие, ни какое-либо из дел тьмы. Страсти пусть тотчас изгоняются, пока они не укрепились, пока не вселились и не заразили душу, ибо потом трудно будет истребить их. Подвижники воздерживаются от всего, *так бегите, чтобы получить награду. Младшие повинуйтесь старшим; Бог не есть Бог неустройства, но мира* (1 Кор. 9, 24–25; 14, 33).

Настоятели, божественно любите подвластных, и не по властолюбию, но по добродетели и благости требуйте подчинения и послушания. Не отдаляйтесь друг от друга, меняя много мест и нигде не получая пользы. Евангелиста Марка Павел не хотел брать с собой, как написано, за то, что он не пошел вместе с ним, но возвратился домой раньше (Деян. 15, 38). Не тем ли более мы должны довольствоваться своим состоянием? *В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся* (1 Кор. 7, 24).

Очистим себя, возлюбленные, от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божиим (2 Кор. 7, 1). *Держите предания, которыми вы научены* (2 Фес. 2, 15), наставляйте друг друга, всегда помните о смерти. Итак, молитесь, увещеваю вас, о всех.

Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте (Рим. 12, 14), переходя с места на место, *терпя лишения, скорби, озлобления, скитаясь по пустыням и горам, а может быть, скрываясь и в ущельях земных* (Евр. 11, 37, 38). *Хвалитесь, что это вы терпите за Христа, что вас весь мир не достоин. Потерпите, дети мои, потерпите немного, придет Господь, Раздаятель венцов, Мздовоздаятель, сонаследниками Которого быть обещано нам,— если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться* (Рим. 8, 17).

Всегда молитесь о мне, несчастном, чтобы укрепилось сердце мое и я мог перенести постигающие нас бедствия даже до смерти, чтобы не отверг меня Христос за недостойнство мое, чтобы мне всячески очиститься от всякого зла. Теперь я живу, возлюбленные, тем, что вы стоите в Господе. *Кто наша*

надежда, или радость, или венец похвалы; не вы ли и в настоящем веке, и в будущем (1 Фес. 2, 19)? Так, вы — услада любви и утешение мое.

Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух, и душа, и тело во всей целости да сохраняются без порока (1 Фес. 5, 23). Верен Бог наш, и Он совершит это, братия. *Приветствуйте друг друга лобзанием святым* (2 Кор. 13, 12). Приветствие от меня, смиренного Феодора, всем чадам моим, из уст моего сердца. Приветствуют вас находящиеся со мной братья. Благодать с духом вашим. Аминь.

IX. К ИОСИФУ, БРАТУ И АРХИЕПИСКОПУ¹

Писать к твоей святости для меня всегда вожделенно, и тем более, чем длиннее расстояние между местами ссылки, ибо это приближает меня к почтенному лицу твоему и доставляет облегчение беседой, как и теперь, мне, опечаленному изменой истине некоторых игуменов.

Да будет известно твоему преподобию, что старая кустодия, т. е. Иосиф, сочетавший прелюбодея, Фотинудийский игумен, Ираклейский, Мидийский, Михианский, Иполихнийский, Гулейский и, — увы, грех мой! — даже и Флювутский, обманутые по неразумной простоте, единодушно, якобы защищая “экономия”, будучи увлечены привыкшим делать подобные дела Иосифом, уклонились вслед за сатаной, вступив не однажды в общение с нечестивыми.

¹ Написано в 815 году.

Наслаждаясь своим унижением, они улавливают в свое падение нетвердых. Кажется, даже Никейский епископ подвергся падению. Ибо вызывают находящихся в ссылке для подобных дел. И если не поспешит защитить рука Божия, то погибнем и мы, остальные. Что же это значит, неужели опять, нас, смиренных, вместе с немногими постигают эти плачевные обстоятельства?

Восстань, человек Божий, как архиерей Христа, Истинного Архипастыря, тем более, что ты выше всех стоишь по высоте священства, кроме одного находящегося в заключении¹. *Прославь Бога и в теле твоём, и в душе твоей* (1 Кор. 6, 20), не оставайся постоянно на острове. Может быть, тебе надобно быть по-прежнему испытанным, чтобы так получить светлейший венец.

Увы, увы, брат, до каких времен мы дожили! Впрочем, благодарение Сохранившему. *И сие от Бога, — говорит апостол, — что вам дано ради Бога, ради Христа, не только веровать в Него, но и страдать за Него* (Флп. 1, 29). Не презрел Господь смирения нашего в прошлом, и ныне, я уверен, не презрит Он честности твоей, но как тогда, так и теперь возвеличится Христос в теле твоём, подавая с преизбытком милость Свою в доказательство добродетели твоей.

Поэтому прости и мне руку твою, ходатайствует и за меня преподобный, чтобы я укрепился и избавился от угрожающей мне тяжкой бури. Стой и умоляй, чтобы буря превратилась в дыхание Святого Духа. Да будет! Приветствую братьев и прошу молиться о моем смирении. Находящиеся со мной припадают к ногам твоим.

¹ Т. е. патриарха Никифора.

Х. К НАВКРАТИЮ СЫНУ¹

Дурная весть в письме твоём, сын! Она, коснувшись смиренной души моей, действительно опечалила меня и извлекла сердечные слезы и едва не лишила меня сна в ту ночь, когда я получил ее. Это произошло как из-за тех, кто пал, хотя они ныне поступили как прежде, так, особенно, из-за Флювутского игумена, ибо он принадлежал к числу тех, которые, казалось, стояли твердо.

Когда первые еще стояли, я удивлялся, что они, не раскаявшись в прежнем падении своем по поводу прелюбодеяния и сочетания прелюбодеев, стали высказываться по настоящему предмету². Я, смиренный, думал что они, быть может, частным образом совершили покаяние у себя и радовался их исправлению.

Но, как оказалось, построив дом свой на песке, они при дуновении восставшей ереси, пали тягчайшим падением, снова называя искажение истины экономией. Они и прежде были соблазном для Церкви Божией, и теперь тоже делами своими увлекают всех к гибели. Так, многие, склонные к участию в зле в затруднительных обстоятельствах, надеясь найти какой-либо способ, чтобы совершать подвиги благочестия без печалей и бедствий, стали общниками отречения от Христа, Богородицы, всех святых. Ибо именно это означает отвержение иконы кого-либо из них.

Увы, несчастье! Увы, обольщение! Увы мне! Как они, начав хорошо, повернули назад? Увы мне!

¹ Написано в 815 году.

² Т. е. почитанию святых икон.

Для скольких они послужат поводом к падению: для равных и высших, для мирян, клириков и монахов? Но это старая рана, внутреннее зло. Иосиф, справедливо названный раньше сочетателем прелюбодеяев, а теперь хулителем Христа, он — вождь этой старой кустодии.

Как же ответим на это? Будем ли мы слабыми? Падем ли духом? Неужели у нас не окажется сил, чтобы исповедовать и одновременно защищать Христа? Нет, братия, нет. Ибо если при падении нечестивых праведные поражаются страхом, то при падении близко стоящему нужно соблюдать величайшую осторожность. Итак, убеждаю вас, станем тверже в Господе, не страшась ничего от противников.

Разве ради падших наше исповедание? Не ради них или других. Разве, утверждаясь на их стоянии, мы были крепкими, чтобы при их падении нам поколебаться? Да не будет этого! Христос — наше Основание, на котором мы стоим, которым хвалимся, говоря вместе с Павлом: *Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь ли, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас* (Рим. 8, 35, 37). Так, кто не выступает и не подвизается за Христа, тот не может быть христианином.

Разве напрасны подвиги мучеников, борьба, страдания? Разве они не были одной плоти с нами? Разве они не страдали, подвергаясь таким мучениям? Разве они не теряли надежды быть живыми, как говорит апостол (2 Кор. 1, 8)? Но, из страха вечных мучений и из желания небесных воздаяний, они, как благоразумные, решились лучше подвергнуться смерти телесной, нежели вечной. Не боялись, не страши-

лись, и представляя будущее, как настоящее, с радостью шли на мучения, считали дарами великие страдания. *Вам дано ради Бога, ради Христа, не только верить в Него, но и страдать за Него* (Флп. 1, 29), и еще в другом месте: *ибо среди великого испытания скорбями они преизобилуют радостью* (2 Кор. 8, 2). Так радовались, так восхищались, страдая за Христа, все святые.

Вкусим и мы, возлюбленные, любви Христовой: пойдем по следам святых, отвергнем пристрастия века сего. *Не имеем здесь постоянного града* (Евр. 13, 14), небесный Иерусалим — Отечество и город наш, о мужи, сильные в Духе, о дети Бога, а не мои, грешного!

Не склонимся, хотя бы все пали, да не будет этого! Мы же будем бороться одни, как прежде, так и теперь укрепляемые Богом. С нами Бог и все святые, бывшие от века, с нами восток и запад. Не велика часть, отторгшая себя от поднебесной Церкви из страха, ради временных благ, ради плоти, которую спустя некоторое время мы предадим вечному огню вместе с душой, если не будем защищать истину.

Пусть мы будем искушаемы, — да будет, — пусть будем бичуемы, и притом часто, пусть, наконец, умрем. Не радость ли несказанная — получить нам царство небесное и этим достигнуть бессмертной славы, и напротив, избежав вышесказанного, не сделаемся ли мы таким образом посмешищем до конца и не будем ли терпеть бесконечный стыд?

Так прошу вас, дети мои, которых я родил в Господе, которых возрастил Христос в делах и трудах не только подвига, но и борьбы, *дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту*

же любовь, будьте единомышленными и единомысленными; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя (Флп. 2, 2–3). Это апостольские увещания, хотя и припоминаемые мной, несчастным.

Молитесь и обо мне, прошу вас, чтобы мне дана была сила, крепость, слово за вас, хотя я и недостойн божественной благодати, чтобы мы единоголосно и единомышленно прославляли Бога в теле и в духе нашем.

Пошли к архиепископу доброго Дионисия. Приветствуй авву Петра, авву Игнатия и авву Тимофея и покажи им это письмо. Затем будь готов вместе с прочими и особенно с вышеупомянутыми; ибо, когда пали близкие к нам, нам следует быть внимательными, чтобы они не обольщали нас. Да даст Господь силу, крепость, ум, глаз, благоразумие и все, чтобы вам хорошо действовать в честь и славу Христову, в похвалу мою, в вечную славу вашу! Находящиеся со мною приветствуют вас обоих. Христос с вами. Аминь.

ХІ. К НЕМУ ЖЕ¹

Сверх ожидания увидел я письмо твое, возлюбленный сын, и братий; ибо ты не дождался сентября, как я писал прежде. Впрочем, я с удовольствием принял твое усердие, неизменную любовь, пламенное расположение, любовь к Богу во всем и, прибавил бы я, любовь к отцу. Ты моя радость и утешение, ты моя опора в Господе во всех опасностях и

¹ Написано в 816 году.

скорбях и венец хвалы со всеми сподвижниками твоими, и особенно с братьями и сынами нашими во Христе Иисусе. Поэтому я радуюсь, благословляя Бога Отца моего, что ты здравствуешь душой и телом. Так Бог устроил, что ты освободился от уз, чтобы ты облегчал находящихся в узах, а свободных, соединяя, укрепляя. Это ты и делаешь благодатью Христовой, увещевая, вразумляя, утешая каждого, как истинный домоправитель Божий. Прошу же тебя, не ослабевай и делай то же самое во славу Христа, для своего спасения, в похвалу мне, скудному во всяком благе.

Впрочем, брат, не напрасно мы шествовали и шествуем, прежде и ныне, и не тщетно трудимся; ибо это за Христа и для Христа, за Которого страдание — Пасха, за Которого скорбь — радость. *С Ним страдаем,* — говорит апостол, — *чтобы с Ним и прославиться, ибо нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас* (Рим. 8, 17–18). И справедливо. Ибо любая здешняя скорбь подобна тени и сновидению, а небесное воздаяние — бесконечная жизнь с вечной славой.

Не постыдимся же, сын, теперешнего мученичества, ибо оно Господнее. Многие из любви ко Христу желали видеть это, но не получили, а мы удостоились. Чего же? Страдать за Него, быть гонимым, пленным, заключенным под стражу, подвергаться гонениям с места на место, или, может быть, побоям, быть зрелищем для Ангелов и людей.

Если даже *пронесут имя наше как бесчестное* (Лк. 6, 22), анафематствуя частным образом и публично вместе со святыми, то не следует ли радоваться, не следует ли восхищаться? Я знаю, сын, это

блаженство, предсказанное Господом. Этому и ты радуйся и веселись со всеми сынами. *Вы тело Христово, а порознь — члены. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1 Кор. 12, 26, 27). “Желай,— говорит апостол,— остального: заплеваний, заушений, наконец, креста, приятных для меня гвоздей Христовых, которыми кто удостоится пригвоздиться ко кресту вместе с Ним, как рабу пронзиться копьем вместе с Владыкой, человек — смешать кровь с кровью Живого Бога?”

Проникаясь таким настроением, святые радовались, когда их бичевали, веселились, когда члены их рассекали. Итак, настала и наша радость! Отчасти и мы испытаны; и, о, если бы были испытаны до конца благодатью и человеколюбием Иисуса Христа, Господа нашего! Ибо победа каждого должна быть по благодати, чтобы никто не хвалился, будто он имеет что-нибудь свое, но чтобы мы стяжали милость Божию во Христе Иисусе смиренномудрием и деятельной верой.

Если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви, если есть какое общение веры, если есть какое милосердие и щедрость, то дополните мою радость,— с апостолом скажу я, несчастный,— имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомышленными и единомысленными; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, не восставайте друг на друга (Флп. 2, 1—3). Ибо и в сами подвиги за благочестие обычно вторгается искание первенства и соревнование. Но вы, как служители Божии,— я присоединяю к лицу твоему и других, стоящих выше, которые пусть также прочитают письмо,— *никому ни в чем не полагайте*

претыкания, чтобы не было порицаемо служение ваше (2 Кор. 6, 3).

Относительно тех, о которых ты писал мне, что они раскаиваются. Для тех, кто является членами нашего тела, мы, хотя и недостойные, будем врачами. Итак, какую епитимью при посредстве братьев мы назначили пришедшему сюда Оресту,— ибо мы не сочли за благо лично видеться с ним по многим причинам,— такую же пусть примут и прочие, т. е. пусть не причащаются Святых Таин и соблюдают остальное. И так до тех пор, пока снова не воссияет ясное небо Православия. А если, скажешь, они умрут? Тогда пусть причащаются. Мы веруем, что грех отпустится им. Ты писал, что вы спорите между собой о том и другом предмете. Оставьте ваши споры и живите в мире между собой.

Этих надобно принимать не так, как обращающихся от ереси, хотя и в таком случае имеет место немалое различие между той и другой ересью, но как отрекшихся от имени Господнего, или участвовавших вместе с христорборцами в отречении от Него из страха или какого-либо другого обстоятельства. Подлинно, в отречении от Него они явно участвовали с отвергшими святую икону Его. Ибо отвержение образа относится к первообразу, как говорит свт. Василий Великий. И это не может быть иначе, хотя некоторые и хотят уменьшить тяжесть такого греха.

А если бы те, которые прежде не были православными и не были научены истине, просветившись истиной от Божественного Промысла, прибегли к нам, то было бы иное дело. Их надобно принимать не как придется, но с согласия многих православных, как объяснил божественный Василий прибыв-

шим из Египта в Месопотамию, укоряя их за неосторожное принятие¹.

Разве вы не знаете, что говорит тот же отец в другом письме? “Не признаю епископом и не причислю к иереям Христовым того, кто оскверненными в разорении веры руками возведен в начальники”². Таковы ныне те, которые не по неведению, но по властолюбию вторгаются на епископские престолы, добровольно изменяя истине и получая за это председательство в нечестии.

По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе,— говорит апостол, — *какая мне польза (1 Кор. 15, 32)?* Скажу и я: “Если, по вашему мнению, после отречения или общения с христорборцами такие тотчас должны быть приняты и оставаться без епитимьи, то для чего я напрасно подвергаюсь опасностям каждый день, а не уклонился к противникам и потом тотчас через покаяние не присоединился к православным без епитимьи?” *Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы (1 Кор. 15, 33).* Бодрствуйте в Господе.

Какое общение света с тьмою (2 Кор. 6, 14), чтобы у нас делалось то же, что у христорборцев? Ибо они, говорят, приходящих к ним из Православия принимают с радостью без епитимьи. Если мы уподобимся им, тогда нам должно увенчивать отречшихся от Христа и прославлять, как они некоторых из тех. *Братия, умоляю вас, не будьте дети умом (1 Кор. 14, 20),* но совершенствуйтесь в истинном знании.

¹ Творения в русском переводе. М., 1892. Т. VII. Письмо 257. С. 236—241.

² Там же. Письмо 232. С. 173.

Относительно раскаявшихся, находящихся вне нашего братства, кто я, чтобы сказать хоть слово? Если же меня заставит кто-нибудь, то так как *любовь, будучи исполнением закона (Рим. 13, 10),* имеет и свое убеждение, скажу им то же, что и нашим, ибо и они наши.

Пресвитер или подписавшийся, или имевший общение с еретиками из страха, не вынеся гонения, пусть лишится общения. Ибо как может имевший общение против Христа иметь общение со Христом? Разрешается отлучение от священнослужения соборным исследованием. Решивший снова бороться после падения пусть лишится того места, которое он занимал. Как иначе сделается известным отречение, которое он допустил, и ему самому, и другим?

Сделать послабление не могу, особенно если возвращение его к борьбе не ознаменовалось каким-нибудь отличным делом, как у епископа Лаодикийского. Ибо и тому я не советовал бы священнодействовать, а разве только вступить в общение ради его знаменитости.

Так полагаю для всякого монаха, так и для мирянина: отлучение от общения при прочих достойных плодах покаяния, в ожидании благоприятного для Православия времени. Впрочем, как и послабление, усиление зависит от налагающего епитимью — я говорю об общении. Если же по непостижимым судьбам праведного гнева Божия продолжатся времена ереси, можно и прежде Собора разрешить в Господе, смотря по тому, тяжкое или легкое было падение и какое человек показывает покаяние. Это касается как наших, так и внешних. Также им не надо препятствовать и принимать пищу вместе со всеми, но с

тем условием, чтобы они не благословляли до разрешения.

Вот что представляется мне относительно таких в страхе Божиим и по истине. Если же кто-то из вас или из других найдет что-нибудь новое, то я желал бы знать. Ибо я исповедаю многие мои грехи и признаю себя не знающим многого.

Приветствуй братьев твоих и сынов моих, авву Петра и Игнатия, и Тифоия, возлюбленных о Господе и сотрудников моих. Приветствуй любезных моих из святой общины. Приветствуй хранителей Таин, возлюбленные сердца мои. Приветствуй труждающуюся в Господе, от которой я получаю блага с избытком. Приветствуй всех братий во Христе, даже если они миряне, между которыми Сергей благочестивый и близкий. Приветствуют тебя и прочих находящиеся со мной братия, всегда возлюбленные. Вспоминайте о моем смирении. Господь наш Иисус Христос с вами, братия!

ХІІ. К ПАСХАЛИЮ, ПАПЕ РИМСКОМУ¹

Всесвятейшему, великому светилу, первейшему архиерею, господину нашему, Владыке, апостольскому папе, Иоанн, Феодосий, Афанасий, Иоанн, Феодор, низайшие пресвитеры и игумены Кафарский, Пикридийский, Павлопетрийский, Евкерийский, Студийский.

Конечно, уже известно верховному Блаженству Вашему случившееся с нашей Церковью по грехам нашим. Мы обратились в притчу и пословицу у всех народов, скажу словами Писания (Пс. 68, 12).

¹ Написано в 817 году.

Но, может быть, эта весть дошла до вас не полностью и не письменно. Посему мы, низайшие, хотя и составляющие последний из членов тела Христова, когда глава наша в заключении и высшие из братства рассеяны там и тут, можем, находясь близко и через сношение друг с другом согласуясь в духе и слове, написать, хотя это и дерзновенно, следующее.

Внемли, апостольская глава, Богом вознесенный пастырь овец Христовых, имеющий ключи царства небесного, камень веры, на котором воздвигнута Кафолическая Церковь. Ибо ты — Петр, украшающий престол Петров и правящий на нем. Свирепые волки вторглись во двор Господень, врата адовы, как некогда, напали на нее.

Что это? Гоним Христос с Матерью и служителями, так как преследование образа есть гонение первообраза. Отсюда задержание Патриаршей Главы, изгнания и ссылки архиереев и иереев, монахов и монахинь, оковы и железные узы, мучения и, наконец, смерти.

О, страшно слышать! Досточтимая икона Спасителя нашего Бога, которой и бесы страшатся, подверглась поношению и унижению не только в царствующем городе, но и во всех местах и городах, жертвенники истреблены, храмы разрушены, святыни осквернены, кровь придержающихся Евангелия пролита и проливается, а оставшиеся преследуются и обращаются в бегство. Умолкли все благочестивые уста от страха смерти, открылся противный и богохульный язык, поколебалась всякая плоть, не склоняясь в ту или другую сторону. Горе мне, как говорит Писание, *ибо был будто пожинающий солому и собирающий незрелый виноград, не имеющий спелой грозди* (Мих. 7, 1).

ХІІІ. К НЕМУ ЖЕ¹

Все это, блаженнейший, случилось с нами. Кто же не огорчится этим, относя страдания ближнего к себе самому? Кто не подумает, что это предзнаменования пришествия антихриста, настолько отличающиеся от него, насколько отличается от первообраза образ, на который и нападают с яростью? Итак, приди сюда с запада, хриstopодобный, *встань и не отринь до конца* (Пс. 43, 24). Тебе сказал Христос Бог наш: *и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих* (Лк. 22, 32).

Вот время и место. Помоги нам, поставленный на это Богом, протяни руку помощи, насколько возможно. Ты имеешь силу от Бога, потому что первенствуешь между всеми, для чего ты и поставлен. Устраши, просим тебя, зверей-еретиков свирелью божественного твоего слова. Пастырь добрый, положи душу за овец, умоляем тебя. Пусть услышит поднебесная, что вами соборно анафематствуются дерзнувшие на это и анафематствующие Святых Отцов наших. Это было бы приятно Богу, радостно для Ангелов и святых, служило бы опорой для колеблющихся, поддержкой для утвердившихся, восстановлением для падших, весельем для всей Церкви Православной, и для твоей верховности вечной памятью. Этим деянием ты уподобишься древним предшественникам твоим, которые, в схожих обстоятельствах, сделав по внушению Духа то, что ныне испрашивали мы, грешные, поминаются и убажуются.

Мы несомненно веруем, что ты, преклонившись милостью и состраданием, примешь уничиженное письмо наше, подражая Христу, Который, будучи Богом всех, не погнушался принять письмо от Авгаря и написать ответ на него.

Всесвятейшему отцу, верховному вселенскому светилу, господину нашему, Владыке, апостольскому папе, Иоанн, Феодосий, Афанасий, Феодор, низжайшие пресвитеры и игумены Кафарский, Пикридийский, Павлопетрийский, Студийский.

Посетил нас восток свыше (Лк. 1, 78), Христос Бог наш, поставив твое блаженство на западе как некий богосветлый светильник для просвещения поднебесной Церкви, на первейшем апостольском престоле. Мы, пребывающие во мраке и смертной тени нечестивой ереси, восприняли духовный свет, отогнали облако уныния и восприняли благие надежды, узнав от посланных нами братьев и сослужителей наших, как и что сделала и сказала святая верховность твоя. Ходатаев-еретиков не допустил, как воров, даже до священного твоего лица, но справедливо отверг их, когда они находились еще далеко. Нашим же бедствиям, по письменным известиям и рассказам посланных, оказал сочувствие и богоподобно сострадал нам, как собственным членам.

Подлинно узнали мы, смиренные, что действительный преемник верховного из апостолов предстает в Римской Церкви. Истинно убедились мы, что не оставил Господь нашу Церковь, которая в случающихся несчастьях имеет, как издревле, сначала одну-единственную помощь от вас, по промыслению Божьему.

Итак, вы — поистине незагрязненный и неподдельный источник Православия с самого, начала; вы — тихая пристань всей Церкви, удаленная от

¹ Написано в 818 г.

всяких еретических бурь, вы — богоизбранный город спасительного прибежища. Впрочем, дерзновенно с нашей стороны составлять похвалы вашему божественному имени, которое некогда было убажано божественными устами, надо обратиться и к нашим бедствиям.

Нечестивые не перестают со всяким рвением и неистовством делать свое обычное дело, увлекая и низвергая в пропасть ереси всех, боящихся смерти. Ибо тот, кто не уступает им, неизбежно подвергается жестокому пламени бичеваний и прочим мучениям, так что, к крайнему сожалению, мало-помалу ослабевают некоторые и из тех, которые прежде подвизались.

Мы же, смиренные и низжайшие из членов, опять как за свою священную главу, так и за прочих ратоборствующих отцов и братьев, осмеливаемся ходатайствовать и умолять, чтобы утешила нас святая и апостольская душа твоя. И во-первых, — что ты и делаешь, как мы веруем, — не прекращай богодоступной молитвы об утверждении и спасении всех, об этом просим священнейшее сердце твое. Во-вторых, доведи до конца при помощи Божией то, что по внушению Духа решено и определено тобой на пользу нам, смиренным, и для вечной хвалы твоей собственной добродетели.

XIV. К ПАПЕ АЛЕКСАНДРИЙСКОМУ¹

Всесвятейшему отцу отцов, светилу светил, господину моему, Владыке, Блаженнейшему папе Александрийскому, Феодор, низжайший пресвитер и игумен Студийский.

¹ Это письмо и следующие три написаны в 817 году.

Величайший дар моему смирению и предмет высочайшего желания — удостоиться письменной беседы с твоей апостольской главой, не только по ничтожеству моей малости, которая не в состоянии писать и к равным, а еще менее к такой великой и божественной главе, но и по трудности пути, особенно затрудняемого препятствиями язычников.

Однако по благоволению Преплагого Бога, мне даровано это по двум причинам. Во-первых, чтобы исполнить давнее мое, грешного, желание — мысленно прикоснуться к священным твоим стопам, ибо иначе невозможно было исполнить это желание. И во-вторых, что гораздо важнее, — известить божественнейшую главу твою, как состраждущую членам целого тела Церкви, постигшие нас здесь бедствия, весть о которых, как я думаю, разнеслась до крайних пределов вселенной ввиду важности этого зла.

Гонение постигло нас, блаженнейший, и тягчайшее из гонений. Некогда Ахав, ища пророка Илию, говорят, выжег все места, и этот пожар выражал ярость нечестивого (см. 3 Цар. 18). А теперь потомок Ахава по сану и по сердцу тщательно разыскивает не только образ Илии, но и иконы Владыки его Иисуса Христа, Господа и Бога нашего, Богородицы и всех святых и, найдя, истребляет с великой яростью во всяком подвластном городе и селении.

Поэтому жертвенники разрушены до основания, храмы Господни опустошены, и в домах, и в общественных местах, и в мужских, и в женских обителях, древних и недавно воздвигнутых. Жалкое зрелище! Как обезображенные люди, как какие-нибудь чудовища, выглядят церкви Божии,

лишенные своего украшения и ставшие обезличенными.

Было ли что подобное этому среди прежних нечестивых дел? Вероятно, нападающий на вас араб бывает стыдливее и христоролюбивее в этом отношении. Но не таков наш Тавеил (Ис. 7, 9). *Поощади, Господи, и не предай совершенно наследия Твоего на поругание* (Иоил. 2, 17). Изображения, начертанные на досках и на священных приношениях, и свитки, упоминающие о них, он высмеивает, позорит, порицает, как вещи негодные, богопротивные, которые, однако, боголюбезны и спасительны для мира. О, кто при этом не прольет слез, кто не вздохнет из глубины сердца?

Пути Сиона сетуют, потому что нет ходящих по ним благочестиво (Плач. 1, 4); *и все уклонились, стали совершенно негодными* (Пс. 52, 4). Кажущиеся иерархами и иереями, монахи и общезжительные братья, люди всякого пола и всякого возраста, одни потерпели полное кораблекрушение в вере, другие, если и не утонули помыслами, то, вступив в общение с еретиками из страха смерти, отчасти подвергаются той же опасности.

Впрочем, еще остались некоторые, *которые не преклонили колена пред Ваалом* (3 Цар. 19, 18); и их столько, сколько исчислено Господом. Прежде всех — первейший из нас, священная глава наша, имеющая один сан с твоим совершенством, иерархи и иереи Господни, монахи и монахини, из которых одни испытали насмешки и бичевания, другие — узы и заключение под стражу, умеренно питаюсь хлебом и водой, иные отправлены в ссылку, другие пребывают в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных, а некоторые, потерпев бичевания и получив

мученический венец, уже переселились ко Господу. Есть и такие, которые, будучи посажены в мешок, брошены ночью в море, как стало известно от видевших это...

Что еще? Святые Отцы наши предаются анафеме, нечестивые прославляются, дети воспитываются в нечестивом учении, по навязанной учителям книге. Нигде нет гонимым прибежища у жителей, невозможно произнести ни одного благочестивого слова. Сети расставлены повсюду, так что муж опасается своей жены. Доносчики и соглядатаи наняты императором именно для того, чтобы разузнавать, не говорит ли кто чего-нибудь неугодного кесарю, не уклоняется ли от общения с нечестием, не имеет ли книги, содержащей какие-нибудь сказания об иконах или самой иконы, не принимает ли изгнанного, не служит ли содержащимися под стражей ради Господа.

И если кто-то будет уличен в этом, тотчас схватывается, бичуется, изгоняется, так что и господа преклоняются пред рабами, по страху доноса. Нам можно сказать, что *нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни места, чтобы нам принести жертву пред Господом и обрести милость Его* (Дан. 3, 38).

Поэтому мы, недостойные, возвещаем это святой душе твоей, как будто устами всех защищающих истину, прося тебя о заступлении и сострадании нам. Ибо мы уверены, что, если невозможно иначе помочь, то своими молитвами ты доставишь нам великую пользу в стеснительнейших обстоятельствах, снискав благоволение Божье.

А дабы ты отчасти знал, каково нечестивое учение безбожных, я приложил его к письму в тетрадах. Я, несведущий, опроверг его, по настоянию благоче-

стивых. Прошу же рассмотреть это твоей божественной мудростью, недостатки исправить, ошибки мои простить, и не оставить поминоением в богоугодных молитвах твоих меня, как непотребного сына. Такое же письмо послано к патриарху Антиохийскому.

ХV. К ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМСКОМУ

Всесвятейшему отцу отцов, светилу светил, господину моему, Владыке, патриарху Иерусалимскому, Феодор, нижайший пресвитер и игумен Студийский.

Кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить детей грудью, — говорит в одном месте Священное Слово (Быт. 21, 7). И мне, недостойному, кто бы мог сказать, что мое смиренное письмо удостоится попасть в священные руки апостольской вашей блаженнейшей главы? Однако я верую, что это сбудется, ибо не по безумному желанию, а по необходимости я, грешный, осмелился послать письмо, заодно отправить подателя письма, возлюбленного брата Дионисия, верного и способного сообщить то, чего недостает в письме.

Итак, отсутствуя телом, но присутствуя духом, я, смиренный, во-первых, обнимаю ходящие богоугодно стопы твои, ибо это для меня благословение и освящение. Во-вторых, как будто по твоему наставлению, иду к священным местам: припадаю к божественной земле, по которой ходили Божии стопы, к Животворящему Гробу, в котором положено было всесвятое Тело Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, к месту святой Голгофы, на которой распят Господь славы.

Перейду к другим местам: взираю на святой Вифлеем, как на Едем, поклоняюсь божественным яслям больше, чем золотой стамне, ибо в них была не манна, но был положен Хлеб Жизни. Вижу святую гору, где было Божественное Преображение, гору Елеонскую, с которой вознесся на небеса Господь всех, святую Гефсиманию, в которой — гроб Пречестнейшей Владычицы нашей Богородицы, и многое другое, что не буду перечислять, чтобы слишком не распространять речь.

О, как и от одного только воспоминания сообщается освящение! О, сколь многих и сколь страшных святых твое блаженство является главой! Ты первый из патриархов, хотя и считаешься пятым. Ибо где Епископ душ и Архиерей всех и родился, и совершил все Божественные дела, и пострадал, и погребен, и воскрес, и жил, и вознесся, там, без сомнения, наивысшее достоинство. Впрочем, об этом я дерзнул сказать по любви и благоговению, а теперь обращусь к другому повествованию.

Нас постигло гонение, блаженнейший, подобное языческим гонениям. Ибо сатана, почувствовав, что уже при дверях блаженная надежда и явление славы Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, больше возжигает пламя ересей, — предзнаменования антихристовы пришествия.

Что это? Нечестие, возникшее некогда при Льве и Константине и сильно неистовствовавшее, но низвергнутое божественным наказанием, теперь опять возобновил одноименный и соименный нечестию император¹, да так, что затмил их неистовство. Он преследует изображенного на иконе Христа с Его Ма-

¹ Т. е. Лев Армянин.

терью и служителями, и где найдет — истребляет, сжигает. Поэтому жертвенники разрушены до основания, священные храмы обезображены, священные сосуды сожжены, нет ни одной области подвластного ему царства, оставленной без разрушения.

Если кто каким-нибудь образом обличен в сокрытии досточтимой иконы, или книги, содержащей какое-либо сказание о ней, того тотчас схватывают, терзают бичами и подвергают иным бедствиям. Отсюда страх, трепет и ужас у каждого человека, так что брат не желает говорить с братом и друг отворачивается от друга.

Составился собор, подтвердивший деяния бывшего прежде нечестивейшего и произнесший анафему на православный. Священники *обезумели и не взыскали Господа* (Иер. 10, 21), но подтвердили угодное Ахаву, *все уклонились, стали совершенно негодны* (Пс. 52, 3, 4), исключая совершенно многих. Кого же? Епископов и игуменов, монахов и монахинь, и самого, по благодати Божией, верховнейшего архиерея нашего, из которых одни подверглись бичеванию, другие отправлены в ссылку, иные заключены под стражу, а некоторые через эти мучения переселились к Господу, получив за борьбу победный венец.

Что сказать о богохульстве? Осмеивается, как мерзость запустения, как идол заблуждения, досточтимая и страшная икона Христова и всякая другая икона Владычицы и святых. Теперь, говорят, вера стала чистой и непорочной. Теперь, говорят, Господь изрек мир на народ Свой, и на преподобных Своих, и на обращающихся сердцем к Нему (Пс. 84, 9), как будто не было мира с того времени, как сказал Христос: *мир оставляю вам, мир Мой даю*

вам (Ин. 14, 27), донныне, и осквернена была Церковь Его, о которой святой Павел говорит, что она не имеет *пятна или порока, или чего-либо подобного, но свята и непорочна* (Еф. 5, 27).

Одни потерпели полное кораблекрушение в вере; другие, если и не утонули помыслами, тем не менее сами погибают через общение с ересью. Ибо и православно мыслящие от продолжительности гонения колеблются в истине, подобно неопытным в плавании, помрачаемым треволнениями морскими.

Все у нас бедственно и достойно слез. Запрещаются переданные от древних песнопения, в которых воспеваются что-нибудь об иконах. Напротив, поются новые с явно выраженным нечестивым учением, преподаваемым учителями детям. Повсюду самое безбожное извращение всего. Мы стали, можно сказать, как *Содом и Гоморра*, по грехам нашим (Ис. 1, 9), и буря ереси ежедневно все более и более поднимается. А того, кто пробудил бы Христа Бога нашего для укрощения этого свирепого моря, не находится.

Будь же ты, Блаженнейший, для нас одним из двенадцати апостолов, возбуди недремлющее Око, с премудрой целью почивающее, ибо мы совершенно погибаем. Если есть какое-либо другое средство помощи для уврачевания немощных, то ты, как опытный, поспеши. Просим, святейший, убеждаем, умоляем. Мы — твои члены, ибо все верные — *тело Христово, а порознь — члены* (1 Кор. 12, 27). Внуши и прочим святым отцам нашим ходатайствовать, чтобы посредством многих лиц дана была нам милость от Бога.

Для этого и написано письмо, и податель письма послан по желанию всех, хотя одни только мы,

нижайшие, представляем лицо их... Сослужителя нашего, брата Дионисия, прошу снарядить для доставки посланных нами писем к другим святым лицам, а затем, по благоволению Божию, в обратный путь сюда.

XVI. В ЛАВРУ СВЯТОГО САВВЫ

Богочтенному, возлюбленному и духовному отцу моему, господину игумену знаменитой лавры преблаженного святого отца нашего Саввы и находящимся в ней преподобным отцам моим, Феодор, нижайший пресвитер и игумен Студийский.

Великая радость и большая честь для меня, недостойного, что я удостоился послать уничиженное письмо свое в место святое, в обитель преподобных вашего вожделенного Отечества. Так как невозможно было мне телесно явиться к стопам вашим и видеть священную землю, священную ограду вашу, которую я, смиренный, почитаю, как город Божий, то Благой Бог благоволил посредством письменного посещения исполнить мое, грешного, желание.

Итак, как бы присутствуя пред ногами вашими, обнимаю вас святой любовью и покланяюсь божественному помосту, в котором хранится избранный сосуд Божий, свет монашествующих, светильник вселенной, тот, кто потопил умственного фараона, наставник святого народа, обладатель святой земли, раздаятель божественных обителей. Приветствую и прочие досточтимые могилы, в которых находятся священные тела преподобных. Они имеют богатство добродетелей и подобны богосветлым звездам в ночи настоящей жизни. Созерцаю то место, на котором огненный столп явился столпу добродетелей,

где ведется победоносная борьба с невидимыми врагами, чудесная деятельность, и многое другое, блистающее по временам действиями Духа.

О, сколь много высказать побуждает меня желание! Но мера удерживает, чтобы письмо не вышло за пределы. О, сколь многих благих дел находятся у вас знаки и памятники, которые только при взгляде на них могут расположить душу к преуспеянию в добродетели! Впрочем, пусть это будет первая часть речи, хотя она и не удовлетворяет желанию. Теперь перейду к другой, плачевной, а не радостной, по поводу которой я высказал первую.

Гнев Божий постиг нас, святейшие отцы, за умножение беззакония, вследствие охлаждения любви, как сказал Господь (Мф. 24, 12); гонение, подобное языческим, крайне жестокое обрушилось на нас. Изгнан из двора архипастырь наш, рассеяны овцы Христовы; свирепые волки вторглись в паству, и одинокий зверь поел его (Пс. 79, 14). Что это?...

Распросы и розыски — у каждого человека и в каждом доме, угрозы, опасения, чтобы не осталась неприкосновенной для ереси какая-нибудь икона, а тем более все. Поэтому священники совершают беззакония, и монахи, отрекшиеся от монашества, устремляются против носящих одно звание с ними, ученики — против игуменов, получая председательство в награду за отступничество. И кто больше неистовствует против Христа, тот и удостоивается больших почестей. Поэтому бичевания, узы, заключения под стражу, томления голодом, ссылки, смерть — поборникам истины.

Ни архиерейство не уважается нечестивыми, ни седина не возбуждает их жалости, ни подвиги благо-

честия, и ничто иное, достойное пощады. Один закон — воля кесаря, и одно старание — уловить всех. Пустыни скрывают убежавших, скалы и пещеры — спасшихся. О, как мы уподобились *птице пустынной* (Пс. 101, 7)! О, как мы преданы в жертву зубам нечестивых! Много опускаю по причине отвращения.

Но, сострадательнейшие, пожалейте нас вы как составляющие одно тело с нами, прострите молитвенную руку, как братолюбивые, ибо мы знаем, сколько *может* праведная молитва ваша *споспешествуемая* (Иак. 5, 16), — чтобы по вашим молитвам прекратилось действие меча еретического, и Господь водворил мирное Православие и в нашей Церкви...

Такое же письмо послано и в обитель святого Феодосия.

XVII. В ЛАВРУ СВЯТОГО ХАРИТОНА¹

Богочтенному, возлюбленному и духовному отцу моему, господину игумену величайшей лавры преблаженного святого отца нашего Харитона и находящимся в ней преподобным отцам моим, Феодор, низайший пресвитер и игумен Студийский.

Так как сверх ожидания представился удобный случай для письма, то с удивлением воскликну: *И откуда это мне* (Лк. 1, 43), что я, ничтожный, удостоился послать письмо вам, святым отцам моим? Постигло нас за грехи наши тягчайшее гонение, слух о котором, конечно, достиг вас. Я, смиренный,

¹ Лавра прп. Харитона-Исповедника находится в Палестине, в пустыне Фекуйской.

размышлял и пытался разузнать, как и через кого я мог бы поплакать и перед вами, святыми, о случившемся с нами бедствии не для чего-либо иного, как только для того, чтобы возбудить сострадание в святых ваших душах, чтобы вы помогали нам молитвами своими, как умеющие, без сомнения, сострадать по апостольскому учению; ибо мы все *тело Христово, а порознь — члены* (1 Кор. 12, 27).

И когда я думал об этом, внезапно явился письмоносец, пришедший из ваших стран, и притом сын мой по духу и весьма верный. Как же было мне, грешному, не изумиться этой находке? Как не высказать справедливой благодарности Господу Богу моему?

Но прежде, чем высказать прискорбное, я, смиренный, открою свое расположение к вам. Радуйтесь, блаженнейшие отцы, обитатели святой земли, золотой род, испытаннейшие в вере укротители страстей. Радуйтесь, славное общество Христово, делатели заповедей Господних, подражающие божественным житием райской жизни. Радуйтесь, избранный град Божий, ибо среди вас Господь, Которого вы почитаете через упражнение в добрых делах.

Хотел бы я лично посетить божественную ограду вашу и прикоснуться к священным стопам вашим, посмотреть на святой храм, поклониться божественному помосту, осмотреть все там, где святой Харитон, соответственно имени своему исполненный Бога¹, гражданин пустыни и светило вселенной, драгоценное семя которого не оскудело и не оскудеет до скончания века, подвизался мученически и отшельнически, где хранится священное

¹ Харитон (греч.) — благодатный.

тело его, истинное сокровище добродетелей. О, если бы мне увидеть это и обнять эту землю, как одушевленную! О, если бы достигнуть и прочих вместилщ преподобных, чтобы освятиться от одного только лицезрения их! Впрочем, упомянув об этом кратко, теперь я изложу и то, что исполнено скорби. *И восстал новый царь*, — говорит в одном месте Священное Писание, — *который не знал Иосифа* (Исх. 1, 8).

Точно таков и наш фараон, Иосифа не знающий, отрицающийся от искупившего его Владыки. Ибо очевидно, что отвергающий икону Его отвергает Его Самого. Так он отверг и Богородицу, и всех святых. Ибо, будучи по своей природе склонным к отступничеству, он вместе с Главой отверг и все члены, чтобы красовался один только его образ, по замыслу Навуходоносора (Дан. 3, 5; 6, 7). Отсюда опустошение всех церквей Божиих, когда всюду уничтожается досточтимая икона; сожжение священных приношений, на которых была изображена икона, и книг, в которых говорилось что-нибудь о ней. Отсюда требование нечестивыми собственноручных подписей и вовлечение в безбожное общество посредством множества допросов и розысков, так, чтобы не остался не уловленным ни один человек.

Ибо необходимо одно из двух: или поклониться образу златому, или подвергнуться жестокому пламени мучений. Впрочем, легко перечислить оставшихся непреклонными. Кто они? Наш Святейший патриарх, иерархи и иереи, монахи и монахини. Ибо прелюбодейный взор не постыдился направить бичи и на них. Могу ли я обстоятельно рассказать о скорбях, заключениях под стражу, узах, изнурении голодом, ссылках, казнях, убийствах? Ибо и это мы ис-

пытали: бегство в горы, укрывательство в пещерах и пропастях земных — подобно тому, как Пророк Авдий, будучи еще начальником у Ахава, когда Иезавель совершала убийства, *скрывал сынов пророческих, как говорится, по пятидесяти человек, в пещерах, и питал их* (3 Цар. 18, 4)...

Они говорят, что именно теперь Господь изрек *мир на народ Свой и на преподобных Своих, и на обращающихся сердцем к Нему* (Пс. 84, 9), Тот, Который в начале сказал Своим ученикам: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). Теперь, говорят, извержены идолы языческого многобожия; между тем как апостол издревле взывает: *идол в мире ничто* (1 Кор. 8, 4). Только теперь, говорят, очистилась Церковь, которую издревле тот же апостол назвал *не имеющей пятна, или порока, или чего-либо подобного, дабы она была свята и непорочна* (Еф. 5, 27). Только теперь, говорят, воссиял свет христианам, находившимся во мраке неведения, между тем, как им издревле и от начала сказал Христос: *Я Свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме* (Ин. 12, 46).

Видите ли, святые братья, *бogoотступление*, которое должно *прийти прежде*, как говорит апостол (2 Фес. 2, 3). А мы уже видим перед глазами своими предзнаменования антихристовы. Мы изнурены, истощены, *оскудели власы* (Иер. 7, 29), исчезла всякая надежда, которая была у человека...

Такое же письмо послано и в обитель святого Евфимия¹.

¹ Лавра прп. Евфимия Великого находится в Палестине близ Иерусалима.

ХVIII. К НИКИФОРУ, СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ¹

Часто собирался я писать священной главе твоего блаженства, но меня удерживали то мысль о своем недостойнстве, то бессилие перед искушениями. Теперь же, не обращая внимания ни на что и надеясь на Св. Троицу, я, несчастный, говорю следующее: радуйся, истинный победитель нечестия, проходящий поприще веры на колеснице добродетелей. Радуйся, великое солнце Православия, исповедническими лучами которого озаряется вселенная. Радуйся, поборник истины, отличающийся красотой добродетели подобно древним богоносным мужам.

Ты оставил высокий престол ради Того, Кто смирил Себя даже до смерти, и смерти крестной (Флп. 2, 8), покинул толпы архиерейские, служителей и удобства, лучше захотел страдать исповеднически, нежели иметь временное греховное наслаждение (Евр. 11, 25). Ибо и среди них пребывал ты, умерщвляя свои члены жизнью в Господе, и перенес лишение своей святой матери, достопочтенных братьев, оставшись совершенно без близких. Не говорю о твоих, подобных Христовым, неприятностях от императоров, наветах и притеснениях, из-за которых невозможно свободно вздохнуть. Ты, выдав сам себя, был схвачен ночью, как Спаситель. Теперь ты сослан и пребываешь в ссылке на своей Голгофе, Христов мученик.

Но все это прекрасно и во благо тебе. *Возведи очи твои и посмотри вокруг с вершины умствен-*

¹ Написано в 814 году.

ной горы и увидишь чад твоих (Ис. 60, 4), овец твоих, пастырь добрый, хотя и разделенных физически, но единых по духу, рассеявшихся по всей Церкви твоей, и лучами исповедания, подобно звездам, изливающих находящимся во мраке ереси свет Православия. Некоторые из них в минувшем противостоянии врагу уже принесли себя в жертву Богу, другие ратоборствуют, нисколько не страшась настоящего, но укрепляясь богоугодными твоими молитвами.

Это — слава твоей Церкви, это — отражение твоего мученичества. В будущем, узнав об этом, в тебе прославят Бога. Так же, как и ныне, много похвал будет принадлежать тебе, ратующему за почитание иконы Христовой. Впрочем, прости меня, богоподобный, что я по любви осмелился высказать это, и не лиши меня твоей священной молитвы, чтобы мне, непотребнейшему из всех, по грехам моим не перестать быть самым меньшим сыном твоим.

ХIХ. К МОНАХИНЯМ

Услышав благую весть о вашей почтенности, я, смиренный, радуюсь, особенно тому, что вы — кровь и дух человека Божиего и общего отца. Еще больше радуюсь и славлю Бога, узнав, что вы донныне остались незапятнанными общением с еретиками. Так, имеющим нерастленные тела следует быть девственными и по вере. Ибо, премудрые, грехом прелюбодеяния оскверняются и тогда, когда имеют общение с прелюбодеями. Да сохранит вас до конца неприкосновенными от такого общения Господь, уневестивший вас Себе посредством обета девства! Это — первое мое слово.

Для чего же вы требуете от меня, грешного, наставления? Вы научены Богом по благодати Христовой. Ибо вы обе приходите от родителей благочестивых, отличаетесь познаниями и жизнью выражаете учение заповедей. Если же хотите чего-нибудь и от нас, несведущих, то скажем — нужно стяжать страх Божий. Он, водворившись в сердце, сияет светом, укрощает страсти. Отсюда сокрушение, слезы, отвращение от мира, стремление к небесам. И какое же благо — вести происхождение отсюда? Это — жилище Бога, а где Бог — там источник благ, мир, радость, любовь. Поэтому я, смиренный, увещаю вас взирать не на примеры близких к вам, и особенно не на образцы притворного поведения многих монахинь, так сказать, тепловатого и ослабленного. Но взирайте на великолепные первообразы, сияющие божественной любовью, жития которых в ваших руках, ибо и живописец списывает икону не с дурных изображений, а с прекрасных и древних.

Что же вам известно об их добродетелях? Отрешение от уз пристрастия, удаление от мужчин, насколько возможно, смиренномудрие, некрасивая одежда, поникший взор, слух, избегающий внимать бесполезным речам, уста, говорящие о предметах божественных, изнурение тела. Так они преодолели мудрование плоти, ибо *плоть желает противного духу*, как написано, а *дух — противного плоти: они друг другу противятся* (Гал. 5, 17), и между ними идет непримиримая война.

Нам должно каждый день, скажу даже — каждый час, мужественно вооружаться против страстей при помощи Божией, и вместе с Богом великими подвигами побеждать врага, который всегда жаждет

нашей гибели. Но его мечи не могут окончательно погубить внимательно наблюдающего за собой. Невозможно подвизающемуся совершенно не терпеть поражений в слове, и мысли, и в том, что не причиняет греховной смерти. Но надо скорее снова вступить в борьбу и противостоять врагу с надлежащей твердостью.

Ибо *грехопадения кто уразумеет* (Пс. 18, 13). И кто похвалится, что он имеет чистую душу? В скорби бывает живущий в Господе, ибо *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф. 7, 14), а противоположный путь иного свойства. Когда же придет конец подвигов, тогда вы узнаете, невесты Христовы, что доставила вам такая жизнь. Вы в неизреченной радости будете вознесены добрыми Ангелами и войдете в нерукотворенную храмину, в небесный брачный чертог, чтобы постоянно, вовеки пребывать с Господом.

Можно было бы и еще больше сказать, но так как, думаю, я превзошел меру письма, то на этом закончу мою речь, за которую воздайте мне, грешному, вашими святыми молитвами.

XX. К МАКАРИЮ, ИГУМЕНУ

Что ты делаешь, божественный отец, унижая самого себя, высокого добродетелью и возвышая в почтенных словах своих меня, униженного пороком, ежедневно осаждаемого множеством страстей? Я — твой раб и сын, желающий более поучаться, чем способный учить. Впрочем, *добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе* (Лк. 6, 45). Таков ты и тогда, когда видят тебя, и тогда, когда читают твои письма.

О димитриевском настоятеле и учениках скажу, что они погибли; по плодам познавай дерево. Молись об их раскаянии, и обо мне, несчастном, для утверждения против врагов невидимых и видимых, чтобы мне удостоиться идти по следам всех нынешних исповедников Христовых, ибо всякий, кто противодействует врагам Церкви, есть исповедник.

О других же двух предметах я думаю следующее: пресвитер, подписавшийся под нечестием, должен каяться и горячо плакать, чтобы простилось ему преступление, но служить, хотя бы без поминовения нечестивца, такому никак нельзя. Его следует отлучить от священнослужения, пока призрит Господь и сделает возможным православный Собор, на котором каждый будет принят по достоинству судом божественным. Я же советую ему, если он участвовал в нечестивом общении, воздерживаться и от Причащения Святынь в течение одного года или двух лет. Ибо написано: *Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в Трапезе Господней и в трапезе бесовской* (1 Кор. 10, 21).

То же самое — относительно церквей. *Какая совместность храма Божиего с идолами* (2 Кор. 6, 16)? Итак, не должно входить в храмы еретиков, — так повелел нам святой Собор, — кроме случаев, когда православный храм окажется в совершенной власти еретика, который еще не служил в нем. Тогда можно и входить, и служить православному.

Вышесказанное изложено без предубеждения. Так, отец мой, думаю я, смиренный, взирая на примеры божественных Отцов. А твое совершенство пусть усмотрит лучшее и покажет мне. Да со-

хранит тебя Бог еще здоровым и подвижающимся, славнейший среди отцов, равно и молящимся о моем недостойнстве как по любви, так и по повелению заповеди!

XXI. К БРАТИЯМ, ЗАКЛЮЧЕННЫМ В ТЕМНИЦАХ¹

Феодор возлюбленным братьям, заключенным ради Господа в различных темницах, — радоваться.

Что такое настоящее? Радость и веселье, ибо мы удостоились подвизаться в мучениях за Христа, ибо мы предаемся заключениям в темницах и скорбям за слово Божие, ибо мы подвергаемся бичеваниям и обидам ради Христа, претерпевшего за нас бичевание и бесчестие и потом распятого. Кто не станет хвалить? Кто не будет прославлять? Восток радуется, запад веселится, вся Церковь от четырех концов мира восхищается.

Что я говорю о земном мире? Самое небо наполнилось радостью о том, что не только верховный из наших иерархов, вместе с прочими иерархами и иереями, игуменами и учениками, но и монахини с настоятельницами вступили на поприще мученичества. Не стану говорить о тех, кто в пустынях и горах, в пещерах и пропастях земных, в изгнании терпят лишения, озлобления через гонение за Христа (Евр. 11, 37, 38). Итак, справедливо, *братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой* (Флп. 4, 1), я радуюсь и сораднуюсь вам, и вы точно так же радуйтесь и сорадуйтесь мне. Это — слова блаженного Павла, но

¹ Это и следующие два письма написаны в 816 году.

они подходят и нашему времени, ибо все *написано нам в наставление* (Рим. 15, 4), и он увещевает нас быть его подражателями. Надобно поистине сказать, что мы преданы скорбям и притеснениям не настолько, насколько желают этого угнетающие нас — ибо в таком случае искушение было бы невыносимо, как и причиняемое нам невидимо бесами, — но настолько попускает Подвигоположник и Сподвижник наш Христос, праведным судом назначающий подвиги по мере и степени силы каждого или в наказание за грехи, если мы добровольно идем на страдания, или для воздаяния победных венцов преуспевающим от славы в славу.

Подлинно, мы мучимы не так, как Петр, Павел или другие апостолы, или Георгий и Феодор имеющие равную с ним славу, или Фекла и Феврония с подобными им, у которых, как возлюбивших много, преизбыточествовали и дарованные им страдания Христовы. А у тех, у кого мала любовь, и страдания недостаточны, так что нужно скорбеть и сетовать о том, что мы немного страдаем, а не смущаться и тяготиться тем, чем мы умеренно наказываемся.

Если же мы падем — чего да не будет и в мыслях! — то не по Божьему распоряжению, но от собственной слабости, бессердечия и нечестия. Ибо Он дал силы против державы лукавого, желая подвижнику остаться победителем, а тот, по малодушию бросив оружие терпения, погиб. Свидетель этих слов — *взывающий: Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10, 13). Здесь терпение, братья, здесь венцы, сплетаемые Богом за добрую веру.

Итак, не постыдимся свидетельства Господа нашего и не уступим Фаддею, новому мученику, и тем исповедникам, которые пострадали вместе с ним и пошли вслед за ним. Их имена вы знаете. Кровью мучеников и теперь орошена Церковь Божия и еще орошается подвигающимися и страждущими в разнообразных скорбях. Кровь проливает заключенный, уединенный, притесняемый, удаленный от людей и не видящий их, лишаемый необходимого, алчущий, жаждущий, не видящий луча солнечного, *каждый день умирающий*, как говорит апостол Павел (1 Кор. 15, 31), и нас *умерщвляют каждый день*, как поет Давид (Пс. 43, 23).

Но *если мы с Ним умерли, то и оживем со Христом, если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тим. 2, 11–12). Издревле благодать отметила тех, которых она избрала для свидетельства Христова. Из поколения в поколение являются мученики. *Ибо надобно прийти соблазнам*, — сказал Христос (Мф. 18, 7), — чтобы избранные воссияли подобно солнцу и плевелы обнаружались бы в своем мрачном виде.

Будем же, братья, в этом коварном и развращенном поколении как бы звездами, сияющими во мраке ереси, ибо нас избрал Христос в Свою хвалу, к славе Православия. Как древние служили примером для нас, так мы постараемся показать себя потомкам опорой и примером и явиться ликующими в день Христов. Притом, мы имеем возможность явить более ясное свидетельство, чем предшественники. Ибо теперь уже не только вопрос о естестве или воле во Христе и тому подобные, по которым спорящие стороны не могли привести никаких весомых доказательств, — поскольку пред-

меты спора были отвлеченными, — но и видимые предметы подвергаются сомнению, или нечестивому отрицанию.

Противники не только утверждают и неправедно умствуют, что Христос не может изображаться на иконе с Богородицей и всеми святыми, но и уничтожают Их изображения, признавая божественные начертания заблуждением и гибелью душ. О, иудейское и языческое упорное нечестие! Подлинно, нет совершенно никакого, по существу дела, различия в предмете их хулы. Иудей или язычник говорит христианину: “Отрекись от Христа, Марии”. То же говорит и иконоборец. Ибо икона Христа, так же, как и икона Богородицы, называется тем же именем, что и Спаситель, и Божия Матерь. Следовательно, требующий отречения от иконы прямо требует отречения от Того, Чья это икона.

Это — слова не мои, ничтожного. Послушай, что говорит Моисею Бог всех: *сделай из золота Херувимов* (Исх. 25, 18). Между тем Он повелевал сделать изображения Херувимов, ибо никто из здравомыслящих не может сказать, что Он указывал на естество херувимское. И еще: *сделай себе медного змея* (Числ. 21, 8), — однако и здесь Он повелевает сделать изображение змея.

Но таково свойство первообраза и его изображения. Копия или икона называется именем первообраза, и при отрицании одного отвергается и другое, так как они существуют вместе. Был Ангел, поэтому есть и изображение Ангела, был змей, поэтому имеем изображение змея. Так и относительно других существ. Иногда они называются иконами тех, чьими иконами действительно являются, но иногда именуется так, как их первообразы.

Так и святой апостол говорит: *над ним Херувимы славы, осеняющие очистилище* (Евр. 9, 5), — употребляя название первообразов по отношению к изображениям. Послушай и свт. Василия Великого: “Да будет изображен на картине и Подвигоположник в борьбе Христос”¹. Не сказал: “Да будет написана икона Подвигоположника в борьбе Христа”, но: “Христос”. Послушай и свт. Григория Нисского: “лежит Исаак”, — он назвал Исааком изображение Исаака². Послушай Златоуста: “Я видел Ангела на иконе”³. Не сказал: “Я видел написанного на иконе Ангела”, но: “Ангела”.

Ибо в иконе проявляется первообраз, равно как и в начертании Креста — Животворящий Крест. Так как в почитании верующих одно не отделяется от другого, икона и носит название первообраза. Образ Креста называется Крестом. Так и о царе, и обо всяком человеке, и обо всяком предмете, мы справедливо можем сказать, что царем называется и изображение царя, как говорит божественный Василий, и Петром — икона Петра, и Павлом — икона Павла.

Скажу нечто более высокое: и человек называется Богом как образ Божий. Таким образом, как говорил свт. Василий, и икона Христова называется Христом; ибо он, повторяю, так сказал: “Да будет изображен на картине, — не лик Христов, но — Христос”. Если противники не допускают этого, то,

¹ О мученике Варлааме. Творения в русском переводе. Т. IV. С. 258. М., 1882.

² Творения в русском переводе. Т. IV. С. 393. М., 1862.

³ Творения в русском переводе. Т. VI. Кн. 2. С. 711. СПб., 1900.

во-первых, они отвергают божественные изречения, а во-вторых учат, если не словом, то делом, что Христос не Человек. Ибо, если Он Человек, то очевидно, что может изображаться на иконе. Первое свойство человека — быть изображаемым. Если же Христос не изображается, то Он не Человек, а бесплотный, и, как пустословят иудеи, даже еще не пришел.

Поэтому они отвергают и Богородицу, написанную на иконе, и любого святого, как не являющихся Матерью Божией и служителями Христовыми. И Златоуст сказал: “Дела для меня достовернее слов твоих”. Итак, отсюда следует, что иконоборцы по истине иудеят. И кто страдает от них, тот страдает ради Христа и за Христа, ради Богородицы и за Богородицу, ради каждого святого и за всех святых, а подвизающийся и сопротивляющийся еретикам — мученик и исповедник Христов.

И против этого не может быть никакого возражения. Маккавеи, не хотевшие противозаконно вкушать свиного мяса, — мученики, Предтеча — мученик за истинное обличение. Первые — за то, что не хотели жертвовать на построение идольского капища, а другой — за иную заповедь. Впрочем, для чего много говорить? И ныне явно подвизающийся за Христа разве не мученик, как говорят некоторые? Да, истинный мученик, который ничем не меньше тех, кто замучен язычниками или иудеями. *И Свидетель сему на небе верен* (Пс. 88, 38).

Итак, без всякого сомнения, если презирающий изображение Креста оказывает презрение Христу, то тем более отвергающий икону Спасителя направляет хулу на Господа. Таким образом, терпящий мучения за то и другое является истинным мучеником,

особенно — за икону, ибо первое является знаком, а второе — образом Христовым.

Умоляю вас, мои святые братья, причастники небесного звания, во-первых, поминать меня, смиренного, молясь, чтобы я на самом деле доказал то, о чем говорю, не ослабевая ни от невидимых, ни от видимых нападений. Во-вторых — быть внимательными к самим себе и к настоящей борьбе, но не воспламеняться помыслами ввиду недостатка знаний для объяснения тех дел, которые устраиваются Провидением с глубокой мудростью и непостижимо для ума человеческого. И да не случится с вами того, о чем поете: *а у меня едва не пошатнулись ноги, едва не поскользнулись стопы мои. Ибо я возревновал на беззаконников* (Пс. 72, 2, 3). Но лучше да услышите вы слова Господа: *ждите Меня до дня, когда Я восстану* (Соф. 3, 8), и еще: *претерпевший же до конца спасется* (Мк. 13, 13)!

XXII. К БРАТИЯМ ОТСУТСТВУЮЩИМ

Христианину всегда должно готовиться к смерти, особенно тогда, когда он подвергается искушениям, угрожающим смертью. Итак, поскольку наше положение, ввиду свирепствующего неистовства гонителей за любовь ко Христу или за настоящее исповедническое свидетельство о Нем таково, и я не знаю, что может внезапно случиться со мной, одиноким и заключенным далеко от всех вас, братьев и отцов моих, то я признал за благо предложить вам, и через вас всему братству, это письмо, как последнее завещание. Ибо лучше часто завещать и ожидать смерти, нежели в надежде на продолжение жизни

быть внезапно взятым у близких и невольно оставить их без завещания.

Так как я часто, или в случае своей тяжкой болезни, или из-за гонений, завещал и напоминал, о чем следовало говорить, то не нужно повторять уже сказанное. Прежде всего, братья мои, даруйте мне прощение за все, что я при управлении безрассудно сказал или сделал вам на словах и на деле. Ибо *грехопадения кто уразумет?* (Пс. 18, 13) И: *все мы много согрешаем* (Иак. 3, 2), особенно я, непотребнейший из всех людей. Поэтому прошу вашей молитвы о достижении спасения несчастной душой моей, о братьях, по грехам моим отторгшихся от нашей о Святом Духе общины.

Есть (это несомненно для всех), есть для них праведный суд у Бога, но так как они — сыны и члены наши, то нужно жалеть о них и свидетельствовать перед ними об Истине. Итак, объявляю брату Леонтию, Максиму, Клименту и всем прочим, отделившимся под каким-нибудь пустым предлогом, что сделанное ими в отношении ко мне, — как и прежде я говорил, так и теперь говорю, — нужно простить им. Но разрешить сделанное по отношению к Богу и не очищенное покаянием — не во власти человека. Они же, кажется, не только не раскаялись, но добавили еще и другие дела, о которых знают сами.

Прошу чтобы переданы были им эти слова через вас или теперь, или после моей смерти, из опасения искушений, ибо вы видите, братья, страшный и неизбежный суд, если достойным покаянием не умоливите Бога. Что же касается меня, грешного, то и вам надобно простить. Вот что печалит меня и приходит на мысль. Убеждаю вас поступать так по отношению ко всем. Будьте здоровы о Господе.

XXIII. К ИГУМЕНУ

Замедлил я послать письмо отеческой святости твоей, потому что мне препятствовала окружавшая меня стража. Я давно уже услышал о подвиге твоего заключения под стражу ради Господа и ратоборства. Но благословен Бог, призвавший и твое подобие к исповеданию Сына Его Иисуса Христа, Господа и Бога нашего. Подлинно, ратоборствовать за икону телесного вида Его — это не что иное, как терпеть мученичество за Него Самого. Ибо икона по причине сходства лица — одно и то же с Изображенным на ней. А что Христос может быть изображен на иконе, об этом и камни вопиют. Он стал подобным нам во всем, *кроме греха*, как написано (Евр. 4, 15). Кроме греха потому, что Он принял плоть бессеменно и зачат девственно Пресвятой Его Матерью и Богородицей.

Итак, если мы все можем быть изображены, — ибо кто не может быть изображен, тот не человек, а какой-то выродок, — равно как и всякое живое существо, выходящее на свет, может быть изображено, то очевидно, что и Христос может изображаться. Этого и не признают безбожники, которые таким образом отвергают таинство спасительного домостроительства.

Ибо как Сын Божий может быть исповедуем Человеком, подобным нам, братом которых Он благоволил назваться, если Он не описуем, подобно нам? Как Он может быть рожден по закону природы, если Он не подобен Своей Матери? Если Он неопикуем, то и не произошел от девственных кровей Ее, из которых Он создал Себе храм, а носит небесное тело, как думал еретик Маркелл и бывшие

прежде него древние нечестивцы. Отсюда следует, что и Мать Его — не истинная мать, но лжеименуемая, и Он не подобен нам, но другой по естеству. Не может быть Он назван и Адамом, ибо как такое могло бы быть? Разве иноприродным телом может воскреснуть земное? Ибо известно, что подобное спасается подобным. Таким образом, из этого следует, что и смерть не истреблена, и подзаконное служение не прекратилось, что еще нужно обрезание и прочее.

Видишь ли, человек Божий, до какой бездны нечестия дошли иконоборцы, утверждая, что Христос не может быть изображен на картине? Они, несомненно, иудействуют. Поэтому они не принимают и Богородицы и никого из святых, через отвержение свойственных им образов гнушаясь самих изображаемых. Ибо почитание и не почитание образа относится к первообразу, как говорит свт. Василий Великий.

Если ты отверг изображение Креста, то кого ты отверг? Не Животворящий ли Крест? Так и в отношении к царю и ко всякому человеку, так и в отношении ко Христу, и к Матери Его, и ко всякому святому. Ныне Христос отвергается, преследуется и унижается. И блажен ты, отец, подвизающийся и работоборствующий за Православие. Молись же и о мне, несчастном, чтобы мне идти по следам твоей святости и не быть отвергнутым за грехи мои.

XXIV. К ИГНАТИЮ, СЫНУ

Я понял то, что ты написал, возлюбленный сын, и радуюсь, слыша голос твой. Впрочем, мое состояние не таково, как ты думаешь. Оно пусто и ничтожно, может быть только ты, как говоришь, получаешь

пользу от слов моих. Пиши и получай: зависти у меня никакой не будет. Я понимаю, что при настоящем гонении ты проводишь жизнь в стесненных условиях, так же, как и все скрывающиеся подобно тебе. Но пусть тебя ободряет надежда. Осторожно наблюдай за своими делами вместе с добрым Евсевием, которого приветствую.

Общение с еретиками — это не общий хлеб, а яд, повреждающий не тело, но очерняющий и омрачающий душу. Но и о его тайном отвержении не мне говорить, а тем, которые поступают так по страху. О них можно сказать следующее: *Из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин. 12, 42—43). Если же молитвы богослужения принадлежат православным, то незачем недоумевать, если они совершаются еретиками. Они понимают их не так, как тот, кто составил их, и веруют не так, как гласят самые слова. Ибо все тайнодействие учит, что Христос истинно стал Человеком, а они отвергают это, что бы ни говорили своим умствованием о том, что Он не может быть изображен на иконе.

Если бы кто-нибудь говорил: “Верую в Отца и Сына и Святого Духа”, — а думал, что Отец и Сын и Святой Дух есть одно Лицо, только с тремя именами, как учил безумный Савелий, то скажем ли мы, что таковой верует в Святую Троицу? Отнюдь нет, хотя бы он и утверждал это. Точно так же и здесь: еретик не так верует, как говорит, хотя тайнодействие и православно, но такой человек пусто-словит, или лучше сказать, шуткой оскорбляет священнослужение, ибо и гадатели, и волшебники упо-

требляют божественные песнопения для бесовских действий.

Некрещеному полезнее, если не найдется православного для совершения Крещения, креститься от монаха, или, за неимением и этого, от мирянина, произносящего: “Крещается такой-то во имя Отца и Сына и Святого Духа”, — нежели отойти непросвещенным. И он становится поистине крещеным. Ибо с переменю необходимо быть перемене и закона (Евр. 7, 12), как и было объяснено в древности.

XXV. К ПЕТРУ, ЕПИСКОПУ НИКЕЙСКОМУ¹

Зная, что ты любишь, чтобы я, ничтожный, беседовал с тобой, священною главою моею, я говорю теперь по дружбе, а не по нужде, высказавшись прежде в другом письме, о котором не знаю, получил ли ты его. В обоих я говорю об одном — о том, чтобы ты здравствовал телом, отец мой, крепкое основание истины, для утверждения многих, для свидетельствования веры, в похвалу Христа, к славе всей Церкви. Ибо ты — око, знаменитое более, чем все остальные, известное востоку и западу, отличающееся как святой жизнью, так и превосходным словом. Поэтому ты и императорам любезен, и для начальников желанен, и монахами восхваляешься, а для собственной Церкви — нужно ли и говорить?

Она улаживает и любит тебя за множество совершенных тобой превосходных деяний, как младен-

¹ Написано в 816 г. Память свт. Петра, епископа Никейского, 10/23 сентября.

цы — материнские сосцы, как птенцы — кормилицу, как овцы — истинного пастыря. И может ли быть иначе, если в ее памяти еще звучат твои живительные речи, если она видит своими глазами воздвигнутые тобой храмы Божии? Я уже не говорю о щедрой милостыне и прочих твоих святых делах.

Не подумай, что я угождаю дружбе, ибо хотя я не видел этого своими глазами, но наслышан от видевших. А о том, что ныне владычествует изверг, с поистине искривленным внешним и внутренним взором, не печалься, блаженный, и не удивляйся. Апостолы находились в горнице, а богоубийцы занимали знаменитый храм. Таково же положение иконоборцев и иудействующих. Их да низложит Господь, а тебя да сохранит, молящегося обо мне, сыне моем!

XXVI. К ФЕОФИЛАКТУ, ЕПИСКОПУ НИКОМИДИЙСКОМУ¹

Давно собирался я послать письмо твоему блаженству, но это не удавалось мне, смиренному, за неимением письмоносца. Теперь же, по благоволению Божией, найдя его, исполняю свое желание, которое я справедливо имею в отношении к тебе не только за твоё исповедание о Господе, но и особенно за превосходящий многих характер, кротость, простоту, любезность, сладость в беседах, приветливость в обращении, благодетельность во всем. От этого образ твоей священной души, и без лицемерия, видится украшенным разнообразными добро-

¹ Память прп. Феофилакта-исповедника, епископа Никомидийского, 8/21 марта. Письмо написано в 816 году.

детелями. Но об этом довольно, потому что теперь не время похвал.

Как тебе, блаженный, представляются настоящие события? Не иудейством ли почти, или язычеством? Снято украшение Церкви, искажено благообразие священных храмов, предана огню святыня. Какой-то иной вид появился у христианства, если можно назвать его христианством, а не иудейством. Благовременно ныне сказать: *Господи, разрушили жертвенники Твои и пророков Твоих убили мечом* (3 Цар. 19, 14). Подлинно, избивали и раскопали, ибо выскабливать и изглаживать образ их не значит ли явно истреблять их? Отними у человека лицо, и будет уже не человек, а какой-то выродок, если только он сможет жить.

Сожгли огнем святилище Твое (Пс. 73, 7). И это сказано справедливо: сжигают каждую божественную икону, начертанную на любом веществе. Открылся богохульный язык, называющий идолом Христа, Богородицу, всякого святого. Ибо образ получает название первообраза, так же, как и поклонение образу восходит к первообразу. Поэтому мы и называем всякое изображение Креста Крестом, и, поклоняясь Животворящему Кресту, припадаем к нему.

Впрочем, я, смиренный, изложил это в печальных красках не потому, что твое премудрое совершенство не знает гибели заблуждения, — да не случится со мной такой глупости! — но желая утешить скорбь моего сердца повествованиями, которые, будучи рассказаны, обычно облегчают тайные скорби, а вместе с тем и подвигнуть тебя пламеннее молить Бога, чтобы Он воздал скорое отмщение этой злой ереси для спасения народа Своего. Молись и обо мне, нижайшем сыне твоём, святейший отец мой.

XXVII. К ТИМОФЕЮ, СЫНУ

Какова душа твоя, возлюбленный сын мой, таково и письмо, смелое, бодрое, решительное, исполненное любви к Богу и мученичеству. Ибо слова — выражение души и от избытка сердца (см. Мф. 12, 34) каждый произносит их. Так что и мы, выслушав твои слова, укрепились и еще более ободрились и приготовились к ратоборству. И брат Адриан очень удивил меня, рассказав о твоей смелости, твердости и дерзновении, а также об искусстве словопрения с противниками. Откуда у тебя это? Не от прежнего ли благого произволения и богоугождения, при помощи которого ты перенес предшествовавшее и устоял в надежде славы Божией, готовый подвизаться до смерти?

Радуйся и веселись: ты сможешь при помощи Божией перенести все и облечешься в победный венец. Но молись и обо мне, брат, чтобы я последовал как тебе, так и другим, подобным тебе. Их же, благодатью Христовой, довольно много. Подлинно, это поприще блистательно и знаменито, много явилось здесь мучеников. Ибо не думай, будто настоящее — это что-нибудь иное, как не отречение от Христа со стороны гонителей и мученичество за Христа со стороны совершающих подвиги. Это очевидно. Ибо как в изображении Креста Животворящий Крест и исповедуется, и отвергается, так и в иконе Христа неизменно происходит то же самое.

Если же мир ослеп и, отрицаясь от Христа, шутит этим оскорблением, то только по долготерпению Оскорбляемого. И удивительно ли, что Он терпит, желая обращения неистовствующих? Не возлагали

ли воины на голову Его венца из терния? Не одедали ли Его в пурпурную одежду? Не говорили ли они: *Радуйся, Царь Иудейский! И били Его по ланитам* (Ин. 19, 3). А Он переносил все: насмешки, поругания и прочие страдания на Кресте.

То же Он терпит и ныне через Свою икону и в Своей иконе, ибо в образе представляется первообраз, как сказано святыми. Да будет Он милостив к Церкви Своей, укрепляя исповедников! Я слышу, что ты продолжаешь пост, и радуюсь, но советую тебе вкушать пищу каждый день вечером. Ибо это царский путь и похвальное воздержание при мученичестве.

XXVIII. К ВАСИЛИЮ-ИГУМЕНУ

Узнав обо всем, чему подверглось ради Господа твое преподобие с твоим священным послушником, я прославил Благого Бога нашего за то, что и ты воссиял светильником в мире вместе с другими светилами в нынешней ночной борьбе ереси, сосуд избранный, столп и утверждение истины! Как удивительна ваша двоица! Как она любезна Христу: вы потерпели ради Него удары, ссылки, заключения под стражу, и это продолжается до настоящего времени!

Но для чего перед подвигом ты приходил ко мне, смиренному, как ты известил, не получив возможности видеть меня? Это справедливо. Если меня не было, как ты полагал, то какой ты потерпел от этого вред, кроме того, что соединился с нами теперь письмом, ибо я жалкий и омраченный? И вот мы видим друг друга духом, слились воедино в духе, сделались одной душой в Господе. Я, смиренный,—

в вас, святых, и вы — во мне, так что Христос посреди нас, по неложному Его обетованию.

Что же осталось сказать еще? То, что как мы начали терпеть мучения за Христа, так да совершим предстоящий нам подвиг, не страшась ничего: ни новых ударов, ни уз, ни мучений, ни огня, ни ножа, ни воды, ни меча (Рим. 8, 35). Это внушает нам Слово Божие, к этому призывает апостол, так совершилось дело всех мучеников. Мы не неблагороднее их, хотя я и окаянный, мы также родились от Бога, имеем одну и ту же Мать по усыновлению.

Они получили награды за подвиги, мы ли посрамимся? Жены и девы увенчаны, мы ли будем беречь плоть? Старцы и отроки победили мучителей и царей, мы ли станем колебаться? Нет. Предадим плоть жадным до плоти, душа же неуловима. *И не бойтесь убивающих тело, а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). В этом радость и веселье: *если с Ним страдаем, с Ним и прославимся* (Рим. 8, 17). Пусть плачет диавол и его служители, ибо это испытывают они, видя непоколебимую твердость мучеников.

Ты говоришь, что никогда не видел императора и не представлялся начальникам, и поэтому немного боишься. Ни в коем случае, отец, не обращай внимания ни на тех, ни на других, как облекшийся во Христа. Пусть он боится тебя, так же, как и бесы. Открой уста свои, представ пред ним. Тебе дано будет слово, ибо Христос обещал (Мф. 10, 19). Обличай его, если он пустословит. Не обличал ли Илия Ахава, Иоанн — Ирода, другие — других; не стану распространять речи, перечисляя их поименно. Тогда Бог был Тот же, что и ныне. Как Он возлюбил тех, так возлюбил и нас.

Ты был учеником апостолов, мучеников, пророков, отцов, преподобных. Пусть плод уподобится дереву. А если мы не станем так вести себя, то будем невеждами, а не учениками их, не сынами, не плодами, но будем принадлежать к противоположной стороне, т. е. к миролюбцам и плотоугодникам, примера которых да избежим мы и да сподобимся быть у Бога, в совершенстве подвизаясь о Христе Иисусе, Господе нашем, изрекшем: *Мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16, 33)!

XXIX. К МЕГАЛО¹ И МАРИИ, МОНАХИНЯМ

Письмо ваше почтенно и приветствие разумно; но известие, — что сказать о нем, — прискорбно или радостно? Отошел отец мой, исповедник Христов, второй Иов, украшение монахов, устроитель любви, всеми любимый муж, человек Божий, много плакавшее око, любознательный ум, обогащенный божественным ведением, великий в смиренномудрии и отличный по мудрости, прежде образа монашеского знаменитый и после монашеского посвящения превосходнейший.

Объятый любовью к Богу и потому возненавидевший мир, он отдал в дар Христу все свое драгоценное имущество. Потом, разлучившись со знаменитой супругой, родными, друзьями и знакомыми, оставил земное достоинство, дом, город, отечество, — и притом в цветущем возрасте, благообразный лицом и высокий ростом, крепкий телом и одаренный прекрасными качествами ума и внешности.

¹ Вероятно, фамилия монахини.

Если даже кто-нибудь скажет больше этого, то он не вполне выразит добродетели этого мужа. Он отошел, восшел к Господу. Где и как? Насильно отлученный от паствы ввиду тяжкой болезни, затем два года с лишним заключенный под стражу в городе, потом сосланный на один из островов, там завершил свое исповедническое поприще за Христа.

Не прискорбно для меня такое страдание, но весьма радостно. Он не умер, а переселился в вечную жизнь, не земля скрыла его, но приняло небо. Его принял лик исповедников, сонм подвижников, там, где истинный свет, где блаженные обители, ради которых он предпринял труды и страдания подвижнические и исповеднические. Теперь торжество, праздник, веселье у меня и у всех православных, проводивших к Богу предстателя, подвижавшегося ныне вместе с прежде подвизавшимися мучениками.

Да радуется Церковь, что она еще имеет столпов; да веселится священный сонм, что в мире опять восходят светила, озаряющие находящихся во мраке ереси. О, отец, отец, как прекрасна твоя жизнь! Как свято воспоминание о тебе! Как блаженна память твоя! Весь ты светел и прекрасен! Кто, увидев тебя, не полюбил тебя? Кто, встретившись с тобой, не чувствовал наслаждения? Обращение твое вожденно, добродетель известна. Что же еще? Памятуй о пастве своей и обо мне, сыне твоём, хотя и нижайшем и непотребном. Ты знаешь мою любовь к тебе, как и я — твою ко мне.

Ходатайствуй за всю Церковь пред Господом, молись и обо мне, несчастном, чтобы я скорее пришел к тебе таким же образом, каким ты скончался.

Таковы воззвания мои к нашему общему отцу. А вас, ту и другую, увещаю не изменять вере и жить свято, как принадлежащих ему, одну как супругу, а другую как сродницу супруги, чтобы вам вместе с ним наслаждаться вечной славой.

XXX. К СИМЕОНУ-МОНАХУ¹

Получив письмо твоей святости, прочитав его, и узнав подробно о случившемся с тобой и с находящимися при тебе святыми отцами нашими, *которых имена — в книге жизни* (Флп. 4, 3), о священном вашем изгнании и переселении в чужие земли, об искушениях и скорбях, которые вы терпите вследствие пересылки в разные места и заключения под стражу от безбожных, я, смиренный, скорбел, представляя, какие вражьи искушения поразили Церкви Божии, но вместе с тем и ублажал подвиги гонимых за Христа, как и твои, ставшего для нас вестником всего происшедшего, не поленившегося для меня, ничтожного, приложить руку к написанию письма и обстоятельно все рассказать о притеснениях. За это да благословит тебя Господь, да утвердит еще более и да укрепит в непреклонном стоянии за свидетельство Христово! Ибо я узнал, что ты, защитив это свидетельство, встретился с вождем нечестия Иоанном и не оробел, не остался вторым в словесном состязании, но твердо противостоя, победил его и смело заградил ему уста словом истины, дарованной тебе действием Святого Духа.

Поистине, нет у заблуждающихся силы слова, ибо ни света, ни истинного доказательства, и ничего

¹ Написано в 818 году.

правого и святого нет у тех, кто ходит во мраке с неразумным сердцем и утраченной мудростью, или справедливее сказать, — с безумием, невежеством и слепотой. Только одно у них и первое, и последнее — власть тьмы. Это у них и слово, и определение, и вера, и слава, и оружие. *По плодам их узнаете их*, — сказал Господь (Мф. 7, 16). Чего ни сделали они нечестивого и иудейского? Оскорбили Христа, Богородицу, святых, ибо чьи телесные черты подвергаются бесчестию, к тем самым первообразам и относится это оскорбление. И поэтому справедливо иконоборцы могут быть названы антихристами, как говорит Богослов и евангелист: *и теперь появилось много антихристов* (1 Ин. 2, 18).

Это немного я пишу к твоей мудрости, в знак любви, данной нам от Бога в единомыслии и единой души. Молись же обо мне, добрый брат, чтобы и я подвизался подобно тебе, и удостою опять известить меня о том, как ты живешь и как идут и будут идти дела твоего священного общества.

XXXI. К ИОСИФУ, БРАТУ И АРХИЕПИСКОПУ¹

Что касается письма, то я ничего не узнал из него о твоём здоровье. Но, увы, случилось это за грехи мои! Братья известили меня, что письмо твое погубило вместе с другими, и это — дело дьявола. Впрочем, слава Богу, скрывшему его от властей, иначе многие подверглись бы опасности. Известили меня и о том, что вместе с письмом погибли и ямбы, которые ты хорошо составил против иконоборцев.

¹ Написано в 816 году.

Тебе не следовало посылать их не переписанными и не запечатанными. Это, конечно, опечалило нас.

Я же, смиренный, опять приветствую святость твою, сильно желая видеть почтенное твое лицо. И кого больше тебя? И не всегда ли? Не столько по естественному родству, сколько по причине нашей общей деятельности, возбуждаемой не от земли, но происходящей с неба, почти с самого начала и доныне, как все знают, и как устроили родившие нас и духовно, и телесно. Да пребудем мы такими и в будущее время, и да не уклонюсь я от твоей добродетели по множеству грехов своих, но да будем единоклубными по человеколюбию Божию и по молитве произведших нас на свет! Таковы мои желания.

О прочих делах в Церкви Божией, каковы они и сколь многие из них достойны воздыханий и слез, ты, конечно, уже слышал. То, чего не делали против Христа и древние еретики, неистово совершаются ныне. Христос почивает, а бурное море неверия высоко поднялось (см. Лк. 8, 23–25), производя всеобщую гибель. Но да будут находящиеся с тобой истинными учениками, пробуждая Христа для укрощения и устранения опасности! Отошел и восприемник мой по монашескому образу, муж добрый, получив награду за исповедание в столь трудной болезни, что не мог сам повернуться на постели. Каким образом? Противостав еретикам, будучи схвачен и заключен под стражу, а потом отправлен в ссылку, и таким образом став свидетелем.

Итак, не презрел Господь послушнических трудов его, о которых ты знаешь, хотя он, по грехам моим, и был в числе защитников прелюбодеяния, из опасения за свое тело, но не склонился на их сторо-

ну по образу мыслей, как доказало дело. Поэтому он, будучи отторгнут Богом от того общества, одержал решительную победу, так же, как и мидийский игумен, и никейский епископ, как я удостоверился из писем. Но что я говорю о том и другом? Я убежден, что каждый из противоставших находится в таком же состоянии. Ибо и сам истинный патриарх наш исповедует истину, как я узнал из уст того, кто слышал это от него самого и восхвалял тогдашнюю его твердость. Я сказал это как для того, чтобы по справедливости почтить отшедшего, так и для того, чтобы известить о нужном твоем предобии.

Ты знаешь, что внутреннее зло — Леонтий, который некогда был нашим. Сначала он присоединился к защитникам прелюбодеяния, а теперь — председатель иконоборцев. Поэтому он и студийский монастырь занял, и незаконно властвует саккудионским. От нечистого не бывает ничего чистого. Каков родивший по плоти, таков и рожденный, да низложит его Бог твоими святыми молитвами, и да утвердит меня, грешного, в страхе Его!

Приветствую удостоивших служить твоей досточтимости. Находящийся со мною рабски кланяется тебе.

XXXII. К ФАЛЕЛЕЮ, СЫНУ¹

Хорошо сделал ты, возлюбленный сын, что прислал мне письмо. Этим ты доказал свою веру и любовь. Но для чего ты воспеваешь мне хвалы, к которым я совершенно не причастен? Разве ты не знаешь,

¹ Написано в 816 году.

что я грешник и неискусен в слове? Но любовь слишком хитра, она заставляет любящих незаслуженно приписывать другим то, чего в них нет. Итак, оставив похвалы, лучше молись, сын мой, чтобы я утвердился в Господе и во всем спасался от лукавого.

Телесную свою немощь переноси с благодарностью к Богу и не огорчайся тем, от чего она случилась. Господь ведаёт, как назначить каждому полезное. Впрочем, я не знаю, от чего это с тобой случилось. Злословие презирай, и оно скорее прекратится, а если будешь бояться его, то оно более усилится, от чего да сохранит тебя помощь Божия! Хотя и велико притеснение гонителей, но за это нас ожидает небесная награда: *если с Ним страдаем, с Ним и прославимся* (Рим. 8, 17). Ибо теперь время не благоденствия, а мученичества.

О пресвитере, который кажется православным, но вкушает, как ты сказал, пищу вместе с неправославным епископом. Если он прекратит такое сопишество и примет епитимью — отлучение от священнослужения на некоторое время, — с тем, чтобы более не впасть в такой грех, то он может получить исцеление и вернуться к совершению богослужения. А если он будет поступать безразлично, то не может послужить человеку искуплением богатство его. Надо избегать вместе с приношениями в дар и еретического приобщения, и прочих греховных дел, чтобы не отдавать добра и взамен не получать зла, чтобы не отдавать свет и не получать тьму.

Хотя бы кто-то и предлагал даже все богатства мира и одновременно имел общение с ересью, он не друг Божий, а враг. И что я говорю о приобщении? Кто имеет общение с еретиками и в пище, и в питии, и в дружбе, тот виновен. Это слова Златоуста и всех

святых. Какое же это невольное, а не добровольное дело, если человек кажется православным, а между тем имеет общение с ересью? Невольным оно бывает тогда, когда кто-нибудь, насильно раскрыв рот православному, волеет в него еретическое причастие, что делали древние еретики и делают, как я узнал, нынешние христорборцы.

Вступать в общение с еретиками самому — дело добровольное, если же кто вступил в него из страха, — ибо в этом заключается твой вопрос, — то и в таком случае он не может иметь оправданий. Ибо сказано: *не бойтесь убивающих тело* (Мф. 10, 28), но бойтесь Бога, Который может и тело, и душу ввергнуть в геенну вечного огня. Слышали? Поистине целый мир недостойн одной души, сохраняющей себя не причастной и еретического приобщения, и всякого зла. А причастные тому и другому равноценны траве, дровам, соломе, которые сожжет испытующий огонь Суда, а виновников этого сохранит сжигаемыми, но не очищаемыми, во веки.

XXXIII. К УТВЕРЖДАЮЩИМ, ЧТО ХРИСТОС НЕИЗОБРАЗИМ

Кто говорит, что Христос в телесном виде неизобразим, тот, конечно, основываясь на каком-нибудь физическом доводе и логическом доказательстве, защищает это для утверждения истины и для просвещения несведущих.

Итак, пусть он, выступив, расскажет, каково его физическое основание и какова причина такой уверенности. Разве Христос не принял нашего образа? Разве Тело Его не было составлено из костей? Раз-

ве зеницы очей Его не были ограждены веками и бровями? Разве уши Его не имели извилистых проходов? Разве ноздри Его не были приспособлены к обонянию? Разве Он не был одарен цветущими ланитами? Разве устами и языком, губами и зубами Он не произносил слов, не ел и не пил? Разве у Него не было суставов в плечах, локтях и руках? Разве Он не имел груди и хребта, голеней и ног? Разве Он не рос? Разве Он не совершал при ходьбе движений, вверх, вниз, внутрь, вовне, направо, налево, кругом? Разве Он не испытывал трудов и скорбей и других страданий, имея волосы на голове и облакая тело хитоном?

Если же Он несомненно являлся в том, из чего состоит истинный человек и изображение чего в телесном виде служит неложным образом Его, без которого и не может существовать всякое сложное тело, подлежащее осязанию и имеющее цвет, то не крайняя ли слепота и безбожная дерзость — утверждать, будто Христос, сделавшийся единосущным и подобным нам во всем, неизобразим? Как же, по уничтожении изобразимости, не уничтожатся и все соответствующие качества? “Качество неизменно”, — говорит свт. Григорий Богослов. Как же качество может быть изменяющимся и прекращающимся? Пусть объяснит это противник.

XXXIV. К НАВКРАТИЮ-СЫНУ¹

Что может быть приятнее дошедшего до меня, грешника, известия, что ты, возлюбленный сын мой, вместе с другими твоими семью братьями, *которых*

¹ Написано в 816 году.

имена — в книге жизни (Флп. 4, 3), были бичеваны за Христа, Благого Бога нашего? Слава Призвавшему вас к исповеданию истины Своей! Слава Укрепившему досточтимые души ваши, чтобы ратоборствовать прежде других, не страшись, не отступая от лица губителя, но отстаивая ваше доброе исповедание и за него вместе со Христом отдать хребет свой на бичевание!

Вы составили новый сонм исповедников в Церкви Божией. Вы умножили славу братства во Христе. Поистине блаженны вы, возлюбленные мои, и преблаженны, блаженны и утробы, произведшие вас на свет. Если же нужно сказать что-нибудь и обо мне, блажен и я, недостойный ублажения и несчастный, что я, отец, слышу о таких сынах, сынах Божиих и наследниках Христовых. Какая это радость! Не приятнее ли она всякой радости? Какая эта слава! Не больше ли, чем ношение диадемы? Достоин удивления ношение язв Христовых, животворных страданий Его, как венцов.

Таковы ваши дела, которые восхвалило небо и услышала земля. А наши дела ничтожны и грешны, кроме того, о чем известил брат Адриан. Он совершенно спасся. Если же нужно прибавить что-нибудь, расскажем и об этом. После бичевания нас двоих заключили в горницу, заперев дверь и отняв лестницу. Кругом — стража, чтобы кто-нибудь не приблизился в каком-либо месте и не проник в жилище. И всякого, входящего в крепость, встречали стражи и не позволяли ему останавливаться нигде, кроме своего дома, пока он опять не уйдет. Строго приказано не давать нам ничего, кроме воды и дров. Поместили нас просто как в гробу, чтобы умертвить нас.

Но Бог, по милости человеколюбия Своего, питает нас тем необходимым, что мы принесли с собой и что по приказанию дает нам через дверное отверстие человек, в определенное время поднимающийся по приставленной лестнице¹. Не дерзаем сказать то, что сказал Даниил, приняв обед от Аввакума: *вспомнил Ты обо мне, Боже* (Дан. 14, 38), однако Он вспомнил и о нас, грешных, и нас милует, и защищает, и ограждает.

Итак, до тех пор, пока у нас внутри есть, чем питаться, или пока один из недельных привратников тайно приносит что-нибудь из дому, мы питаемся и славим Бога. Когда же истощится необходимое, по устройению Божию, тогда и мы расстанемся с жизнью, и мы этому радуемся, и это — великий дар Божий.

И кто я, несчастный, содержимый в таких бедствиях за имя Его, чтобы потом незаслуженно сподобиться, как Он повелевает, преизбыточной славы вместе с братом? Поэтому прошу вас, братия, помочь мне своими молитвами перед Богом, чтобы я во всем избавился от лукавого и чтобы Начавший в нас дело исповедания Своего, по Своему состраданию, а не за какие-нибудь мои дела — ибо я не сделал ничего доброго на земле, но лишь наоборот, — Сам и довершил его в нас обоих. Этого и мы, смиренные, не перестаем со слезами испрашивать вам, претерпевающим то же. Не только восьмерых избранников Божиих, но и авву Петра, и доброго Литоия, и другого, если таковой окажется, приветствуем о Господе.

¹ Описанные бедствия прп. Феодора относятся ко времени заключения его в крепости Вонита.

XXXV. К ЕПИФАНИЮ, СЫНУ¹

Теперь, возлюбленный сын мой, как ты изъявлял желание прежде, отправься на запад, отнеси это письмо, написанное с моих слов. Я послал два письма к апостольскому престолу и к господину Мефодию. Спутники брата Дионисия по благоволению Божию благополучно достигли тех мест и принесли благие надежды, ради которых я и посчитал за благо послать еще письмо. Я писал не только от своего имени, но, как прежде, от обоих игуменов, которые упоминаются в письме, — кроме евкерийского, потому что он, как я узнал, по грехам моим, пал.

Таким образом, по общему решению и согласию, после тайного сношения и ознакомления с письмом, мы послали его, как и объясним в отправленном письме. Теперь, хотя я и не могу сделать то же по причине заключения под стражу, однако и это письмо написано как бы с общего согласия обоих. Может быть, впоследствии случится и им узнать об этом. Итак, отправляйся, добрый Епифаний, явись западу вестником верным, мудрым, издавна известным. Отдай письмо, и, согласно написанному боговдохновенно в святом апостольском письме, по внушению и словам священного Мефодия и святого епископа монемвасийского, сам ходатайствуй и усердно проси, чтобы это было доведено до конца по благоволению Бога, способного сохранить тебя и представить священной и блаженной главе.

Не бойся, тебя ожидает великая награда и великий подвиг. Христос с тобой. Приветствуй всех свя-

¹ Написано в 818 году.

тых, в особенности известнейших, и преимущественно святого моего отца архимандрита, так же, как и господина моего хартофилакса, любовь к которому лежит в смиренном моем сердце.

XXXVI. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ

Радуюсь о тебе, брат мой Навкратий, что ты стал сыном радости, т. е. пострадал ради Христа. Поистине, что может быть приятнее этого? Что более славно? Ты потерпел бичевание, подобно Христу, тебя переводили из темницы в темницу, предали в руки нечестивого Иоанна, с которым и я, смиренный, боролся. Но ты не пал от его нападения, а, напротив, отразил суетного, обличив его, о чем я в точности узнал и порадовался. Да будет с тобой и впредь помощь Божия во всем, что случится!

Но так как ты сказал, что он в беседе предлагал для ниспровержения святых икон изречения некоторых, а именно Астерия, Епифания и Феодота, то я признал необходимым для наставления обоих, изложить здесь, — хотя это и растягивает ткань письма, — сами их изречения и, при помощи Божией, опровержение их от нас, несведущих.

Изречение Астерия слово в слово таково: “Не изображай Христа, ибо довольно для Него одного уничтожения — воплощения, которое Он добровольно принял ради нас. Но умственно сохраняя в душе своей, носи бестелесное Слово”¹. Итак, спросим этого повествователя, почему он запретил изображать

¹ Астерия Амасийского (IV в.) беседа первая о богате и Лазаре. Migne, Patr. curs. compl. Tom. XL, p. 168.

Христа. “Довольно для Него, — говорит, — одного уничтожения воплощения”. Как будто воплощение, однажды принятое Им, бесславно, и Он избегает повторного обнаружения этого уничтожения. Но как же оно добровольно, если бесславно? Ибо добровольное — славно и не имеет беславия недобровольности.

Если это не так, то, по крайней мере, живопись, изображающая подобие того, что было прежде, является повторением. Почему же не запрещается напоминание о Нем при помощи слуха, если изображение для зрения ненавистно для Него, как служащее повторением уничтожения? То и другое сходно и равносильно, как сказали божественные уста Василия Великого¹. Подобно этому можно сказать, что и Крест, однажды начертанный, является повторением другого Креста, также и Евангелие. И так как то и другое изображаются постоянно, то существует бесчисленное множество крестов и Евангелий, а не один и одно.

Но если Крест один и нет иного, хотя бы он был изображен тысячу раз, и Евангелие одно и нет иного, хотя бы оно было изображено в бесчисленном множестве, так и Христос один, а не два, хотя бы Он так же был изображен. Он изображается так же, как и читается Евангелие о Нем, и не умножится ни ухо от слышания, ни глаз от созерцания того, что Бог стал Человеком, Вечный явился Младенцем, Питающий питался молоком, Необъятный был принят в объятия, Всевышний становится Мужем, Бездна премудрости принимает Крещение, Превы-

¹ К Амфилохию о Св. Духе. Гл. 14. Творения в русском переводе. Т. III. С. 225–229. М., 1892.

шающий все существа совершает дела, свойственные Богу и человеку, Господь славы распинается на Кресте, Животворящий погребается и воскресает, Не ограниченный никаким местом возносится как Человек.

Пусть же он перестанет осуждать спасительное для мира явление двояким образом, считая славу Господа бесславием и представляя добровольное уничтожение Его невольным. Пусть перестанет противиться и свт. Василию Великому, голос которого есть голос Божий и который в одном месте заповедует: “Да будет изображен на картине и Подвигоположник в борьбе Христос”.

Пусть будет отринуту от священного общества вместе с настоящим изречением и следующее предложение, заключающее в себе подобную нелепость. Ибо что он говорит? “Умственно сохраняя в душе своей, носи бестелесное Слово”. О безумие! Разве называли Божественные уста бестелесным Слово после того, как Оно стало плотью? Святой апостол называет Христа уже не плотию, но и не бестелесным Словом, когда говорит: *Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем* (2 Кор. 5, 16).

Объясняя это, свт. Григорий Богослов указывает на “плотские немощи и все наше, кроме греха”, как и в другом месте говорит: “Уже не плоть, однако не бестелесный”¹. А кто называет Его бестелесным Словом, тот противоречит не только этим двоим, но и всем богоносным Отцам.

¹ О Боге Сыне. Слово 2. Творения в русском переводе. Т. III. С. 65 и 75.

Итак, естественным образом доказано, что из нелепого следует нелепое, и после опровержения лжи в противоположном утверждении должна содержаться истина. Каким образом? Изображай Христа, где следует, как Живущего в сердце твоём, чтобы Он и читаемый в книге, и созерцаемый на иконе, как познаваемый двумя чувствами, вдвойне просвещал твой ум, когда ты научился созерцать глазами то, в чем был наставлен словом. И, когда Он таким образом воспринимается слухом и зрением, неестественно, чтобы и Бог не прославлялся, и человек благочестивый не приходил в сокрушение, а что может быть спасительнее этого и благоугоднее Богу? Так мы, ничтожные, понимаем истину, хотя некоторые из живших до нас Святых Отцов иначе понимали разбираемый вопрос. Об этом изречении кончено.

Каково же изречение Епифания? “Рассудит твое благочестие, прилично ли нам иметь Бога, начертанного красками”¹. Посмотри, какой он лжец. Он говорит не о Христе, в котором усматривается описываемость вместе с неописываемостью, — ибо в Нем обнаруживаются оба естества, — но: “Бога иметь нам начертанного”, — отвергая человечество в Слове, согласно манихейскому учению и оставляя только Божество, чтобы нелепостью предложения изумить слушателя. Так и видимым назвать Бога нелепо, когда божественное Слово говорит: *Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий Бог*

¹ Слова св. Епифания приведены, вероятно, из подложного и не дошедшего до нас его сочинения, упоминаемого в другом сочинении прп. Феодора против иконоборцев и в шестом деянии VII вселенского Собора.

и видимый, *Он явил* это (Ин. 1, 18), ибо известно, что Бога вне человеческого естества, никто не видел. Единородный Сын же после воплощения не непричастен человеческой природе, поэтому Он видим. Так и святой апостол взывает: *Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе* (1 Тим. 3, 16).

Это *во плоти* надо относить ко всему вообще данному изречению, ибо первое выражение имеет связь не только с последующими, но и со всеми свойствами воплощения. Как явился Бог *во плоти*, так и в каждом событии, о котором сказано раньше, Он был во плоти, ибо неестественно было бы и *показаться*, и *вознестись*, если не подразумевать этого *во плоти*. Так точно *во плоти* Он и питается молоком, и преуспевает возрастом, и ходит ногами, и потеет в изнурении, и беседует языком, и прочее подобное этому.

Если же это так и если одним из телесных свойств является описуемость, то очевидно, что и Бог во плоти описывается или красками, или другим способом. Ибо и то, и другое совершенно необходимо: если Он явился во плоти, то и описывается во плоти. Одно другому соответствует, одно от другого зависит. Если же неистинно второе, то неистинно также и первое, но первое истинно, следовательно, истинно и второе.

Таким образом, и по божественному учению, и по общему смыслу нелепо не исповедовать Бога описуемым во плоти, если Он явился во плоти.

И в другом месте доблестный муж говорит: “Я слышал, что некоторые предлагают живописать и необъятного Сына Божия; трепещи, слыша это”.

Но кто из имеющих ум не посмеется над суемудрым? Разве он не читал, что *взяли Иисуса и связали Его, и отвели Его сперва к Анне, который был на тот год первосвященником* (Ин. 18, 12). И еще в другом месте: *взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями* (Ин. 19, 40). Разве он (Иоанн) не исповедует Иисуса Богом? Если же Он — Бог, то как Необъятный был взят и связан? Не очевидно ли, что *во плоти*, как исповедал премудрый Павел? Да умолкнет же и этот обманщик, неистовствующий против Христа!

Если бы он еще услышал, что мы имеем и ядогого Бога, то, может быть, не только содрогнулся бы, но и рассыпался бы, не вынеся такой вести. Но что говорит Христос? *Ядущий Меня жить будет Мною* (Ин. 6, 57). А Он не иначе может быть вкушаем, как во плоти. Подлинно, Христос, будучи одновременно совершенным Богом и Человеком, может быть назван по обоим естествам, из которых Он состоит, и по обоим же в прямом смысле может быть представляем, так как свойства того и другого в единстве Его лица не уменьшаются и не смешиваются.

Свидетель этих слов — Сам Бог и Слово, Который в одном месте говорит: *ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину* (Ин. 8, 40), — хотя говоривший это был Бессмертным Богом, а в другом месте: *вы говорите: “богохульствуешь”, потому что Я сказал: “Я Сын Божий”* (Ин. 10, 36), — хотя Сказавший это был и Сыном Человеческим. Таким образом, уделяя тому и другому естеству то, что свойственно тому и другому названию, мы нисколько не заблуждаемся. Итак, и об этом изречении кончено.

Каково же изречение Феодота? “Мы составляем образы святых не из вещественных красок на иконах, но научились изображать их добродетели сказаниями о них в писаниях, как некие одушевленные иконы, возбуждаясь этим к подобной им ревности; ибо пусть скажут выставяющие такие изображения, какую они могут получить от этого пользу или к какому духовному созерцанию возводятся они через это напоминание? Очевидно, что это тщетная выдумка и изобретение диавольской хитрости”¹.

Начало речи не следует немедленно порицать, хотя оно и подготавливает к последующим нелепостям. Многие из святых учителей тоже считают повествование словами полезнее изображения на иконах, не отвергая, впрочем, ни одного из них. А другие, наоборот, но то и другое равно, как говорит свт. Василий Великий: “Что повествовательное слово передает через слух, то живопись показывает молча через подражание”². Не все живописцы и не все повествователи, но это зависит от того, какой мерой благодати Бог наделил каждого. Поэтому, оставив это предложение, обратимся к последующему: “Ибо пусть скажут выставяющие такие изображения, какую они могут получить от этого пользу или к какому духовному созерцанию возводятся они через это напоминание?”

Со своей стороны спросим доблестного мужа: какой пользы и какого священного созерцания нель-

¹ Эти слова приписываются Феодоту Анкирскому (V в.), хотя их нет в дошедших до нас немногих его сочинениях. Изд. Migne. Pat. curs. compl. Tom. LXXVII.

² Беседа о сорока мучениках. Творения в русском переводе. Т. IV. С. 274. М., 1892.

зя отсюда заимствовать? Если свойство иконы — быть подражанием первообраза, как говорит Григорий Богослов, и в образе усматривается первообраз, как говорит премудрый Дионисий Ареопагит, то очевидно, что от подражания, т. е. от иконы, исходит много пользы и через это подражание возбуждается обильное духовное созерцание первообраза. Свидетель — сам божественный Василий, который в одном месте говорит: “Чествование образа восходит к первообразу”. Если же восходит, то, без сомнения, и нисходит от первообраза к образу. Никто не будет столь безрассуден, чтобы назвать чествование бесполезным или не признать подражание отображением подражаемого, так что “одно находится в другом”, по словам божественного Дионисия¹. А что может быть полезнее этого и что более способно возводить горé?

Подлинно, икона есть замена личного созерцания и, употреблю ближайшее сравнение, есть как бы лунный свет в отношении к солнечному. Если же это не так, то какую пользу приносила древним *скиния свидетельства*, бывшая отображением предметов небесных? И там, между прочим, были *Херувимы славы*, осенявшие очистилище (Исх. 25, 20), т. е. изображения, подобные виду человеческому.

Все возводило горé и способствовало созерцанию служения в духе.

При таком предположении напрасно было бы у нас и изображение Креста, напрасно и изображение копья, напрасно и изображение губки, ибо и это подражания, хотя и не имеющие вида человека, на-

¹ О церковной иерархии. Гл. 4. Творения в русском переводе. С. 129., М. 1855.

прасно и все то, что передано нам, скажу словами Дионисия, в видимых образах, посредством которых, говорит он, мы по возможности восходим к духовным созерцаниям¹.

Далее, одна из пяти сил души — воображение. Воображение же может представляться некоторой иконой, ибо то и другое содержат изображения. Следовательно, бесполезна икона, уподобляющаяся воображению. А если бесполезна вторая, важнейшая, то тем более — первая, нижайшая, которая слабее, и она напрасно существует вместе с природой. И если она напрасна, то таковы же и силы, родственные ей: чувство, понимание, суждение, ум. Таким образом, естественное учение возвышеннейшими соображениями обличает в безумии гонителя иконы или воображения. Я же восхищаюсь воображением и в другом отношении. Некоторые говорят, что одна женщина, во время зачатия вообразив эфиопа, родила эфиопа. Подобное этому известно и о праотце Иакове, когда он обстрегал жезлы, от взгляда на которые животные рождались пестрыми, и — о, чудо! — подобное иконе изображение оказалось завершением производительной силы (Быт. 30, 37).

Впрочем, вернемся к настоящему предмету. Любезный, кто, посмотрев внимательно на картину, с правой или с левой стороны, отходит от нее, не получив впечатления в уме, от прекрасной — прекрасного, а от постыдной — постыдного, так что часто, даже находясь дома, то сокрушается, то волнуется страстью? Не случается ли иногда, что кто-нибудь,

¹ О небесной иерархии. Гл. 1. Творения в русском переводе. С. 5. М., 1898.

заснув, пробуждается от ночных видений с радостью или скорбью? Если же так бывает, то тем более взвешивая на изображения наяву обязательно получает то или иное впечатление.

Разве ты, любезнейший, не читал, что древние служили образу и тени небесного (Евр. 8, 5). Не является ли иконой то и другое? Не иконой ли они были возводимы к созерцанию небесного? Не подобно ли призраку, скажу словами Давида, ходит человек (Пс. 38, 7)? И сам ты, иконоборец, не являешься ли образом Божиим, не рожден ли по подобию Отца и не изображаешься ли на картине? Или ты один без образа, как не человек, а выродок, и потому так думаешь и о святых?

Но, чтобы речь об этом получила большую достоверность, оставив собственные рассуждения, представим самих светил вселенной, которые ответят тебе на вопрос. Григорий Нисский говорит: “Я часто видел на иконе изображение страдания, и без слез не проходил мимо этого зрелища, так живо искусство представляет зрению событие”¹. Святой Златоуст говорит: “Я с любовью смотрел и на вылитое из воска изображение, совершенное по благочестию; ибо я видел на иконе Ангела, прогоняющего толпы варваров, видел попираемые племена варваров, и Давида истинно взывающего: *Господи, уничтожь образ их в городе Твоем* (Пс. 72, 20)”². Кирилл Александрийский: “Я видел картину на стене, деу, ратоборствующую на ристалище, и не без слез взирал на это зрелище”. Григорий Богослов: “На ней (т. е. на двери) был начертан образ Полемона и

¹ См. выше, письмо XXI.

² Там же.

имел столь почтенный вид, что она (т. е. блудница), увидев его, тотчас ушла, пораженная этим зрелищем и устыдившись написанного, как живого¹”. Василий Великий: “Встаньте теперь предо мной вы, славные живописатели подвижнических заслуг, дополните своим искусством это неполное изображение военачальника, цветами вашей мудрости осветите неясно представленного мной венценосца. Пусть я буду побежден вашим живописанием доблестных дел мученика, рад буду признать над собой и ныне победу вашей крепости. Посмотрю на эту, более точно изображенную вами, борьбу руки с огнем, посмотрю на этого борца, живее изображенного на вашей картине. Да плачут демоны, и ныне поражаемые у вас доблестями мученика, опять да будет показана им палимая и побеждающая рука”².

Видишь ли, как один предпочитает словесному изложению живопись, в которой заключается такая божественная сила, что от нее и бесы плачут, как другой называет живописное изображение настолько достойным почитания, что оно служит для взвешивания блудницы. Посмотри, как еще один не без слез отходит от живописного зрелища, увидев на картине ратоборствующую мученицу, как другой называет любезным отлитое из воска изображение, как бы увидев в нем первообраз, и следующий за ними также не без слез отходит от картины, как бы лично увидев предмет ее? Посмотри, сколько благ; вникни, сколько пользы.

¹ Ямбические стихи. 18. Творения в русском переводе. Т. V. С. 147.

² О мученике Варлааме. Творения в русском переводе. Т. IV. С. 258. М., 1892.

Услышав же ответ на свой вопрос не от кого-либо из людей маловажных и ничтожных, но от самих мужей, говоривших Духом Божиим и громко оглашающих вселенную, договори, умствователь, и конец твоей речи. “Очевидно, что это — тщетная выдумка и изобретение диавольской хитрости”. Благовременно здесь громко воззвать: *Подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь* (Иер. 2, 12). Тщетной выдумкой и изобретением диавольской хитрости названы священные догматы богоносных отцов!

Но не так, о величайший из обманщиков, а наоборот, на тебя надобно направить извержения языка твоего. Итак, когда уже окончено это сплетение, я хочу внушить тебе, брат, что одни из изречений, приводимых иконоборцами, явно еретические — ибо невозможно, невозможно, чтобы ложь не примешивалась к истине, как плевелы к пшенице, другие принадлежат Святым Отцам, но превратно понимаются омраченным умом, иные же совершенно неуместны, ибо приписывают иконе Христовой то, что относится к идолам. Не должно без рассуждения одобрять их речь и даже вступать в беседу с еретиками, вопреки апостольской заповеди. Впрочем, да спасешься, сын мой; молись, чтобы и я спасся.

XXXVII. К БРАТИЯМ РАССЕЙВШИМСЯ¹

Феодор — всюду рассеявшимся братствам.

Благодать и мир вам да умножится (2 Пет. 1, 2). Справедливо обратиться к гонимым ради Христа со словами апостольскими. Благословен Бог и Отец

¹ Написано в 818 году.

Господа нашего Иисуса Христа, отверзший дверь нам, смиренным,— хотя нас и охраняют строго,— и давший нам возможность беседовать с вами, возлюбленными нашими братьями, посредством письма.

Поистине, *для слова Божия нет уз* (2 Тим. 2, 9), хотя властвующие и думают, что они связывают. Поистине, нам следует весьма радоваться, видя на нас самих, грешных, исполнение Божественных предсказаний. Так, братия, скажем с апостолом: *Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч* (Рим. 8, 35)? Ибо не о себе только он сказал это, но и о нас, дабы мы были так настроены по отношению к Богу, чтобы не огорчались среди страданий, но готовы были с радостью перенести и еще недостающие скорби (см. Кол. 1, 24).

Подлинно, неизреченная радость — страдать ради Христа и со Христом, как показали все святые, вплоть до Фаддея, нашего мученика, и любого другого исповедника, отошедшего после него или из темницы, или из какого-нибудь другого места ссылки, с благой ревностью и соответствующей гонениям деятельностью.

Да будем и мы, братья мои, такими же мучениками, в постоянной готовности быть схваченными, явиться исповедниками, подвергнуться бичеванию, потерпеть смерть. Это значит ежедневно быть мучеником, это значит ежедневно умирать, от этого происходит очищение души, удаление от страстей. приближение к Богу, отвращение от мира, представление неба и вечных благ, так же, как и скорбей.

Ибо такая готовность не дает уму времени предаваться удовольствиям и пристраститься к чему-либо, но особенно укрепляет сердце, побуждает глаза

заливаться слезами, побуждает желать исхода из тела, как будто из какой-то ненавистной темницы.

Будем же впредь наблюдать, каковы мы. И если мы таковы, то очень хорошо, а если нет, то обратимся и очистимся. Будем убегать от неукротимого дракона — дьявола, от разженных стрел печальной и смертоносной похоти. От нее рождается не удовольствие, а скорбь, не сладость, а горечь, не благополучие, а вражда, рабство, тление, беснование, искажение естественного состояния. Ибо, если она есть добро и сладость, то почему те, которыми она овладевает, тотчас делаются глупыми, скотоподобными, постыдными, раболепными, безнадежными, расслабленными, осужденными на вечную смерть? Так что она, обворожительница, будучи на самом деле не такой, какой представляется, заражает, приводя в исступление и изменяя человека подобно тому, как бывает с бесноватыми, которые не понимают, что с ними делается, пока не опомнятся.

Будем же впредь смотреть, возлюбленные, на места нашего жительства, на то, где и с кем мы общаемся. И, если там есть вред, надобно переселиться. Если приходится общаться с соблазнителем — надо удалиться, если ни с кем не общаемся — надо соединиться: ибо *горе быть одному* (Екк. 4, 10), пока нет в том необходимости.

Надобно следить и за всем прочим: пищей, питьем, сном, деятельностью,— так, чтобы все было в меру, укрепляя тело для содействия исполнению заповедей, а не раздражая его, чтобы оно восставало против души. Оно жеребец: если слишком откармливается, то бесится и низвергает всадника — ум. По себе мы измеряем и ваше состояние, ибо все люди в равной мере получили от Бога бразды правления

над собой, хотя постоянно идет война между душой и телом, противящимися друг другу.

Об этом пусть будет сказано так. Что же далее? Вера твердая, неизменная, какой я передал ее вам, и сам принял от святых, или лучше, и те и другие — от одного и того же Духа. Христос — не Христос, если не может быть изображаем. Ибо, когда говорится о Христе, то надобно понимать таинство Его воплощения. Ибо Христом не может быть названо Слово, понимаемое как чуждое телесности. А так как Слово стало плотью, то очевидно, что Оно может быть и изображаемо по плоти, соединяясь с именем Христа, и обладает свойством описуемости.

Таким образом те, которые говорят, что Он не описывается, т. е. не изображается на иконе, признают Его бесплотным. Но далеко стоят вне двора Христова (хотя бы это был апостол Петр, хотя бы апостол Павел, которые сами возвестили для нашего предостережения, или тем более кто-нибудь из апостолов или из бывших после них святых) те, кто говорят, будто Христос неописуем по телу, — так говорят нечестивые, проповедуя неправду.

Эту чистую веру будем содержать, братья, это благое исповедание будем отстаивать, ничем не увлекаясь полностью. Мыслящие не так — отступники от Христа, а защищающие это — мученики Христовы, вместе с сорока мучениками, вместе с сонмом ратоборцев, бывших от века. Как? Маккавеи, отказавшись вкушать свиного мяса, запрещенного тогда законом, сделались мучениками, а ты, страдая за то, что не отказываешься от начертанного Христа, не мученик? Иоанн Предтеча, убитый за правое обличение Ирода, сделался украшением мученикам, а

ты, умирая за Христа, не в числе мучеников? *Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления* (Еф. 5, 6).

Несомненный мученик — тот, кто исповедует, и в тем большей степени, чем более многочисленным страданиям он подвергается. Да не колеблет вас продолжительность гонения, мы еще не много лет страдаем по сравнению с прежними исповедниками, мы еще не были сжигаемы огнем, вполне достаточным для самого надежного испытания. Еще остается примесь свинца, еще остается греховная ржавчина.

Кто ты, что исследуешь глубины непостижимых судеб? *Что заповедано тебе, о том размышляй* (Сир. 3, 22). Семени Авраамову, которому Божиим благословением обещано было наследовать святую землю, Бог судил четыреста тридцать лет быть под рукой фараона в качестве рабов. Христианство, от начала апостольской проповеди до Константина, первого христианского царя, более двухсот лет терпело жестокое гонение. И впоследствии, хотя и слабее, но также много лет было гонимо, кроме гонения при Юлиане-отступнике.

Великий Павел был гоним тридцать пять лет и ежедневно умирал, а ты за пять лет теряешь мужество? Многострадальный Климент был мучим двадцать восемь лет¹, а ты ослабеваешь за короткое время? Хватит ли мне времени перечислить деяния других мучеников? Разве ты не слышал о терпении Иова? Не страдал ли он пятнадцать лет, или даже больше, от дурной язвы, не считая других бедствий,

¹ Память священномученика Климента, епископа Анкирского, 23 января (5 февраля).

постигших его, и притом не зная за собой никаких злых дел, а напротив — очень много добрых? Каково же было обращенное к нему изречение? *“Хотел бы,— сказано было,— твоего оправдания”* (Иов. 33, 32).

Так и ныне Промысл как бы просеивает нынешних людей, чтобы отбросить оставшиеся еще плевелы, чтобы осталась чистая пшеница. Не слышишь ли, что говорит Он Захарии? *Вложи их в горнило, и смотри, искушены ли таким же образом, каким Я искушен был за них* (Зах. 11, 13).

Потерпим еще, мужественные воины Христовы. *Дни, как тень проходят* (Пс. 143, 4), хотя гонители и думают, что они ждут. *Если Меня гнали,— говорит Господь,— будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня* (Ин. 15, 20, 21).

Ибо поистине они не знают, что *Бог послал Сына Своего Единородного, Который родился от Жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных* (Гал. 4, 4), чтобы Он приобрел вселенную Отцу Своему. Иначе они не отвергали бы того, что Он может быть изображаем. Ибо никто из рожденных от жены не бывает неизобразимым, если не будет каким-нибудь выродком.

Так будем готовить себя, братия, и так будем утешать себя словами Спасителя нашего Иисуса Христа, ожидая воздаяния. Вы знаете, каков Леонтий. Это — род евнухов, не только бесчестный, как сказал кто-то из богоносных мужей, но и отрекшийся от Христа, и не довольствующийся этим, но и жестоко терзающий наших братьев. Прежде ученик, ныне — иудействующий отступник. Тот, кто был в

числе первых из братьев, ныне — больше всех судей против братьев. Тот, кто называл икону не просто иконою, но святой иконою — Христа ли, Богородицы, или кого-либо из святых, — теперь сжигает их, истребляет, хулит, как неистовый зверь. Поэтому он и императору любезен, и над монастырями нашими начальствует, и все делает, несчастный, для оскорбления Христа.

Но увы мне! От меня постыдные дела его. Впрочем, он подобен родившему его по плоти, ибо и тот в прежние времена был начатком нечестия, сходного с Ермиевым¹. Оба они беснуются, а Бог не соединяет ворона с голубем, но подобное с подобным. Таковы они. Да даст им Господь познание истины, уловленным диаволом в его волю!

Вас же и тех, кого мучит отступник, да утвердит Христос, да поддержит, да укрепит еще потерпеть, алчущих, жаждущих, наготующих, бичуемых, не имеющих постоянного пристанища, труждающихся, злословимых, гонимых, хулимых, как сор для мира, как прах, всеми попираемый, по словам великого Павла (1 Кор. 4, 13), с которым да будет и ваша часть!

Братия, молитесь о нас, грешных, чтобы нам спастись, удостоившись хотя бы последней степени защищающих истину. Приветствует вас находящийся со мной брат Николай.

Да пребудет *благодать Божия со всеми вами. Аминь* (Тит. 3, 15).

¹ Еретик Ермий, от которого получили свое название ермиане, или ермогениане, жил в начале III века. Другой Ермий — IV века, был одним из вождей еретиков мессалиан.

XXXVIII. К БРАТИЯМ, РАССЕЯННЫМ ПОВСЮДУ¹

Феодор — рассеянным повсюду братствам.

Радуйтесь, желанные мои братия и отцы, ибо сообщаю вам радостные вести. Мы, недостойные, опять удостоились отстаивать благое исповедание, опять мы оба подверглись бичеванию за имя Господне. Ибо и брат Николай подвизался прекрасно и верно. Мы, смиренные, видели, как из плоти нашей текла на землю кровь, видели раны, гной и тому подобное. Не достойно ли это радости? Не достойно ли духовного веселья?

Но кто я, несчастный, чтобы мне, непотребнейшему из всех людей, стать наряду с вами, достойными исповедниками Христовыми? Причиной того, что это случилось, было прежнее катехизическое послание, получив которое, император отправил к военачальнику приказание послать к нам начальника воинского отряда. Этот прибыл с вождями и воинами поздней ночью и внезапно с криком окружил домик, в котором мы находились, словно нападая на какую-нибудь охотничью добычу, при помощи землекопов быстро разрушил ограду, потом вывел нас и допрашивал, показывая послание.

Мы признались, что действительно мы составили его, как благоугодно было Богу. Он же добивался только одного — чтобы мы согласились на волю императора. Мы сказали то, что требовала истина: “Да не будет, не отречемся от Бога нашего”, — и прочее, что следовало отвечать после того, как он был выслушан. Затем он подверг нас жестокому би-

чеванию. Брат Николай не потерпел ничего особенно тяжкого после внезапного заключения и наказания. А я, смиренный и слабый, подвергшись сильной горячке и невыносимым страданиям, едва не лишился и жизни. Впрочем, Благой Бог вскоре, милуя, помиловал меня, даруя содействие брата во всем, в чем было нужно. Раны еще и сейчас остаются, не получив совершенного исцеления.

Так это было, и я рассказал вам о страдании в уверенности, что вы желаете знать об этом по сострадательности. Что же было после? Тягчайшая угроза и строжайшее заключение. Ибо и стражам, и надзирателю под страхом бичевания приказано следить, чтобы мы даже шепотом не говорили, тем более никому бы не писали. Итак, убоимся ли мы и будем ли молчать, из страха повинуюсь людям, а не Богу? Конечно, нет. Но, пока Господь не откроет нам дверь, мы не перестанем исполнять должное, насколько возможно для нас, трепеща и боясь суда, грозящего за молчание. *Если поколеблется, — говорит Господь, — не благоволит к тому душа Моя. И еще у апостола сказано: Мы же не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере к спасению души (Евр. 10, 38—39).*

Поэтому я и посылаю свое настоящее письмо всем братиям, находящимся в рассеянии и со скорбью испытывающим гонение, особенно же к вам, исповедникам Христовым. Будем терпеть, возлюбленные мои братья, еще более укрепляясь и не теряя мужества в страданиях. Мы — плоть, не будем же щадить ее, будем радоваться, подвергаясь мучениям ради Христа. Кто изобилует подвигами, тот пусть более радуется, как имеющий преимущество в наградах. Кто боится испытать страдания от бичей, тот пусть отражает

¹ Написано в 819 году.

страх, помышляя о вечных мучениях. Ибо их удары в сравнении с этими — сон и детские стрелы.

Так прошу, умоляю: будем услаждаться скорбями ради Христа, хотя они и весьма горьки для плоти, будем взирать на будущее и постоянное, а не на настоящее и преходящее. Охотно решимся смешать кровь свою с кровью мучеников, участь нашу с участью исповедников, чтобы ликовать вместе с ними вечно. Кто благоразумен? Кто мудр? Кто хороший купец, отдающий кровь и получающий дух, презирующий плоть и получающий царство? *Любящий душу свою погубит ее, — сказал Господь, — и ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12, 25).

Вслушаемся в слова Его, последуем за Ним. *Кто Мне служит, — говорит Он, — тот слуга Мой будет* (26). А где Он? На Кресте. И мы, смиренные, как ученики Его, там же. Прошу вас не сетовать на это слово увещания, ибо кратко письмо. Знайте, что мы, грешные, радуемся, а не унываем, только вы стойте в Господе. Приветствует вас Николай, разделяющий со мной труды и борьбу, и ваш истинный брат. Приветствуйте друг друга лобзанием святым: подвижники — подвижников, гонимые — гонимых, все — любящих вас по вере. Кто не исповедует Господа нашего Иисуса Христа описуемым по плоти, да будет проклят от Троицы! *Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Аминь* (1 Фес. 5, 28).

XXXIX. К АФАНАСИЮ, СЫНУ

В настоящие дни и то благо для нас, подвигающихся за истину Божию, что мы часто слышим го-

лос друг друга посредством писем и делимся сердечными чувствами. Ибо видишь, возлюбленный брат, что письма приходят почти каждый день, соединяя нас сильнейшей любовью. Посмотри, сколько благо доставило гонение ради Христа и еще может доставить, если впоследствии мы окажемся более пылкими, не боящимися ничего человеческого, но готовыми потерпеть богоподобные страдания, в которых и сам ты подвигаешься, переводимый туда и сюда. Но благо будет тем, кто помогает тебе и участвует с тобой в твоих подвигах, их я и прежде прославлял и буду прославлять.

Перехожу к вопросу, не останавливаясь для того, чтобы опровергнуть те похвалы за дары, которыми ты превозносишь меня, чтобы не показалось, будто я сочувствую этим похвалам. Я чужд всего доброго. Итак, когда Василий Великий, свет мира, произнес приговор, то кто из имеющих ум осмелится противоречить ему? Этот же приговор находится в одном из правил, изложенных в вопросах и ответах, как ты указал. А именно на вопрос: “Надобно ли лгать, имея в виду что-нибудь полезное?” — он отвечает: “Этого не дозволяет сказанное Господом нашим Иисусом Христом, Который решительно говорит, что ложь — от диавола (Ин. 8, 44), не показывая никакого различия во лжи”.

И апостол также свидетельствует: *если кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2, 5)¹. Это — слова святого отца. Ты же говоришь, что в этой главе замечается, что речь идет о пользе лжи, а не о ее не-

¹ Вопрос 76. Творения в русском переводе. Т. V. С. 231. М., 1892.

обходимости, ибо это не одно и то же. А между тем в другой главе то же светило говорит, что за друзей должно полагать душу до смерти, будет ли друг грешником или праведником¹. И отсюда у тебя рождается сомнение: следует ли совершенно не лгать, даже в крайних случаях, приводящих к смерти брата, или полагать за него душу свою. Ибо если я не солгу, говоришь ты, то друг умрет, а солгав, я подвизаюсь незаконно и отпадаю от Бога.

Действительно, этот предмет приводит в затруднение и меня и, я думаю, многих. Впрочем, попытаюсь, как могу, при помощи Божией дать ответ твоей любви. Что полезное и необходимое, согласно этому замечанию, не тождественно, — это ясно. Ибо первое случайно. Например, мне полезно беседовать с тем-то о том-то, но, хотя бы я и не стал беседовать, у него есть другая возможность достигнуть искомой пользы. И еще: полезно, чтобы такой-то обратился, но, хотя бы я сегодня и не обратился к нему, он, может быть, обратится завтра. Таково полезное, т. е. случайное.

А необходимое — неизбежно, оно не может быть допущено в некоторых случаях. Например, если я не посвящен в Таинства, то невозможно, чтобы я, не крестившись, получил спасение. И еще, если я скажу, что могу не дышать и жить, — это ложь, ибо дышать необходимо, без этого невозможно жить.

Итак, заповеди Божии изречены неложными устами в значении необходимом и необходимо должны быть соблюдаемы, а не извращаемы так,

¹ Вопрос 176. Творения в русском переводе. Т. V. С. 272–273. М., 1892.

чтобы можно было их то соблюдать, то нет, или такому-то соблюдать, а такому-то нет, или иногда соблюдать, а иногда нет, но должны соблюдаться всегда, всяким лицом и во всякое время.

Поэтому и сказал Василий Великий: “Не показывая никакого различия во лжи”, — так что ответ касается необходимого, хотя вопрос задан как будто о случайном, ибо полезное и случайное, как я сказал, тождественно. А что будет после, спрашиваешь ты, в случае смерти брата от того, что я решился солгать? Но это, думаю, не ложь, для чего приведу какой-нибудь пример. Приходит ко мне девица, преследуемая каким-то развратником, и просит не открывать этого развратнику, если он спросит, не скрывается ли она у меня, потому что он непременно растлит ее. Итак, когда развратник приходит и спрашивает: “Не приходила ли сюда к тебе девица?” — если я говорю: “Нет”, то не лгу, так как не имею намерения сказать, будто у меня нет девицы, но хочу умолчанием выразить, что он не совершит у меня этого зла.

Еще один пример: вручает кто-нибудь мне меч, которым хочет умертвить самого себя, а потом приходит и требует его у меня. Тогда, если я скажу, что ничего не знаю и не получал его, то не солгу. Ибо я говорю: не знаю и не получал, чтобы отдать тебе меч для убийства. Иначе, если я скажу: “Да”, — то девица подвергнется растлению и вручивший мне меч умертвит себя, а это — зло. Зло же не от добра, а от лжи; ибо отец лжи — виновник зла. Напротив, девице не подвергаться растлению и отдавшему меч не умерщвлять себя — это добро. Добро же — истина, ибо Бог — одновременно благость и истина.

Итак, мы видим, что казавшееся ложью есть несомненная истина. Таким образом, я и душу положил за друга в том, что только казалось ложью, и заповедь с обеих сторон осталась ненарушенной, получив исполнение не во лжи, а в истине. Впрочем, не должно делать этого ради себя, чтобы не умереть самому, ибо это ложь. Также никогда не клянись будь то ради спасения или своего собственного или кого-то другого, ибо это явное преступление.

Так мне кажется. Так и Сарра сказала Авимелеху: *сестра я Аврааму* (Быт. 12, 13). И пророк Иеремия начальникам, вопрошавшим его: *что говорил тебе царь*, — отвечал одно вместо другого, как внушил ему царь из-за страха смерти и в то же время под страхом его собственной смерти (Иер. 38, 25–27). И в изречениях Отцов содержится подобное. Если же что-нибудь найдешь ты сам или кто-то другой, не откажись сообщить нам для познания истины и просвещения темного ума нашего. Приветствую страждущего вместе с тобой. Находящийся со мной приветствует тебя.

XL. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ¹

Ты имеешь обыкновение делать большое предисловие в письме, расточая нам, недостойным, множество похвал, которые несправедливы, но служат выражением дружеской расположенности. А я пишу кратко. Что же именно? Да здравствуешь ты в Господе, брат мой, все больше и больше воспламеняясь любовью Христовой, чтобы переносить бед-

¹ Написано в 816 году.

ствия ради Него и ничего не упускать по беспечности! Да будет у тебя и такая горячность, чтобы ты мог воспеть вместе со святым Давидом: *как лань охотно стремится к источникам вод, так душа моя стремится к Тебе, Боже* (Пс. 41, 2)!

А по-настоящему воспеть это может тот, кто имеет сердце чистое, или очищаемое, ибо “где очищение, там озарение”, как говорит Григорий Богослов¹. Как блаженна та душа, для которой терпеть ради Христа все вождедено, а всякое дело плоти является мерзостью! Молись, брат, чтобы мне обонять такое благоухание, испытав страдания. Это — первое мое слово. Второе — об Анатолии.

Как прискорбно для меня его падение! Впрочем, я одобрил твоё врачевание. Позаботься ещё о нём по братскому расположению. Третье — о предметах, предложенных тобой.

1) Если православный, обличенный в общении с еретиками, перекрестится и скажет им: “Я имею общение”, — тогда как еретики не требовали от него ничего другого, а сам он тайно имел в мыслях: “Я имею общение с православными”, — это не экономия, но измена истине. Такому назначается епитимья в половину меньше, чем тому, кто всецело вступал в общение с ересью. А какая именно, — излишне было бы повторять одно и то же дважды, так как вы уже спрашивали об этом и получали ответ.

2) Если кто-либо, по убеждению нечестивых, на их глазах выдаст пресвитера, который скрывался, исполняя православный догмат и не поминая ерети-

¹ Слово на святые светы. Творения в русском переводе. Т. III. С. 213. М., 1889.

ка, и будет от него причащаться Святых Таин, то и он, как изменник истине, должен подвергнуться епитимьи — отлучению от Святых Таин на год.

3) Если кто, поклявшись, что он не поклоняется Божественной иконе, а также не принимал православного монаха, но после клятвы, осознав свое падение, раскается и станет тайно поклоняться, то это — тяжкое падение. Он уже стал отступником от Христа, Богородицы и святых. Поэтому он должен быть отлучен от Святых Таин на три года, и это при великом снисхождении.

4) Если кто из страха замажет икону Христа или кого-либо из святых, тот должен быть отлучен от приобщения на год.

5) Если какой-нибудь священник при всех поминает еретика, а будучи приглашен кем-либо из православных в часовню, уклоняется от поминовения такового, то следует ли истинному христианину молиться в такой часовне? Ни в коем случае.

6) Может ли кто-нибудь в случае справедливо назначенной ему епитимьи принимать кого-либо в сообщество для облегчения епитимьи? В том, что касается приобщения — никогда, а относительно прочего это не запрещается. Но и в милостынях он не может сам собой что-нибудь убавить из назначенного. Ибо налагающий епитимьи, конечно, знает и человека, и время, и внешние обстоятельства, чтобы назначить облегчение.

Ограничить же это пределом, при существующих случайных правилах, невозможно, как сказал сам Василий Великий. Ибо, предоставляя епископу власть прибавлять или уменьшать епитимью, он установил правило не на основании необходимости или неизбежности, а приспособиваясь к случаю,

так что назначающий ее должен смотреть, как означает¹.

Так и я, смиренный, никого не обязывая, а по требованию или в виде совета, как я часто говорил, отвечаю на предложенные мне тобой, или кем-либо другим, вопросы. Впрочем, молись о моем смирении, помогай посильно тем, кто ратоборствует по делам студийским, сколько и где ты можешь в Господе. Брат Николай приветствует тебя.

ХЛІ. К ФЕОФИЛУ, ЕПИСКОПУ ЕФЕССКОМУ²

Священное твое письмо я получил, как богописанную книгу, а благословение принял, как возжжение любви.

Кто я, несчастный, чтобы слышать из святых твоих уст такие похвалы мне, недостойному даже развязать ремень сапога твоего? Вот свойства богоподобного смиренномудрия! Ты, блаженнейший праотец, называемый великим, величаемый и прославляемый востоком и западом, украсил престол величайшего апостола, евангелиста и Богослова достойными подвигами, которые ты совершил и совершаешь. Ты украсил жизнь кровью святой плоти своей и исповедовал Христа изображаемым, как воплотившегося, а не отверг Его, как делают нечестивые, когда не признают Его изображаемым на иконе. Ибо что не изображается, то не имеет плоти.

¹ К Амфилохию. Правило 74. Творения в русском переводе. Ч. VII. С. 103. М., 1892.

² Написано в 816 году.

Не говорю о том, что, по преданию богословов, и Ангел, будучи и бестелесным, может быть изображаем в видимых образах. А они отвергают изображения и воплотившегося Владыки, и бестелесного раба, кроме того, и Матери Божией, и всех служителей Господних. Очевидно, что они отвергают вместе с иконами и первообразы, не разумея того, что они сохраняют свою силу при принятии образа, по уничтожении или посрамлении которого, конечно, уничтожается и бесчестится и сила их. Но эти люди не хотят *научиться делать добро* (Пс. 35, 4); им хочется *идти против рожна* (Деян. 9, 5).

Тебя же да сохранит крепкая Десница во славу Своей Церкви, как столп, как опору, как поборника ее. И да узрим мы, смиренные, тебя или возвращающимся оттуда в азиатскую страну, как древние видели солнце Евангелия, возвращавшееся из заключения на Патмосе, или священноначально прославляемым на небесах *над десятью городами* (Лк. 12, 17)!

ХЛII. К ФАЛАЛЕЮ, СЫНУ

То, что ты высказал в письме, сын, я прочитал. Вот мой ответ тебе: *удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно*, заповедует святой апостол (2 Фес. 3, 6). Как же говорит Григорий алафийский, что вы безосновательно отвращаетесь от него, когда он не только *бесчинно ходит*, но и совершенно соединился с иконоборцами, подписавшись под ересь, вкушая вместе с ними пищу и питье и общаясь с ними?

Если же он скажет, что раскаялся и исполняет епитимью, то пусть докажет это письменным испо-

веданием, прокляв еретиков и ересь и ни в коем случае не вступая в общение с ними. А доколе он не сделает этого, да будет чужд для вас, боящихся Господа. Ибо он лукавствует под личиной раскаяния, увлекая вас и тайно распространяя пагубные речи, как будто от лица противников.

Поэтому и ты, как слабейший, заразившись его беседой, стал сомневаться в том и другом. Но так как ты просил разрешить эти недоумения, то прими это с благоразумием. Изречение Златоуста в похвальном слове святому Роману: “Наш Христос стенами не ограничивается”, — надо принимать не просто, но узнав, в беседе с кем он это сказал¹. Ибо в беседах должно обращать внимание и на время, и на лица, и на образ речи. На время — потому, что не одно и то же заповедано древним и находящимся под благодатью; на лица — потому, что иное свойственно еретика, а иное православному; на образ речи — потому, что не одно и то же — говорить догматически и произносить простейшую речь.

С кем же беседовал Златоуст? С православным ли, выставлявшим икону Христову? Нет, но с язычником, который наивысшей Причине всего приписывает свойства самых низших существ, по замечанию божественного Дионисия², и полагает, что она несколько не превышает его разнообразных безбожных изображений. Поэтому хорошо и совершенно справедливо сказал отец: “Наш Христос стенами

¹ Творения в русском переводе. Т. II. Кн. 2. С. 661. СПб., 1899.

² О небесной иерархии. Гл. 9. Отд. 3. В русском переводе. С. 38. М., 1898.

не ограничивается”. Здесь надобно подразумевать: по Божескому естеству не ограничивается подобно его богам, помещаемым на стенах и там заключаемым, не имеющим в себе ничего умопостигаемого, кроме того, что предстает взорам смотрящих. У них *есть глаза, но не видят; есть уши, но не слышат; есть руки, но не осязают; есть ноги, но не ходят; есть ноздри, но не обоняют*, как они обличаются пророком (Пс. 113, 13–15).

А наш Христос есть не только Человек в прямом смысле и истинно, что имеет видимый образ, так как Он стал подобным нам во всем: и телом, и душой, и возрастом, и всеми другими свойствами человеческой природы, кроме греха, но и Богом по естеству и по истине, одним и тем же — тем и другим. Например, скажу так, как говорит в одном месте сам Златоуст: “Он на земле утомляется, а горé управляет стихиями; на земле алчет, а горé наводит дожди; на земле повинуется, а горé производит громы; на земле предстоит пред судилищем, а горé созерцает все”. Поэтому он и сказал язычнику: “Наш Христос стенами не ограничивается”, — и не думал, что надобно точнее объяснить это изречение из-за свирепствующей ныне ереси.

Но ясно, что утомляющегося, алчущего, повинующегося и предстоящего перед судилищем святой Иоанн, без сомнения, представлял изображаемым в телесном виде — или красками на стене, или на картине. Объяснять же предметы настолько очевидные ему не было причины. Ибо если он видел бесплотного Ангела на иконе, как он говорит, то неужели не созерцал воплотившегося Христа изображаемым на иконе? Безумно так думать об этом святом.

Итак, если они пользуются его словами для подтверждения своего нечестивого учения, то почему отвергают его же, не допуская изображений Ангела или кого-либо из богоносных мужей, тогда как Златоуст в одном месте говорит о святом Мелетии: “Как вы поступали с его именем, так поступали и с его изображением. Многие начертывали этот святой образ и на перстнях, вместо камней, и на стаканах, и на чашах, и на стенах брачных чертогов, и везде”¹

Однако они не позволяют слушать и его. Относительно сказания о святом Панкратии: если неизвестно, кем оно написано, что из того? Почти все сказания о мучениках не имеют подписей, и, однако, они подлинные, и на них основываются учителя, составляя похвалы в честь мучеников. Святой Панкратий почитается в Сицилии, в величайшем храме, в котором, говорят, бывали и знамения. Таким образом, не принимающий сказания вместе с тем очевидно восстает и против мученика. Так об этом можно сказать в немногих словах. Ты же, сын мой, будь здоров и спасайся, и далеко отходи от Григория, чтобы он не погубил тебя, если будешь неосторожен.

XLIII. К ЗАКЛЮЧЕННОЙ

Я прочел письмо твоего благочестия. Но для чего похвала, которую ты высказала нам, чуждым всего доброго? Для чего и требование назидательного слова от нас, которые не в состоянии напоить себя

¹ Творения в русском переводе. Т. II. Кн. 2. С. 558. СПб., 1899.

самих, не то что источать потоки для других? Впрочем, так как написано: *всякому просящему у тебя дай* (Лк. 6, 30), — то прими несколько слов от нашего убожества.

У тех, которые обращаются к общественной жизни, око ума не может быть так чисто, чтобы беспрепятственно взирать на красоту славы Божией, ибо они слепотствуют от плотского пристрастия, как будто от гноя. А нам, которым должно отречься от всего и заповедано взять только крест Христов, удобно созерцать Бога, т. е. ничего иного не иметь и ни о чем не думать, кроме того, как бы угодить Господу, служить Ему чистым сердцем, отвергнув всякое плотское расположение.

Да будет же ограда вашего заключения городом Божиим, украшенным добродетелями, как золотом, запертым ключами не только по телу, но и по духу! Итак, вам надлежит удаляться от лицемерия мужчин, привязанности к родным, дружбы ко всему миру и общаться только между собой, иметь одну душу и одно сердце, по примеру верующих в начале, при апостолах.

Игуменья пусть игуменствует, как будто представляя образ Христа, сначала *делая*, а потом таким образом и *уча* (Деян. 1, 1), не опуская ничего из того, что заповедано и показывая это на деле. Подчиненная должна слушаться и покоряться, как бы исполняя послушание Самому Христу. Где есть это, там плод всех добрых дел, а где этого нет, там совершенно противоположное: отдельные сораища, споры, наущничества, самообогащение, надменность, пристрастие как одной к другой, так и ко внешним, или родственникам, или другим близким.

Таково краткое напоминание об этом. Я же, смиренный, увещаю вас иметь вместе с доброй жизнью и чистую веру, ни в коем случае не вступать в общение с христорборной ересью, которая нисколько не отличается от иудейства, отвергая спасительное домостроительство Христово через отвержение досточтимых икон и Самого Христа, и Богородицы, и всех святых. Ибо образ тождествен первообразу по чести и поклонению, как, например, сам Животворящий Крест и его изображение.

Итак, не отрицайтесь Христа вы, носящие Христа в святом одеянии, чтобы этим не погубить столько трудов, которые вы переносите, проводя девственную жизнь в заключении, и не стать, — о если бы об этом ни мыслить, ни говорить! — на противоположной стороне. Но зная, что ни жизнь без правой веры, ни вера без божественных дел не может спасти, сияйте тем и другим во славу Божию, к хвале Церкви, к достижению обетованных вечных благ, молясь и о нас, грешных, чтобы нам спастись.

XLIV. К СИМЕОНУ, СЫНУ¹

Хотя и поздно, но я получил твое письмо, сын мой, и возблагодарил Господа за твое оправдание, благоразумие и спасение, за то, что ты сохраняешь столь многих братьев от сетей еретиков, терзающих не тела, но души, впрочем, и тела тоже — ударами и смертями, которые они причиняют. Будь здоров, возлюбленный сын мой, мужайся,

¹ Написано в 818 г.

руководи братьями твоими, ободряй, показывай то, что имеет отношение к истине, побуждай к мученичеству.

Таково время, хотя и скрываетесь вы законно. Ибо подвергать самого себя искушению, — о чем желал ты знать, — значит то же, что и по собственному побуждению выдать себя убийцам. Если же святой Гордий, как и некоторые другие из мучеников самопроизвольно выходили на мучения, то этого требовали обстоятельства, так как тогда никто не осмеливался говорить прямо, и безбожие разгоралось все сильнее¹. Они чистым сердцем созерцали Бога и Им были побуждаемы. Так и великий Предтеча с опасностью для себя обличал Ирода. И теперь по благодати Божией много поборников и мучеников, но выдавать самого себя — дело незаконное.

Очень рад, что тебе сочувствуют и другие отцы, чьи имена — в книге жизни (Флп. 4, 3). Приветствую их через тебя и прошу их святых молитв в помощь для достижения спасения. О, если бы ты получил что-то хорошее и от брата Ипатия! *Братия в нуждах да будут полезны*, — заповедует Писание (Прит. 17, 17). А от нашего смирения никакой пользы, хотя ты и превозносишь нас из любви.

Так как ты желал получить и катихизическое поучение, которое я составил для всех братьев, то теперь посылаю его и к тебе. Ты же молись непрестанно о моем спасении. Кубок я получил, и пусть он будет живейшим напоминанием о тебе. Девяте-

¹ Свт. Василий Великий. Беседа на день св. мученика Гордия. Творения в русском переводе. Т. IV. С. 259—272. М., 1892.

рицу моих братьев и сыновей приветствую, усерднейше прося и их молитв. Брат Николай, заключенный со мной, приветствует тебя и всех. Благодать с вами. Аминь.

XLV. К ВАСИЛИЮ-ИГУМЕНУ¹

С удовольствием я прочел твое письмецо, святой отец, как написанное от чистого сердца. Впрочем, похвалам я не радуюсь, как чуждый сказанного. Лучше ты сам, если угодно, молись, чтобы мне приблизиться к твоему жребию и состоянию. Да будет по слову твоему, чтобы угодил Богу брат Ипатий и каждый из подвизающихся, чтобы через них и нам, смиренным, снискать благоволение Божье.

На вопрос о впадших в грехи естественные или противоестественные такой ответ: истинное покаяние узнается его по плодам. Именно отлучение от Святых Таин по правилам вместе с соблюдаемым воздержанием, доставляет отпущение грехов и безбичеваний и мученичества. Ибо пока не затворены двери для нас, как написано (Лк. 13, 25), а затворяются они смертью. И даже если в последний день жизни последует истинное покаяние, то оно спасает отворившегося от греха. Так определил Бог через богослова Иезекииля (Иез. 33, 12). Мы имеем такого Человеколюбивого Бога, Который и разбойника, — а он издавна был разбойником и дошел до крайности, — в один час водворил в обитель Свою, и мытаря также оправдал.

¹ Написано в 816 году.

Если же, как было недавно, согрешивший выдаст сам себя и примет на свой хребет удары или что-нибудь большее, то кто станет сомневаться, простится ли ему грех? Смерть при исповедании Христа делает человека в полном смысле мучеником Господним. Но, может быть, речь об епитимьи? Поэтому, если кто подвергнется мучениям, но не смерти, то налагающий епитимью должен определить, насколько можно ее облегчить из-за страданий, может быть, даже и на половину. Ибо нам определить это невозможно. Таков ответ нашего смирения. Если же следует поступать иначе, то научи, отец, и просвети нас, непосвященных. Брата моего, господина Прокопия, усерднейше приветствуй.

XLVI. АРКАДИЮ, МОНАХУ

Пишу тебе второй раз с тех пор, как ты, возлюбленный, взят иудействующими. Первого письма ты не получил. Молюсь, чтобы хоть это письмо дошло до твоих рук. Во-первых, нахожу необходимым писать тебе по общему закону любви, считая это своим долгом, ибо соединенным одним исповеданием Христовым надлежит взаимно ободрять друг друга. Кроме того, побуждаюсь непременно писать и по особой расположенности: ты знаешь, какова она была у нас с самого начала.

Благодарение Богу, почтеннейший брат мой, что в настоящую суровую зиму неверия ты явился цветом Православия, или лучше сказать, — исповедником Христовым, который будучи однажды приведен к трону властителей, не утратился. Ты исповедал доброе исповедание (1 Тим. 6, 12), был много

бичуем, изгнан, переселен в какое-то потаенное место, потом опять попал в руки мучителей — и не пал духом, не отрекся от веры. Ты был поражаем ударами, — и остался непобедимым, боясь не убивающих тело, но одного только Господа и Бога и Царя, по Его заповеди (Мф. 10, 28). *Блажен ты, и благо тебе будет* (Пс. 127, 2). Ты — благородный, и благороднее живущих на востоке солнца. А тому, что тебя причислили к ткачам, как царского раба, не удивляйся, такова участь святых. Ведь они, сами не желая того, поистине показали миру, что ты раб Царя Небесного, образец свидетельства Божия, обличитель нечестия.

Стой же, доблестный воин Христов, мужайся до конца, *переноси скорби, совершай дело благовестника* (2 Тим. 4, 5), исполняй исповедание свое, имея невидимо Бога Покровителем, Ангела-хранителя жизни твоей — окружающим тебя, ограждающим тебя, радующимся много и возносящим молитвы твои к Богу в воню благоухания, в которых поминай и нас, грешных, крепко любящих тебя.

XLVII. К ИГУМЕНУ

Узнав, что ты, желаннейший, был судим и подвергнут бичеванию ради Христа, я радуюсь и сораднуюсь тебе. Ибо это — радость и веселье, а не радость мира. Последняя не радостна, она только кажется такой, а на самом деле не такова, потому что скоротечна, непостоянна, и когда проходит, приносит смерть. Радость по Боге одна только — радость постоянная, и конец ее — вечная жизнь. Поэтому я справедливо радуюсь и сораднуюсь тебе, почтеннейший отец.

А то, что, как говорят, стократные удары, сыпались на тебя подобно дождю и жестоко истерзали тело — еще бóльшая радость. Даже не без страдания перенес я весть об этом. Впрочем, слава прославившему тебя Богу. Быть битым по хребту нечестивыми — твоя вечная слава, твое священное страдание, утверждение таких же исповедников, ободрение православных, поражение еретиков, созидание Церкви Божьей. Камни святые лежат на земле, — говорит пророк (Зах. 9, 16). Для чего это? Для распространения благочестия, для устроения Церкви. И ты — один из всех, Духом Святым связываемый и соединяемый с краеугольным Камнем. Поминай же, святейший, и нас, грешных, в своих молитвах, чтобы нам не отпасть от этого устроения, но где-нибудь поместиться хотя бы в виде кремня, благодатью и человеколюбием Благого Бога нашего.

XLVIII. К БРАТЬЯМ, ВСЮДУ РАССЕЯННЫМ

Феодор — всюду рассеянными братствам, с подвизающимися в исповедании Христовом, радоваться.

Всякую радость можно найти, братия мои, в настоящих скорбях: ибо и гонение гонимых, и заключение заключенных, прибавлю еще — и бичевание бичуемых — ради Христа. Поэтому я не перестану взывать и всем вместе, и каждому порознь внушать, напоминать, хотя я знаю, что вы тверды в вере и внутри себя имеете убеждение и внушение. Однако я, грешный, должен привнести что-то и от себя, особенно если побуждает к этому любовь. *Ревную о вас*

ревностию Божиею (2 Кор. 11, 2). Не имея у себя, чем бы похвалиться, хвалюсь вашими исповедническими добродетелями.

Вы для меня — радость и венец, опора и необоримая сила. Итак, прошу и увещаю всех оставаться непоколебимыми, со всяким благодушием и бодростью. *Всегда радуйтесь*, — говорит божественный апостол, — *непрестанно молитесь. О всем благодарите* (1 Фес. 5, 17, 18). И подлинно не радость ли это и веселие? *Если только с Ним страдаем, то с Ним и прославимся, если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем, если терпим, то с Ним и царствовать будем*, как написано (Рим. 8, 17; 2 Тим. 2, 11–12).

Какое обетование, возлюбленные! Будем терпеть, хотя бы ввергли нас в огонь, будем все переносить, хотя бы отдали нас зверям. Ибо так терпели подвизавшиеся от века мужи и жены, взирая на тамошние блага, надеждами облегчая настоящие скорби, считая мучения удовольствиями и желая умножения страданий, а не отвращаясь от них, как делают те, кто старается стяжать богатства больше сотоварищей. Это знаете и вы сами, вкусившие бессмертной сладости.

О, мир обманчивый! Как горько кажущееся тебе сладким, и смертоносно, и противно всякой радости и веселью! О, любовь Христова! У тебя и у владеющих тобой благословение, и радость, и господство! Видите, какими словами — не превосходными, но дружественными, я, ничтожный, убеждаю вас. Те, кому кажется, что Господь медлит посетить нас, пусть представляют, что *благость Божия ведет гонителей к покаянию*, а страждущих — на искушение (Рим. 2, 4). И

пусть не падают духом и не исследуют судеб Божиих.

Благоразумным рабам не свойственно говорить: “До каких пор?” Этого не говорили ни преславный Иов, ни Петр, ни Павел, много страдавшие, и никто из мучеников. Недремлющее Око знает, что нужно для тех и для других. Неужели ты не жалеешь о том, что таким образом *сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога* (Рим. 2, 5), где нет конца наказанию и невозможно перечислить невыносимые мучения в огне неугасимом?

Поэтому надобно, насколько зависит от нас, призывать вас к терпению, по крайней мере, ради погибающих и потерявших терпение. Кто торопится видеть смерть грешника, тот не может иметь мира с Богом, а хуже этого нет ничего. Ибо в душевном смятении постоянно находится ищущий того, от чего отвращается Бог, и желающий того, чего Он не хочет. Отсюда сетования, уныние, ропот и прочие плоды нечестия. Скажем же, братья: *да будет воля Твоя* (Мф. 6, 10); и еще от сердца: *был для Тебя подобен скоту, но я всегда с Тобою* (Пс. 72, 22–23).

Умиротворенная таким образом душа будет иметь дерзновение пред Богом, будет готова сто лет терпеть ради Него страдания. Он не поспешит, хотя бы мы и молились об ускорении, и не замедлит, хотя бы мы умоляли о том, но придет тогда, когда это полезно по праведному суду Бога, определившего все прежде сложения мира. Молитесь о нас, грешных, прошу вас, чтобы мы спаслись. Брат ваш и мой Николай приветствует всех. Благодать с вами. Аминь.

XLIX. К ОТЦАМ ГОНИМЫМ

Гонимым за Господа духовным святым отцам моим — Феодор, низжайший пресвитер и игумен студийский, — о Господе радоваться.

И от одного православного получить письмо в настоящее время, в эти тяжкие дни, а тем более от многих, собравшихся вместе, так же необычно, как зимой найти многолиственную розу. Это весьма приятно моему смирению, так что от самой надписи возрадовался дух мой и исповедал должное Господу, Который и в настоящее Ахавово гонение оставил Себе столь многих мужей, *которые не преклонили колен пред Ваалом* (3 Цар. 19, 18). Ибо я думаю, что оставшиеся ныне непреклонными числом равны тогдашним. И это не только отличившиеся исповеданием, но и спасшиеся здесь и там, *по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли*, говоря словами апостольскими (Евр. 11, 38). Так и вашим обществом красуется трехглавая гора, вмещающая вас, как преблаженную славу.

Итак, благодарение Богу, обогащающему вас со всеми, *призывающими имя Его* (Рим. 10, 12). Хвалю священное ваше изгнание, воспеваю ваше жителство на горе, хотя и бедственное, но богоугодное. Моисей на горе Синае беседовал с Богом. Илия на горе Хориве удостоился видеть Бога, насколько возможно. Сам Божественный Иисус восходил на гору молиться, как Человек.

Что это значит? Мне кажется, что на это можно смотреть как на знак духовного восхождения. Ибо, как гора выше подгорной равнины и долины, так и ум молящегося возносится к Богу на возвышенном месте. Видите, возлюбленные, как хорошо

ваше пребывание. Вспоминайте и о нас, грешных, живущих здесь, долу, чтобы нам соединиться с вами, парящими горé орлами Господними. Впрочем, об этом довольно, хотя желание побуждает сказать более.

Как вы дошли до такой меры смирения, что пожелали от меня, несведущего, получить ответы на предложенные вами вопросы? Вы, по благодати Божией, сами знаете должное, а если нет, то можете узнать от тех, кто имеет превосходство и в сане, и в слове, ибо, как известно, есть много мужей у которых надобно учиться. Итак, чтобы не опечалить вас, а вместе с тем и боясь послушаться, я приступаю к исполнению приказания. И, во-первых, скажу следующее: эта ересь, хотя предшественникам казалось иначе или даже теперь некоторым она кажется не худой и не очень тяжкой, мне, непросвещенному, кажется ничем иным, как отречением от Христа.

Ибо, если через образ выражается первообраз, как говорит премудрый Дионисий, и если честь, воздаваемая образу, относится к первообразу, как говорит великий Василий, а ныне икона Христова унижена, отвергнута, поправа христорборцами, то в иконе и через икону отвергается Христос, бесславится, унижается по-иудейски. Нельзя вывести другого заключения из такого зрелища. Поэтому теперь время плача и рыдания, поэтому и восстают против этого столь многие православные, не только мужи, но и жены, так как Христос отвергается и словами, и делами, чего не было и при древних ересях.

Словами,— потому что нечестивые говорят, будто не следует изображать Христа в телесном ви-

де, делами — потому что они истребляют всякую святую икону Христа, Богородицы, Ангелов, всякого святого и святой. Во всех церквах, на всяком священном приношении предают ее огню, порицают, насмеваются над великим таинством благочестия, называют мерзостью изображенного Христа с Его Матерью и служителями. Так думать, говорить и делать свойственно иудеям и язычникам. Арабы и скифы, зная стыд, не делали ничего подобного. Как же это не является отвержением домостроительства Христова?

Впрочем, обратим речь к предложенным вопросам. Некоторые пали по собственной воле, без принуждения, другие — вследствие бичевания, иные — вследствие угроз и только их одних, иные — без угроз и мучений, только из страха, иные — из опасения лишиться собственности, а некоторые — по неведению. Как должно принимать этих обращающихся? Так, чтобы они являли достойные плоды покаяния. Какие именно? Не причащение Святых Таин, при этом — слезы и усердную молитву, первые — в продолжение трех лет, вторые — двух лет, третьи, четвертые и пятые — как первые, шестые — в продолжение одного года.

Как нужно поступать с ними после исполнения этого? Кто из священного сонма не подписывался и еще не участвовал в нечестивом приобщении, тот пусть остается в клире, в котором он поставлен. А кто подписался, тот пусть будет отлучен от священнослужения до православного собора, Впрочем, причащаясь Святых Таин. Можно ли вкушать пищу вместе с другими, которые имеют общение с нечестивыми по нужде, из страха или от голода, или и без нужды, или по принуждению, а между тем призна-

ют себя православными? Отнюдь нет, разве только принадлежащим к низшим слоям народа, и притом не безразлично когда, а по какому-нибудь необходимому случаю, раз или два.

Можно ли вкушать остатки от их снедей по нужде или и без нужды, потому что на них сделан был знак Креста? Если от священника, то нельзя, а если нет, то можно вкушать по нужде. Можно ли входить в их часовню для молитвы, и можно ли совершать в ней святое приношение с собственной трапезой? Ни того, ни другого делать нельзя. Можно ли здороваться с ними, говорить и приветствовать их? Нет, как говорит великий Василий. Господь запретил приветствовать их: случайно — может быть, но с любовью и дружбой — этого надобно избегать, дабы и здесь исполнялось сказанное: *не принимайте в дом и не приветствуйте его* (2 Ин. 10).

Есть некоторые из монашествующих, которые ни словом, ни делом не участвовали в том, спасшись бегством, и потом, удалившись от нечестивых, опять возвратились. Это хорошо. Если в церкви совершалось богослужение нечестивыми и если однажды, то можно туда входить совершая в ней только молитвы, а если многократно, то нужно далеко уходить от нее.

Есть некоторые миряне и даже монахи, которые сильно ненавидят или даже оплакивают нечестие, но по причине безбожных угроз приступают к их причащению, считая его гибелью, а потом просят нас молиться о них. Следует ли причащать их Божественных Таин? Молиться можно, но не причащать, что бы они ни говорили и ни делали. Если они поставят на дорогах кресты, следует ли поклоняться?

Нет препятствий. Следует ли принимать их приношения? Нет.

Это высказали мы, как Господь внушил нам, не законодательно, — ибо мы не из иерархов, которым свойственно устанавливать правила, — но в виде совета, так как мы по достоинству равны вам и так как, за неимением иерархически обязанных устанавливать правила, мы, по вашему настоянию, приступили к этому. Вы же, святейшие отцы, простите, если что-нибудь из сказанного не нравится вам. Ведь врач должен наблюдать свойства и души, и тела, и лица, и особенности времени, и склонность, и страсть, и силу, и немощь и таким образом врачевать и давать лекарства, то уменьшая, то увеличивая их количество, чего вообще обнять в правилах невозможно, как определили и сами Святые Отцы наши.

Л. К ЛУКИАНУ, СЫНУ¹

Благой Бог наш, зная удобопреклонность человеческой природы и то, что и кажущийся ходящим прямо, немного вознерадев, не осознавая того, падает, человеколюбиво даровал покаяние, которое восстанавливает человека от падения и возвращает ему здоровье. Так как и ты, брат мой, подвергся тому, чему подвергся, и исполнил время достоюжного покаяния, с великим сокрушением и множеством слез, как я слышал, умиловляя Бога, а теперь просишь разрешения, как сообщили мне эконому и помощнику эконома, то да разрешит Господь, и да будешь ты отныне здоровым, сын мой, и радую-

¹ Написано в 816 году.

щимся во Христе, и благоуспешно ходящим в Нем, так чтобы, дав обещание Владыке, тебе уже не падать, но умереть за Него, как и Он Сам пострадал за тебя.

Прежде я, недостойный, в письме слезно взывал к тебе: *Адам, где ты* (Быт. 3, 9), — говоря эти Божественные слова потому, что ты пал из высокой жизни, как из райской. А теперь мне, уничиженному, необходимо дерзновенно сказать: “Мир тебе, встань, Христос повелевает: живи во веки!”

ЛІ. К АЛБЕНЕКЕ, ПРОТОСПАФАРИИ

Немало удивило меня письмо твоего благородия. Оно высказано таким боголюбивым сердцем и написано с таким сокрушенным и смиренным чувством, что, прочитав его дважды, я воскликнул: сколь велика и сколь высока душа, высказавшая это мне, несчастному! Когда же письмоносец объявил мне то, что ты поручила ему передать мне на словах, тогда я еще более возрадовался и прославил Благого Бога нашего, Который внушил тебе такой помысл и стремление привести его в дело.

Велико дело, которого ты пожелала, и неудобно исполнимо, и не только по причине высокого и небесного достоинства этой жизни, — ибо отречение от мира для истинного монаха не что иное, как обет креста и смерти, — но и потому, что ты соединена с мужем, с которым нельзя разлучиться, когда вздумается, потому что Бог сочетал его с тобой. Кто же может стремящуюся к высшей жизни разлучить, кроме Того, Кто сочетал?

Таким образом, по заповеди святого Василия, сначала необходимо хорошо устроить дела в отношении супруга¹.

Что же именно? Открыть помысл расположения, показать тщетность и призрачность мира, ибо нет в нем ничего постоянного, но все скоропреходяще, подобно теням, хотя бы это и было что-нибудь радостное, приятное, или счастливое, или утешительное, даже царствование. Ибо все исчезает, как цвет полевой. И не только это, но и неумолимый суд постигнет живших в настоящем веке по страстям, а не по заповедям Христовым, которые трудно исполнять, не удаляясь от общественной жизни. Говори это, увещевай, склоняй его к убеждению вместе с тобой укрепиться в намерении отречения. *Почему ты знаешь, жена,* — говорит апостол, — *не спасешь ли мужа* (1 Кор. 7, 16)? Притом это произойдет в надлежащее время.

И если он согласится, то было бы хорошо. А если нет, тогда, если любовь Божья так воспламеняет тебя, делай угодное тебе и без желания супруга. Но, как выше сказано, это дело трудноисполнимое, особенно во дни гонения, и потому, что ты не из простолюдинов, а из высших слоев и родственница царицы. Поэтому надобно удивляться, как ты, находясь в великой славе здешней жизни, отвращаешься от нее и желаешь облечься в смирение Христово. Благословен Господь, внушающий такое желание; ибо в сравнении с Божию славою почести суетной жизни — поистине мерзость.

¹ Вопрос 12. Творения в русском переводе. Т. V. С. 200—201. М., 1892.

Итак, держись своего прекрасного образа жизни. Ибо я слышу, что ты совершаешь добрые дела и, отказываясь от царских бесед, упражняешься в уединении и в добрых делах. Можно спастись и в этой жизни, и вместе с мужем, а в будущем, — как Господь поможет, так и поступай, не огорчая супруга, но лучше склоняя его к желаемому благочестивым поведением. Что касается сестры, то я сообщил ей, что пришло мне на мысль. За эконома и возлюбленного сына много благодарю тебя, что ты ласково обращалась с ним. Да обретешь ты милость у Господа.

ЛII. К МАРИИ-МОНАХИНЕ

Я прочитал почтенное письмо твое и понял благочестивую мысль твою. Ты имеешь одинаковое с твоим блаженным отцом расположение страдать ради Христа. Справедливо, чтобы родные по плоти имели и одно помышление, не разъединяясь в том, что касается веры. Итак, благодарение Богу, разлучившему вас телесно мечом евангельским, по причине страха и любви к Нему, и опять сочетавшему душевно в одном духе и помышлении.

Старайся же, госпожа, моя, удостоиться равной с ним части, встретиться с ним там и соединиться навсегда, избрав его, как он избрал тебя. Подлинно, с великой любовью он имел и великое попечение о твоём спасении, о чем и я знаю, ибо он сообщал смиренню моему, как сыну, о своих делах.

Что касается твоей внешней мирской одежды, необходимо носимой для прикрытия вследствие гонения, то в писаниях святых это дозволяется на малое время и немного, в каком-либо необходимом

случае, а навсегда — нет. Впрочем, я не знаю, что сказать. Если посоветую отвергнуть это прикрытие, то можешь сказать, что ты не в состоянии переносить мучения, ибо будешь предана мучениям. А с другой стороны, чтобы оставить это так, не имею свидетельства писаний. Итак, когда предстоят два зла, то лучше тайно быть монахом, нежели, не вынося бичеваний, вступать в общение с отступнической ересью и отречься от Христа, в Котором да будет всегда часть твоя!

ЛIII. К МОНАХИНЕ

Настоящее время таково, что заставляет нас заботиться друг о друге, по равному достоинству души и веры нашей. Ибо как будто одну церковь или собор, собрал Бог всех, защищающих истину и исповедующих ее. Поэтому как не безопасно живущим в одной обители не заботиться о соучениках своих или игумену не иметь равного попечения об учениках своих, точно так же и всем нам. Ибо, как сказано, мы — одна общежительная Церковь. Я навещаю тебя через это письмо и спрашиваю, как ты живешь в Господе, сестра духовная, пребываешь ли в добром исповедании Христовом, сохраняешь ли в целостности залог веры Духом Святым, укрепляешься ли в Боге, не страшаешься нечестивых?

Хорошо, хорошо... Укрепляйся еще более, настолько, чтобы тебе воспеть вместе со святым Давидом: *не убоимся, когда будет трястись земля и горы двинутся в средину морей* (Пс. 45, 3). Так, истинно твердый в вере бывает совершенно непоколебим в любви Христовой, от которой *ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни опасность, ни*

меч отлучить его не может (Рим. 8, 35). С таким убеждением все святые достигли совершенства, с ним да будет и твоя досточестность!

Ты не менее благородна, чем Фекла, Феврония и блаженный сонм, который окружает их. Дочь Божия, невеста Христова, как они, так и ты. И теперь мучения за то же, за что и тогда. Увещаваю: будем же терпеть не только те скорби, в которых мы находимся, но даже если нас постигнет и все вышесказанное. *Бог нелицеприятен* (Деян. 10, 34), любящий нас, той же самой любовью, какой Он любил и древних. Это говорю в немногих словах, зная, что твоя досточестность имеет утешения от себя и от других, а впрочем, и от нас, чтобы ты знала, что мы должным образом принимаем участие в твоих делах, и чтобы ты молилась об укреплении нас, грешных.

LIV. К ВАСИЛИЮ-ПАТРИЦИЮ

Делом богоподобного снисхождения твоего было не только допустить к себе нашего брата по духу и так ласково и просто беседовать с ним, о чем было угодно, но привести и госпожу, почитаемую мной патрицию, вместе с благороднейшими детьми твоими и заставить преклонить перед ним не голову, а колена. О величайшее твое смиренномудрие! О боголюбезная мудрость! О превосходная вера твоя среди грешников!

Да не лишишься ты награды за эту благосклонность! За это тебе дано все, а еще более за добродетель ты истинно, господин мой по крови и по духу, сделался любезным для всех, знающих и видящих тебя. Свидетели этих слов — твои высокие достоинства, являющиеся наградой за добродетель. Вос-

питав в ней по закону природы своих сыновей и дочерей, вместе с супругой, ты явил их настоящими образами твоего благочестия, точно узнаваемыми по отражающемуся в них твоему подобию.

Вот что я могу сказать об этом. Какое же могу я, смиренный, найти слово утешения по случаю смерти прекраснейшего сына твоего, соименного Предтече, которое хоть немного облегчило бы скорбь почтенных душ ваших? Тот же брат известил меня, какова печаль ваша, какие горячие слезы истекают из глаз, какие слышны вопли, сетования и воздыхания, так что и я, услышав обо всех доблестях этого сына, испытал почти одинаковые с вашими страдания.

О, как мы уподобились Давиду, воспевшему плачевный псалом о сыне! Если же он так сетовал о сыне преступном, мятежном и потерпевшем справедливое наказание, подобающее отцеубийце, то что надо сказать здесь? Какое предложить слово? Умер сын, находившийся в самом цветущем возрасте, благовоспитанный по поведению и по разуму, прекрасный нравом и речью, с первого взгляда привлекавший к себе любовь взирающего и, что еще важнее, чистый телом и светлый душой. Первое — по причине девственности, что достойно удивления, ибо он не увлекался, подобно безумным, но был выше страсти; а второе — по причине необщения со свирепствующей ныне ересью.

В нем дивно сочетались непорочность души и непорочность тела. Как достохвальны родители, родившие такого сына, произведшие благороднейшую отрасль не только телесно, но и духовно! Как блажен сын, подобный родителям и вместе с тем уподобившийся Христу, Который, почтив девство рождением от Девы, взял вслед за Собой вашего сына, как

сына света! Что же? Плача ли достойно это событие, или радости? Конечно, радости, хотя разлука с ним причинила вам горечь.

Он радуется ныне радостью на небесах, став выше других. Поэтому нам должно сорадоваться ему, радующемуся теперь, а не огорчать его печалью. Оканчиваю речь, изъявляя благодарность за присланный подарок и прося извинения.

LV. К ГРИГОРИЮ-МИРЯНИНУ¹

Радуйся, исповедник Христов. Справедливо я некогда назвал тебя человеком Божиим. Неложным оказалось смиренное мое слово, высоко оправдавшись на тебе. Каково заключение под стражу? Ты, как я слышу, переносишь и железные оковы, будучи связан по плоти. Тяжкое дело. Однако укрепляйся в Господе, подвизаясь свято и мученически. О брат, как ты просиял, как возвысился! Ты один из всех мирян, — имею в виду находящихся под здешнею властью, — явился исповедником Божиим пред Ангелами и людьми.

Замечаешь ли, где содержат тебя гонители? В царском дворце, как жемчужину, как царя над страстями, хотя они и не думают об этом. Не бойся, друг, не страшись угрожающих бичей, потерпи. Христос — твой Помощник, твой Защитник, как подвизающийся и бичуемый вместе с тобой. Если бы ты, будучи задержан кем-либо из подвластных, имел царя своим защитником, и он по своей воле был бы терзаем вместе с тобой, разве бы ты не радовался в страданиях, с любовью принимая это уте-

¹ Написано в 818 году.

шение, как будто страданием достигая того, чего желал: богатства, славы, первенства?

Тем более здесь надо так рассуждать. Это по необходимости и должно нам принимать с любовью, чтобы получить не здешние, призрачные и суетные, но вечные, истинные и неизреченные блага, чтобы избежать вечных мучений, которым подвергнутся отрицающие изображение Христа, от чего да избавимся мы, брат, молясь друг о друге!

LVI. К ЛЬВУ, ПАТРИЦИУ И САКЕЛЛАРИУ

Если ты сам желаешь знать о делах нашей смиренной жизни, как ты сказал по своему доброму и дружелюбному расположению, то как желаю я, смиренный, писать к высокому твоему превосходительству, чтобы осведомиться о возжеленном здоровье твоём. Я как бы созерцаю любезное лицо твое, и слышу сладчайший голос твой при свидании с тобой и снисходительной беседе с подателем письма! Ибо ты ради Бога милостиво принимаешь всех и благосклонно беседуешь с каждым.

Он же известил меня, что ты с печалью смотришь на те преступные дела, которые уже совершились по грехам нашим, въздыхаешь и скорбишь сердцем о каждом из них. И справедливо. Ибо ты — человек Божий, отличающийся священным умом, христоролюбивой душой, божественным ведением, здравым рассудком, чистым образом мыслей. И потому ты трепещешь, не имея возможности, как обычно, помочь делу и видя в такой опасности Церковь, которую приобрел Себе Господь Кровью Своей (Деян. 20, 28).

О господин, до каких бедствий мы дожили и сколько зол увидели! Это воздаяние за прежние грехи. Так как мы *не заботились иметь Бога в разуме* (Рим. 1, 28) соблюдением Его заповедей, но преступили не одну, а многие из них, и когда нас никто не видит, и перед всеми нарушая Евангелие Христово, — ты знаешь, мудрый муж, о чем я говорю, — *то наказываемся от Господа* теми бедствиями, которые мы терпим, *чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11, 32), хотя и кажется, что мы что-то значим.

Итак, *да не превозносятся собою люди* (Пс. 65, 7) нечестивые, как благочестивые, но пусть ясно знают, что Христос отвергается отвержением достойной Его иконы. Однако Он еще медлит употребить наказание, по снисхождению и милости человеколюбия и в надежде нашего покаяния, но может, наконец, и казнить нераскаянных. Молись же ты, как боголюбезный, о прекращении бедствий, но не требуй этого от нас, которые не в состоянии и за собственные грехи умиловить Бога. Впрочем, и мы молимся.

LVII. К АНАСТАСИЮ — ПРОТОСПАФАРИЮ

Прекрасна дружба во многих отношениях, и еще потому, что она обычно благодетельствует любимым в их отсутствие так же, как и тогда, когда они рядом! Такова и твоя именитая любовь и благочестивая расположенность ко мне, несчастному, издавна и до сих пор она не оставляла меня, и когда я был у тебя пред глазами, и когда находился на неизмеримом расстоянии. Ты из Сицилии благодетельство-

вал мне, находившемуся в Византии и перемещаемому из Византии туда и сюда, — так же и ныне.

Почему же ты так поступаешь с человеком грешным и недостойным твоего благородства, если не потому, что и он очень любит тебя за совершенную добродетель и благочестие твое, которые воспевают не только Сицилия или другая страна, но и сам царствующий город? Поэтому ты любезен и царям, и вельможам, и преимущества твои — от добродетели. Так, любя Бога, ты любим Им и теми, которые — Его.

Я же никому не любезен и сиротствую. Отец мой оставил меня, отойдя ко Господу, как ты и сам, конечно, знаешь. Равным образом и Калогир. Один только брат и архиепископ остался у меня. Но и он, по причине постигших нас ныне бедствий, отторгнут очень далеко. Тесно мне отовсюду. Впрочем, ради Христа это и весьма приятно, и просторно. А что сказать о буре неверия, от которой потерпел кораблекрушение весь мир нашей державы? Вот, господин, до какого нечестия мы дожили, насколько не отличающегося или мало отличающегося от иудейства, когда икона Христа, Святой Богородицы и всякого святого, отвергается, презирается, оскорбляется.

Подлинно, Сам Христос, с Матерью Своей и служителями, подвергается этому, хотя отвергающим так не кажется. Но тебя да сохранит Господь в правом образе мыслей, в безопасности от потопления, хотя бы ты и был извне окроплен еретическими волнами. Ибо тебе, вращающемуся среди них, невозможно совершенно этого избежать. И за мое смирение да даст Он тебе многократную награду здесь и в будущем веке!

LVIII. К БРАТЬЯМ СТУДИЙСКИМ¹

Радуйтесь в Господе, братья и отцы! Радуйтесь, воины Христовы! Радуйся, троица братская, богатая благодатью Святой Троицы! Вы поистине достойны таких приветствий, потому что ради Христа мужественно переносите тягчайшее заключение под стражей, мучимые злодеем Леонтием. О иудействующее отступничество! Дикий зверь, и тот насытился бы, столько лет мучениями истощая и выпивая кровь вашу, а этот неистовствующий свирепый кровопийца остается ненасытным, не чувствуя жалости и человеколюбивого сострадания к вам, агнцам Христовым, но огорчая и всячески исхитряясь вместе с сатаной поглотить вас, чтобы этот дракон мог хвалиться, чтобы вашим примером утратить и всех нас. Но нет, *верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10, 13).

Вспомните о святых, бывших от века, о том, что никто из них не угодил Богу без искушений и многих скорбей. Один был *поруган*, другой *побит камнями*, иной сожжен, другой *избит* (Евр. 11, 34–37). И достанет ли времени перечислить *такое облако свидетелей вокруг себя* (Евр. 12, 1)? И вы, братья мои, как общники и сподвижники их, радуйтесь неизреченной радостью, царствуя против ереси, против страстей.

Ты, мой Картерий, в соответствии с именем своим, тверд душой². Ты, обильнейший Аффоний,

¹ Написано в 818 году.

² Картерий — твердый, терпеливый.

обилен терпением¹. Ты, поистине Агапий, крепок божественной любовью². Мрак темницы доставит вам вечный и непреступный свет, голод — райское наслаждение, нагота — одежду бессмертия, одиночество — жизнь с Богом, нестрижение волос — боговидное благообразие, так что вы с открытым лицом будет созерцать славу Господню. Не радость ли это? Не веселье ли, которое выше всякого веселья? Может быть, мы даже должны сетовать, что у нас нога не в колодке и на нас не надеты оковы. Ибо чем больше страдания, тем больше и утешения славой Божией.

Такие увещания в немногих словах предложил я вам, возлюбленные, зная, что вы сами в себе имеете терпение. Вы же воздавайте мне и находящемуся со мной брату нашему Николаю, который приветствует вас, священными молитвами, чтобы мы спаслись.

LIX. К МОНАХИНЯМ³

Если следует мне, смиренному, что-нибудь делать, то именно увещать вас словом и ободрять убеждениями, вас, поистине Господних сестер и матерей, как сказала Сама Истина (Мф. 12, 49). Ибо вы претерпеваете ради Христа и лишение духовной матери, и разлуку друг с другом, и лишение священной обители, и содержание под стражей, и еще прежде потерпели бичевания за исповедание истины. Но что скажу я, чтобы достойно восхвалить вас?

¹ Аффоний — обильный, богатый.

² Агапий — любящий, любимый.

³ Написано в 816 году.

Целой общине одной обители в числе тридцати человек, в настоящее время, когда уклонились от истины и начальники, и подчиненные, и монахи, и монахини, отвергнув слово Господне из страха смерти, хотя и остались немногие верные, быть столь единой и принять на себя подвиг ради Христа, — это можно уподобить древним временам. Это подобно сорока святым мученикам или подражанию каким-либо другим блаженным подвижникам.

Как блаженны вы, соревнующие одна другой пламенной ревностью и вообще поощряющие друг друга на поприще исповедания! Зрелище, достойное ангельского лица, мученического сонма, благоугодное Богу, ради Которого и эти страдания! Поэтому, дочери вышнего Иерусалима, ветви истинного винограда, неложные ученицы Слова, возрадуемся богоприлично, возблагодарим Христа, укрепившего вас для перенесения прежних бедствий, потом приготовимся и к будущим.

К чему же именно? Хотя бы опять бичи, хотя бы узы, хотя бы огонь, хотя бы меч, отнюдь не станем уклоняться, но будем готовы переносить все со Христом. Ибо это будет возможно для нас, так как Он сказал: *все возможно верующему* (Мк. 9, 23). Видите ли, как это достохвально? А потом какие нас ожидают будущие воздаяния, царство небесное, радость неизреченная?

Итак, пусть ни одна не падает пред сатаной; пусть ни одна из тридцати не будет пристрастна к жизни, как ни один из тех сорока. Те — образ поддержания, а вы — образ Святой Троицы, взятый десять раз по трижды. Таково наше ничтожное увещание. Вы же, преблаженные матери, воздайте мне молитвами в напутствие ко спасению.

LX. К ДЕВСТВЕННИЦАМ

И прежде мы получали достаточно доказательств вашего благочестивого расположения к нашему смирению, а теперь особенно, так что поистине мы удивляемся, взирая на ваши дары, насколько они многочисленны и велики. И, кроме того, мы узнали от письмонольца, лично вас видевшего, как вы бережливы и как заботитесь о том, чтобы оказать милость, выразить сострадание, накормить, напоить, одеть или сделать еще что-нибудь нужное для жизни нашего ничтожества, как вы стараетесь узнать об этом и привести в исполнение.

Поэтому не справедливо ли мне, найдя духовных матерей и сестер, благодарить Бога? Не следует ли мне по долгу слагать хвалебные песни для вас, ищущих Бога всем сердцем? Радуйтесь, матери и дочери в Господе, радуйтесь, с любовью исполняющие евангельские заповеди! Радуйтесь, лилии духовного поля, находящиеся среди терний, а по образу жизни далеко отстоящие от еретического терния! Радуйтесь, составляющие прекрасную общину, держащиеся друг друга и друг через друга соединяющиеся с Богом! Сколь велико ваше единомыслие по Боге, этот дружественный союз, эта уединенная жизнь!

Радуйся ты, госпожа госпожи, мать матери, игуменья игумении, начальствующая и подчиненная! Как прекрасна твоя деятельность и заботливость, ибо ты и за послушание получишь награду, и пользуешься настоятельской независимостью! Радуйся, руководящая и подчиненная, руководящая многими, а подчиненная одной! Блаженна твоя мудрость, уп-

равляющая и управляемая, и стремящаяся к пристани спасения. Кратки эти похвалы, но в немногом стоит многое. Да воздаст вам Господь награду за нас, за эконома, за всякого другого, получающего благодеяние!

Прошу вас, сохраняйте самих себя от душепагубной ереси, общение с которой является отделением от Христа. Вместе с тем соблюдайте свою жизнь светлой, как золотая цепь, не сплетающаяся с другими, чтобы, украшаясь тем и другим, вы могли со светлыми лампадами войти в брачный чертог Господа для наслаждения вечными благами.

ЛХІ. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ¹

У тебя нашелся такой верный письмоносец, что и я, смиренный, признал устроением Благого Бога нашего послать через него письмо тебе, святой сын мой. Сама весть о том, что ты здравствуешь со всеми исповедниками и братьями твоими, не является ли радостью для нас, грешных, особенно когда ты, верховнейший, благодушествуешь и богоприлично обращаешься ко всем со словом любви и заботы? И тем, что брат Адриан благополучно добрался туда, мы получили облегчение от заботы, возблагодарив Господа, хотя относительно брата Епифания, как ты прежде объяснял, мы постоянно в заботах и готовы к искушению, предполагая вероятные притеснения.

Впрочем, как угодно Богу, так пусть и будет и совершится! *Любящим Бога все содействует ко благу*, — говорит святое Слово (Рим. 8, 28). Мо-

лись, брат, чтобы нам быть такими, хотя мы удалены от Бога по грехам своим, и тогда мы *не убоимся, что сотворит нам человек* (Пс. 118, 6). Ничего такого, за что ты воспел нас, увенчивая похвалами, не случилось с нами. Если же и было что-нибудь похвальное, то ради вас и от вас, так как мы укрепились и удостоились этого вашими молитвами. Да будет и впредь милость Господня к нам, недостойным!

Радуюсь, что ты имел сношение в Господе с патрицией, и притом для нас. Она сама уведомила меня об этом и прибавила, что еще более будет благодетельствовать. Для нас живешь ты, брат, равно как и мы для вас. Не удивляйся, что гонители Христа неистовствуют и что Христос терпит. Надлежит всему исполниться, *дабы блистательнее открылись между вами искусные* (1 Кор. 11, 19), и беззаконные наконец получат возмездие за свои дела. Я послал тебе книжку и четырнадцать тетрадей, в которых содержатся поучения и жизнеописания братьев, составленные метрическими стихами. Прочитай их сам с некоторыми из верных братьев и тщательно скрывай.

Итак, брат, я не делаю ничего, достойного внимания. Но, имея свободное время и будучи побуждаем святым отцом моим, а также внимая словам божественного Павла к святому Тимофею: *не неради о пребывающем в тебе даровании* (1 Тим. 4, 14), — я, недостойный, со страхом и трепетом делаю то, что делаю. Приветствуй брата Афанасия и помощника эконома. Если я писал, что брат Адриан прибыл, то говорил это по неведению, а после узнал, что он еще не прибыл, когда ты послал письмо. Брат Николай усерднейше приветствует тебя, уважая слова твои. Господь со духом твоим, брат и отец!

¹ Написано в 818 году.

ЛХІІ. К БРАТЬЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В РАССЕЙНИИ¹

Недавно я писал вам из восточных стран², а теперь — являюсь из фракийских. Ибо князи века сего переселили нас в Смирну и стерегут еще крепче и строже, нежели в первый раз. Но для слова Божия нет уз (2 Тим. 2, 9), и любовь не успокаивается, и заповедь не умолкает. Поэтому я, смиренный, опять говорю: радуйтесь о Господе, отцы и братия, радуйтесь, гонимые за правду (Мф. 5, 10), радуйтесь, пребывающие в горах и пещерах, а также и скрывающиеся в городах и местах потаенных!

Ибо, если нам заповедано апостолом *всегда радоваться* (1 Фес. 5, 17), то не тем ли более теперь, когда страдаем ради Христа, изображаемого на картине, являющегося в Своей иконе и через нее почитаемого? Это слова не мои, несчастного, но Дионисия премудрого и Василия Великого. Теперь не время приводить изречения и других богоносных мужей. *Слушайте, небеса, и внимай, земля* (Ис. 1, 2). Моав согрешил, т. е. Византия. Она свергла евангельское иго, сбросила ярмо, как бешеная юница (Ис. 15, 5). “Не хочу знать путей Твоих”, — сказала делом и словом (Иов. 21, 14); беснуется, неистовствует, пьет кровь, как львица, закрывает уши, как аспид, обличениям противится.

Достиг ее увещательный голос, как будто с неба, от верховного, от римского престола взывающий: “Что ты сделала? Ты отреклась от Христа,

¹ Это письмо, под заглавием “оглашение” написано в 819 году.

² См. письмо XXXVIII второй части.

отвергнув икону Христа, Богородицы, всех святых. Отверзи внимательный слух, прислушайся к словам евангельским, апостольским, пророческим, отеческим”. Но она не послушалась, не приняла этого, а оторвавшись от пятиглавого тела Церкви, — ибо еще жив и священный Никифор, — восстает против Вседержителя Бога, оскорбляя Христа, попирая святыню. Таковы ее дела, возлюбленные.

А с нами Бог, восток, запад, север и море. От этого радость, хотя бывает и плач о погибающих. Стойте же мужественно, с благодарностью принимаемая страдания ради Христа, как сокровища. Какое прекрасное время для ратоборцев, благоприятное, благоухающее подвигами более всех ароматов! Течет мученическая кровь в Церкви, и Церковь орошается больше, чем Едем, напоенный четырьмя потоками. Умножаются лики мучеников от века. Ублажаемое у древних исповедников ныне является пред глазами.

Неужели же не поспешишь на подвиг ты, слышащий это, сетующий на жизнь горную, или пустынную, или как-нибудь укрываемую? Оставайся же там, где ты находишься, ибо у тебя такое великое блаженство. Молись и прославляй блаженнейших, отражай невидимого дракона, веди внутреннюю борьбу с плотью. Пусть побеждает дух, пусть поработается тело, чтобы была свободна душа, госпожа и владычица, имея мир с Богом. Если будет так, то будет ежедневное мученичество, богоуготованные венцы.

О нас, грешных, не беспокойтесь, хотя вы и слышали, что мы опять подверглись бичеванию. Мы перенесли это по молитвам вашим с благодар-

ностью, с радостью. Не долго длилась эта беда. Только не переставайте воздевать ваши преподобные руки. Мы веруем, хотя и весьма немощны, что таким образом воздвигнем трофей против Амалика. Усердно приветствует вас брат ваш Николай. *Приветствуйте друг друга лобзанием святым* (2 Кор. 13, 12), общники — общников, малые — великих, особенно же соседних отцов. Когда у вас будет прочитано это письмо, то не откажитесь прочитать его и у них, если только оно будет достойно этого. Ибо мы все единокорны, мы все — одно тело, хотя и различные члены. Господь Иисус Христос с вами и с нами, грешными! Аминь.

ЛХІІІ. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ¹

Не насытится ухо мое слышанием слов твоих, ибо ты говоришь необходимое и действительно необходимое. Услышав то же и теперь, добрый сын мой, я, смиренный, воспел благодарственную песнь, ибо не оставил Господь до конца Церковь Свою, но показал, что она имеет в себе силу, подвигнув братьев наших с запада на обличение безумия здешних и просвещение сражающихся во мраке ереси. И, однако, эти упорные уклонились и не открыли очей сердца. Свидетельствую пред Богом и людьми: они сами себя отторгли от тела Христова, от верховного престола, на который Христос положил ключи веры, которой, по обетованию Неложного, не преодолели и не преодолели до скончания века врата адовы, т. е. уста еретиков (Мф. 16, 18).

¹ Написано в 819 году.

Итак, да радуется блаженнейший и апостольский и соответствующий своему имени Пасхалий¹, ибо он исполнил дело Петра. Да восхищается все общество православных, ибо оно своими глазами видело посещение Христово, подобно нашим древним Святым Отцам. Прочее пусть будет, как угодно Богу. Пусть мученическая кровь орошает Церковь, пусть умножается сонм исповедников. Это благоволение Божие, это радость и веселье, хотя и весьма прискорбно за погибающих.

Что могут сказать противники? Восток не на их стороне, запада они лишились, от пятиглавого церковного тела отторглись, ибо еще жив священный Никифор. Итак, они чужды Христу, следовательно, мертвы и ходят во мраке. Если же они господствуют в пустыне ереси, то это свойственно и разбойникам: они и умерщвляют, как те, проливая кровь, можно сказать, ежедневно. Об этом довольно.

Какое для меня торжество по случаю обращения Леонтия! О величайшие чудеса Божии! Как только ты, друг, не представлял этого врага Христова. А я думаю, что он поступил в этом деле подобно Киприану, когда, будучи отвергнутыми императором, присоединился к ратоборцам и подвижникам, по сказанию о приснопамятной Иустине². Дай, Господи, чтобы наконец с ним произошло то же, что и с тем!

О заключении твоём под стражею, ещё более отдаленно, я скорблю по причине твоей немощи.

¹ Папа Римский, к которому прп. Феодор писал письма XXII и XIII второй части.

² Четьи-Минеи 2 октября. Житие священномученика Киприана и мученицы Иустины.

Впрочем, мужайся и укрепляйся, исповедник Христов, как мы прежде решили. Для того, чтобы ты имел более точные сведения, прибавлю следующее: начальник темницы еще держит нас под стражей.

Почему и каким образом? Так как в необходимых случаях нужно приспособливаться к обстоятельствам, то мы, встретившись с хонийским ересе-начальником¹, — ибо мы были отведены туда сначала взявшими нас из восточных стран, — поклонились, и он поклонился, и приветствовали его. Когда же он позволил прийти к нему мне и господину Афанасию, то мы и пили вместе однажды или дважды, но не вкушали пищи вместе с ним, хотя этот змей упрашивал и льстиво уговаривал. Мы соблюдали осторожность, затем были отведены оттуда к тому дракону, у которого теперь и находимся. Тот, узнав ход дела, ни к чему нас более не принуждал, не имея возможности убедить. Впрочем, при свидании с нами он завел речь о деле, сказав: “Как ничтожен и маловажен предмет спора!”

На это мы ответили: “Напротив, весьма важен, и если тебе угодно, скажи и сам выслушай”. Впрочем, оставим теперь то, что было. О прочем долго говорить. Упомяну лишь о конце речи, из-за которого я и начал. Этот хитрец думал мало-помалу увлечь нас, не заводя речи об иконах, но посредством некоторых благодетелей, дружеской беседы, напоминания о своей власти, — ибо он поставлен над пятью областями, — и похвал императору.

Придя, он завел такую беседу и даже, чего ни разу не делал во время нашего заключения под стражей, подал питье. Я со смущением принял, выпил,

¹ Хоны, или Колоссы, — город во Фригии.

перекрестив трижды, и почувствовал страх. Спустя немного он незаметно отвел меня в сторону. Я завел речь об истине, ободрился и он. И мы сразились друг с другом словами, при этом он изрыгал из своих уст насмешки, а я кротко продолжал говорить о деле и потому, что он склонял речь к императору, и для того, чтобы нам не разойтись друг с другом неспокойно.

Когда же я высказал свое предложение, то он не нашелся, что отвечать. И я сказал: “Разве это богохульство? Разве Отец и Дух не принимали участие в том, что совершал Христос как Человек?” Он согласился и подтвердил, что это так. Затем беседа прекратилась, и мы разошлись, как после сражения. Но отходя, он сказал: “Я думал, что он совершенно ничего не знает, но я заградил ему уста”. Я знал, что он весьма невежествен в своем нечестии, и заботился только об одном, — о том, чтобы отклонить подозрение и явиться перед начальником нечестия в том виде, в каком подобает, ибо не следует *метать бисер пред свиньями* (Мф. 7, 6). В этом причина строжайшего заключения под стражей и запрещения нам с кем-нибудь видеться, хотя Бог устраивает иначе. Это сказано, хотя и мимоходом, однако по необходимости, чтобы ты усердно молился о нашем избавлении от козней нечестивого. Брат твой приветствует тебя.

LXIV. К ИСПОВЕДНИКАМ

Феодор, грешный монах, — духовным отцам моим и братьям, исповедникам и подвигающимся в темницах, чьи имена — в книге жизни (Флп. 4, 3).

Услышав, возлюбленные, о вашем мученичестве доброго исповедания ради Христа, я воспел, прославил Бога, призвавшего вас, как словесных агнцев, из отдаленной страны в столицу, чтобы пролить кровь в воню благоухания пред Ним, как свет для людей, ходящих во тьме еретического омрачения. Потом я, смиренный, сильно желал увидеть вас, подвижников, и обнять каждого, влекомый к этому пламенной любовью. Но так как это сделать телесным образом невозможно, то я переносюсь к вам посредством письма и, став среди вас, обнимаю ваши святые стопы и лобзанием святым целую ваши священные лица.

О доблестные воины Христовы, призванные как будто по небесному набору. О светлые звезды, в ночи нечестия сияющие Православием! О более драгоценные, чем золото, блистающие ярче смарагда и жемчуга! Желал бы я по достоинству увенчать вас многими именами, но не могу, ибо меня стесняют границы письма. Выражая все одним словом, скажу: ваше мученичество равно древнему мученичеству. Ибо это очевидно: человек, исповедующий, что он принимает икону Христову, исповедует Христа, так же, как и в случае отрицания происходит обратное. Чествование образа восходит к первообразу, как сказал Василий Великий, и в образе выражается первообраз, как сказал еще премудрый Дионисий.

Так как Христос есть совершенный Человек, не имеющий недостатка ни в чем, свойственном людям, то Ему свойственно быть изображаемым на иконе, подобно всякому человеку. Между тем Он же неопишем, как совершенный Бог. А если Он неопишем по Своему телесному образу, то Он и не Чело-

век, ибо первый и истинный признак того, что Он Человек, — возможность Его изображения на иконе. Не говорю о Владычице всего — Богородице и обо всех святых вообще, для которых является оскорблением отвержение их досточтимых икон.

Впрочем, разумный понимает, а оскорбляющий оскорбляет к своей гибели, противореча изречениям Писания. Власть всегда действует властно, а Божьих людей немного, хотя все — Его творения. И, наконец, на богоизбранный камень издревле и от начала нападают врата адовы, но никогда не могли и не могут преодолеть его, по обетованию Неложного (Мф. 16, 18).

Поэтому, отцы мои и братия, *стойте в вере, будьте мужественны, тверды в Господе* (1 Кор. 16, 13). Сонмы мучеников, а также и исповедников призывают вас к себе. Говорю об этом кратко, присоединяюсь к вам духом, нижайший и отсутствующий, чтобы вы знали, что есть здесь последний член ваш, гонимый за то же исповедание и просящий вас поминать его в святых молитвах, чтобы и ему идти по вашим священным стопам.

LXV. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ

Узнав от письмоносца, добрый брат, что между вами произошли распри, — один говорит: “Я поклоняюсь иконе Христа, как Самому Христу”, — а другой не допускает этого, — я принял это не без скорби, зная, что такие распри, которые сеет диавол, обычно разделяют и самую здоровую часть православных. А это доставляет радость врагам, которые нашими болезнями доказывают здоровье своего нечестия. Поэтому я признал за благо не

молчать о слышанном, но отыскать и со своей стороны некоторое средство врачевания с помощью Божией.

Сущность дела состоит в следующем. Частица как (ὡς), в Богодухновенном Писании употребляется иногда в значении подобия, а иногда в значении утверждения. В первом: *был как птица одинокая на кровле* (Пс. 101, 8); и еще: *я же — как маслина плодовая* (Пс. 51, 10). Во втором: *как (ὡς) благ Бог Израилев* (Пс. 72, 1); и еще: *как (ὡς) вождельны жилища Твои, Господи Сил* (Пс. 83, 2). Здесь речь идет не о подобии, но об утверждении. Итак, кто говорит, что он покланяется иконе Христовой так, как (т. е. подобно) Самому Христу, тот рассуждает здраво, а если говорит в прямом смысле, — то нет. Ибо образ и первообраз не одно и то же по естеству, но одно и то же по подобию. Оба они принимаются за одно и то же, но по существу совершенно различны, я говорю о художественных иконах.

Как же можно поклоняться иконе, как Самому Христу, в прямом смысле, когда в ней Христос присутствует не существенно, а относительно или по подобию? Такое суждение отступает от истины и с другой стороны. В образе выражается первообраз и в иконе почитается поклонением Христос. Слово “в иконе” означает: одно в другом, иное в ином почитается поклонением. Златоуст видел Ангела на иконе, а Корнилий — самого Ангела. Мы видим Христа на иконе, апостолы же видели Самого Христа. *Мы видели, — говорили они, — Господа* (Ин. 20, 25). Мы поклоняемся Ему в Его иконе, а они покланялись Ему Самому. *И, увидев Его, — говорится, — поклонились Ему* (Мф. 28, 17).

Итак, на иконе Христос почитается поклонением по подобию, или относительно, или по сходству — ибо то и другое сходно — а не лично. И без иконы Он почитается поклонением умственно, ибо, конечно, не всегда Он может быть созерцаем видимо в иконе.

Если же кто-нибудь скажет: следовательно, если мне можно поклоняться умственно, излишне поклоняться изображенному на иконе, такой пусть знает, что он отказывается и умственно поклоняться Христу. Ибо, если ум не будет созерцать Его в образе человеческом, сидящим одесную Бога и Отца, то он не будет и поклоняться, если только допустит, что Слово стало плотью. Верным свидетелем того, что Он уподобился человеку, является икона Его, и с принятием ее и поклонением ей принимается и почитается поклонением Христос, в случае отвержения бывает наоборот. Авгарь, приняв веру, умственно поклонялся Христу, а еще яснее поклонился Ему в нерукотворенной иконе Его, присланной от самого Христа. Таким образом в ней и по подобию, и умственно почитается поклонением Христос, теперь так, а в будущем веке лицом к лицу, когда мы будем, как говорит премудрый Дионисий, и исполняться пречистым созерцанием видимого Его Богоявления, озаряющего нас светлейшими лучами, подобно тому, как учеников при Божественном Его Преображении, и участвовать в Его духовном сиянии бесстрастным и неведущим умом¹.

Это в недостаточной или достаточной мере зависит от нас. Вас же увещаю в беседах о Боге вести рассуждения благоговейно и внимательно и

¹ Дионисия Ареопагита об именах Божиих. Гл. I.

искать истины или своими силами или при помощи других, далеко отогнав распри, равно как и исправить, если в сказанном мной окажется что-нибудь ошибочным, ибо я малоумен и грешен.

LXVI. К БРАТИЯМ СТУДИЙСКИМ¹

Теперь я посылаю письмо вам всем вместе, а не каждому порознь, не из презрения или по небрежности, нет. Как я могу презирать внутреннее мое и исповедников Христовых, за которых я готов скорее пролить свою кровь вместо чернил и отдать плоть вместо хартии и каждый день, если б было можно писать вам и говорить с вами? И не потому пишу, чтобы вы сами по себе не были утверждены, — я знаю, какая у вас крепость от Бога, и убежден в этом, — но удовлетворяя собственной любви и исполняя заповеданный долг. Причина в том, что мы заключены под стражу еще более строго, так как мы недавно переселены из восточных стран во фригийские, в Смирну, о чем вы уже и слышали, и в том, что мы давно не получали ответных писем, и еще в том, что для равных друг другу подвижников может быть достаточно одного письма.

Итак, братия мои, воспоем и ныне благодарственную песнь, ибо мы удостоились служить Богу Живому и Истинному, и не только это, но и страдать за Него, что славнее всякой славы и радостнее всякой радости. Ибо за что вы страдаете? Не за Христа ли? Вы исповедуете, что Христос стал Человеком, что Он по плоти истинно описуем, следо-

¹ Это письмо, под заглавием: “оглашение”, написано в 818 году.

вательно, может быть изображаем на иконе. И принятие этой иконы есть удостоверение в Его воплощении, а при уничтожении и отвержении ее очевидно уничтожается и отвергается и Его воочеловечение.

Так как бог века сего ослепил умы иконоборцев, чтобы для них не воссиял свет иконы Его (2 Кор. 4, 4), то они, блуждая во мраке, отрекаются от Христа, отвергая икону Его, и стараются, чтобы все ослепли вместе с ними, преследуя, терзая, заключая под стражу и, можно сказать, постоянно умерщвляя.

Но не увлекут они крепких и утвердившихся в неизменной истине. Не избежали они и обличения от верховного престола Церкви¹, как это случилось, и вы знаете.

У нас все было безопасно и твердо и прежде прибытия западных, но от этого все еще более утвердилось, дабы мы знали, что Бог печется и о нынешнем роде, как и о родах древних, и представлено явное свидетельство того, что Ему чужды отвергающие икону. Ибо, если они отторглись от верховного, то отторглись и от трех других патриархов, а следовательно, и от Христа, их Главы. Нужно плакать и сетовать о них, а нам весьма и весьма радоваться.

Будем же, возлюбленные, переносить скорби заключения под стражей и еще ожидаемые искушения: ежедневную смерть, мученичество, подвижничество, — пока не настанет время мира, которое Господь признает подоспевшим и для окончания испытаний исповедникам, и для воздаяния неверу-

¹ Римского.

ющим. Пусть день идет за днем в терпении и бодрости, рука занимается каким-нибудь делом, уста поют, тело покоряется, ум внимает самому себе, не отворяя двери страстям, чтобы заключение под стражу было просторным, благотворным, приятным, как будто в чертогах Христовых, иначе будет наоборот.

К вам обращена вера находящихся вне, мужей и жен, монахинь и монахов. И справедливо, ибо вы, по благодати Христовой, — свет Византии, или, можно сказать, всего мира. Впрочем, будем наблюдать за диаволом, примешивающим плевелы к пшенице, и веятельным решетом разума удерживать веру, а страсти отбрасывать, чтобы душевная нива не потерпела вреда. И у великого Павла были возлюбленные: Аппия (Флм. 1, 1), Персида (Рим. 16, 12), и Еводию он увещевает, и Синтихию убеждает *мыслить то же о Господе* (Флп. 4, 2), как соучастниц в трудах, подвигах и служении. И необходимо иметь их, но иметь таких, каких он имел. О Прискилле и Акиле он говорит: *которые голову свою полагали за мою душу* (Рим. 16, 4). Видишь ли горячность любви и апостольское одобрение?

Так и мы, братия мои, будем приветливо обращаться с преданными нам подобно тем, чтобы и Бог прославлялся, и мы просвещались, а не рассеивались и не смущались. Дошел до меня слух о вас троих, что вы соединились по случаю обращения бедного Леонтия, и прославил я, грешный, Бога и за его усмирение, если только он останется таким, и за ваши подвиги, ибо вы, как бы три святых отрока из огненной печи, вышли невредимыми из тяжких темниц, поразив мучителя. Но, доблестные мои, подвиги-

зайтесь еще и будьте готовы к искушениям даже до крови.

Таков закон мученичества. Да будут благословенны ободряющие вас и извне, и находящиеся рядом с вами, и внешние! Мы, несчастные, опять были бичуемы, но приняли это с благодарностью, и еще более благодушествуем. Поэтому вы не беспокойтесь о нашем смирении, но лучше радуйтесь и молитесь, чтобы мы имели силу во всем, и переносили все, причиняемое властителями, и выносили нападения невидимого врага, вместе с братом Николаем, который усерднейше приветствует вас. Поминайте воздыхания мои. Благодать с вами. Аминь.

LXVII. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ

Сверх ожидания и, однако, согласно с ним я получил письмо твое, почтенный сын. Первое — по причине строжайшего заключения под стражей по приказанию императора, а второе — по беспредельной благодати Человеколюбивого Бога, ради вас, святых, благоустраивающего дела и нас, грешных, хотя люди стараются делать притеснения нам. Что же я скажу или что подумаю, несчастный, как не следующее: *все кости моя скажут: "Господи, Господи! Кто подобен Тебе, избавляющему слабых от руки сильнейших его"* (Пс. 34, 10)? Таковы первые слова от меня, несчастного, хотя и заимствованные из Давидовой песни.

Во-вторых, когда я прочитал письмо, я избавился от недоумения, узнав, что твое содержание под стражей таково, как ты известил. Я и прежде знал, что ты заключен один. Благодушествуй, брат, и ра-

дуйся, ибо в какой мере избыточествуют страдания Христовы в тебе и мыслящих и поступающих одинаково с тобой, в такой мере будет и утешение, и награда, и слава. Как открылись бы избранные сосуды, если бы не было соблазнов по попущению от Бога, показывающего, каковы производящие их, — ибо они являются как бы плевелами, соблюдаемыми для сожжения в вечном огне, — и испытывающего терпящих искушения, которые, подобно солнцу, воссияют в царстве небесном?

Итак, не удивляйся тому, что происходит каждый день, если один взят, другой заключен под стражу, одна подверглась бичеванию, другая отправлена в ссылку, и прочее. Еще немного — и придет время воздаяния. Прочитал я присланное тобой, и, возблагодарив Бога, послал назад.

Об авве Игнатие скажу: жаль, если он погиб! Это весьма любезный человек. Хорошо ты сделал, доставив врачевство кающемуся. Данного тобой, сын мой, достаточно. Я, несчастный, молюсь о возвращении его в прежнее состояние, и я получал от него приношения. По отношению к брату Анатолию я, смиренный, испытываю сожаление, ибо и ты любишь его. Поэтому осмеливаюсь сказать: пусть будет дано ему облегчение еще на год, так, чтобы по прошествии двух лет он причастился Святых Таин.

Те из усопших братьев, которых гонения сделали совершенными сынами Света, превышающего свет, да молятся о нас! Умерших иначе, как ты известил, постигла жалкая кончина по грехам моим. Таков особенно Севериан. Впрочем, и из неустройства получается благоустройство у тех, кто заботится об этом. Пусть же происходят словесные исследова-

ния, когда придет кто-нибудь, хотя бы и из противников, чтобы от столкновения, как от трения камней, исторгался свет истины. Так и теперь ты предлагаешь следующее.

В некоторых повествованиях встречаются иконы с надписями: “Божество”, “Господство”, “Царство”. Очевидно, ты говоришь об иконе Христовой. Как же это? Такие слова употребляются, когда говорят вообще о Троице, а не об одном Ее Лице в отдельности. Хотя и каждое Лицо Божества называется Богом и Господом, но не просто Божеством или Господством. Например, говорится: *Я Бог отца твоего* (Исх. 3, 6), а не Божество. *Я есмь Сущий* (Исх. 3, 14), а не сущность. И еще: *пролил Господь дождем огонь от Господа* (Быт. 19, 24), а не Господство от Господства.

Если же так говорится о Боге, то тем более по отношению к домостроительству нашего спасения бесосновательно надписывать икону Христову: Божество или Господство. Можно написать на ней: Бог и Господь или какое-либо равносильное этому слово, но и то по сходству, а не Божество или Господство. Так, например, и о нарисованном на картине человеке можно сказать “человек”, но не “человечество” или “царь земной”, а не “царство”.

Поэтому, мне кажется, эта надпись неправильна, ибо она заключает в себе и Отца, и Духа, что нелепо. Говорю об этом кратко. Ты же молись пламеннее о нашем смирении, так же, как и о брате, который искренно приветствует тебя. Одежду я получил: доколе ты не перестанешь одевать нас, возлюбленный? Да сохранит тебя Господь в духе твоём! Остальное сообщит письмоносец. Будь всецело здоровым.

ЛХVIII. К ИРИНЕ—ПАТРИЦИИ¹

Прежде, когда было падение, мне прискорбно было писать к твоей чести, а теперь весьма приятно вследствие твоего восстания и перенесения почтенной плотию твоей бичеваний за исповедание Христова. Прекрасно, прекрасно, мужественнейшая из жен! Ты совершила восстание славнее поражения, оно доставило радость Богу, и Ангелам, и благочестивейшим из людей. Ты поистине благородна, происходя от восхода солнца, ты боголюбива и добролюбива, ты укротительница страстей и воительница против мира. Как славно имя твое и на устах у всех мученичество твое! Что же именно?

Ты приняла меч евангельский, как воительница Христова, с воодушевлением отсекала привязанности плотские, покорно разлучилась с единокровной дочерью, оставила столицу, знаменитое родство, важных друзей, великолепный дом, высокий сан, множество земных слуг, разнообразные богатства и прочее, чего я не могу перечислить, избрала крестonosную жизнь, и, как я узнал, отправлена далеко на остров.

Благословенна ты и благословен плод мученичества твоего! И отчего тебе все это благо, великая слава, величайшая почесть, как не от прежних твоих доблестей, от многих твоих обращений к Богу и молитв, от великой твоей благотворительности и благосклонного к монашествующим сердца? Не погибли эти плоды, хотя немного и были поколеблены, не разрушил враждебный змий башни твоей добродетели, хотя и уязвил.

¹ Написано в 818 году.

Отражена зависть тех, кто тебя осмеивал, прекратилось пустословие клеветников, победил Христос в тебе и через тебя, прекраснейшая женщина, преданная мученичеству, мать моя. Называю тебя так по духу, как сподвижницу и более близкую, чем родные по плоти. Так Дух может соединять рожденных от Него. Знаю труды твои, знаю душевные подвиги, знаю все, что ты перенесла, отрекшись от мира.

Но мужайся: великая награда тебе на небесах. Ты — невеста Христова, хотя и знала мужа, ты — сожительница праведных и святых, если только пребудешь в божественном исповедании до конца. Теперь же прошу и увещаю тебя терпеливо переносить ссылку и лишение всего, взирая на небесное, зная суетность и скоротечность земного.

С тобой Ангел, хранитель жизни твоей, с тобой Сам Христос, сказавший: *Я и Отец придем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Об одном напоминаю: береги себя, веди более утешительный образ жизни, ибо теперь не такое время воздержания, как прежде. И наконец, молись обо мне, грешном, чтобы моя жизнь была согласна со словами.

ЛХIX. К ЕВФИМИИ—ЗАТВОРНИЦЕ

Хотя мы и перестали часто писать к твоей чести, но не перестали поминать тебя в Господе, по причине общности настроения и особенной твоей решимости. Довольно было и того, что ты, как я знаю, с самого раннего возраста избрала крестonosную жизнь. Но ты избрала еще и затворнический образ жизни. Какая хвала тебе, невеста Христова!

Однако, духовно заботясь о тебе, я напоминаю тебе, как сестре: старайся, госпожа, старайся уго-

дять Жениху своему. Как невеста, отрекись от всякого пристрастия, с любовью обращая все сердце, и душу, и весь ум к Жениху своему. Если так бывает по отношению к жениху тленному и недолговечному, то не тем ли более должно быть по отношению к Нетленному и Бессмертному? Так, по здравому рассуждению, и мы должны быть расположены к Господу и Владыке, никогда не насыщаться любовью к Нему и для этого отречься от всякого пагубного удовольствия.

Он Сам питает любовь к нам и от этой величайшей любви как бы забывает о Себе. Ибо не для тебя ли Он, будучи Богом, принял образ раба, который ныне унижают иконоборцы? Не обнищал ли Он, будучи богатым? Не потерпел ли все скорби, оскорбления, заплевания, заушения, бичевание, Крест и смерть?

Так должна быть расположена к Нему каждая душа, потому что только ради нее, как и ради всякой, были эти страдания, должна иметь любовь, быть преданной Ему и готовой терпеть страдания. А если не получится потерпеть их, то намерение принимается как само дело, по щедротам Благого Бога. Говорю это не потому, что ты не имеешь этого в себе, но по единому сердцу с тобой в Господе.

LXX. К ФЕОФИЛУ, ЕПИСКОПУ ЕФЕССКОМУ¹

Отдав в долг письмо, я ожидал получить долг любви; но, не получив, опять охотно даю в долг. Ибо для меня весьма приятно так давать в долг, т. е.

¹ Написано в 816 году.

беседовать с твоей священной главой, страждущей ради Христа, или лучше сказать, исповеднически увенчанной и украшенной.

Подлинно, не такими глазами, какими смотрит мир, смотрит ум, созерцающий Бога и Божественное. Тот считает за благо тленное и погибающее, рассуждая худо и неправильно, а этот считает блаженством только то, что не здесь доставляет удовольствие, но соблюдается в будущем веке для бесконечного наслаждения радостью. Так я, несчастный, взирая на дела твоей святости, радуюсь и сораднуюсь тебе, возлюбленнейший. Ты презрел земную славу, ты со Христом избрал смирение и уничижение, и скорбь, и воздыхания, бичевания и ссылки.

Как блаженны дела твои! Как достохвальны страдания твои! Они прославляются востоком и западом, начертываются на небесах, радуют Ангелов, утешают исповедников и мучеников, поражают бесов и подобных им своими мыслями и действиями иконоборцев. Поэтому справедливо я сораднуюсь тебе, первый из отцов. Прошу же тебя молиться и обо мне, жалком во всех отношениях, чтобы я не уклонился от шествия по вашим следам.

LXXI. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ¹

Запоздали мы послать тебе письмо, возлюбленный сын, но это потому, что и здесь свирепое гонение, бичевания, узы, заключение под стражу, так как держащий нас в своей власти дышит гневом и угрозами, и, отыскивая благочестивых здесь и там, хватает их и подвергает мучениям. Отправляясь в город,

¹ Написано в 820 году.

где он теперь находится, он не усомнился сказать: “Я упрошу императора послать со мной царского чиновника, чтобы отсечь им голову или язык”.

Не знаю, будут ли эти слова приведены в исполнение. Между тем мы уже приготовились к этому не только по этой, но и по другим причинам: по причине злобы этого человека и потому, что собрались тамошние епископы, ибо, как говорят, они собрались для того, чтобы устроить что-нибудь подобное. Служитель, в страхе и трепете, — так как сам начальник нечестия строго угрожал ему смертью, если он провинится в чем-нибудь малом, — боялся дать нам даже бумагу и чернила. От этого и произошло промедление. Притом был препятствием и слух, будто ты выпущен из темницы, а сардийскому — не сказано определенно, кому именно, — отсечена голова. По этим причинам мы и промедлили.

Впрочем, мы, смиренные, удостоились опять говорить с тобой, извещая тебя о том, что мы здравствуем телом, — о если бы можно было сказать: и духом! — по святым молитвам вашим и блаженного отца моего. Относительно того, о чем ты намекал, что я скажу и что изреку, кроме того, что тяжести ереси соответствует и тяжесть гонения?

Подлинно, чего можно ожидать, когда отвергается Христос через унижение Его святой иконы? Не пролития ли крови и рассечения плоти? Не скорбей ли и воздыханий? Не уз ли и заключения под стражу и всяких других бедствий? Не *сосудов ли гнева, готовых к гибели* (Рим. 9, 22), один из которых — тот, о ком ты говорил? И еще более тяжкое увидишь, брат, если продолжится ересь. Но *блаженны терпящие, ибо их есть царство небесное* (Мф. 5, 10).

Уже радуются и веселятся сонмы исповедников и мучеников, одних принимая после блаженной кончины, а других невидимо ободряя своей помощью. Но что я говорю о мучениках? Сам Христос, Которого исповедуют, радуется и подвизается вместе с каждым исповедником. Ибо иначе мужественно переносящие настоящие бедствия не смогли бы их перенести. И жены не являли бы мужества подобно древним святым женам, миряне и сановники не устремлялись бы на подвиги, девы не презирали бы взглядов нечестивых мужчин. Не видно было бы повсюду народных темниц, не наполнились бы пустыни, горы, леса и пещеры обратившимися в бегство ради Господа, наконец, не колебалась бы вся поднебесная. Так крепко веруют, что Сам Христос подвергается гонению. И надобно надеяться и быть уверенным, что каждый истинно верующий перенесет всякое мучение со Христом и при помощи Христа. Таковы наши известия. *Да услышат кроткие и возвеселятся* (Пс. 33, 3).

Пусть услышат восток и запад о том, что совершается в Византии, и воздадут хвалу. *Когда умножается грех, тогда преизобилует благодать* (Рим. 5, 20). Здесь сильная борьба, здесь кровь течет, орошая Церковь Христову обильнее потоков Едемского рая. *Посему так говорит Господь: “Прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены”* (1 Цар. 2, 30). Описывай и ты, кем бы ты ни был, ревнующий о Господе, новые, или лучше, божественные мученичества, чтобы знали потомки, что Бог поистине с нами, и живет семья праведных, и содержит в себе Христа золотой род мучеников, которого не преодолели и не преодолеют *врата ада*, по обещанию Неложного (Мф. 16, 18).

Трудно тебе, — сказано, — идти против рожна (Деян. 26, 14). И иначе быть не может. Говорю это я, несчастный. Ты же, священный сын, воздавай мне молитвами. Приветствуй поименно соисповедников и соучеников твоих, и не только их, но, если встретишь, и всех прочих избранников Божьих, избранных из тысяч светильников в мире, сосудов милости, полезных Богу, творцов воли Божией, возлюбленных Троицы, молитвами которых да спасемся и мы, недостойные! Тебя и всех приветствует находящийся со мной брат.

ЛХХII. К НИКОЛАЮ, СЫНУ¹

Так как ты, брат Николай, желаешь знать, какими четырьмя доказательствами подтверждается истина относительно досточтимой иконы Христовой, то знай, что она подтверждается естественным учением, древней историей, изречениями святых, соборным определением.

Итак, первое доказательство — естественное учение. Тело по самой своей природе осязаемо и имеет цвет. А осязаемое и имеющее цвет описуемо, т. е. его возможно изобразить на иконе. Таково же и Тело Христово, как и наше, осязаемое и имеющее цвет. Ибо написано: *и которые прикасались к Нему, исцелялись* (Мф. 14, 36). И в другом месте: *вид лица Его изменился* (Лк. 9, 29). Поэтому Он изображается в телесном виде, отнюдь не теряя неопишуемости по Божеству Своему. Ибо и я, будучи изображаем телом, не делаюсь вследствие этого не-

¹ Память прп. Николая-Исповедника, игумена студийского, 4/17 февраля.

обходимо изображаемым невидимой душой, и оттого, что тело мое описуемо, а душа неопишуема, один не разделяется на два. Тем более и Христос не подвергается рассечению или разделению через Его изображение на иконе в телесном виде.

Второе доказательство — древняя история. С самого вознесения Христова вселенная представляет Его досточтимую икону, начертанную в священных храмах. Что может быть удивительнее этого для доказательства истины? Ибо дело убедительнее слова, и глаз — свидетель более достоверный, чем слух.

Третье доказательство — изречения святых. В одном месте верховный апостол Петр говорит: “Вывеси икону Господа нашего Иисуса Христа и поставь ее на башне, чтобы народы видели, какой образ принял Сын Божий”. В другом месте Василий Великий говорит: “Да будет изображен на картине и Подвигположник в борьбе, Христос”¹. С ними согласны и все святые.

Четвертое доказательство — соборное определение. На Соборе, бывшем после шестого Вселенского, определено следующее: “Повелеваем отныне вместо ветхого агнца изображать образ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа”².

Если же и иконоборцы скажут, что их учение подтверждается теми же четырьмя доказательствами, то пусть они покажут, каким образом. Например, признают ли они тело таким, каково оно в действительности, или нет? Если оно таково, то

¹ О мученике Варлааме. Творения в русском переводе. Т. IV. С. 258. М., 1892.

² Трулльского Собора правило 82.

они даже против воли должны будут исповедать, что Христос может изображаться на иконе. Иначе им, конечно, остается сказать, что тело не осязаемо и не имеет цвета. Ибо ничего среднего здесь нет, равно как и между вещественным и невестественным, видимым и невидимым. Но говорить, что Христос принял такое тело, свойственно манихеям, которые пустословили, будто спасительное домостроительство Христово было кажущимся и призрачным.

Что касается второго доказательства, то хотя бы они и умолчали об истине, камни возопиют, ибо вселенная озаряется иконой Христовой. Относительно третьего: противящиеся Петру и Василию Великому совершенно чужды двору Христову. Относительно четвертого: собор, называемый у них влахернским, собравшийся против иконы Христовой, был гораздо позднее Собора, созванного после шестого Вселенского Собора в защиту иконы Христовой. Последний принят пятью патриархами, а первый четыремья предан анафеме, как христоборный. Притом и второй никейский, как согласный с собором, бывшим после шестого Собора, принимается пятью патриархами, а созванный ныне, для утверждения собора, бывшего во Влахернах против иконы Христовой, отвергается, как и тот¹. Таково краткое изложение истины и обличение противников.

¹ Здесь идет речь о следующих соборах: Трулльском 691 года; иконоборческом, созванном при Константине Копрониме в 754 году; VII Вселенском 787 года; иконоборческом при Льве Армянине в 815 году.

LXXIII. К НАВКРАТИЮ, СЫНУ¹

Священное Писание говорит: *Глас в Раме слышен, плач, и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться* (Мф. 2, 18). А я, несчастный, изменив это изречение, мог бы справедливо сказать: радостные вести дошли до нас от твоей досточестности, которыми следует восхищаться не только городу, но, можно сказать, почти всей поднебесной. Ибо истребил Господь не Сиона, царя аморрейского, и не Ога, царя васанского, царей малых и угнетавших малую часть вселенной (Числ. гл. 21—24), а новоявленного и великого дракона, опустошавшего великую часть вселенной, змея коварного и шипевшего богохульством, мерзость запустения, сосуд гнева, сына *Тавелова* (Ис. 7, 6), порождение Ахава, подобие Юлиана, полноту нечестия, гонителя Христа, врага Богородицы, противника всех святых.

Ибо, без сомнения, он был врагом и гонителем тех, чьи досточтимые изображения он преследовал и истреблял. *Да возвеселятся небеса и да радуется земля* (Пс. 95, 11), *горы будут капать вином и холмы потекут молоком* (Иоил. 3, 18; Пс. 71, 3). Пал враг, сокрушен мучитель наш, *ибо уста говорящих неправду заградились* (Пс. 62, 12), *обузdana рука Авессалома, погиб жестокосердный фараон*. Впрочем, не время и не место мне перечислять недостойные слушания качества этого злейшего дракона.

¹ Написано в 821 году. Память исповедника Навкратия Студита — в неделю сыропустную.

Прибавлю к сказанному следующее: отступнику надлежало таким образом, как ты описал, лишиться жизни, сыну тьмы надлежало ночью встретить смерть. Опустошавшему Божественные храмы надлежало в храме Господнем увидеть обнаженные против него мечи. Разрушившему божественный Жертвенник надлежало не найти спасения, прибегнув к нему, надлежало совершиться отсечению руки, простиравшейся на святыню. Надлежало гортани, изрыгавшей безбожное, быть пронзенной мечом, надлежало получить смертельный удар плечу, поднимавшемуся на оскорбление Христа, пролиться нечестивой крови за пролитие крови праведных, быть рассеченными богопротивным членам за рассечение и терзание членов и хребтов.

Надлежало ему подвергнуться несправедливой смерти вместо смерти праведной и облечься в рубище вместо порфиры бесчестному семени. Я изображаю эту смерть, не радуясь падению нечестивого, но даже с воздыханиями и слезами, ибо *злой зло погибнет*, по изречению Неложного (Мф. 21, 41). Всякий, дерзко восстающий против Бога, получит и здесь соразмерное делам своим, не говоря уже о будущем и последнем огне, которому подвергнется всякий нечестивый и беззаконный.

Что же затем? Нужен новый Иосия, или, если угодно, какой-нибудь Иовиан, или кто-либо подобный им, который, ревнуя о Господе, поспешил бы исправить расстроенное, соединить разделившееся, возвратить Божие Богу, т. е. восстановить икону Христа, Богородицы и святых, не потому, что пала икона Христова, нет, но для того, чтобы мы, падшие нечестием, восстали. Молимся мы, грешные, о том, чтобы таким был благочестивейший и богоизбранный император.

Если будет так, то прекрасно и достохвально во веки. А если, по грехам нашим, не будет так, то и тогда мы пребудем в исповедании Христовом, не унывая по причине священного заключения под стражей ради Него, не боясь ничего и не страшась ничего иного, кроме Бога, как заповедует Сам Бог. Покажи это соисповедникам твоим и приветствуй их от нас, а также и друзей, и благочестивых людей, которые тебе известны.

Да сподобимся и мы личной беседы! Если же это не угодно Богу, то будем общаться посредством писем, брат мой, созерцающий оттуда и созерцаемый. Брат твой Николай усердно приветствует тебя.

LXXIV. К МИХАИЛУ, САМОДЕРЖАВНОМУ ИМПЕРАТОРУ¹

По справедливости, в настоящее время из уст всех гонимых с особенной силой должна возноситься хвала, во-первых, Царю всех Христу, а затем и Вашей богоизбранной державе, благодаря которой мы, связанные, получили разрешение, содержимые под стражей — отпущение, угнетенные — утешение, израненные — исцеление, осужденные — свободу, изгнанные — возвращение.

И, я думаю, справедливо полагать, что подвиг Вашего царствования будет подражанием Христу, чтобы, совершая подобное, могли и вы со Христом и за Христом сказать *узникам: "выходите", и тем, которые во тьме: "покажитесь"* (Ис. 49, 9); и: *Благословен Господь Бог Израилев, что воз-*

¹ Написано в 821 году, когда еще не было известно, что император Михаил примет сторону иконоборцев.

двиг рог спасения нам (Лк. 1, 68, 69), нового Давида, второго Иосию, царя мирного царства, который будет совершать угодное Богу, который восстановит падшее, соединит разделенное, *оживит нас*, скажу словами пророка, и *в третий день восстановит нас* (Ос. 6, 2).

Подлинно, хриstopодобный император, впавшие в ересь подверглись смертной гибели, отвергнув Христа через отвержение Его иконы, хотя и называются христианами. Ибо веровать во Христа есть не что иное, как признавать, что Сын Бога и Отца, сделавшись Совершенным Человеком, может изображаться на иконе по подобию нашему, чтобы иначе не быть Ему другим, нежели мы, в то же время оставаясь и неописанным с Отцом и Духом, поскольку Он же есть Истинный Бог.

Таким надобно представлять Посредника между Богом и людьми — имеющим от того и другого то и другое, и в обоих отношениях не имеющим никакого недостатка, как вещает весь сонм богоносных Отцов. Как принятие изображения Вашей державы есть признание Вашего царствования, и наоборот, так и в отношении ко Христу, Царю всей земли, надобно полагать то же самое, тем более, что *царству Его не будет конца* (Лк. 1, 33).

Поэтому, если со всей истиной доказано, что с отвержением иконы Христовой отвергается Сам Христос, то очевидно, что с осуждением поклонения ей осуждается поклонение Самому Христу. Поэтому во вселенной со времени апостольской проповеди, как свидетельствуют и зрение, видя исторические факты, и слух, слыша повествования, и в Божественных храмах, и на Священных сосудах всегда была и почиталась святая икона Христа, Богороди-

цы, Ангелов, — ибо и они, по повелению Божьему, изображаются в телесном виде, хотя и бестелесны, — и живших в разные времена святых.

Отпав недавно от четырех патриархов, наша Церковь напрасно поступала незаконно. Но *теперь время благоприятное*, хриstopлюбивейший владыка, *теперь — день спасения* (2 Кор. 6, 2), время примириться нам со Христом при посредстве и по благоволению твоей мирной державы, соединиться с верховной из Церквей Божиих — Римской, а через нее — с прочими тремя патриархами, чтобы единодушно, одними устами прославлять Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, с Сыном и Святым Духом, величая и ваше благочестивейшее и превозделенное царствование.

LXXV. К СТЕФАНУ—СЕКРЕТАРЮ

Ты, любезнейший, некогда приветствовал нас устами стерегущего нас, от ярости которого да избавимся мы оба! Он дышит чрезвычайным гневом и угрозами против благочестивых, связывая, заключая под стражу, терзая, опустошая церкви Божьи со всяким богохульством и наглостью, так что я не знаю, делал ли это кто-нибудь еще из известных нечестивцев.

Я же хвалю твое любомудрие, и весьма справедливо, ибо любомудрия были исполнены высказанные тобой перед императором слова, о которых ты знаешь, так же, как и прочие речи и усилия твои ради восстановления нашей падшей Церкви.

Поистине мудрому и отличающемуся благочестием мужу свойственно поступать так и для собственной пользы, и для пользы всего Тела Христова,

которое растерзал великий дракон, отступник, коварный змей, предтеча антихриста, нечистый и богохульный язык, *превозносящийся выше всего, называемого Богом или святыней* Божьей (2 Фес. 2, 4). Ассирийский ум, варварское отродие, рука, подобная Рапсаковой, проклятое Богом сердце, всецелый служитель сатаны, и не знаю, какое употребить позорное выражение, достойное этой заразы, потому что многие названия приличны такому злодею¹.

Впрочем, оставим речь об этом до другого времени. А теперь, возлюбленный, скажи мне: отчего по прошествии зимы не наступает совершенная весна, а только — как бы освежение и некоторое проявление благорастворения воздуха? Огонь погас, отчего же еще остается дым?

Встань опять, вожделенный мой, потрудись еще, член Христов. Не видите ли, как пал сжигаемый огнем нечестивец, проклинаемый и говорящими, и слушающими? “Если его погибель не вразумит нас, — говорит Златоуст, — то кто после сжалится над нами?” Неужели мы не восстанем? Неужели не пойдем, что, если бы не был отвергаем Христос через унижение святой иконы Его, то унижавший ее не погиб бы таким образом? *Услышьте это, все народы, внимайте, все живущие по Вселенной*, что случилось с греками (Пс. 48, 2).

Прежде антихриста явился антихрист, отнят у нас знак царства Христова. Ибо, если мы не видим того, что составляет изображение Его телесного вида, во главе образа Креста, но одно отвергается, а другое принимается, то разделился Христос, или лучше сказать — презрен Царь, умертвивший диа-

¹ Т. е. Льву Армянину.

вола, а копье, которым Он убил врага, эта держава Его, украсило диадему, поправшую поразившего, как врага, наравне с пораженным.

Слушайте, небеса, и внимай, земля (Ис. 1, 2). Что за безумие объяло народ Божий? *Слушайте*, восток и запад, как ослепла Византия, как оглохла, не слыша вашего обличительного голоса, не видя доказательств вашего свидетельства, но слушаясь противников Христовых, Ианния и Иамврия (см. 2 Тим. 3, 8), пагубную двоицу, которую, как я наверняка знаю, скоро поразит Троица, так что с двумя нечестивцами, уже погибшими, погибнет и эта двоица, четвероглавая колесница дьявола.

Итак, вперед, вперед, брат, еще выступай на подвиги. Говори благое досточтимому слуху благочестивого Императора нашего. Да подражает он приснопамятному Иосии, да будет он новым Давидом, или Саулом, или Аммоном, истребляя дела злейшего Льва, и таким образом умилоствляя Бога, и венцом мирного правления делая державу своего царства непобедимой!

LXXXVI. К СТЕФАНУ—МАГИСТРУ

Я знаю, господин, как следует уважать достоинства, особенно твое превосходство. Но доступность и простота твоей души дала нам смелость и прежде когда-то писать тебе, и теперь делать то же по требованию времени и в связи с тем, что мы, грешные, ради Господа выпущены из заключения под стражу — по смерти гонителя, весть о которой огласила слух всех людей, не только потому, что он умер, но и потому, что умер таким образом. Это предисловие письма.

Прежде же, чем приступить к изложению предложенного мной предмета, скажу следующее: не без слез и скорби перенес я весть о смерти доброй и приснопамятной супруги твоей, думая о том, какой удар получила почтенная твоя душа от этой разлуки. Ибо она была поистине одной из похвальных жен, как говорят посторонние. И я, смиренный, немного испытал это, а еще более — блаженный отец мой, впрочем, и сам ты, господин мой, все хорошо знаешь. Да будет память ее с праведными! Ибо я полагаю, что при прочих добродетелях она была и право-мыслящей.

А какова причина письма, это очевидно для твоей высокой власти. Тебя просит сонм гонимых, тебя умоляет слово истины. Первый — как любителя благочестия и монахов, а второе — как ее смелого любителя. И не потому, что ты до сих пор не сражался впереди всех за то и другое, — ибо мы слышали, что ты по внушению Божию и делал, и говорил, — но для того, чтобы не отказался и в будущем.

Видишь ли, господин мой, каково зло ереси? Если бы оно не было таким, то не было бы столько страждущих, столько мучений и скорбей, которые достигли крайних пределов вселенной. Видишь и смерть гонителя. Ободришься ты, которого легко ободрить; подвигнись, движимый Богом, насколько возможно, протяни руку помощи нашей Церкви, лежащей на земле. Сколько есть силы, говори благое нашему благочестивому Императору. За Христа этот подвиг твой, за Богородицу, за всех святых.

Ибо, если кто, ухватившись за изображение Императора, станет что-нибудь говорить или делать перед ним, то речь его относится не к кому иному, как к Императору. И если бы говорилось

только об одном святом, и тогда была бы тебе величайшая награда, а где Христос и подвиг за Христа, там не радость ли для тебя, не слава ли и не веселье ли предаться этому со всем усердием? Так, возлюбленный господин мой, умоляю тебя и я, несчастный.

Притом, заботясь об общем благе мы делаем благо самим себе, ибо и мы болеем вместе с другими, хотя не развращенным образом мыслей, но оскверняясь общением с еретиками. Такова наша смиренная просьба, таково напоминание. И за одно доброе слово уготованы тебе немалые награды, а тем более — за такой труд, который ты, как мы слышали, поднял. Крепкая рука Божия да сохранит тебя, поистине достоуважаемого и первого сановника в сенате!

LXXVII. К ИСПОВЕДНИКАМ

Святым исповедникам, отцам и братьям.

Ныне время воскликнуть с Давидом: *Радуйтесь, праведные, о Господе, правым подобает хвала* (Пс. 32, 1), *воспойте Ему и пойте Ему* (Пс. 104, 2), ибо услышал Господь со всеми прославленными вашу усердную молитву.

Что же случилось? Погиб нечестивый¹, сокрушен терзавший нас. Вы победили сына нечестия, низложили свирепого зверя, коварный ум. О возлюбленные, как сильна кровь ваша! Она истребила пагубного мучителя, она пролила нечистую кровь убийцы, ибо Неложный обещал услышать взывающих к Нему день и ночь, как говорит Писание.

¹ Т. е. Лев Армянин.

Познай, христоненавистник, как силен голос тех, чью плоть ты терзал. Посмотри, злоумышленник, как преуспел ты против Христа. Ты пытался *идти против рожна* (Деян. 9, 5) и низвергся с шумом. Излилась если не внутренность, то нечистая кровь твоя из трех ран, как из нападавшего на Троицу через унижение святой иконы Христовой. Иди с Иудой, единомысленный Иуде. Ступай к отцу своему Уралифию, по прозвищу Кавалл. *Сначала отведай это*, как говорит пророк (Ис. 9, 1), и еще более тяжкое — в последние времена.

О неистовство его против Христа, о ваше исповедание! Вы — христоносные мужи, питомцы благочестия, помазанные вонями бессмертия, победители врага. Вы — крепость Церкви, утверждение веры, слава вселенной. Ваша память достохвальна и передастся в будущие века. Вам подобает вечный венец, достойно сплетенный из цветов песнопений!

Что же остается? Должно прославлять Бога, благодарить благочестивого Императора за то, что он прекратил заключения под стражу и мучения, и надеяться на то, что Бог, даровавший благоприятное начало, устроит за началом такой же конец, и вознесется рог мирного Православия.

Только прошу вас усердно поминать меня в молитвах и всегда внимать самим себе, ибо, пока мы дышим, искуситель находится при нас.

Брат ваш Николай по обычаю приветствует вас.

ЛХХVIII. К НИКИТЕ—ИГУМЕНУ

Святость твоя, как я узнал, послала письмо к моему смирению, но я почему-то его не получил. Но, как будто получив, пишу к тебе свое малое

письмецо, которое принесет тебе приветствие и призыв к радости. О чем? О том, что сокрушен, или лучше сказать — растерзан терзавший нас. Явил Господь пред глазами всех, что презирающий святую Его икону — отступник от Него Самого. Ибо, как луч не отделяется от солнца, так и образ не отделим от первообраза, отличаясь от него только по естеству. Говорю о художественных иконах.

И, однако, несмотря на то, что истина воссияла, нет отрезвления, нет исправления. Кто же не вздохнет? Кто не станет оплакивать не подвизающихся, — этого никто не допустит, ибо как можно оплакивать убажваемых Богом, — но ослепших и превозносящихся в самом мраке нечестия? Так я, несчастный, думаю об этом и плачу.

Ты же, священная и любезная нашей ничтожности глава, не переставай молиться, чтобы дарован был свыше мир народу Божию, а также, чтобы и мы, недостойные, спаслись, следуя за вами, святыми.

Находящийся со мной брат приветствует тебя. Приветствую находящихся с твоей святостью братьев моих, и особенно святого Арсения.

ЛХХIX. К НИКИФОРУ, СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ¹

Я, несчастный, писал прежде к тебе, не имея в виду ответного письма, — ибо рабы не обязывают владык, — но желая выразить мое собственное благорасположение, по побуждению любви и времени, и не без нужды.

¹ Это и следующее письма написаны в 821 году. Память свт. Никифора, патриарха Цареградского, 2/15 июня.

Ты же, божественная и высшая вершина священных глав, не только удостоил прислать мне ответное письмо, руководясь подражанием Богу, но и самой надписью показал нам такую божественную высоту своего смиренномудрия, что наш жалкий ум был поражен удивлением.

О чудо! Если такой муж, столь высокого достоинства и равномерно украшенный блистательной добродетелью, как свидетельствуют сами дела, назвал себя сыном немощного, то как назовет себя униженный и ничтожный? Если светильник святости подписался грешником, то что будет отвечать грешный и ничего не значащий? Подлинно, если бы даже ничего другого не было написано в письме, одного этого было бы достаточно, чтобы изумить получившего его и явить несравненную добродетель пославшего.

Когда же мы, смиренные, прочитали все содержание священного свитка, тогда еще более были тронуты, найдя весь состав речи совершенно соответствующим заглавию. Ты знаешь, святой Божий, что высказал ты по внушению Духа, как укрепил ты наш слабый ум врачевством похвал, как утвердил нас в терпении, чтобы мы не унывали в скорбях, и прочими прекрасными внушениями Божественной мудрости.

Но благословен Бог, Который в такое смутное время нечестия даровал Церкви Своей такого поборника и кормчего, непоколебимого, непреклонного, владеющего словом жизни, озаряющего вселенную светом исповедания. А оттого, что еще не прошла зима, хотя и показалось некоторое легкое освежение, не надобно унывать, преблаженный.

Господь, даровавший малую искру мира, умилоствивляемый твоими богоприятными молитвами, си-

лен распространить и полную весну Православия, и именно тогда, когда и облако гнева совершенно изменится, и любовь боголюбивых выразится блистательнее.

Это осмелился я теперь, как щенок, пропищать доброму моему архипастырю, от которого получил и молитвенник с чрезвычайной радостью.

LXXX. К ИОАННУ—ЛОГОФЕТУ

Время открыло дверь, чтобы свободно говорить нам с добрыми людьми и друзьями. А кто из них больше твоего благочестия? Ты за это самое благочестие потерпел немало скорбей и страданий от того, который и Бога оскорблял, и мир губил нечестием, и лишился жизни соответственно своему отступничеству, — не в святом месте, хотя страшно говорить это. Ибо храм, оскверненный еретиками, не есть святой храм Божий, но, как говорит Василий Великий, обыкновенный дом, так как бывший при нем Ангел, данный каждой церкви, отступил от него за нечестие. Посему и совершаемое в нем жертвоприношение не принимается Богом.

Послушай, как Он Сам говорит: *Беззаконник, заколающий вола, — то же, что задушающий пса* (Ис. 66, 3). Если же скажешь, что нечестивец умер как бы в храме, то и это понятно. Надлежало, поистине надлежало восстававшему против храмов Божиих увидеть в храме обнаженные против него мечи, надлежало истребившему Божественный Жертвенник погибнуть при Жертвеннике, простившейся на оскорбление Христа руке — подвергнуться отсечению, двигавшейся на погибель другим голове — быть пронзенной мечом, поднимавшемся

на мучение благочестивых плечу — получить смертельную рану, бесчестившему святую икону Христа, Богородицы и всех святых — быть бесчестно изверженным из Царских чертогов.

Почему же я, господин мой, описал тебе столь плачевную смерть злодея? Потому что не только благочестивому Императору, но и всякому человеку необходимо признать, что кончина нечестивого соответствовала его нечестию. И я очень удивляюсь, отчего добрый наш владыка, зная это, не объявляет во всеуслышание о нечестии этого злодея и не дарует и себе, и подданным восстановления Православия, как Царь мирного правления по примеру Христа.

Посему я, смиренный, прошу и умоляю, чтобы ты, благочестивейший, постарался, всецело предаться восстановлению веры, в которой заключается спасение и державы, и каждого подданного, к чему ты уже, как слышно, и приступил.

ЛXXXI. К ПАНТОЛЕОНУ—ЛОГОФЕТУ

Добродетель других известна нам по слуху, а твоя, достопочтеннейший господин мой, — сначала по лицезрению, а ныне по слуху, достигшему даже того отдаленного места, в котором мы находимся.

Что же говорят? То, что твои движимые Духом уста смело изрекли премудрость Божию, слова истины, на пользу и спасение собственной души и всей нашей Церкви. Блажен ты, и благословенно имя твое, и восхвалят тебя все слышавшие о тебе благочестивые, и благодатный венец на достопочтенной твоей голове, и золотое ожерелье на священной тво-

ей шее, сын послушания, чадо света, питомец благочестия.

Так говорит Господь: *открой уста твои и Я наполню их* (Пс. 80, 11), за то, что ты послушался голоса Моего. Ибо заповедь Господа — не молчать в то время, когда в опасности вера. Говори, сказал Он, и не молчи. *И если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя* (Евр. 10, 38). *И еще: Если они умолкнут, то камни возопиют* (Лк. 19, 40). Итак, когда дело касается веры, то не следует говорить: “Кто я такой? Священник? Нет. Начальник? Нет. Воин? Какой я воин? Землевладелец? Тоже нет. Я — бедняк, зарабатывающий только дневную пищу. Меня не касается забота об этом предмете”.

Увы, камни вопиют, а ты остаешься безмолвным и беззаботным? Бесчувственная природа слушается Бога, а ты не слушаешься? Существа неодушевленные и не подлежащие отчету на Суде, как будто страшась повеления, издают голос, а ты, который должен явиться к ответу пред Богом на Страшном Суде и дать отчет даже в праздном слове, хотя бы ты и был нищим, безрассудно говоришь: “Какая мне об этом забота?” *Это, братия,* — говорит апостол Павел, — *приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано* (1 Кор. 4, 6).

Таким образом, и самый последний бедняк не будет иметь никакого оправдания в день Суда, если не станет ныне говорить, как тот, кого ожидает суд и за это одно, а тем более — всякий из отмеченных высоким саном, вплоть до самого облеченного диадемой, которому предстоит суд неумолимый. Ибо *сильные сильно будут истязаны,* — говорит Писа-

ние. И еще: *строг суд над начальствующими* (Прем. 6, 5—6).

Говори же, господин мой, говори. Поэтому и я, несчастный, говорю, боясь Суда. Взывай в слух вдохновляемого Богом благочестивого Императора нашего, так как ты из числа сановников.

Нет ни одной ереси из зарождавшихся в Церкви хуже этой иконоборческой ереси. Она отвергает Христа, ударяет Его в лицо, неистовствуя делом и словом. С одной стороны, она безумно утверждает, что Христос не должен быть изображаем в телесном виде, а это значит отвергать то, что Слово стало плотью. Ибо, если Оно стало плотью, то, конечно, может быть и изображаемо, иначе евангельское сказание — призрак, как думают манихеи. С другой стороны, эта ересь выскабливает, ломает, разрушает, сжигает каждый божественный храм, каждое священное приношение, на котором есть изображение Христа, Богородицы, кого-либо из святых.

Мы, христиане, погибаем. *Предстанем же пред лицом Христа с славословием* (Пс. 94, 2), обнимем Христа, от Которого отрекаемся через отвержение Его святой иконы.

ЛXXXII. К ДИМОХАРИ, ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЛОГОФЕТУ

Обходительность добрых людей и незнакомым дает смелость приходить к ним, а тем более — знакомым и испытанным их радушие. Полагаясь на это, и мы, смиренные, посылаем письмо твоему высокому и благочестивейшему превосходительству, приветствуя тебя как надлежит. Ибо ты — добрый

побег отличного корня, священный плод здоровой мудрости, вожделенное украшение тщательного воспитания и потому любим Царями и прославляем всеми.

Поэтому, переходя от власти к власти, ты и достиг высочайшего достоинства среди сановников. Прекрасно и совершенно справедливо, а то, что ты любим и нами, униженными, за ту же добродетель, нисколько не удивительно, по причине нашего ничтожества.

Впрочем, обстоятельства времени заставляют нас, униженных, обратиться к тебе с увещанием о том, чтобы ты протянул руку помощи нашей Церкви, падшей из-за нечестия. Это ты, как мы слышали, уже и делал и мы, грешные, молились о тебе, и благословляли тебя от искреннего сердца, так как ты праведным обличением обличил начальника нечестия Иоанна, сказав то, что следовало слышать этому нечестивцу, что известно и нам, и, думаю, многим другим.

Ибо нет ничего тайного, что не было бы узнано, как говорит Писание (Мф. 10, 26). Притом вожди нечестия весьма справедливо обличаются как виновные в таких действиях. Итак, господин мой, не переставай совершать добрый свой подвиг, но окажи помощь соответственно величайшему твоему достоинству, как призванный на это Богом по требованию времени.

Ибо тогда ты будешь еще более прославлен и Богом, с благоволением принимающим это, и Императором, явившим начало благочестия, и всеми, возвещающими правое слово истины. Притом и самому себе ты доставишь этим целительное врачевство от заразы еретического общества.

ЛХХХІІІ. К ИСПОВЕДНИКАМ

Святым отцам моим и исповедникам Христовым, Иоанну, Михаилу и Василию.

И ныне я признал за благо написать письмо отцам моим, и написать всем вместе, как достойным одинаковой добродетели и одинакового образа мыслей, или лучше сказать, — исповедания Христова.

Поскольку по благоволению Благого Бога нашего, покровительством доброго Императора и мы, грешные, освобождены из заключения под стражу, то, как некоторый дар, приношу вам это письмо, радуясь и сорадуясь вашему преподобию и, так сказать, победе о Христе.

Подлинно вы, дивные, победили лукавого и внутренне — борьбой с помыслами, и внешне — божественным терпением, не преклонив колена перед служителем его, драконом. Ибо его помощником, без сомнения, был Лев, злейший слуга его, оскорбитель иконы Христовой и убийца святых.

Оба они, сговорившись друг с другом, заключили между собой договор — истребить имя Христово посредством уничтожения божественного и почитаемого поклонением Его образа. Ибо еще не пришло время второго Божественного Пришествия, чтобы совершенно открыто отвергать Христа.

Но благословен Бог, Который и гонителя поразил смертью жестокой и достойной его отступничества, — ибо надлежало рассекшему Тело Христово, лишиться жизни, будучи рассеченным мечом, — и вас сделать венценосцами и сохранить во славу Своей Церкви, наставников добродетели, утверждение веры, опору истины, примеры мужества, истинных

учителей, истинных монахов, образы блаженных и древних святых, которые, оказавшись мужественными в подобных обстоятельствах, украсились нетленным венцом правды и ликуют вечно.

Таковы вы, и хвала ваша выше моего ничтожного языка, воспевающего лишь столько, сколько нужно, чтобы исполнить требование времени, и удовлетворить свое желание, и воспламенить дух к непрестанному молению Бога, чтобы Он даровал нам совершенное благо мира. Ибо видите, почтенные, как дела еще колеблются. Но Он силен явить за началом и счастливый конец. Не откажитесь, приснопочитаемые, молиться о нашем смирении.

ЛХХХІV. К ФЕОДОРУ—МОНАХУ

Я просил твое благочестие, чтобы ты, оставив похвалы мне, более молился, чтобы мне как-нибудь не уклониться от Бога, а ты, не знаю, по какому побуждению, высказал еще больше похвальных слов. Не так, отец, не так.

Разве ты не знаешь, что я, несчастный, самый грешный из всех людей? Я даже не знаю, как я, по милости Божией, удостоился продолжать жизнь под Его покровом. Поэтому боюсь, что Он, возрев, на совершающемся исповедническом браке увидит меня не одетым в брачную одежду, т. е. одежду чистоты, и скажет служащим Ангелам: *Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю, как недостойно вторгшегося в число исповедников Моих (Мф. 22, 13).*

Итак, зная это, лучше оплакивай меня, отец, и молись о том, чтобы этого со мной не случилось. Впрочем, об этом довольно. Относительно слов,

сказанных Василием Великим в предложенных суждениях об иконе, мне кажется, что святой не выразился так или иначе, но это ошибка переписки. Впрочем, они выражают один и тот же смысл, а именно: “чувствование образа переходит к первообразу”¹. Это справедливо по отношению и к естественному образу, и к художественному, ибо “восхождение” означает не что иное, как то, что одинаковая честь принадлежит и первообразу, и художественным образам с различием по существу, а естественным — одинаковая и по существу.

Так Сама Истина сказала: *Отвергающийся вас Меня отвергается; а отвергающийся Меня отвергается Пославшего Меня* (Лк. 10, 16). Естественный образ Бога и Отца есть Сын, а художественный, т. е. творческий, образ Сына, так же, как и Отца, — мы, ибо Бог называется Творцом и Художником всего.

А у святого Василия подразумеваются художественные изображения, написанные на досках. И в этом отношении надобно понимать как одно и то же и нас, созданных по образу Божьему, и образ, искусственно сделанный нами на доске. И наше изображение по подобию имеет гораздо большее сходство с нами, равно как и Христово — с Ним, чем наш образ — с Богом; потому что расстояние между Богом и людьми беспредельно. Ибо Он не создан, непостижим, неопишум и т. п., а люди — тварь, тело, опишумы и т. п.

Человек и изображение человека — оба творения, хотя у того и другого творения есть различие по существу.

¹ К Амфилохию о Святом Духе. Гл. 18.

Нехорошо твое предложение, ибо оно показало нам на основании того же самого Божественного изречения, что с отвержением иконы отвергается Сам Христос, а с отвержением Самого Христа отвергается Отец, пославший Его. И иконоборцы оказываются не только отступниками от Христа, но и втройне отступниками.

Что же касается слова “переходить”, то “перехождение” ведет к тому же, что и “восхождение”. Господь сказал: *Восхожу к Отцу Моему* (Ин. 20, 17), и Моисей: *дай перейти, и увидеть* (Втор. 3, 25). В обоих случаях указано на движение одного вида: не кругообразное и не извилистое, если и различающееся по направлению, но не по свойству.

Говорят, есть семь родов движения. Восхождение, если выразить его знаком, имеет такой вид: /, а переходение такой: —. Поэтому у них, как сказано, одинаковый вид, ибо, философски говоря, знак их — черта. Какое отношение имеет верхнее к нижнему, такое же — и правое к левому, так что восхождение и переходение ведут к одному и тому же. Если эти слова удовлетворительны, то благодарение Богу и Слову, а если нет, то ты, добрейший, научи меня, несведущего.

LXXXV. К АФАНАСИЮ, СЫНУ

“Почему, — говоришь ты, — богопочитание воздается не иконе Христовой, а поклоняемому на ней Христу, тогда как одно поклонение воздается обоим?” Именно потому, что богопочитательное поклонение относится к Самому Христу, ибо поклоняющийся Ему одновременно поклоняется От-

цу и Святому Духу, в чем и состоит наше Троицкое поклонение и богочитание. И по отношению к иконе это также поклонение, — ибо может ли быть иначе, когда Тем, у Кого одна держава и одна слава, конечно, принадлежит одно почтение и одно поклонение? — однако относительное, т. е. сходное.

Ибо, поклоняясь иконе, я не поклоняюсь всей Троице вместе, но поклоняюсь Христу как не разделяемому по Ипостаси, но различаемому по существу Слову. А это относительное поклонение, но не богочитательное. И хотя это также поклонение, но там оно понимается и называется так в смысле Троицкого, т. е. естественного, а здесь, наоборот, — в смысле относительного, т. е. ипостасного.

Ибо если назовешь и это поклонение богочитательным, то это будет означать, что воплотился как Сын, так и Отец, и Дух, а это нелепо.

Поэтому, поклоняясь иконе Христовой, я поклоняюсь не Божеству, как говорят некоторые, — ибо это указывает на Троицу, а Троица не воплотилась, нет, — но Кому? Христу. Ибо Он один есть воплотившийся Бог-Слово. Поклоняясь же Самому Христу, я, как очевидно, поклоняюсь одновременно и Отцу, и Духу.

Таким образом, в отношении к иконе надо понимать относительное поклонение, а в отношении к Самому Христу — богочитательное, так как вместе с тем подразумевается и почитается поклонением Отец и Дух.

LXXXVI. К МИХАИЛУ, ИМПЕРАТОРУ¹

Письмо от лица всех игуменов.

Мы, собравшиеся вместе по приказанию Вашей благочестивой царской власти, нижайшие епископы и игумены, во-первых, изрекаем перед богоизбранной державой Вашей слово благодарности и хвалы за то, что возвращены мы, изгнанные, помилованы бедствовавшие, получили отраду угнетенные, перешли от зимы к весне, от смятения — к тишине, от уныния — к благодущию, увидев нечто дивное и необычайное.

Ибо таково Ваше справедливое царствование, радостное, благоприятное, превозделенное, мирное, правдолюбивое, достойное многих других названий.

Оно, по примеру Христа, Истинного Бога нашего, соединяет разделенное, оздоравливает болезненное, веселит печальное. Это какое-то особенное царствование, равное древним ублажаемым, которое языку человеческому нелегко превознести похвалами.

Если так, то мы, недостойные, просим и умоляем удостоиться священного Вашего лицезрения, и слышания сладчайшего голоса пречестнейших и богомудрых уст ваших, чтобы, увидев глазами то, что мы слышим ушами, нам возрадоваться духом, сменив уныние, как скорбную одежду, на отраду веселья.

Во-вторых, нам следует сказать о нашей чистой и неповрежденной христианской вере. Поэтому с благоговением осмеливаемся сказать, что, если бы речь шла о чем-нибудь человеческом или о таком,

¹ Написано в 821 году.

что находится во власти святейшего нашего архиеерея или нас, недостойных, то следовало бы уступить не только в малом, но и во всем: так повелевает заповедь. А когда речь идет о Боге и о том, что относится к Богу, Которому служит все, то не только какой-нибудь человек, но даже и апостолы Петр и Павел, или кто-либо из Ангелов, не осмелился бы изменить даже самого малого, так как от этого извращается все Евангелие.

Что же касается состязания с иноверными для опровержения их учения, то это не согласуется с апостольским повелением (Тит. 3, 10), а возможно только для вразумления. Поэтому мы, недостойные рабы Вашей благочестивой державы, не смеем даже и сказать что-либо.

Если же встретится что-нибудь сомнительное или покажется невероятным божественной Вашей мудрости, чтобы это было благочестиво разрешено архиереем, то пусть великая и богохранимая десница Ваша, ревнующая о Божественном ради общей пользы, повелит принять объяснение от древнего Рима, как делалось издревле и от начала по отеческому преданию. Ибо там, хриstopодобный Император, — верховнейшая из Церквей Божиих, на престоле которой первый восседал Петр, коему Господь сказал: *Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18).

Такова просьба нас, недостойных рабов твоих, таково с помощью Божией слово от нас, смиренных.

Крепкая же десница Божия да сохранит тебя, вождя для мира и боголюбезного Императора христианского, чтобы ты жил многие лета и детям детей передал державу в благоденствии и победах над врагами и противниками! Буди, буди!

ЛXXXVII. К ЕПИСКОПАМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ССЫЛКЕ РАДИ ГОСПОДА¹

Услышав недавно об обстоятельствах вашего блаженства, возлюбленнейшие отцы, я, смиренный, весьма обрадовался и прославил Благого Бога нашего, но и сильно огорчился, что не удостоился видеть вас и насладиться вашими благодатными дарами. Ибо мне хотелось видеть людей Божиих, иерархов Господних, блаженных мужей, светил мира, опоры веры, отличающихся и прочими прекрасными качествами.

О потеря, о несчастье! Впрочем, причина этого обстоятельства — множество грехов наших. Мы не удивляемся несчастью, а предлагаем просьбу. Какую? Ту, чтобы вы письмами облегчили этот недостаток, вразумляя, просвещая, утверждая, внушая, *что только истинно, что честно, что справедливо*, что нужно для защиты, что требуется для борьбы, *что только добродетель и похвала* исповедания (Флп. 4, 8).

Пишете и о том, как нужно поклоняться изображенному Христу, по тождеству или по сходству, ибо одно православно, а другое не православно. Спрашиваете также и о том, считается ли поклонение Христу и Его иконе поклонением одному Лицу или двум. Первое — наше, а второе — иконоборческое. Ибо у кого ипостасное сходство, для тех и поклонение одно и то же, кроме того только, что в иконе существо не почитается поклонением.

¹ Написано в 816 году.

Такова моя малая речь — напоминательная, а не учительная. Вам же принадлежит совершеннейшая тем более, чем превосходнее помазание ваше, с которым мужественно совершайте, святейшие, предстоящий подвиг, и получите венец правды.

LXXXVIII. К АММОНУ, СЫНУ

Увы мне! С самого начала письма вздыхаю из глубины сердца и смешиваю с чернилами слезы от того, что я услышал о тебе, брат! Говорят, ты сбросил святую одежду монаха, и живешь между мирянами, и имеешь жену.

О плачевная весть! О мое несчастье! Ибо твой грех, сын, — мой по действию отеческого сострадания. Где свет ума? Где крылья надежды? Где любовь к Богу? Где щит веры? Где искусство рассуждения? Где удаление от здешнего мира? Где отречение от всего земного?

Где монастырское настоятельство? Где приветливое участие в гостеприимстве? Где порядок общезжития? Где просветительная исповедь? Где твои прекрасные слезы? Где благоговейный вид? Где свидетельство всего сонма братьев? Где обет перед священным престолом? Где обещания пред Свидетелем Богом и Ангелами?

Где светлая чистота одежды? Где духовно созерцаемый брак? Где закланый за тебя Агнец Божий? Где евангельская и братская радость? Где священнейшее приветствие от всех?

Где предстояние Божественному Жертвеннику? Где Божественное Причащение Тела и Крови Христовой? Где все светлое и ангельски радостное чи-

нопоследование? Где горящая лампада? Где истинный виноград? Где плодоносное произрастание Духа? Где сын мой, — о я несчастный, — более и более преуспевавший в добре и казавшийся полезным братству? Где чадо Божие, причастник света, гражданин царства небесного, сосуд избранный?

Как он обратился назад? Как отступил возлюбленный? Как омрачился просвещенный? Как сбросил оружие чистоты? Как сделался добычей диавола, будучи уловлен им в его волю и оставив прекрасного Жениха, Господа славы, владычествующего всем?

О, кто не воздохнет из глубины? Кто не пожалеет обольщенного? *Содрогнитесь и ужаснитесь, небеса* (Иер. 2, 12). Взывай об этом бедствии, земля! Что случилось с тобой, брат мой? Как ты не постыдился взирающих на тебя? Как не постыдился самого воздуха? Как не отвратился от зловония проклятого греха?

Имеешь ли ты ум? Живешь ли? Взираешь ли на солнце? Смотришь ли на луну? Видишь ли звезды? Невозможно, невозможно выразить, какой это грех, какая тьма, какое безумие. О, если бы можно было на этом остановиться! Тогда несчастье имело бы меру. Но, брат, будет еще Суд неумолимый, огонь вечный, тьма кромешная и непроницаемая, скрежет зубов, все прочие мучения, которые послужат наказанием, и притом непрерывным вовеки.

Не говорю уже о лишении благ, которое ты сам навлек на себя. Какие же это блага? Бытие с Богом, радость неизреченная, жизнь нетленная, веселье вечное, наслаждение райское, просвещение от Святой Троицы и все прочие выражаемые словами и представляемые умом блаженства. Итак, сын, вос-

стань, возвратись, обновись, сбрось наложенные на тебя врагом узы греха, отторгнись от Евы, приди к незлопамятному и человеколюбивейшему Иисусу. Он прямо взывает: *Приидите, все труждающиеся и обремененные* грехами (Мф. 11, 28). Он идет на встречу, принимает в объятия, вводит в дом, не укоряет за прежнее, опять устраивает праздник, спасает блудного.

Так прошу тебя, сын, послушай, воспламенись, нанеси рану ранившему тебя. Приди же, приди скорее к нам, грешным. Я полагаю душу свою за тебя, я ручаюсь за твое спасение, я уврачую тебя нежными лекарствами, я, несчастный, вместе с Богом, приму тебя в объятия, и тебе будет лучше прежнего.

Только прибегни, только не оставайся там больше, но оставь Еву забавляться самой собой. Если же она послушается Божественного голоса, то помести ее в монастырь, а себя предай Богу и нам.

Так свидетельствую пред Богом и избранными Ангелами, чтобы ты, слыша это, изменился и поспешил к нам прежде, чем настанет конец, прежде, чем неумолимый приговор заключит для тебя дверь.

LXXXIX. К ФЕОФИЛУ—ИГУМЕНУ

До моего слуха доходило о твоём достоинстве немало такого, что сильно меня печалило, но разъяснилось почтенным письмом твоим. Осмеливаюсь сказать: принял Господь твое покаяние и оправдание возвращения в монастырь, хотя оно и неуместно было тогда, когда был гоним Христос. Теперь же, когда гонение прекратилось, какова причина уклонения, а не борьбы?

Смотрите на меня, — сказано в Писании, — *и делайте то же* (Суд. 7, 17). Это следовало и тебе сказать ученикам, призываемым возвратиться домой, а не слушаться, не быть примером поражения, притом после падения. Или ты не знаешь, что общение твое с увлеченными в нечестие было отречением от Христа? Потом, когда ты раскаялся через удаление от них — ибо это главное дело покаяния, без которого падение непростительно, — зачем ты опять уклонился в прегрешение?

Прости, отец, но если ты предал сам себя моему смирению, то я вынужден говорить тебе должное, как бы устами Господа. Почему ты не вразумил всех, что им должно вместе с тобой терпеть гонение, или, если не хотят, не оставил их как христоненавистников, как плотолюбцев, как непокорных, а не сынов?

Этим ты прекрасно смягчил бы поражение, а также был бы и для подвластных добрым примером, и для Церкви Божией назиданием, вместо прежнего разрушения.

Так поступал боголюбезнейший брат наш и игумен мидикийский, и святейший отец наш, епископ Лаодикийский, и другие. Одно из двух: если они действовали законно, то ты и всякий, кто поступал подобно тебе, — беззаконно. Но есть, как я слышу, и такие, которые принадлежат к разряду падших, — имена которых охотно пройду молчанием, — и, однако, говорят, что им не нужно раскаиваться в этом или даже только просить прощения и что они хорошо поступали. Ибо этим, говорят они, и братья спасены, и храмы остались неприкосновенными.

О слепота! О богоборство! Христос отвергнут с отвержением святой иконы Его, Богородицы и всех

святых, за которых и архиепископ подвергся гонению, и епископы сосланы в ссылку, и игумены потерпели то же, монахи и монахини, мирские мужи и жены. Одни подверглись бичеванию, другие — заключению в темницу, иные заморены голодом, другие замучены, иные брошены в море, другие убиты, иные скрылись, другие обратились в бегство. Наполнились ими пустыни и пещеры, наполнились горы и леса. Тела рассекаются, кровь проливается, наша вселенная в смятении от гонения, вся поднебесная вздыхает и плачет... А ты, несчастнейший, попав в душепагубное общество и оставаясь в зараженном месте, — именно так, а не в монастыре, — говоришь, что поступаешь хорошо, и по-иудейски насмехаешься над теми, кто носит Христа, или лучше сказать — над Самим Христом, ради Которого они страдают?

А какой спас ты храм, осквернив храм Божий — себя самого? Каких сохранил ты братий, растлив их заразой своего общения, хотя бы только в пище? Ты — соблазн миру, пример отступничества, увлекающий к погибели, плоть, а не дух, омрачитель, а не светильник. Это говорит сама истина таким нечестивцам, которых, если они не раскаются в своих безбожных речах, нельзя и признавать христианами.

Слышишь приговор, отец? Ты согрешил, возвратившись назад и изменив обету. Впрочем, да простит тебя Благой Бог! Оставайся же теперь в монастыре, пока не изменятся обстоятельства, исповедуя перед всяким человеком: “Я согрешил”, — дабы умиловился Бог и возвратил тебя в прежний свет, когда сиял светильник твоей жизни, когда ты был почитаем даже Царями, когда ничего не было презираемо из того, на что ты обращал внимание.

А впредь, как устроит Господь дела Церкви, так и будем беседовать, так и умрем вместе с тобой во взаимной любви. Молись о нас, грешных, и не думай, что мы написали это из презрения, — мы знаем, что мы отребье среди преподобных мужей, — но ради истины и твоего спасения. Если же это принесет пользу и другим, то получивший да воздаст благодарение Богу.

ХС. К БРАТЬЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В РАССЕЯНИИ¹

Возлюбленным духовным сынам и братьям: Лаврентию, Симеону, Дионисию, Пимену, Литоию — и прочим, повсюду рассеянным, Феодор, грешный монах, желает о Господе радоваться.

Можно всегда радоваться живущим по Богу, хотя бы они и подверглись противоположному радости. Ибо основание истинной радости — надежда на Бога и то, чтобы ради Него и для Него жить, двигаться и делать все прочее. А что вы таковы, об этом свидетельствуют самые дела. Ибо ради чего иного ваше рассеяние, труды и изнурения, как не ради Него, Благого Бога нашего?

Но теперь, по Его промыслению, гонение прекратилось, ибо об этом объявлено добрым властью, и гонимым открылась дверь свободы, они получили некоторое облегчение и спокойствие во всех городах и селениях. За это, отцы, мы обязаны воссылать Господу благодарение и молитвы как о полнейшем мире, так и об утверждении богоизбранных наших Императоров. Таков первый предмет слова.

¹ Написано в 821 г.

Во-вторых, ни вы, ни мы не будем принимать это облегчение как повод к ослаблению в добродетели, но, где бы каждый из нас ни находился, будем единомысленны (Флп. 2, 2), будем держаться одного и того же правила, да никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как слугители Божию, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, и вообще во всем, чему мы подвергнемся в настоящей жизни (2 Кор. 6, 3, 4). Таким образом мы сможем и полученное сохранить неотъемлемым, и случающееся ныне облегчить, и будущее встретить богоприлично.

Мы живем здесь около города, с ведома Императора, имея свидания с посещающими нас братьями и отцами нашими, свобода предписана добрым Императором. А впредь, как устроит Господь, или повелит владыка: остаться ли здесь, или переселиться и удалиться в другое место, так и поступим. Только вы, держась своего дела, не переставайте молиться и о нашем смирении, чтобы нам не послужить соблазном для тех и других, и для Церкви Божией.

Братьев, прежде безрассудно отторгнувшись каким-либо образом, Препобогой Бог благоволил соединить с нами при помощи надлежащего увещания. И возрадовались мы, недостойные, великой радостью оттого, что увидели своими глазами то, чего не надеялись увидеть, — как соединились разделенные члены, — и празднуем праздник Господень, сходясь друг с другом, исповедуемся Господу и воздаем благодарность владыкам. Ибо, если не что иное, то сделанное для нас есть великий дар. А

иначе мы не имели бы благоприятного общения между собой, если бы не были освобождены из темниц и не находились в настоящем месте. Все стекло к нашему благу и стечется, я убежден, по вашим святым молитвам.

Так как зашла речь о возвращении, то скажу, что возвратился и присоединился к нам среди прочих и всех остальных письмоносец, возлюбленный наш сын Климент, благоговейнейший игумен, принявший благосклонно все, что следовало сказать ему, и во всем показавший надлежащее покаяние, удовлетворившись которым мы и приняли его в свои объятия от всей души, надеясь, что и он по той же самой причине послужит для нас, грешных, хвалою во спасение.

Примите, прошу, и вы этого брата как брата, члена — как члены, единомысленного — как единомысленные. Ибо вы найдете его, по благодати Христовой, во всем правым и ищущим Бога.

ХСІ. К ИГУМЕНИИ НИКЕЙСКОЙ

И прежде мы слышали хорошее о твоём почтении и это побуждало нас написать тебе письмо, и теперь, на основании тех же похвал, мы пишем и приветствуем досточтимую твою, одобряя и улаживая то, что ты решила ради Господа потерпеть скорби и притеснения, гонение на обитель и переселение в ссылку, и прочие бедствия, в которых проявляется исповедание.

Это достойно хвалы и признания, это — подвиги и доблести невесты Христовой и, что еще восхитительнее, священное влияние на подвластных сестер. Ибо и из них некоторые решились вместе с то-

бой терпеть лишения за исповедание, явили мужество, подверглись бичеванию и ссылке и прославили Бога в своем теле и в духе.

О подвиги! О прекрасное руководство! Каково начальство, таковы и подчиненные, какова учительница, таковы и ученицы. Ты могла бы сказать: *Я и дети, которых дал Мне Бог* (Евр. 2, 13), — доблестные, мужественные, скорее христолюбивые, чем плотолюбивые, считающие *все за сор, чтобы приобрести Христа* (Флп. 3, 8), посвятившие все члены свои Христу, чтобы угождать Любящему их.

Вы вступили в сонм исповедников, увенчаны вместе с мучениками, судя по произошедшему. Но так как никто *не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2, 5), а закон требует быть доблестным по вере и жизни до конца, то увещаю и напоминаю поступать *достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью* (Еф. 4, 1, 2), с осторожностью на будущее время, чтобы вы не были уловлены еще свирепствующей ересью, которая отвергает Христа, и чтобы как-нибудь не уклонились от подвижнической жизни, которая должна быть определена правилами, но делали все во славу Божию, во всем сияли светом заповедей. Это, верую, вы и делаете в похвалу славы Христовой, к вечному прославлению своему и, — если бы можно было сказать, — и нас, грешных.

Подлинно, если мы — от одного Отца и все между собой братья, то не несправедливо, что добродетели всех считаем доблестью каждого. Молитесь о нас. Приветствие наше в духе. Господь Иисус Христос со духом вашим. Аминь.

Я слышал, что ты предаешься строгому воздер-

жанию, и обрадовался. Впрочем, так как умеренность во всем есть наилучшее дело, то напоминаю, что тебе надо быть умеренной и в этом, чтобы тело и покорялось, и не сделалось бессильным к исполнению заповедей.

ХСII. К ЕПИСКОПАМ, СОСЛАННЫМ РАДИ ХРИСТА В ХЕРСОН¹

Делом истинной любви и доказательством нелицемерной веры служит то, что отеческая святость ваша из такого отдаленного места прислала одного из гонимых вместе с вами братьев, Агапита, монаха достопочтеннейшего, или лучше — блаженнейшего, по изречению Господа о гонимых *за правду* (Мф. 5, 10), — посетить, во-первых, божественную и верховнейшую главу, патриарха Константинопольского, а во-вторых, и нас, нижайших среди братьев и сынов духовных.

О прекрасное намерение! О искренняя любовь! И притом чьей любви это служит действительнейшим доказательством, как не любви тех, кто ради Христа решился разлучиться со своими и отправиться в чужую страну, отделенную таким огромным морем, и потерпеть там все, что случится?

Итак, благословен Господь Бог, Который внушил вам такое расположение к нашему ничтожеству и дал посланному силу и благодать возвестить нам все, что вы, преблаженные отцы, совершили и еще переносите, за имя Господа нашего Иисуса Христа. Услышав об этом, мы возрадовались, прославили,

¹ Написано в 821 году.

возблагодарили Господа, сказали, что поистине с вами Бог, почитаемый и благоугождаемый исповеданием истины.

Мне же кажется, что ваша ссылка устроена спасающим все Промыслом не только ради вашей безопасности, но и для спасения тамошних жителей. Ибо, прибыв туда, вы явились светильниками для находившихся во мраке и заблуждении жизни, руководителями слепых, учителями добродетели, проповедниками благочестия, обличителями совершенной здесь страшной дерзости против Христа.

Так, здесь и везде, на суше и на море, Господь лучезарно явил исповедников — для доказательства истины, для ниспровержения нечестия, как и в прежние времена. И возвеличилось имя Его, и прославился избранный народ Христов, и обличилось христоненавистное сборище, и великий дракон, ассирийский ум, достиг, наконец, предела жизни, достойного дерзости, которую он совершил против Бога.

Впрочем, о том, в каком положении теперь находятся дела, говорить было бы излишне, потому что письмоносец, по благодати Христовой, в состоянии передать все обстоятельно. Ему же мы вручили вместе с письмом и некоторое приношение, которое удостойте принять, не лишая нас честных молитв ваших об укреплении души.

ХСШ. К ИГУМЕНИИ ГОРДИНСКОЙ¹

Возлюбленный брат наш Антоний потребовал у нас настоящее письмо, утверждая, что мы давно

¹ Написано в 818 г.

обещали сделать это. Поэтому ради посланных вами, я и беседую с вами, и приветствую вас, как матерей, как сестер в Господе, помня ваше радушие и подвиг любви, которую вы явили во имя Его, избегнув общения с еретиками и сохранив себя неповрежденными от мира.

Будьте же внимательны и впредь, святые, так как нечестие еще угрожает. Сохраняйте залог веры неприкосновенным, и, если бы должно было умереть, скорее с радостью предайте самих себя, чем сделайтеся общниками ложного учения иноверных.

Призываю же вас свято проводить оставшуюся жизнь, чтобы вам не воспламеняться рабской страстью, но девством, которым Христос уневестил вас Себе, освящать сердца и тела, избегая лицемерия мужчин насколько это возможно. Ибо от этого созерцания воспламеняется огонь и возбуждается грех.

Игуменья пусть будет как игуменья, являя образ благочестия. Ученицы пусть будут как ученицы, имея одно сердце, одну волю, не споря, не пустословя, не приобретая ничего в собственность, но внимательно слушая наставницу, соблюдая в законе Господнем то, что она повелела. Если же это приличествует ученицам, то тем более — игумении, для которой насколько велика награда за предстоятельство, настолько велика и опасность впасть в грех.

Слова: “мое” и “твое” — да уйдут из киновии, как причина тысячи войн. Своеволие в мыслях и делах да будет изгнано как разрушение надлежащего порядка. Пусть не будет словопрений и шума, ибо это недостойно монахов. Но что является молчаливым, что является молитвенным, что является хвалебной песнью, что является трудолюбивым, то де-

айте. И Бог мира и любви да будет с вами. Моли-
тесь обо мне, грешном, чтобы и я был невредим.
Благодать Господа нашего Иисуса со всеми вами.
Аминь.

ХСIV. К ЕВДОКИИ, ДЕВИЦЕ¹

Нехорошо забывать о дружбе и благодеяниях.
Ибо если неразумные животные, хотя они и лишены
ума, умеют сохранять расположение к благо-
детелям, тем более нам, созданным по образу Бо-
жью, подобает иметь безукоризненную память о
друзьях.

Поэтому мы и заботились о том, чтобы послать
к твоей чести возлюбленного нашего брата Проте-
рия, желая возвестить, что мы не забыли тебя, но
всегда помним и другим рассказываем о твоём сост-
радании к нам, грешным, рассказываем, каково оно
и как велико. Ибо во время гонения, во время пре-
следования за Христа, когда мы — я и брат Нико-
лай — содержались в темнице и стражи по приказу
нечестивых никому не позволяли подходить к месту
нашего заключения, тогда ты — не стану говорить о
прежнем, хотя и того достаточно, — полагаясь на
Бога, посылала к нам, кормила нас молоком, питала,
поила, утешала, ободряла, смело подвергая самое
себя смертельной опасности, которая вскоре и по-
стигла бы тебя на самом деле, если бы десница Бо-
жья, упредив, не избавила тебя.

Ты знала клеветы соседей, обвинения начальни-
ков в том, будто ты принимала подарки от осужден-
ного и слушалась его приказаний, и другое. Но — о,

¹ Написано в 818 г.

величие веры! — в то время, когда те так метались,
ты не оставляла своего дела. Как будто не случилось
ничего особенного, ты продолжала свое служение,
умиловляя стражей подарками и через нас, греш-
ных, служа Богу, от Которого — и избавление от
опасностей, и спасение сверх ожидания.

Чем это меньше услуг Прискиллы и Фивы или
подобных им по служению, за которое они ублажа-
ются божественным апостолом? Ничем, кажется
мне, кроме того, что здесь услуга оказывалась недо-
стойным. Но это еще более достохвально: ибо там
величие лица подвигло бы к благотворительности
даже бесчувственные камни, а здесь, напротив, ни-
чтожество предстоящих могло бы и чувствительные
души расположить к бездействию.

Если же так было, и, однако, ты поступала про-
тивоположным образом, то смотри, какой ты до-
стойна похвалы. Поэтому, прекрасная дева, получив
милость, мы справедливо прославляем тебя, уважая
и прославляя вместе с тем и прочие твои доблести:
воздержание, небрежение о волосах, неизыскан-
ность в одежде, подаяние милостыни и целомудрие,
относительно которого ты никогда не слыхала уко-
ризны ни от кого из людей.

О прекрасная деятельность твоя! О боголюбез-
ная и старческая глава! Ты процвела, как роза сре-
ди терний, ты благоухаешь, как истинная лилия,
среди рода коварного и развращенного. Что же ос-
тается? Пребывать тебе и впредь безукоризненной,
сохраняя себя в безопасности, соблюдая и все ос-
тальные заповеди Господни, как то: совершенно не
клясться именем Господа и не нарушать ничего
другого из заповеданного. Говорю это не потому,
что признаю тебя виновной в этом, но желая, чтобы

ты была совершенной во всем и таким образом достигла обетованных благ. Брат Николай приветствует тебя, а я приветствую господина двоюродного брата твоего.

ХСV. К ВАСИЛИЮ—ИГУМЕНУ

В том, что написал ты, почтеннейший брат, ты выразил свое удовлетворение епитимьей и готовность к исправлению, как объяснил мне не только письмоносец, но еще прежде него — почтеннейший брат наш Петр, любимый и тобой. Этому возрадовался я, смиренный, и возблагодарил Бога.

Подлинно, не маловажно и не недостойно внимания то, что мы, почтеннейший, допустили, приняв участие в отречении от иконы Христовой. Напротив, это весьма преступное дело и очевидно соединенное с отречением от веры. Ибо отвержение образа восходит к первообразу, и к этому отречению от Христа причастны все, каким-либо образом имевшие в том общение.

Ты объяснил еще, что позволил истребить иконы по причине страха перед гонителем. Это — тягчайшее беззаконие. Если же ты, как говоришь, и подписал¹, то и это — грех и отречение. Что же нужно делать, если ты спрашиваешь целебного врачевства и вместе с тем говоришь, что не можешь перенести немного оставшегося, ссылаясь на болезнь и соглашаясь лучше принять и то, и то?

Тесно мне отовсюду: и от братолюбия, если так оставляю, и от величия греха, если уменьшу врачевания.

¹ Речь идет, очевидно, о подписке, о которой упоминалось в прежних письмах.

ние. Впрочем, побуждаясь более любовью, со страхом и трепетом определяю следующее: в течение еще одного года воздержись, брат, от причащения Святых Таин за оба прегрешения, т. е. за ниспровержение святых икон и за нечестивую подпись, ибо подписью является даже то, если бы ты был вынужден только начертить знак креста. При этом совершай те же молитвы и коленопреклонения, если не будет болезни.

Но так как эта епитимья очень мала, то прибавление достаточной милостыни да будет надлежащим вознаграждением, а какой именно — это объяснит брат Евсевий. Ибо ему вместе с двумя другими братьями, по твоей просьбе, я позволил идти туда ради экономии, для того, чтобы успокоить тех, которые уловлены здесь и там, а также и для того, чтобы ты имел доброе утешение для души не только в том монастыре, где ты находишься, но и в каком-нибудь диком месте.

И впредь, возлюбленный, как ты обещал, остерегайся, чтобы никогда больше не пасть и не предстать пред очи Антония. Но будь готов выйти не только из монастыря, но и из тела ради любви ко Христу.

ХСVI. К НИКИТЕ—КУРАТОРУ

Нет ничего похвальнее истинного друга. Но когда среди любящих возникает разногласие относительно веры, тогда, естественно, вместе с верой разрывается и любовь.

Но зачем мы сделали это вступление, господин? Твоя почтенность хорошо знает и прежнюю дружбу, и последующее разделение. Поэтому мы сомневались, можно ли тотчас принять посылки от твоего

превосходительства. Но после того, как наш брат Гликерий сообщил то и другое, а именно то, что и дружба остается, и Православие укрепилось, падения же произошли по причине человеческой слабости, и в общение с еретиками ты вступил, как всякий любящий жизнь, мы, став более снисходительными, и приветствие вместе с приношением приняли, и снова возлюбили, и к прежнему возвратились, особенно, когда услышали, что твоя честь готовится восстановить святые иконы в часовне, что есть доказательство более горячей ревности.

Действительно, драгоценнейший, заблуждение иконоборцев очевидно. Ибо некогда, когда Бог был бесплотен, нельзя было изображать Бога, потому что сказано: *Бога никто никогда не видел* (1 Ин. 4, 12), — и тот, кто делал это, идолопоклонник.

Когда же Бог Слово сделался плотью, уподобившись нам во всем, тогда Он стал описуем, т. е. подобно нам изображается, если действительно верен апостол, сказавший: “Бог явился во плоти”. Если это так, то Он изображаем во плоти. И о чем бы другом человеческом ты ни сказал, все это Он встретил во плоти: ел во плоти, потел во плоти, плакал во плоти, страдал во плоти.

И это учение укрепилось как очевидное. Опровергать же то, что Он может быть изображен во плоти, — это значит одновременно опровергать и все сказанное. И таким образом необходимо было бы говорить, что Бог не явился во плоти. Что можно найти более иудейского, чем это.

Это сказано, насколько возможно сказать в письме. Если же Бог даст нам когда-либо увидеться друг с другом, тогда тебе будет сказано столько дог-

матов истины относительно написания и почитания святых икон поклонением, сколько твоя честь в состоянии будет выслушать.

ХСVII. К ВАСИЛИЮ, ДУХОВНОМУ СЫНУ

Мы желали вместе с господином Григорием видеть здесь и тебя, возлюбленный сын. Но так как этого не случилось, то утешаем себя за это лишение письмом, извещая, что мы всегда держим тебя в своем смиренном сердце, желая спасения и тебе, и находящимся с тобой братьям и сынам.

Подлинно, слава для отца — доброе мнение о сыне, и священная похвала для него — добровольная жизнь сына. Поэтому увещаю тебя в Господе не только самому быть стойким, но и заботиться о братьях, быть любимым и любить, быть уважаемым и уважать. Ибо где духовная любовь, там Христос посреди, как Он Сам обещал (см. Мф. 18, 20).

Руководи агнцами Христовыми, как прекрасный наставник, сострадательно и снисходительно заботясь о них, как о собственных членах. Ты знаешь, каков ты, как беспристрастен, как обходитель, как точен в исполнении заповедей Божьих.

Да будет у всех одна душа, так чтобы все было общее, да будет откровенность, потому что все открывающееся есть свет, и наоборот. Да будет послушание, при котором враг не найдет места для обольщения. Да будет смирение, ради которого Бог стал Человеком, чтобы таким образом сделать людей богами.

О добрый Василий, соблюдай залог, отвергая злое, усваивая божественное как образец доброго

делания для всего братства. Так, кто презирает тебя, тот презирает Бога, и кто повинуется тебе, тот повинуется Богу. Поминай вместе с братьями и мое смирение.

ХСVIII. К БРАТИЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ГРЕЦИИ

Возлюбленным братьям, Григорию, Иезекиилю, Ерасту, Феофану, Анине и прочим, находящимся в Греции.

Время говорить, и время молчать (Екк. 3, 7). Вторая часть этого изречения имела силу в предшествовавшие дни, а теперь я скажу о нынешних обстоятельствах. Мы говорим вам, отцы и братья, только выйдя из города, по благоволению Божьему, и говорим апостольскими словами: *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Флп. 4, 4). Радуйтесь не радостью здешнего мира, которая является не радостью, а тяжелой печалью, так как преданный ему бесчинствует, но радуйтесь по духу святости, о том, что вы избавились от рабства врагу, от суетной жизни, от плоти и крови и служите Богу Живому и Истинному, от Которого было и прежнее блаженство среди гонений, и нынешнее пребывание на чужбине постигло вас, рассеянных здесь и там, пока Господь, призрев, не дарует мир Своей Церкви и не соберет нас воедино.

В настоящее же время, прошу вас, братья, *поступать достойно звания, в которое вы призваны* (Еф. 4, 1), со всякой осторожностью и внимательностью, со всяким смиренномудрием и повиновением друг другу, так чтобы предстоящий занимал место начальника не ради бесовского высокомерия,

но показывал при этом образец добродетели для тех, кто ему следует, подчиняется и повинуется, как мне, недостойному, или лучше — Христу, ради Которого, дети, и вся жизнь наша, и ежедневная добровольная смерть, согласно с таинством спасения.

Смотрите, как вам вести себя: не как страстным, но как бесстрастным, не как плотолюбцам, а как боголюбцам. Не обращайтесь на лица женщин, и в обращении друг с другом не будьте дерзки. Дерзость — это огонь, сжигающий душу.

Постоянно помышляйте о смерти, чтобы быть готовыми к отшествию отсюда с радостью. Соблюдайте предания, исполняйте заповеданное относительно псалмопения, молитвы и прочего. Не собирайте себе золота, чтобы отдать его своим близким и друзьям, так как монастырь будет заботиться о ваших нуждах. Это свойственно не сынам Божьим, а мудрствующим по плоти.

Как же поступать? Так, чтобы все было на пользу и доставшееся было отдано братству, чтобы из многих лиц составлялось общежитие. Это сказано мной потому, что дошло до моего слуха, будто некоторые уже теперь определяют: это животное, говорят они, и эту одежду, или что-нибудь другое, я хочу оставить тому-то.

О бедствие! О безумие! Поистине, такой человек — не сын и не брат, но чужой, святотатец, чья участь та же, что и Гиезия-вора.

Не обольщайтесь, братья, и, придя в такое расположение, не окажитесь подвергнутыми вечному осуждению. Ибо если так, то и я поступлю таким же образом и раздам своим родственникам по плоти все, что есть в моих руках. Если же вы не потерпите от меня этого — ибо это дело не игумена, а вра-

га Божия,— то естественно, что и я не перенесу что-либо подобного от вас. И поэтому утверждаю, возвещаю оправдание Божие, делая себя неповинным в крови того, кто одержим этим грехом.

И я говорю как ищущий не золота — не заблуждайтесь! — но спасения ваших душ. Похвала же моя будет в Господе. Великое богатство для меня — говорить вместе с верховным из апостолов: серебра же и золота мне не нужно. По глупости своей говорю я это тому, кто так любит меня. Мне вручают столько, что я устаю принимать. Как любящий, пишу и утверждаю это.

Бог же отца моего, Податель мира, любви и милости, добрый Пастырь, да упасет нас с вами, не лишая нас ничего потребного для духа и плоти, и да удостоит небесного царства.

ХСІХ. К АВРААМИЮ, СТРАННОПРИИМЦУ

Подлинный признак друга — навещать друга или лично, или посредством писем. Отсюда узнай, что я люблю тебя, достопочтеннейший и знаменитейший. Люблю же тебя заслуженно по многим причинам.

Во-первых, ради наших начальников, которые были у власти, потому что они, как ты знаешь, любили тебя и были любимы тобой. Во-вторых, ради твоего сострадания к моему смирению, так как, когда мы были на востоке и произошло некое дело с нечестивым епископом смирнским, ты прислал нам приветствие. В-третьих, ради той мысли твоего праведного ума, которую более пространно изложил мой духовный и возлюбленный брат, податель пись-

ма. Наконец, ради общего нашего друга господина Аркадия, имею в виду твоего сотоварища и единомышленника, которого ты, как я слышу, имеешь даже в числе своих домашних.

Но так как долг друга — напоминать также и о том, что является обязанностью возлюбленного, то я убеждаю и умоляю твое достоинство, чтобы ты был осторожен и тщателен в порученном тебе высшими начальниками управлении. Не говори мне, что ты скрываешься, боясь таких поступков. Ибо нет ничего больше страха Божьего и нет ничего необходимого спасения души. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мк. 8, 36)?

Во время болезни нужно искать врача, а во время бури — кормчего. Разве ты не видишь, что теперь великая буря и гром гнева Божьего? Будь врачом, господин, будь кормчим, чтобы и себя спасти, и виновных исцелить и возвратить к прежней стойкости, воздерживаясь от угроз, так как и сам находишься в теле и подвержен падению.

Таким образом ты приобретешь милость Божию, а когда охраняет Бог, кто может причинить зло?

Вспомни, господин мой, что ты и сам плоть, и если сам боишься падения, то щади падших. Ибо, *какою мерою мерите, такою же отмерится и вам* (Лк. 6, 38). Вспомни, добрый брат, что сегодня мы существуем, а *что родит наступающий день*, не знаем (Прит. 27, 1), чтобы мы не оказались опозоренными и проклятыми и в нынешнем веке, и в будущем.

Вспомни о том страшном и неумолимом приговоре, которым немилостивые будут посланы в огонь неугасимый. Вспомни, что перед нами предстанут лица, получившие благоденствия и пострадавшие от нас.

Какую же пользу принесет нам тогда здешняя молва о нашем достоинстве? Нет, увещаю: не будем таким образом вонзать меч в самих себя. Я говорю по любви и много забочусь, господин, о результате, т. е. конце моей речи.

Я желал бы отныне слышать вести добрые и человеколюбиво назидательные о господине моем, чтобы мне воспеть, чтобы узнать, как друг мой будет слушаться меня и впредь. Ибо соседи наши уже боятся и трепещут от слухов, хотя они и ни в чем не виновны.

Мучитель идет, заносит меч. Бедный не вынесет угрозы и не станет противиться; он примет это, хотя и против воли, как невиновный, ибо я и сам, оказавшись в таких обстоятельствах, не мог бы поступить иначе.

Если же, наконец, здесь есть вина, то хорошо; но и тогда надо поступать сострадательно, как пред очами Господа, отчего подданный будет еще тверже, по доброму расположению служа победоносным Императорам.

С. К ИПАТИЮ, СЫНУ¹

Не без скорби, сын, и мы, смиренные, приняли весть о святой кончине Иакова, исповедника Христова и нашего возлюбленного брата, но и не без радости. Первое — по причине духовной любви, ибо кто он, как не сын, и такой, что и я, по грехам своим, недостойн назвать его сыном? А второе — по причине надежд, или лучше — пользы, полученной не только нами, чьим священным украшением он

¹ Написано в 818 году.

являлся, но и всеми, так как он член всей Церкви Божьей¹. Ибо кем признаешь ты этого мужа? Не исповедником ли? Не мучеником ли? Не преподобным ли?

Он с юности вел жизнь подвижническую, законно подчиняясь, мужественно преодолевая страсти, соблюдая тело девственным посредством подвигов воздержания и порабощения плоти, вкушая пищу, как придется, то же можно сказать и о сне, — когда он был еще здоров, так что удивлял видевших его. Часто предавался уединению, насколько возможно углубляясь в самого себя и таким образом окрыляя себя к небесной любви.

Да не думает кто-нибудь, что я выдумываю эти выражения для развлечения слушающих, Свидетель — Бог и руководитель Иакова, священный Лукиан, хотя этого трудно пробудить. От него я и получил сведения о том, что мне было неизвестно. Мои слова — лишь некоторое слабое изображение его подвижничества.

А в исповедании какое великое зрелище представил он и Ангелам, и людям? О, великодушное и боголюбезное сердце! Он вышел на поприще, как воин Христов, бесстрашный, бестрепетный. Со всех сторон служители тьмы ударами истязали спину, грудь, руки его, проливали кровь, рассекали плоть, оставили святого брошенным на земле. А он не произнес ни одного укорительного слова, но переносил богоугодное мученичество за Христа, Сына Божия и Бога нашего. Ибо подвизаться за святую икону Его — значит терпеть мученичество за Него Самого.

¹ Память прп. Иакова-исповедника — 24 марта (6 апреля).

Да услышат кроткие и возвеселятся (Пс. 33, 3), да ликуют и радуются мучениколюбцы. Да посрамится диавол, да падет сборище иконоборцев. По делам тех и других узнаете их, по заповеди Божьей (см. Мф. 7, 20). Не его одного, но и многих из нашей обители, и не только из нашей, однако наших, — ибо все мы одно тело во Христе Иисусе, Который есть Глава всех, — они также мучили, растягивали, морили голодом и подвергали всему остальному, что следует за этим.

А Иаков, ослабевший и разбитый от таких невыносимых ран, отдал тело свое на тяжкие мучения и поэтому, с того времени до конца оставшись разслабленным, жил как будто ежедневно умирая, и притом с благодарностью и смиренномудрием.

Если, как ты говоришь, он предсказал смерть свою, то и это произошло вследствие подвигов. И если, как ты добавил, при его погребении собралось множество знатных людей обоюбого пола, то и это служит подтверждением сказанного. Ведь не было бы такого собрания к человеку, незнатному по плоти, если бы не было указания Божьего.

Итак, он переселился на небо и присоединился к подобным себе исповедникам, и умножился сонм исповедников и мучеников от века, от чего все небожители возрадовались и возвеселились. Да спасемся мы, братья, его молитвами, а он да получит достойное воздаяние за свое преподобное служение! Благословенны и собравшиеся, как истинно благочестивые, как истинные мучениколюбцы, да будет часть их с тем, кого они погребали! Что касается досточтимых останков его, то я сделаю так, как говорил в письме о каноне, если благоугодно будет Господу.

Приветствуйте друг друга лобзанием любви (1 Пет. 5, 14). Письмо это надо прочитать всем братьям.

Приветствует вас господин архиепископ, протопресвитер, эконоом и прочие братья. Господь с вами. Аминь.

СІ. К ПЕТРУ, ЕПИСКОПУ НИКЕЙСКОМУ

Ответ наш на вопрос господина игумена таков, чтобы до праздника святых апостолов все были разрешены от епитимьи и причащались Святых Таин. Но с тем, конечно, чтобы священники не священнодействовали до созывания православного Собора, на котором будет дано всецелое разрешение и всецелое успокоение. Вообще все общежительные монахи, посвящены они или нет, пусть благословляют и благословляются, молятся и принимают молитвы.

А так как необходимо совершать и Божественную Литургию, чтобы рукоположить и пресвитера, и диакона, которые заменили бы отлученных, то не ненависть, а благодарность должно выражать за это, ибо нам заповедано апостолом *носить бремена друг друга* (Гал. 6, 2).

Впрочем, на будущее все исполнились такой решимости: если угодно будет Богу, по неисповедимым судьбам правды Его, чтобы опять было воздвигнуто гонение, то лучше перенести все даже до смерти, нежели предать истину.

Так мы, смиренные, думаем и всем отвечаем, а как представляется твоей отеческой святости, так, конечно, благоразумнее.

СII. К ЕВАРЕСТУ, СЫНУ

С великой скорбью и стеснением моего сердца, добавлю — и со слезами, пишу это письмо к тебе, брат, ибо я слышал, что ты умер греховной смертью. Говорят, будто ты отринул обет девства, одежду евангельскую, жизнь, уважаемую и Ангелами, и людьми, и взял себе блудодейно жену, или точнее сказать, Еву. Ибо она изгнала тебя из рая святой жизни, к скорби моей, грешного отца твоего, к стыду ангельского твоего братства, к похвальбе и превозношению диавола.

О, что случилось? Увы! Как овладел тобой этот дракон? В какую бездну зловония он вверг тебя? Из света сделался ты мраком, из священного благоухания Христова — нечистотой, из честного — бесчестным, из славного — бесславным, из свободного — рабом беса, из любимого — ненавидимым, из овцы Иисусовой — добычей дикого зверя. Добавлю еще больше: гонимый за правду стал пленником греха, исповедник — отступником, носивший на главе блаженство, как диадему, — лишенным дивного имени монаха.

Увы мне! Кто, услышав об этом, не вздохнет? Кто подумав об этом, не содрогнется? Ты посрамил монашество, устранил стоящих, поколебал опускающихся, испил чашу беззакония, соблазнил своими действиями равночтимых с тобой, увлекая их к вкушению смерти. О, скажу опять: что случилось с тобой, жалкий? Как омрачилась денница? Как сокрушился полезный сосуд? Как само имя твое не устыдило тебя, называвшегося Еварестом и ставшего Дизарестом?¹

¹ Еварест — благоугодный (греч.); Дизарест — неугодный (греч.).

Не ты ли в прошлом году приходил ко мне и к господину архиепископу, здоровый, благодушный, усердный, ходатаем за другого, брата своего, исправляя его? Как же ты так внезапно пал? Как ослеп? Как забыл и Бога, и нас, и прежде совершенные тобой аскетические труды и подвиги, тогда как ты был одним из полезных и поставленных на высшее служение? Что ожидает тебя потом?

Малое нападение диавола, похоть, имеющая вид сладости, но заключающая в себе обоюдоострый меч, горечи которого нет ничего желчнее. Овладев тобой, она отбросила тебя от высокой жизни, как с неба, и сделала как будто израненным и спящим в могиле. Ибо быть во грехе — значит не что иное, как быть в тлении.

Нет в тебе никакого умственного света, никакой надежды, никакой душевной сладости, никакого священного помысла, но глубокая ночь, смежение умственного ока, сердечные угрызения, страх перед каждым, ежедневное пребывание в болоте, подобно валяющемуся в грязи животному. Что сделал бес? До чего довела тебя проклятая похоть? Обольщаемые ею от века и здесь не получали пользы, лишались и небесных благ, наследовав только одно — вечный огонь.

Но возвратись сюда, сын мой, призываю тебя из глубины сердца, из глубины души, опаляющей меня, ибо твоя слава — моя, и, наоборот стыд. Приди, восстань, Господь повелевает. *Не помяну*, — говорит Он, — *грехов твоих* (Ис. 43, 25). И еще: *разве, упав, не встают* (Иер. 8, 4)? И еще: *Вижу, что ты огорчился* (Быт. 4, 6). И еще: *болезненна язва твоя* (Наум. 3, 19). Вот Благой Бог, вот милосердный Врач. Так прошу тебя, сын, ибо ты —

сын мой, хотя и умер. Не оставайся во грехе, скорее разорви опутавшие тебя дьявольские узы и, как будто восстав из пропасти, возвратись к дивному свету твоей прежней жизни. Я же приму тебя с распростертыми объятиями, не укоряя, но сострадая, не отягчая врачевства покаяния, но услаждая и облегчая его, насколько возможно. Поспеш, поспеш прежде, нежели придет внезапно грозный Ангел, чтобы насильно извлечь тебя из тела и отвести на вечное осуждение.

СШ. К ГРИГОРИЮ—ИГУМЕНУ

Исполняя обещание, мы уже писали тебе, как нашему сыну, чтобы ты пас тамошнюю паству с благоразумием, по заповеди Господней, не оставляя без внимания ничего, касающегося пользы братьев.

Ибо, если тот, кому вверены бессловесные овцы, не предается сну, а бодрствует, не бывает беспечным, а заботится день и ночь, чтобы какая-нибудь из них не была похищена дикими зверями или не исхудала, также остерегается воров и разбойников, отгоняет зверей, разговаривает со своими животными, и, идя впереди их, старается обеспечить их кормом, отдыхом у воды и под тенью, и делает все, что входит в обязанности пастуха, то как и насколько нужно трудиться тому, кому вверено попечение о душах, *кровь* которых, если она была сколько-нибудь чистой, *взыщется от рук его*, как написано (Иез. 3, 18)?

Будь же внимателен, сын, бодрствуя над паствой, исцеляй немощных, обращай заблуждающихся, увещевай, вразумляй, напоминай о царстве, обещанном живущим свято, и, напротив, о бесконечном

осуждении живущим порочно, *ибо, так поступая, и себя спасешь, и слушающих тебя* (1 Тим. 4, 16). Кто любит, тот тщательно воспитывает, а кто ненавидит, тот позволяет подвластным действовать по своей воле.

Также вы, братия и сыны о Господе, будьте как овцы, с любовью исполняя заповеди Его, проводите жизнь по-монашески, а не по-мирски. Пусть будет у всех одна воля, одно сердце, одна душа, пусть не будет моего и твоего, но все будет общим, пусть все будет чистым при помощи исповеди. А если не будет так, то вы и мирское потеряли, и истинными монахами не стали, и за это будете осуждены судом праведным.

По любви мы напомнили вам об этом. Будьте же здоровы и благоугождайте Богу, молясь и о нас, грешных, чтобы мы исполнили то, чему учим, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава. Аминь.

СIV. К МОНАХИНЯМ ИРИНЕ И ЕВФРОСИНИИ

При отправке брата и помощника эконома мы признали благовременным написать краткое письмо вам, сестрам о Господе. И мы спрашиваем, как здоровье вашей святой двоицы и всех сестер? Видите, как мы по своей преданности Богу спрашиваем и беседуем с вами, а не с другими сестрами. И справедливо, ибо где вера, там и любовь, влекущая и влекомая Духом Святым, а где это, там и попечение о теле.

Поэтому мы, недостойные, пишем, увещевая от лица Христова держаться доброго исповедания, ко-

торое мы все произнесли пред лицом Бога и избранных Ангелов, жить в Господе, отринув плотское мудрование, т. е. разорвав узы пристрастия к здешнему веку, и пребывать с Богом, Которого мы возлюбили, Которому уневестились, с Которым будем всегда. Будем любить Его, истинную Любовь, недоступный предмет желаний, единого Владыку неба и земли, любовь Которого к людям такова, что Он Сам принял образ раба, чтобы избавить нас от тления и сделать богами.

Какое великое обетование! Какая необыкновенная встреча на небесах! Там *праведники воссияют, как солнце* (Мф. 13, 43), там украшенные девством сочетаются с Нетленным Женихом, там подвизавшиеся в подчинении и послушании будут вечно ликовать, как начальницы Христовы, а поступающие наоборот, без сомнения, подвергнутся противоположному.

Итак, крестоносные сестры, будем остерегаться, чтобы нам вместо жизни и беспредельной радости не навлечь на себя наказания и вечного огня небрежностью и плотским растлением, непослушанием и жизнью, преданной страстям. Добродетель — от Бога и божественна, а порок — от сатаны и сродни ему. Избравшие первую суть боги и Божии, а избравшие второй суть бесы и принадлежат сатане.

Так и теперь мы приветствуем вас. Да не окажусь я для вас тягостным, как говорящий тяжкое, но скорее приятным, как увещающий от лица Божьего. Это слово обращено не к господам, — они учительницы других, — а к общине сестер, которую да сохранит Бог в добром здравии и благополучии, к похвале и мне, вашему наставнику, в день Христов, Которому слава вовеки! Аминь.

СВ. К АНФИМУ, СЫНУ

Закон Божий, страх и трепет Его, говорит так: *и тебя Я поставил стражем дому Израилеву* (Иез. 33, 7). Страж этой заповеди заставил меня, брат, опять письмом возвестить о грядущем на тебя мече Божиим, мече страшном, огненном, мече, ввергающем не тело, а душу в геенну огненную на бесконечные века.

Со слезами пишу я, несчастный, и горько вздыхаю, что это относится к моему сыну и ученику. Но что мне делать? Если не стану возвещать, то Бог взыщет кровь твою от рук моих, как Он сам сказал (см. Иез. 3, 18), и меня постигнет не что иное, как такое же осуждение на казнь.

О, брат, зачем ты сомкнул очи сердца? Зачем презрел Бога, взором Которого все потрясается и не может устоять. Ты прежде сошел с подвижнического поприща, ушел в места, которых не хранит Бог, нарушил печать чистоты, растлил душу и тело, сделался рабом греха. Потом, хотя и поздно, ты возвратился к нам в начале гонения, исповедуясь, соглашаясь на епитимью, обещая обратиться когда прекратится гонение. Притом ты был вразумляем экономом, был принят братом Дионисием, и избрал прекрасную ссылку, удалясь из дурных мест в места добрые, на которых очи Господни, и блаженство терпения гонений окружало твою голову. Прекрасно такое обращение, очищение, ангельское попечение!

Что же опять случилось? Что удалило тебя от Бога и предало диаволу? О, мое несчастье! Ты опять возвратился в болото греха, растлевая и растлеваясь женщиной, или точнее, женщинами. Поми-

луй, Господи, пощади, Боже! Оставил тебя Ангел-Хранитель твой, овладел тобой сатана.

Жив ли ты, несчастный? Но как может жить тот, кого пожирает человекоубийца? Видишь ли свет? Но как может видеть омраченный грехом? Молишься ли Богу? Но как может приступать к Господу тот, кто поработил себя диаволу? Где твое доброе начало, горячность, сокрушение, послушание, слезы, воспарявшая к Богу молитва, небесный образ жизни? Все исчезло, погибло. О, горькие мои вздохи о твоём безумии! О, если бы ты был бессловесным животным, которое не пойдет на Суд! Но прискорбно то, что ты — существо богосозданное, которому предстоит воскреснуть и явиться на Суд.

Приди же, погибший сын мой, приди, возвратись к Господу! Ибо Он, Человеколюбивый, опять примет, опять освятит, опять облечет в брачные одежды, опять заколет упитанного тельца, и в радости призовет Вышние Силы к твоему возвращению. Не ослушайся, сын мой, но образумься, возвратись, соединившись с твоим добрым братом Дионисием, прежде чем настигнет тебя меч вечной смерти.

СVI. К ЕВСТРАТИЮ—ИГУМЕНУ¹

Я обрадовался, получив почтенное письмо твое, любезнейший из отцов, и узнав, как идут дела твоего преподобия. Ибо я скорбел, получив от других людей, впрочем, надежных, известие о твоей лицемерной подписке. Выслушай меня, почтеннейший, я буду говорить откровенно.

¹ Написано в 821 году.

Я не могу понять, почему ты, будучи задержан царским чиновником, не подвергся мучениям, а был отпущен. Это служит поводом к молве. Известно, что никто из говоривших смело не остался без заключения в темницу или, по крайней мере, без ссылки или изгнания. Те же, кто избежал этого, были увлечены — так скажу я, чтобы не опечалить тебя, произнеся что-нибудь более суровое.

Разве ты не видел, прозорливейший, тяжкого гонения от Льва, одноименного дикому зверю, рука которого хватала, убивала, губила и — что человеколюбивее — заключала в темницу после тяжкого бичевания, не только подвластных ему, но и находившихся под властью другого? Если же ты сам ничего такого не потерпел после задержания, то, извини, святой муж, ты был уловлен.

Не говори мне, что таким образом были сохранены собственные церкви и остались неповрежденными изображения, так же, как сохранилось и поминание нашего Святейшего Патриарха. Так любят говорить и другие увлеченные. Все это не могло быть спасено иначе, как изменой истинному исповеданию.

Что за польза от того, если мы сами, являющиеся и называющиеся храмом Божиим, стали непотребными, а бездушные дома постарались сохранить? Образ Христа или Богородицы, или другого святого не падает, — он пребывает в Них, как в первообразах, — но падают те, которые пытаются уничтожить его, как и те, которые, из угождения еретикам, забывают смелость и страдания за него.

Как? Одни умирают, другие отправляются в ссылку, иные подвергаются бичеванию, иные заключаются в темницу. Горы, пустыни, скалы и пе-

щеры населены блаженно гонимыми, а мы остаемся дома и думаем, что не получаем вреда? Нет. Пусть погибает весь видимый вещественный мир, главное — избежать верной гибели души, которой подвергается тот, кто выставляет такие предлоги.

Я сказал это по любви и для напоминания, чтобы мы удостоились принимать епитимью, и потому, что, когда восторжествует Православие, ничто не будет оставлено без исследования. Лучше прийти со смирением и исцелять немощи, нежели оправданием навлекать на себя большую виновность.

СVII. К БРАТЬЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ГОРОДЕ

Ныне, при отправлении брата Льва, я нашел благовременным написать письмо вообще всем вам, благословенные братья и отцы, чтобы напомнить то, что относится ко спасению. Ибо, и находясь в отсутствии, в этой ссылке, я страшусь и трепещу, при собственной тяжести грехов, за лежащую на мне заботу о вас и начальство над вами. Боюсь и страшусь, чтобы вы, поскольку живете в городе, не подверглись какому-нибудь падению, и чтобы тех благих дел, которые мы собрали многими трудами и усилиями прежде гонения и во время него, нам вовсе не потерять из-за кратковременной небрежности.

Я слышу о вашем непостоянстве, переселении: один брат уходит от другого и из одного места в другое, иной, — что еще более достойно сожаления, — живет один, другой имеет келью в доме, где есть женщины. А иной постоянно обитает в жен-

ском монастыре, другой поселяется там, где есть девицы, где огонь, сжигающий не сено, а дом души. Некоторые же, забыв законную жизнь, купили себе рабов и живут с ними, а другие купили себе поля.

О, несчастная душа моя! Как мне не вздыхать об этом? Как мне не страшиться, если я не стану возвещать оправдание Божие? Не обезумели ли вы, братья? Как вы, рабы Господа, стали рабами страстей? Как вы, жившие по закону, стали жить беззаконно? Почему вы, служители Христовы, *сыны преогорчевающие*, не оставляете порочной жизни, не пребываете в местах, свободных от соблазнов, не живете вместе по двое или более, по-апостольски?

Горе одному, горе не пребывающему в одном месте, горе пристрастному к женщинам, горе рабу рабов, горе Гиезию, который, приобретя поля и виноградники, наследовал проказу Неемана (см. 4 Цар. 5, 26)! Не божественные ли это слова? Разве я говорю что-нибудь от себя самого?

Когда свирепствовало гонение, тогда иной мог сослаться на нужду, впадая во что-нибудь из перенесенного мной, нужда ради веры сохраняла виновного. А теперь нет гонителя, никто не препятствует нам жить хорошо и вместе с другими, по крайней мере, с двумя. Ибо теми из вас самих, кто живет по закону, будут осуждены те, кто живет худо. Настоящее непостоянство не служит ли явным доказательством того, что вы не достигли мира?

Образумьтесь, увещеваю вас, *братия мои святые, участники в небесном звании* (Евр. 3, 1). Если же вы не исправитесь, то не так надобно будет называть вас, а наоборот, чего да не будет! Свидетельствую пред Богом и избранными Ангелами следующее: если кто по истечении данного ему некото-

рого времени не исправится, тот будет отлучен от причащения Божественных Таин властью, данной мне Господом над вами. Это сказано для созидания, а не для разрушения.

Вы же, братья мои, как сыны послушные, делайте добро, чтобы и Богу угодить, и меня, несчастного, избавить от греховной смерти, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава с Отцом и Святым Духом. Аминь.

CVIII. К ИОАННУ, ЕПИСКОПУ САРДИЙСКОМУ

Давно мы слышали, что твоя отеческая святость болеет, а недавно услышали, что находится почти в безнадежном состоянии. Этим мы, смиренные, были настолько тронуты и так опечалены, что хотели отправиться в те места и лично проверить неприятную весть. Но это не исполнилось по причине настоящих обстоятельств.

Поэтому мы вынуждены, как бы пребывая в собственном теле, лететь посредством письма, чтобы посмотреть на тебя, доброго отца, истинного друга, доблестного свидетеля истины. За нее ты отправлен в ссылку и заключен в темницу, за нее раньше *делался позорищем*, скажу словами апостола, для Ангелов и человеков (1 Кор. 4, 9), в тот день, когда твоя священная голова повержена была нечестивыми на помост, перед Каиафиным сонмищем.

О, что происходит с нами? Для чего спешит уйти отсюда столп Церкви? Останься с нами, останься еще, страдай за Евангелие, как добрый воин. Видишь ли, какая война, как нас подвергают ранам и поражают за слово Божие? Итак, умоляем, остань-

ся! Моли Христа, Которого ты исповедал и исповедуешь, поклоняясь Ему, изображаемому в человеческом виде, и Он услышит молитву твою.

Если же ты непременно уйдешь, если так повелевает Промысл, то сам ты, мы уверены, получишь награду за исповедание, а к нам умилоставишь Благого Бога своими молитвами не только об этом, но и о том, чтобы Он поспешил посетить Церковь Свою.

СІХ. К ИЛИИ, СЫНУ

Кто заставил меня писать к тебе, человек? Конечно, Бог, Который поставил меня пастырем и законодателем для тебя, Которому я дам отчет как за всех твоих братьев, так и за тебя. Ты по своей воле отказался от мира, добровольно предал себя в послушание, а потом сатана *просеял тебя*, оторвав от божественного общества. Затем опять, по милости Божьей, ты присоединился, и опять отступил по действию беса. После этого ты снова пришел и исповедался, обещая быть твердым на будущее время. Но, возвратившись из ссылки при Никифоре, ты не пришел вместе с прочими, а остался у себя, будучи уловлен змеем. И так доньше, а ведь царствует уже четвертый после Никифора.

До каких же пор ты, несчастный, будешь валяться в болоте греха? До каких пор не перестанешь бесчинствовать пред Богом и людьми? Разве не будет смерти? Разве не будет Суда? Разве не понесешь ты вечного наказания, одна мысль о котором удерживает от греха и обращает душу к покаянию?

Опомнись, человек, исправься, увещеваю тебя. Ты, строящий при помощи сатаны, перестань, по-

добно мирянам, строить дома по-мирски. Разрушивший дом души своей, не ищи оправданий, ибо никто не похитит тебя из руки Господней. Согрешив, не говори, что не перенесешь наказания. Перенесешь, сын мой. Так называю тебя я, смиренный, в надежде на твое обращение. Если я — отец, то и врачевать тебя буду с пощадой, с состраданием, с любовью.

Только пожелай, только подвигни себя, расторгни опутывающие тебя узы смерти. Помощь Божия близко, и Ангел, Хранитель жизни твоей, пойдет перед тобой. Радость будет на небе, заплачет диавол, порадуюсь я, несчастный, нашедший погибшую овцу мою, а со мной и все братство твое. А если нет, то будешь ты добычей диавола, наследником проклятия, от которого да избавишься ты, послушавшись меня и прибыв вместе со своим братом Силой!

СХ. К ДИМОХАРИ, ВДОВЕ

Со дня получения известия о смерти блаженного военачальника и до сих пор мы искали, но не находили удобного способа послать письмо твоему почтенству. И теперь, посылая его, не можем ничем помочь тебе и облегчить тяжесть скорбного сердца. Ибо какое может быть найдено слово, чтобы врачевать такую скорбь?

Однако мы пишем, чтобы засвидетельствовать, что и мы скорбим не только об отошедшем ко Господу, — он, муж добрый и благочестивый, защитник Православия и поборник мира, к несчастью, оставил нас, — но и о тебе, оставшейся без помощи супруга, и притом горячо любимого. Таким образом ясно, что твое горе нельзя облегчить.

Но так как ты не не знаешь Божественного определения: *земля ты, и в землю возвратишься* (Быт. 3, 19), и еще: *не скорбите об умерших, как прочие, не имеющие надежды*, ибо они будут приведены Богом вместе с Иисусом во время Воскресения (см. 1 Фес. 4, 13–14), то увещеваем и убеждаем оставить чрезмерную скорбь, принять малое утешение, прийти в себя, успокоить душу. Ибо и детей ты имеешь, и родственники твои отличаются высокими качествами, и, если ум не приободрится и не сможет преодолеть страсть, то никогда не будет в состоянии правильно распоряжаться и управлять. Все сказанное будет полезно и для самого блаженного, а что может быть вождеднее этого? Что же остается, госпожа?

Воздай хвалу Благому Богу; скажи вместе с Иовом: *Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось* (Иов. 1, 21). За это поистине тебе будет величайшая слава и откроется, супругой какого образованного мужа ты была. Подлинно, он был и учен, и мудр, и наставник несведущих. Поэтому, как он был прекрасным примером для мужей, так ты будь примером для жен, не предаваясь плачу и давая видеть, что Бог — Покровитель твой, Который и извел тебя из небытия в бытие, и привел в цветущий возраст, и сочетал с таким мужем, и, разлучив, опять соединит через воскресение. Считай это событие только временной разлукой.

Разве ты не перенесла бы это лишение, если бы приказал земной царь? Переноси же, госпожа моя, и то, что назначил единый Истинный Царь всех. Так увещеваем и веруем, что ты встретишь супруга в тот день, соблюдая вдовство в Господе и наилуч-

шим образом воспитывая добрые побегии, которые также приветствуем и убеждаем так же, как и тебя, с благоразумием переносить утрату отца и по материнскому распоряжению настраивать себя на все доброе.

СХІ. К МОНАХАМ МИЕЛЬСКИМ

Кончина возлюбленного брата нашего Дионисия, по воле Божией, определенной прежде сложения мира, уже совершилась. Вам же, братия, да воздаст добром Господь за то, что вы оказали гостеприимство ему, заболевшему в пути, в превосходной вашей обители, и притом до тех пор, пока душа его не оставила тела своего на земле и не взлетела на небо.

А что этот брат достоин переселения туда, об этом свидетельствует, во-первых, испытанное послушание его от юности до старости. Во-вторых, он дважды был заключен в темницу, однажды ходил на запад, как посол от нашей Церкви. Его благословили апостольские уста и восхвалила Церковь Римская, о нем свидетельствовали и многие из его братства.

Это — муж, *сильный в деле и слове* (Лк. 24, 19), исполнитель заповедей Божиих, столп и утверждение собственной обители, явивший много примеров добродетели. То же самое и теперь, во время нынешнего гонения: обходя города и селения, он служил слову истины, переносил лишения и скорби, пока не испустил дух, переселившись ко Господу.

Такому, как показывает истина, рабу Господнему вы оказали гостеприимство, и таким святым останкам по Промыслу Божию суждено упокоиться у вас. Поэтому мы еще более воспылали любовью по

Богу к вам и желаем вам благ Вышнего Иерусалима за то, что вы от искреннего сердца приняли преподобного Дионисия, память которого с равночестными святыми.

СХІІ. ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ К СВОИМ УЧЕНИКАМ

Братия и отцы! Другие с прискорбием извещают о кончине своих, а я с великой радостью. Почему? Потому, что умершие святые братья наши являются причастниками небесного звания. Анф, соответственно имени своему процветавший добродетелями¹, и Дионисий, отличавшийся праведностью, подобно Дионисию Ареопагиту. А какова была смерть того и другого, об этом следует сказать.

Один из них, Дионисий, уже возвращаясь из своего странствия, на обратном пути заболел в последний раз и свято скончался в монастыре Миельском. Другой, подвергшись болезни, вытерпел, если не дерзновенно сказать, страдания приснопамятного Иова. Ибо я видел, как плоть его истощалась и кости приставали к плоти, были невыносимые боли, мучения от ран, необычайное истечение чрева, оставалось одно только дыхание. Несмотря на все это, он с благодарностью отошел ко Господу.

Вот мужи блаженные, и притом мученики, — Дионисий, испытанный труженик Божий, и Анф, агнец Христов, Дионисий, проходивший подвиг послушания с юности до старости, и Анф, с детства до среднего возраста посвятивший себя послушанию.

¹ Анф — цвет (*греч.*).

Оба — сосуды, благоугодные Владыке Богу. И не только тем отличались они, за что уже удостоились похвалы прежде, но и тем, что надели на себя диадемы заключения под стражу за правду. А что может быть славнее этого?

Один из них имеет и другую причину для похвалы. Именно он служил господину брату моему и архиепископу, служил долго, и не только долго, но и весьма похвально, во всех отношениях достойный удивления брат.

Что же скажем на это, братия? То, что мы, как и все люди, непременно переселимся отсюда, и переселимся из странствования к истинному покою, из мрака в свет, от смятения к тишине, от войны к миру, туда, где нет жалящего змия, где не нужно бояться перемен, где каждый получит *соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое* (2 Кор. 5, 10). Поэтому постараемся и мы, братья мои, свято окончить жизнь, чтобы избежать вечного осуждения и удостоиться царства небесного.

Страшно впасть в руки Бога Живого (Евр. 10, 31). *Бог наш есть Огонь поедаящий* (Евр. 12, 29). Будем бояться, возлюбленные дети, будем трепетать, восстанем против дракона-диавола, и те, которые по видимости стоят, и те, которые пали. Ибо для первых и кратковременная слабость может стать причиной смертельного падения, а последним и малое исправление даст исцеление душевных ран: *разве, упав, не встанут и, сокрушившись с дороги, не возвращаются* (Иер. 8, 4)?

Итак, братия мои, дверь еще не закрыта, торжество еще не кончено. Пощадим самих себя, будем следить за собой: как мы живем в городе, где сидим

с кем разговариваем, какова наша пища, отдых, сон, беседа, песнопение — все ли угодно Богу, все ли полезно ближнему.

Будьте милостивы, оказывайте помощь, пусть никто не делает ничего непристойного. *Какая польза, если весь мир приобрету, а бедную душу мою погублю* (Мф. 16, 26)? Что ожидает меня в день смерти за наслаждение земными удовольствиями? Что я почувствую, когда увижу, что бывшие равными мне взяты в царство Божие, а я брошен во тьму кромешную? Поистине, братия мои, ничто — и плотские пристрастия, и земное царство, ничто — временная слава и преходящее богатство, ничто — мимолетное наслаждение. Ибо нет никакой пользы от того, что считается пристрастными к здешней жизни хорошим и прекрасным, но *все — суета и томление духа*, как говорит испытавший все приятности этого века (см. Екк. 1, 14).

И, о, если бы только суета! Но за нее готовятся вечные мучения тем, кто предавался ей. Нам же, кому дарована от Господа духовная жизнь, какое угрожает наказание, если мы не избежим суеты? Поэтому, братия мои, напоминаю, увещаю, убеждаю, как должник, как раб ваш ради Господа, станем и впредь жить праведно и преподобно, чтобы наследовать вечную жизнь во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки. Аминь.

СХІІІ. К ЕВФРОСИНИИ—ИГУМЕНИИ

Случившееся с блаженной госпожой и общей матерью — ибо я не откажусь назвать ее и нашей

матерью за ее добродетель,— требовало, чтобы мы сами прибыли и воспели ей подобающую надгробную песнь, а тебе, осиротевшей и оставшейся без общения и единения со своей матерью, выразили утешение, если бы только нашлось такое лекарство, которое могло бы облегчить скорбь и уныние души твоей. Но так как приехать сейчас невозможно, то наше посещение совершается через письмо.

О, как отлетела от нас прекрасная мать, христоносная жена, сокровище благоразумия, благодатная личность, святилище благочестия, показавшая вполне, что дни и непостоянны, и постоянны, священный храм, масличная роща сострадания, милосердие с пожертвованиями, поистине богосозданное существо, независтливое око, незлобивое сердце, прежде смерти отказавшееся от здешнего мира для возлюбленного Жениха Христа и бесконечной и нетленной жизни?

О, какими словами мог бы я выразить почитание, переполняющее мое сердце? Хотя я и поздно узнал эту госпожу и присущие вам добродетели, и испытал их так, как если бы кто-либо концом перста коснулся меда; однако, и мало вкусив, он получает понятие о всей сладости. Но, кроме того, я получил сведения и от сестер, больше испытывавших вашу добродетель, и теперь имею достаточное о ней представление о Господе.

Какую же жизнь она проводила прежде? Мне нужно обратиться к самому началу и немного замедлить речь для утешения. По происхождению, и по месту, и по нравам, она из Армении, с восхода солнца, откуда и добродетель. Если же говорить о кровном родстве, то и в Армении, и в Греции военачаль-

ники и правители народа были в родстве с царями. Здесь я говорю о ее супруге, ибо муж ее имел там первенствующую власть военачальника, и достоинство патриция.

Будучи отлучена от него смертью, она не осталась без супруга, но захотела иметь Женихом, не начальника или царя, как желают многие, преданные плоти и крови, но единого Прекрасного Жениха, Начальника мира. Поэтому она, как одноименная миру¹ невеста, обручилась монашеским обетом с Царем всех Христом, Господом славы.

Как видно из вышесказанного, она, совершая угодное своему Возлюбленному, явила в монашестве следующие доблести. Она была украшена светлой молитвой, сокрушением, пролитием слез, незлобивым языком, кротким нравом, христоподобным смиренномудрием, управляемой заповедями рукой, богомысленным умом, пламеневшим огнем любви Христовой сердцем, и, наконец, православным богопочтанием и тщательным удалением от общения с еретиками, бесстрашным дерзновением. И удивительно, как она во время свирепствовавшего гонения, при помощи Божией сохранила от него не только себя, но и тебя, госпожа, и всю твою святую общину.

Она запечатлела свой исход прекрасным концом, причастившись Святых Таин из православных источников и отшедши отсюда с радостью, что служит яснейшим доказательством достижения желаемых благ — Христа и постоянного пребывания со Христом. Так жила эта блаженная и так свято отошла и, как веруем мы, грешные, пребывает в таком состоянии.

¹ Ирина — мир (греч.).

Впрочем, надо поговорить о тебе, госпожа моя. О том, что, хотя и горестна разлука, однако ты — как мы слышали и весьма похвалили тебя — перенесла ее с благодарностью, не издавая безумных воплей и не предаваясь отчаянному плачу, но так, как прилично и следует истинной монахине и прекрасной учительнице, назидательной своим примером души, вверенные тебе Господом. Вернее сказать, ты вела себя как невеста по плоти, как дочь о Господе единокровная и единомысленная со приснопамятной матерью своей, равная ей по добродетельной жизни. Ибо одна душа была в двух телах, к вашей хвале и славе.

Итак, госпожа, не навсегда разлучилась с тобой мать твоя, но на краткое время, пока и мы не пойдем тем же путем. К тому же она и теперь присутствует здесь духовно и помогает тебе в делах, а что еще лучше, находясь ближе к Богу, молится о тебе и о сестрах твоих. Поэтому, не падай духом, увещеваем тебя, не думай, что ты осталась без покровителей, так как ты не одинока. Ты имеешь мать и прежде нее — Бога, Которому принадлежит все, а также и нас, грешных, по просьбе ее, высказанной и до смерти, и при смерти, если только может чем-нибудь помочь человек грешный. Такова наша надгробная речь.

Ты же, блаженная душа, — обратимся к усопшей, — не нас проси о том, чтобы Бог был милостив к тебе и чтобы мы были покровителями дочери твоей, но сама умили створи Его к нам своими молитвами, — ибо мы надеемся, что ты можешь сделать это, — сама будь покровительницей и для нас, и для всей паствы твоей о Господе, Которому слава вовеки! Аминь.

СХІV. К ЮЛИАНУ—ВЕСТИТОРУ

Так как ты, добрый брат, приветствовал нас через брата, то я признал за благо ответить тебе приветственным письмом, чтобы показать, какую я питаю любовь к твоему почтенству, а кроме этого, какую имею заботу о твоём спасении от искушений диавола. Ибо ты знаешь, возлюбленный, что он, как лев, постоянно ходит, ища, кого поглотить (1 Пет. 5, 8).

Будь же внимателен, помни обеты. Ибо написано: *если ты согрешил, не прилагай более грехов и о прежних молись* (Сир. 21, 1). И еще Господь говорит: *Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Отец отсекает, и бросают ее в огонь, и сгорает* (Ин. 15, 2, 6). Зная об этом, убоимся, будем подвигаться ради спасения душ наших, прежде, нежели наступит час смерти, чтобы нам не быть отсеченными, как бесплодные и негодные, от доброй виноградной Лозы, которой является Христос. *Я пришел,* — говорит Господь, — *не судить мир, но спасти мир* (Ин. 12, 47). И еще говорит Он: *если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем* (Ин. 15, 22). И еще: *слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день* (Ин. 12, 48).

Благой Бог уже все совершил для нас, возлюбленный: явился на земле, принял образ раба, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной (Флп. 2, 7—8). И это сделал Господь славы, держа все словом силы Своей (Евр. 1, 3), не только восстановил нас из тления, перешедшего к нам от первозданного, но и обожил нас через святу

Плоть Свою, так что мы удостоились называться и братьями Его, и сотелесными Ему, и сопричастниками, и сонаследниками Его. Поэтому мы должны следить за собой со всей внимательностью.

Среди сетей ходишь ты, пребывая в городе; смотри, чтобы не попасть в них. В страхе Господнем пусть происходит твое общение с добрыми мужами, избегай живущих неосмотрительно, избегай юношеских шуток и забав, избегай душепагубных пиршеств и пьянства. *Никакое гнилое слово да не исходит из уст твоих, а только доброе для назидания слушающим* (Еф. 4, 29). Не стремись к обогащению, ибо *наг* пришел ты в этот мир, *наг и возвратишься* (Иов. 1, 21). Не люби славы здешнего мира, ибо она проходит, как дым. Люби одно только благо, чтобы иметь сердце чистым от скверного греха, чтобы получить царство небесное и избежать вечного осуждения.

Соблюдай данные тебе заповеди, преклоняй ухо свое к бедному, подавай нуждающемуся, когда имеешь, чем помочь. *Две лепты бедной вдовы превзошли все, что бросали в сокровищницу* (Мк. 12, 43). Пусть не будет в устах твоих клятвы, ибо кленущийся не спасется, хотя, казалось бы, он исполнил все заповеди. Посещай заключенных в темнице, чтобы и тебя посетил Господь. Молись непрестанно и пой в сердце, чтобы в тебе обитал Дух Святой. Вот лишь некоторые выражения любви, заповеди благие, которые да сподобимся мы оба соблюсти, да спасемся во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

СХV. К ЕВФРОСИНИИ—ИГУМЕНИИ

Как прекрасно письмо твоего почтенства, выражающее скорбь о кончине преподобной матери и вместе с тем не забывающее о надежде! Истинно, нельзя оставаться совершенно без скорби и без слез при разлуке с почившими, предосудительно, — ибо это знак бесчувственности, — так, с другой стороны, чрезмерно предаваться печали свойственно не имеющим надежды воскресения.

Теперь же, сестра о Господе, когда мы уже достаточно предавались скорби, обратимся к самим себе, не для того, чтобы извергнуть из сердца образ этой святой, — да не будет этого, ибо он станет напоминать нам о всяком утешении и управлении, — но чтобы ободриться и совершать предстоящий подвиг подвижничества. Мать не оставила тебя в незрелом возрасте, не сведущей в божественном и неопытной в житейском, но, по благодати Христовой ты во всех отношениях подготовлена: и опытна в жизни, и исполнена благоразумия, и обогащена знанием, и способна к управлению.

А так как дни жизни человеческой не бесконечны, то позаботься о собственной безопасности, взяв себе помощницу или из своей обители, если есть, или извне. Ибо невозможно найти женщину, которой можно было бы поручить возникающие иногда трудные дела, такие, которые разрешить один ум не в состоянии.

Равным образом будь внимательна и к управлению подвластными сестрами, руководи или о Господе со всяким долготерпением, состраданием, требуя исполнения должного. Не будь слишком строга, но

будь подобна кормилице, которая холит своих детей, всецело посвящая себя им, с готовностью отдать за них душу, а с другой стороны, не выпускающая совсем бразды правления, ибо это бывает причиной распушенности, бесчиния и нелюбви к детям.

Ты знаешь, как ты поступала в присутствии матери, знаешь, что глаза всех обращены к тебе, как к Богу, взирая на лицо твое, посредствующее между ними и Им. Если же ты сама будешь так поступать, то очевидно, что и им не должно ничем иным дышать, как только тем, что ты, учительница, любишь, и заповедуешь, и приказываешь. И вообще они будут, как истинные дети по отношению к матери, как отдельные члены — к голове, как цветы — к кусту. Ибо для того они и собрались в одно место, оставив мир и все в мире: родителей и братьев, родственников и друзей, имуществво и плотские пристрастия — для того они возлюбили девство и обручились со Христом, чтобы, прожив свято и девственно, унаследовать царство небесное и войти со Христом в небесный и неизреченный чертог.

Таков и для них, и для тебя, госпожа, подвиг и обетование. К этому и будем внимательны, этим будем воодушевляться и жить, не смотря по сторонам и не обсуждая, каков этот монастырь, каков другой, ибо это вредно. Мы должны приспособляться к заповеди, а не к ближним, ибо никто заботящийся об угождении ближнему не станет ходить право и поступать богоприлично. Так как настоящий род и малодушен, и отступил от строгой жизни, и заимствовать от него правила тщетно и бесполезно, то мы должны взирать туда, где священная жизнь, где сияет угождение Господу.

Видишь ли, сестра и мать духовная, как откровенно побудила меня говорить с вами любовь Божия? Ничего более не мог бы я сказать, если бы стал беседовать со своей матерью и сестрами по плоти. Впрочем, все мы Тело Христово и призываем одного Отца, Благого Бога нашего, так что все мы — братья между собой и сотелесны, и сопричастники, и сонаследники. Поэтому мы с любовью желаем вам спасения, как желает с любовью Господь, и как заповедано. Мир тебе, госпоже матери. Мир сестрам во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

СХVI. К ИОАННУ—ПУСТЫННИКУ

Когда кто-нибудь увидит приятное зрелище, то обычно и удалившись, всегда созерцает его в уме. Так и мы, смиренные, однажды увидев тебя, богопочтенный, и побеседовав с тобой, не забыли, но представляем тебя в уме, также испытывая удовольствие при виде человека Божьего, сияющего божественной благодатью в лице и в беседе и побуждающего к славословию Бога. А приобрел ты это пустынным уединением и молитвенным общением с Богом, озарившим твое лицо неизреченным светом, как у Моисея.

Поэтому мы желали бы опять увидеть тебя и стать причастниками присущих тебе даров благодати, приняв хотя и в меньшей мере, освящение, которое ты получаешь от Бога, а мы от тебя. Видишь, как Бог прославил тебя за то, что ты прославил Его? Да прославит Он тебя и при конце жизни, достойно совершающего поприще! О нас же, грешных, помолись, чтобы нам хотя бы начать спасительное попри-

ще, ибо мы, низайшие, далеки от Бога. Это первая тема письма.

Вторая — о пустынноике Феоктисте. О том, как он отпал из-за некоторых еретических мыслей от тела Церкви, ты, честнейший, сам знаешь лучше нас. Мы же, два года тому назад находясь вблизи от места вашего пребывания, узнали об этом от людей, знающих этого человека. Впрочем, и своим письмом мы напоминали и увещевали его воздержаться от тех мрачных и бесовских речей и лучше православно мыслить о Пресвятой Богородице и прочих предметах. Теперь брат наш Никанор, придя к нам, известил нас, что этот человек пришел в раскаяние и желает быть единомысленным с Церковью, но говорит, что не получал моего письма и желает получить.

Отец святой, ты знаешь, что написано: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15, 19); и еще: *обративший грешника от ложного пути его покроет множество грехов* (Иак. 5, 20). Поэтому твоей святости нужно восстать и подать руку помощи заблуждающемуся. Ибо в этом ты будешь помощником Божиим.

Как же это сделать? Пригласи Феоктиста к себе и поговори с ним о должном. И если найдешь его послушным Божественному слову, то скажешь и о мне, смиренном, что и я к тому же самому стремлюсь, желая ему спасения. Когда испытываешь его, отец, и если он пожелает, то я охотно пошлю ему письмо, чтобы с двух сторон был привлечен и приобретен погибающий. Ибо этого хочет Бог, для того и пришел Он на землю, чтобы *найти* и *возвратить заблудившуюся* овцу (Мф. 18, 12–14), и как на

доказательство любви к Нему с нашей стороны указывает на любовь к ближнему.

Всеми силами нужно стараться исполнить это, преподобный отец; по такому побуждению я и написал тебе. Если же после таких стараний он будет упорствовать и не послушается, то *увидит грешник* (Пс. 111, 10). Господь говорит: *оставьте их: они — слепые вожди слепых* (Мф. 15, 14). А как благоустроит Господь, благоволи, отец, известить меня почтенным письмом своим.

СХVII. К МАРИАНУ—СПАФАРИЮ

Писать к тебе побуждает нас твое благочестие, ибо ты говоришь, что находишь в этом пользу. Я же не думаю так, считая и жизнь, и слово наше бесполезными. Ты говоришь так, вероятно, по любви. Ибо *любовь*, говорит апостол, *не мыслит зла* (1 Кор. 13, 5). Впрочем, как бы то ни было, я уступаю и повинуюсь тебе, нашему другу, доброму мужу, преславному начальнику, питомцу благочестия, воспитанному в Православии, человеку Божьему, любителю монахов.

Много у тебя похвального, прекрасны твои доблести. Но смотри, господин мой, *поступай осторожно*, — это говорит апостол, — *не как неразумный, но как мудрый* (Еф. 5, 15), не как плотолобец, но как боголюбец, не как бессмертный, но как помышляющий о кончине. Это общий долг, неизбежный конец. *Какой человек, сказано, проживет и не увидит смерти* (Пс. 88, 49)?

Что же, скажешь ты, свойственно тем и другим? Я объясню тебе, друг: первым свойственны ликования, забавы, шутки, сквернословие, пьянство, обя-

дение, высокомерие, тщеславие, пристрастие к изысканным нарядам, происходящее от взаимного соперничества, страсть к обогащению, распутство и еще большие и тягчайшие пороки, о которых умалчиваю из уважения к твоей власти. *Делающие же это царства Божия не наследуют*,— объявил апостол (1 Кор. 6, 10).

Теперь покажу тебе и достоинства других. Это — нищета духа, слезы сокрушения, кротость, мир, милосердие, обращение ума к Богу, нелюбостязание, отвращение от мира, довольство всем, воздержание по мере сил каждого, любовь к Господу, создавшему нас и предавшему Себя на смерть за каждого из нас. Эта любовь выше жены, детей, родителей, братьев и всех вообще.

Это и подобное этому свойственно истинному христианину. Ибо не думай, господин, будто сказанное относится только к монаху, хотя к монаху особенно, но и к мирянину также, кроме безбрачия и нестяжательности, за несоблюдение которых мирянин не осудится. Впрочем, и у него есть времена воздержания и законы умеренности. *Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в неизбежную пропасть* (1 Тим. 6, 8—9); и еще: *имеющие жен должны быть, как не имеющие* (1 Кор. 7, 29). Вот, господин мой, ты заставил меня возвестить тебе оправдание Божие.

Постараемся оба спастись. Довольно было нам в прошлом исполнять волю плоти. *Теперь*,— говорит апостол,— *время благоприятное, теперь день спасения* (2 Кор. 6, 2). Благой Бог ожидает плода от нас до последнего нашего вздоха, чтобы не сказать: *сруби его, на что и землю занимает* (Лк. 13, 7),

чтобы не запереть двери для нас, так что уже не откроются, чтобы не взял нас диавол с собой на вечные мучения, чтобы нам не быть застигнутыми внезапно.

Сколько раз мы давали обещания, что, если избавимся от болезни или какой-либо опасности, или скорби, будем искренне служить Богу, и потом забывали об этих обетах? До каких пор Он будет терпеть? До каких пор будет попускать? Каждого из нас ожидает спустя немного неизбежный исход. Да не окажемся мы неподготовленными, не имеющими добрых дел, чтобы не постигло нас вечное и бесконечное горе. Но будем готовы благоугодить Богу, дабы нам удостоиться царствовать вместе с Господом в бесконечные века. Да будет!

СХVIII. К ЕВФРОСИНИИ—ИГУМЕНИИ

Теперь, когда ты перестала оплакивать блаженную мать, я еще более одобряю твое почтенство, ибо отправившийся к вам экононом извещал, что ты утешилась в Господе. Это доставило облегчение и моему смирению, заботящемуся о тебе, как о сестре во Христе. Истинно, госпожа, о любимых естественно плакать, выражая любовь, но должно богоприлично и утешаться, руководствуясь надеждой, чтобы не впасть в ту или иную крайность и не нарушить добра. Неумеренная печаль равна бесчувственности.

Будем руководиться умеренностью и Божественными правилами, особенно мы, избравшие обет совершенства. Плакал народ о боговидце Моисее, но — сорок дней, и праотец Иаков с детьми о дивной Рахили, но — в течение немногих дней, и о нем самом — преславный Иосиф, и о других другие в

Ветхом и Новом Завете, но определенное время, а не всегда. Так и ты, сделав и делая то же, достойна похвалы от Бога и людей. Умом постоянно созерцай свою возлюбленную мать, — я это очень советую, — отчего у тебя будет полное сокрушение, отвлечение от мира, любовь к Богу, приготовление к такой же кончине. А что может быть спасительнее этого?

Вверенную тебе паству паси свято, как мать духовная, а не как начальствующая по-человечески, являясь сама образцом в исполнении заповедей. Не требуй от других сверх силы их, дели свою любовь поровну между всеми, не прилепляйся ни к кому из сестер по кровной склонности. Видишь ли, как определено нам истиной?

Но что говорит великий Петр? *И когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы* (1 Пет. 5, 4). Как радостно будет тебе сказать пред Господом: *вот я и дети, которых Ты дал мне* (Ис. 8, 18). Я прибавил бы еще: *я не спешил быть пастырем у Тебя и не желал бедственного дня, Господи* (Иер. 17, 16). Подлинно так. Ты все отдала Богу, *все почитаешь за сор, чтобы приобрести Христа* (Флп. 3, 8). Поэтому, если будут скорби, которые неразлучны с живущими по Богу, то переноси, госпожа.

Ибо много скорбей у праведных (Пс. 33, 20), как говорит Давид, скорби, навлекаемые врагом и с духовной, и с чувственной стороны. Ты не знаешь умышлений его, отвращай козни его молитвами. *Наша брань не против крови и плоти*, как говорит апостол, *но против начальств, против властей века сего* (Еф. 6, 12), избежать сетей которых — поистине подвиг.

Ты имеешь душу, в которой можешь слагать все случающееся. Отсюда обуздание греха и помощь Божественная. Посему находящиеся под твоим начальством сестры должны сообщать тебе о своих стремлениях и о том, к чему каждая имеет больше склонностей. А тебе предстоит принимать их: одну утешать, другую ободрять, иную предостерегать и всем предоставлять потребное. И не будь небрежна при этом, Бог поможет, Господь укрепит. Мы только начнем, а Он Сам *научает разумению* (Пс. 93, 10). *Ревную о вас*, — говорит апостол, — *потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11, 2).

Так разумеј наши дела, имея в виду конечную цель такого обручения, хотя, с другой стороны, мы — грешники. Бог же мира, Который мать твою Ирину взял к Себе в мире и святости, да сподобит и тебя идти по стопам ее во Христе, Боге нашем, Который упасет пасущую и направит управляющую, Ему слава вовеки. Аминь.

СХІХ. К ИАКОВУ—МОНАХУ

С опозданием мы посылаем тебе ответное письмо, честнейший брат, потому что время было трудное. Мы отвечаем тебе взаимной любовью, но негодуем на выдуманные тобой похвалы нам, так как мы не имеем в себе ничего похвального. Радует нас пламенная ревность твоя к строгой жизни, тому, что ты остерегаешься безразличия людей беспечных, о котором в твоём письме идет речь.

Я не думаю, любезнейший, чтобы указанное тобой лицо, говорило и делало так. Ибо как может иерарх пресмыкаться по земле? Как может подвизав-

шийся в исповедании действовать наравне с неревнующими и непосвященными? Ты говоришь, будто он утверждает, что сидеть в епископском доме, хозяин которого предан нечестию, не возбраняется и принимать угощение от собравшихся лжеепископов нисколько не противно правилам благочестия. Разве это не противоречит истине? Святой Давид поет: *елей же грешника да не помажет головы моей* (Пс. 140, 5). И святой Афанасий повелевает нам не иметь никакого общения ни с еретиками, ни даже с теми, которые общаются с нечестивыми.

Разве не общение — сидеть в таком месте и от таких принимать угощение? Даже, если бы кто не сидел там, но только получал оттуда пищу, то и само подаяние, и принятие ее было бы общением. Ибо апостол говорит: *вы знаете, филиппийцы, что когда я вышел из Македонии, ни одна Церковь не оказала мне общения подаянием и принятием, кроме вас одних; вы и в Фессалонику и раз, и два присылали мне на нужду* (Флп. 4, 15–16). Если же помощь, оказанную один и два раза, свет мира назвал общением, то кто из благоразумных не станет избегать постоянного принятия от еретиков, как противного свету?

Впрочем, твоей святости нужно кротко и смиренно напоминать отцу, и, если он послушает, то мы приобрели отца, если же нет, то будем беречь самих себя. Что касается крещения детей такими людьми, я написал целое письмо к тому, кто спрашивал об этом предмете. Такое же письмо послал я и твоему почтенству, считая излишним дважды пустословить об одном и том же. Так думаю я, смиренный, и вижу, что и святые так думали. Впрочем, каждый пусть считает так, как ему кажется.

Принимающий хлеб, может быть, скажет, что он принимает его от обратившегося в Православие и исполнившего епитимью, но это не так. Пока уклонившийся в ересь удерживает епископство, хотя и не священнодействует, он не должен участвовать во святине. Истинное покаяние требует оставить епископство и удалиться, как и поступили некоторые, от них безвредно принимать что-нибудь, с ними позволено и вкушать пищу.

Ничего другого добавить не могу, кроме просьбы к тебе — молиться о моем смирении, чтобы мне не только право говорить, но и право поступать в действительности.

СХХ. К НИКИТЕ—НАМЕСТНИКУ

Так как твоя преданная заповедям рука присылала нам в дар то одно, то другое, то пусть примет она и от нас, уничиженных. Наши дары — это молитвы, благодарения и, если нужно добавить еще что-нибудь, увещания. Какие же?

Чтобы вы боялись Бога, держались правой веры, удерживались от плотских похотей, блуда, прелюбодеяния, нечистоты, всякой другой неумеренности, а, напротив, старались творить дела Божественные, миловать бедных, щадить рабов, подавать руку помощи ближнему, смиренномудрствовать, сокрушаться и не рассеиваться чувствами, от которых происходит греховная смерть, быть умеренным и, *не упиваться вином, от которого бывает распутство*, по словам апостола (Еф. 5, 18), не предаваться сребролюбию, в котором *корень всех зол* (1 Тим. 6, 10), постоянно молиться, заниматься чтением, псалмопением, помышлением о смерти, от которого бывает

сокрушение души и слезы. Истинно, христиане, настоящая жизнь — это время слез, а не смеха.

Никогда не божитесь и в клятвах не произносите устами преславное имя Божие, ибо кленущемуся невозможно спастись. Будьте чистыми от Каиновой зависти, пагубной клеветы, богопротивной ненависти, злословия, лишаящего царства небесного. Почитайте царя и родителей, любите жену, как самого себя, и не знайте ложа блудницы, за это постигает гнев Божий, ибо *блудников и прелюбодеев судит Бог* (Евр. 13, 4). Воспитывайте детей свято и являйте им собой пример благоразумия, исполняйте все прочее, чего требуют заповеди для спасения души.

Это, господин, воздаяние за добрые дары твои, которого не презри, хотя оно и произнесено презренными устами. Ибо заповеди Божии ценнее всякого золота и драгоценных камней.

СХХІ. К ФОМЕ, ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМСКОМУ¹

Ваше верховное блаженство может представить, как мы, смиренные, обрадовались, удостоившись письменно получить Ваше премудрое приветствие. Восседая на апостольской высоте и представляя лицо брата Господнего по законному преемству, Вы по справедливости могли бы оказать честь маловажным, подобным нам, людям и простым приветствием, а не такими высокими похвалами. Мы так далеки от них и едва осмеливаемся думать, что эти похвалы относятся к нам, а не к кому-либо из доблестных мужей, например, к священнейшему архипасты-

¹ Написано в 821 году.

рю нашему, которому, по справедливости, подобает всякое слово похвалы.

Впрочем, как иначе открылась бы ваша богоподобная благосклонность, если не через эти похвалы, выразившие отеческое снисхождение, подобно свету солнца, разливаемому лучами? Как иначе обнаружилось бы ваше единодушие и единомыслие с нами, если не через отмежевание от тех, кто перешел на сторону противников, кем бы они ни были.

И хотя дерзновенно, однако справедливо мы можем сказать таким, что во время воздвигнутых еретиками гонений предстоятелям высоких престолов, как сподвижникам Духа и имеющих полные апостольские предания, следовало бы по-братски восстать, сострадательно подать руку помощи страждущим за истину. Ибо, *страдает ли один член,* — говорится в Писании, — *страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1 Кор. 12, 26), разумеется, члены Того, Кто есть Глава всего церковного Тела, Христа, Истинного Господа и Бога нашего.

Нужно ли говорить, сколько пользы принес, поступив так, апостольский престол Запада? Он значительно укрепил дух ратоборствующих — ибо и малое ободрение обычно придает силу страждущему, — и обуздал вдохновенным обличением высокомерие нечестивых, а что может быть спасительнее этого? Какого осуждения достойны те, кто мог бы сделать это, но, напротив, не сделал, я, несчастный, не стану говорить, из уважения к Ангелу вашего блаженства.

Впрочем, это уже кончилось, как всем известно, когда Благой Бог истребил пагубного дракона смертью чрезвычайной и соответствующей отступниче-

ству. Однако и настоящие обстоятельства не таковы, как можно было предполагать. Зима прошла, но вождельной весны нет, а только воссиял некоторый просвет, но и тот из утреннего облака.

Достаточно, я думаю, таким образом завершить речь, так как и ваша мудрость не нуждается в наставлении, и время не позволяет говорить яснее. Поэтому и ваши священные письменные знаки не вручены. Ибо, как они могли быть вручены, когда мы, униженные, брошены сюда, далеко от города, и остальные в других местах терпят гонение? И сборы подаваний, как мы желали, еще не сделаны, кроме того, о котором написано в приложенном списке. Подавшие исповедуют, что они скорее получили, нежели оказали милость, удостоившись иметь некоторое общение с теми святейшими местами, где совершилась великая тайна благочестия, Бог явился в нашем образе.

О, неизреченное чудо! Его, начертанного на иконе, по преданию отеческому или учению Божественному, мы, или, вернее, вся вселенная, исповедуем и Ему поклоняемся, с самого начала проповеди. Ибо иначе и не было бы исповедания Христа так, как учите вы, блаженнейшие, а отвергают иудейски презренные иконоборцы, как будто движимые злым духом. Божественная и священная глава, умиловляя Его богоугодными своими молитвами, чтобы Он ниспроверг смущающую народ ересь, явил солнце Православия, затем защитил и нас, нижайших, принадлежащих к чадам твоим и следующих блаженнейшему отцу и архиерею нашему. Да будет так!

Я и брат мой, боголюбнейший архиепископ Солунский, горячо приветствуем служащих вам отцов и именитых братьев наших, или, благопристойнее

сказать, пред святым лицом твоим, пред стопами твоими, мы оба и находящиеся с нами желаем принять благословение.

СХХII. К ФЕОДОРУ— СТРАННОПРИИМЦУ

Вот тебе, господин, письмо, которого ты требовал, и избавь меня от обвинения. Ты спросишь: “Почему не раньше?” Потому, что нам стыдно было предложить вашему почтенству поучительное слово. Если же ты желаешь этого, то прими, достолюбнейший.

Истинный христианин есть не что иное, как подобие и отображение Христа, и должен быть в таких близких отношениях с Ним, в каких каждый член находится с головой и ветвь — с виноградной лозой. Ибо Сам Господь сказал: *Я есмь Лоза, а вы ветви* (Ин. 15, 5); так же и апостол: *вы — тело Христово, а порознь — члены* (1 Кор. 12, 27).

Поэтому, господин, будем приносить в качестве плодов грозди добродетелей и не останемся бесплодными. Ибо Господь говорит: *Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь*, т. е. гееннский (Мф. 7, 19). Будем бояться этой страшной угрозы, будем прославлять Бога в теле нашем и в духе нашем. Также заповедует и апостол.

Он же говорит и следующее: *отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет* (1 Кор. 6, 15). Будем соблюдать это. Должно любить своих жен, как свои тела, и не предаваться любви к развратному телу. *Жена, — говорит он, — да боится своего мужа* (Еф. 5, 33). Ибо,

соединяя с любовью страх, она может вести прекрасную жизнь.

Дети, повинуйтесь своим родителям, — снова говорит он (Еф. 6, 1). Справедливость требует, чтобы родители были почитаемы и в старости питаемы детьми, ибо после Бога они были виновниками того, что дети появились на свет. И еще: *благословение отца утверждает дома детей, а клятва матери разрушает до основания* (Сир. 3, 9).

И еще говорит апостол: *отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем* (Еф. 6, 4).

Таким образом, дело родителей — приучать детей к миру, направлять и содействовать развитию у них благочестивого характера. Что же остается?

Рабы должны повиноваться господам со страхом и трепетом, без коварства и благодушно, но и господа — смягчать угрозы и с равной заботливостью смотреть на всех, зная, что у всех один Господь — Бог. Здесь, на земле, существует рабство, как и брак, а в будущем веке упразднится и то, и другое, и все будут, как Ангелы.

Поэтому всякому, желающему спастись, нужно бодрствовать, чтобы жить по заповеди: не божиться, не превозноситься, не насмехаться, не роскошествовать, не предаваться забавам, не гневаться, не блудодействовать, не пьянствовать, не собирать золота, но — молиться, плакать, славословить Бога, исполнять заповеди по силам своим, довольствоваться малым, смиренномудрствовать, любить ближнего, не клеветать на брата, не завидовать, не гневаться, быть всегда готовым подвергнуться опасности за добро, не бояться никого на земле, кроме Благого Бога, повиноваться

царю в том, чем не нарушается заповедь Божья, почитать начальников, как блюстителей порядка, всегда радоваться о Господе и, если случится что-нибудь прискорбное, благодарить Господа, как бы Он ни устроил дела его.

Об этом в немногих словах я напомнил благословенной душе твоей, чтобы показать, что я люблю одноименного мне благочестивого мужа и пламенного друга. Если же проживем еще, то еще побеседуем, еще будем увещевать, еще будем советовать все ставить ниже любви Божьей. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мф. 16, 26)? Да избежим мы этого, да обретем милость в день Суда и сподобимся вечной жизни с Богом в неизреченной радости вовеки.

СХХIII. К ЕВФРОСИНИИ— ИГУМЕНИИ

Услышав и ныне, что ты, почтенная, утешилась в скорби по блаженной матери, я возблагодарил Господа, Который узнал и твою искреннюю любовь к матери, и твою доблестную любовь к Нему. Первую — в любвеобильной скорби, а вторую — в надлежащем утешении, через которые открылось, что ты возлюбила и мать, и Бога.

Теперь же, госпожа, с радостью и трепетом проходи путь свой. С радостью потому, что ты удостоилась быть дочерью такой матери, а с трепетом потому, что тебе предстоят заботы настоятельства, которое соединено не с малым подвигом, но и не с ничтожной наградой. Но то и другое бывает в очень высокой степени для благоразумных. Итак, ты, как имеющая ум и благоразумная, как руководимая ма-

терью в Духе, веди жизнь добрую и сообразную с правилами, подавая пример доброделания сестрам. Не смыкай ока сердца своего, чтобы сохранять заповеди Божии; не закрывай уха души своей от слышания слов поучительных, поучаясь и поучая, просвещаясь и просвещая, руководствуясь и руководя, приводясь и приводя к Богу.

Да будет имя твое славно по причине твоей доброй жизни, чтобы Бог прославлялся в тебе и в обители твоей, не заражающейся настроением многих, но неуклонно пребывающей под руководством Духа, в единомыслии, в одной воле, в одном сердце и в одной душе, подобно святым, упоминаемым в апостольских Деяниях. *Было, — говорится, — одно сердце и одна душа у всех, и никто ничего из имени своего не называл своим* (Деян. 4, 32). Вот жизнь добрая, вот часть Господня, вот истинное общежитие. А где нет этого, там все наоборот.

Какая радость и слава для тебя, почтеннейшая, и для детей твоих — жить по-апостольски, поступать благородно по отеческому преданию! Ибо благородство состоит в том, чтобы жить богоугодно, вести себя свято, быть родом избранным, семенем почтенным Феклы-первомученицы, Февронии, Евпраксии и подобного им святого и блаженного сонма.

Истинно, если вы оставили мир, если отреклись от родителей, если избрали девство, если уневестились Христу, если возлюбили царство небесное, то почему вам не приложить к этому все ваше попечение и старание, радуясь, что вы удостоились такого Божественного дара, несравненно-го достоинства? Говорю не о человеческих благах, ибо они — тень и сновидение и погибнут с настоящим веком, а о благах духовных; так как девство и

нестязательность — превосходнейшие из величайших даров. И если мирские не насыщаются приобретаемыми благами, тщетными и погибающими, то насколько ненасытным должно быть наше желание постоянных и неизреченных благ?

Так убеждаю, так умоляю: приобретайте блага небесные, будьте дочерьми Божиими, царицами, почитаемыми на небесах, невестами Христовыми, сонаследницами Христа, светом в мире, словом святым, достохвальным примером жизни, ты, госпожа игумения и начальствующая во Христе, и вы, прекрасные дети, дочери высшего Иерусалима, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки. Аминь.

СХХIV. ОГЛАШЕНИЕ К СВОИМ УЧЕНИКАМ

Братия и отцы! Я, смиренный, занимаюсь огласительными поучениями не из желания показать себя и не из безрассудного высокомерия, но со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и любовью. Ибо ревностно поучать есть признак любящего. *Обличай, — говорит апостол, — запрещай вовремя и не вовремя* (2 Тим. 4, 2), затем ободрив, вразумив и делая все остальное, что содержится и повелевается в законе Божьем.

О чем же я хочу сказать? О бесчинстве, о том, что вы, собираясь по приглашению благочестивых мирян для псалмопений, совершаете всенощные не благопристойно, но со словопрениями и спорами о первых местах за столом. “Ты опередил, не дождал меня; ты съел свой ужин и не пригласил меня. Я буду управлять хором, а не ты”, — говорят иные

из вас, и это в церкви, и притом в присутствии пригласивших. Отсюда гнев Божий невидимый, скорбь и явный вред для пригласивших.

Неужели вы, если случится что-нибудь при-скорбное, не имеете места, чтобы наедине укорять друг друга и улаживать случающееся оправданием и надлежащим смирением? А у вас брат спорит с братом, гневается, оскорбляет, делает непристойное перед лицом всех. О, бесчинство! О, немонашеское зрелище! О, презрение Божественных заповедей!

Затем обвинение падает на игумена. Говорят: “Каков учитель, таковы и ученики”. Разве не сделали ли вы меня ненавистным для городских жителей? Не превращается ли доброе имя, которым славилось преподобное наше братство, в противоположное? Вы ссоритесь и враждуете, едите и пьете не благоговейно, не мирно, а неблагопристойно, не по-монашески. *Едите ли, пьете ли, или иное что делаете,* — говорит апостол, — *все делайте во славу Божию* (1 Кор. 10, 31). А вы не так. Вы позорите святое звание, соблазняете благочестивых, а еще более неблагочестивых.

О, если бы о каждом из вас говорили так: “Какое благоговейное лицо у одного, какая молчаливость у другого, какая скромность у того, пристойность у другого, важность в пении у одного, учтивость у другого!” Это и имеющих такие свойства украшает, и взирающим на них приносит пользу, и Бога радует, и мне, грешному, доставляет честь. А теперь, по грехам моим, происходит противоположное.

Впрочем, не всех укоряю, — ибо по благодати Божьей есть много достойных таких похвал, — но только тех, которые предаются нерадению. Поэтому увещеваю вас, или точнее, повелеваю: измените

дурные нравы и обычаи, образ жизни и речи, поведение и слова. Какая польза показывать приглашающим вас зло вместо добра, оскорблять Бога, позорить и меня, несчастного? Господь услышит меня, когда воззову к Нему я, недостойный. Потом и отступлюсь от непокорного. Может быть, я говорю неблагоразумно и увлекаюсь необдуманно, не отличая праведного от неправедного.

Неужели вы не боитесь Бога? Разве мы не дадим отчет за *всякое праздное слово* (Мф. 12, 36)? *Бог наш есть огонь поядущий*, братья (Втор. 4, 24). Его будем бояться, Ему будем отныне служить праведно, чтобы, воздерживаясь от всякого зла и даже слова праздного и упражняясь в добродетелях, мы могли стать наследниками вечной жизни, избежав угрожающих упорным грешникам наказаний, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СХХV. К ДЕВСТВЕННИЦАМ ПРИНЦЕВЫМ¹

Вчера, увидев вас, сестер о Господе, я не мог побеседовать с вами, сколько следовало, так как нужно было спешить по причине болезни боголюбнейшего архиепископа; а теперь я посчитал за благо восполнить недостающее письмом. Я видел ваше братство, каково оно и насколько велико, как оно умножилось числом и отличается благоразуми-

¹ Название принцевых дано им, вероятно, по месту жительства их на Принцевых островах, близ Константинополя.

ем, и прославил Благого Бога нашего, Который собрал вас воедино в таком множестве, чтобы вы при крестноносной жизни служили Ему в святости и правде.

Кого же мне хвалить больше: игумению или вас, следующих за ней и подчиняющихся ей? И она, и вы достойны одобрений, похвал и почестей, не только за единство в духовной жизни, но и за то, что при строгой жизни и воздержании, как я узнал, вы сохраняете и взаимную услужливость, и всякое служение. Благословенны вы о Господе, блаженна община ваша, похвальна жизнь ваша. Все вы — невесты Христовы, каждая девственница, скажу словами Песни Песней, *заключенный колодезь, запечатанный источник* (Песн. 4, 12), роза благоухания Божьего, лилия нетления. О, прекрасный рай! О, боголюбезный луг! Посреди вас Христос, Который есть Древо жизни.

Но для искушения и испытания добродетели есть и запрещенное дерево, которое прекрасно на вид, но на самом деле не таково, каким кажется, а горько и смертоносно для вкусившего его плода. Ибо оно не что иное, как удовольствие, которым прельстилась праматерь Ева. Поэтому напоминаем и увещеваем вас никогда не касаться смертоносного плода его, но причащаться заповеди, этого прекрасного и действительно истинного плода, с послушанием и смиренномудрием, с любовью друг к другу и незлобием, с нестяжательностью, творя мир.

Ибо при такой жизни вы можете прославить Бога в теле вашем и в духе, как взывает святой апостол (см. 1 Кор. 4, 20). Таким образом вы еще больше умножитесь, таким образом и здесь наречетесь именем святости, и в будущем веке прославитесь

вместе с Ним. Ибо написано: *если только с Ним страдаем, то с Ним и прославимся* (Рим. 8, 17). И что, наконец, прекраснее вас? Что может быть почтеннее, чем называться дочерьми Божьими, жертвами священными, храмами девства? Если же это так, то радуйтесь, сестры о Господе, радуйтесь, ненавидящие радость мира, ненавидящие пристрастия к своим по плоти, ненавидящие наследство земное, ненавидящие все вожеленное в мире. Ибо ваша жизнь на небесах, и наследство — царство небесное, и Жених — Сам Христос, Который, призвав следовать за Ним, введет вас через совершенство в небесный брачный чертог вместе с мудрыми девами. Об этом говорю в немногих словах, чтобы вы знали, что мы почитаем вас, как сестер во Святом Духе, и желаем вам всего лучшего.

СХХVI. К МОНАХАМ ФОТИНУДИЙСКИМ

С радостью приветствую вас, братья, но предмет письма весьма печален: нас покинул пастырь добрый, отец о Господе, руководитель и светильник, пасший много лет и много овец и оставивший пастбище, полное питомцев, числом более двухсот двадцати, муж почтенный и причастный Божественной благодати, убеленный сединами и вместе убеленный сердцем, богатый любовью и еще более богатый милосердием, поистине украшенный многими добродетелями. Говорю так, чтобы не слишком распространить речь, перечисляя все порознь.

О, не прискорбно ли это? Не плачевно ли? Не в беспомощном ли состоянии осталась паства, как можно судить на основании случившегося. Но не-

ужели нам оставаться в печали? Неужели еще более унывать и предаваться горю? Нет, братия! Но, зная, что Богом определено всем людям, пришедшим в мир, снова уйти и получить лучшую и нетленную жизнь, *Начаток которой есть Христос*, Бог наш, Начальник жизни (1 Кор. 15, 20), утешимся утешением Божиим, придем в себя и скажем: *Господь дал, Господь и взял* (Иов. 1, 21) доброго учителя, священного игумена. *Ибо кто есть человек, который поживет и не узрит смерти* (Пс. 88, 49)? Не будем смущаться смертью отца нашего.

Надо благодарить, что мы удостоились иметь такого пастыря, что временное пребывание его продлилось до глубокой старости и что он оставил вас не беспомощными и одинокими, но и благословил при отшествии, и выразил соответствующие пожелания, и поставил одного из вас настоятелем над вами.

Его мы и просим препоясать чресла свои, как следует мужу совершенному, и с христоподобным смирением приняться за вверенное ему служение, шествуя по правилу и по следам нашего блаженного отца, т. е. по заповеди Божией. Равным образом увещеваем и вас, доброе братство, с единокровной верой и любовью повиноваться о Господе новому настоятелю и показать, что действительно с вами Бог и преподобный отец, ободряющий и объединяющий всех в согласии и единокровии. Возлюбленные братья, так пребывайте, так утверждайтесь. Всякое дело вначале бывает нелегко, но с течением времени приобретается разумная опытность. Не уподобляйтесь тем, кто по властолюбию бывает непостоянным и неблагоприятным.

Так как теперь жестокое гонение, то прошу вас не предавать веры и благочестия и в случае нападе-

ния не позволять еретикам увлечь себя каким бы то ни было образом. Терпите мужественно, считая все второстепенным, не только монастыри и все находящееся в монастырях, хотя бы то было безмерно обильно, но и собственные тела свои, избрав благое бегство и увенчиваясь блаженством терпения гонений, преславленным и предивным, как заповедал вам блаженный. Хотя он был уловлен, — увы, какое поражение! — однако обратился, принял епитимью, соединился с благочестивыми и стал одним из братьев и отцов наших, потому и принят был священноначальником нашим, блаженнейшим патриархом.

Итак, зная это, братия, будьте благодушны, соблюдайте благочиние, делайте добро во Христе Иисусе Господе нашем, Который и его да упокоит с праведными, и вас да утвердит во всем добром, возлюбленные наши братия!

СХХVII. К ПЕТРУ, ЕПИСКОПУ НИКЕЙСКОМУ

Теперь, по возвращении из ссылки, мы пользуемся благоприятным случаем написать к отеческой твоей святости. Ибо вследствие нашествия арабов вместе со многими другими и мы, смиренные, были переселены из чужой страны на Принцев остров и оказались вблизи города. Сколько мы бедствовали там как от окружавшего нас изгнанного народа, так и от жары, и от негодной для питья воды, об этом и говорить незначит. Потом, когда мы подошли к Халкидону, там присоединилось к этим двум бедствиям еще одно: мы впали в тяжкий недуг — болезнь печени, который мучил бедную плоть нашу около семи дней. Вообще, наше путешествие было самое тяжелое.

Впрочем, по благодати Божией, у нас произошло три следующих счастливых события: во-первых, мы поклонились блаженнейшему архиерею нашему, заручившись его священными молитвами, во-вторых, также и других священников отцов и братьев, и в-третьих, по милости Божией, мы рассеяли клеветы и обвинения, которые, не знаю почему, возвели на нас ревнители мира. Они изображали нас отщепенцами, отделившимися от святого нашего архиерея, обвиняли в самовольном назначении епитимий для уличенных в общении с еретиками, и прочее, что трудно изложить в письме.

Впрочем, по молитвам твоим, в точности описывая каждое событие порознь, мы имели, как сказано выше, общение со священным нашим патриархом, который принял нас с чрезвычайным снисхождением, любезно беседовал с нами и отпустил нас, не упомянув ни о чем из того, что говорили лукаво. Когда же было упомянуто и о господине Тарасии блаженном, — ибо те любители отцов говорили, что мы от него отделились и Второй Никейский святой Собор называем поместным, — то мы объявили, что мы и его почитаем наравне со Святыми Отцами, и Собор признаем Вселенским, и на письме, и на словах, даже если где-нибудь как-нибудь и кому-нибудь отвечали иначе. Но это теперь не нужно исследовать и возобновлять, так же, как и иные тогдашние дела, ибо это производит смуты и не приносит никакой пользы, а только рождает словопрения и соблазн для Церкви Божьей. Тогда каждый писал и действовал, считая себя правым.

В давние годы, как ты знаешь, возлюбленный, совершилось то, о чем теперь толкуют, что и известно востоку и западу. Сделанного и написанного ни

одна сторона отвергнуть не может. Ныне время согласия, ныне время общих подвигов. Если написанное хорошо, то окажется перед потомками достойным похвалы, а если не таково, то наоборот. Верно слово, и говорить об этом еще что-нибудь мы не хотим ни теперь, ни после. Явит это, как говорит апостол, *день откровения* (2 Фес. 1, 7) и конечный огонь, когда рассудятся и очистятся дела наши.

Это по необходимости написано мной к тебе, как единомудушному отцу и виновнику мира, а также для того, чтобы высказать скорби, ибо это может доставить облегчение тем, кто страдает. Если же ты окажешься утешителем для нас, смиренных, приняв на себя труд любви, то, конечно, сделаешь нас своими во всем. Мы и находящиеся с нами усердно приветствуют святость твою и находящиеся с тобой, святейший.

СХХVIII. К МАРИИ—ДЕВСТВЕННОЙ

Так как мы дважды получали письма от твоего почтенства, то признали нужным приветствовать досточтимость твою не одним только приветствием, но и письмом, и не столько по поводу твоих писем, сколько из уважения к тебе. Ибо мы узнали, что ты решила избрать девственную жизнь, чтобы служить Богу в преподобии и правде.

Истинно, что лучше девства? Его забота, — как *угодить Господу* (1 Кор. 7, 32), как получить будущие блага, как убежать от разнообразных козней диавола. А замужняя, напротив, обеспокоена тем, как *угодить мужу* (ст. 34), как благоустроить дела мирские. Она обуревается горькими волнами жизни, заботясь о детях, о рабах и рабынях, особенно же об угождении мужу, не имея возможности

преодолевать козни мира и на крыльях ума возноситься ко Господу.

Итак, ты, прекраснейшая из жен, поистине блаженна и преблаженна, что избрала *благую часть*, подобно приснопамятной Марии, как бы сев у ног Иисуса и в спокойной жизни слушая слово Его (Лк. 10, 39—42). Ты осветила себя, принеся свою жизнь в дар Богу, ты облагородила кровь свою в Святом Духе, представив собой прекрасный пример. И находящиеся под игом забот какую приобретут пользу, если и они не *ощутят и не найдут* Бога, насколько возможно (Деян. 17, 27)?

Не все ли супружества расторгаются смертью? Не проходят ли красоты здешней жизни, как сновидения? А сколько бедствий связано с браком! Одни бездетны, другие имеют дурных детей. А бедность и богатство? Та мучит и как бы расплавляет, а это перебрасывается, подобно игральным костям, от одного к другому. Брачные чертоги воздвигаются и с плачем разрушаются. Плач и рыдание, непрерывные несчастья, которыми наполнена жизнь, — примеры их перед нашими глазами.

Ты же, прекрасная дева, избежала всего этого, одиноко обитая в доме и соблюдая себя в девстве, как благоуханная роза, для Господа, хотя, конечно, имея и скорби от врагов видимых и невидимых. Ибо где жертва Богу, там и разбойник поджидает, чтобы похитить и ограбить святыню. Но мужайся о Господе, на Которого ты уповаешь, ради Которого ты переносишь труды. Он Сам — Хранитель твоей жизни, Покровитель и Помощник в скорбях, Он доведет до конца твой подвиг и сделает тебя достойной небесного царства Своего.

Это высказано тебе нами, грешными, чтобы ты

знала, что ты, раба Господня, имеешь и в нас, усердных служителях Господних, братьев по духу и сослужителей по природе, молящихся о твоей досточтимости.

СХХІХ. К ЛЬВУ—САКЕЛЛАРИЮ¹

Оставаясь обязанными воздать тебе множество благодарностей и похвал, мы думаем отдать хотя бы малую часть долга письмом, написанным нашим смирением к знатному и возлюбленному твоему превосходительству. И теперь что мы скажем относительно брата Силуана? Во-первых, то, что боголюбивая душа твоя приняла его, как одного из близких, приветливо и с благосклонным лицом беседовав и общаясь с ним, уничиженным. Потом и о нас, грешных, ты расспрашивал, а также и о болезни нашего тела, и в других отношениях ты выразил любезное расположение к нам, смиренным. Ты сказал: “Некоторые враждующие против вас подозревают, будто и я студит”, — и просил, чтобы никогда никоим образом не была нарушена такая дружественная связь.

Все это изумило нас и еще более утвердило в искренней любви к тебе, так что мы сказали: “Непусти нам, Владыка всех, когда-нибудь забыть доброго благодетеля, верного, единокорного, испытанного друга, священного человека, защитника и покровителя всегда и во всем, господина и владыку нашего. Но да пребывает в нас любовь к нему и после смерти, или лучше, да перейдет и в будущий век. Тогда мы, как веруем, узнаем друг друга и будем

¹ Написано в 823 году.

сорадоваться в Боге тем, которые по действию Духа любили нас!”

Впрочем, начав речь с этого, обратимся теперь, по твоему приказанию, к двум предметам. О первом мы думаем так же, как и ты, господин наш. Начнем же нашу речь так. Убийца, будучи схвачен, должен по закону понести надлежащее наказание. Ныне идет междоусобная война, которая, как и другие наказания Божии: землетрясения и голод, наводнения и пожары, — послана праведным судом Божиим для нашего вразумления и в которой причина гибели стольких людей. Господь же, умилосердившись, прекращает истребление, не желая погубить всех, — иначе Он произвел бы всеобщую гибель, как при потопе, — чтобы оставшиеся сделались достойными пощады и спаслись. Ибо говорит Он в Евангелии: *прощайте и будете прощены* (Мф. 6, 14), и через блаженного Павла: *никто никому не воздавай зло за зло; но всегда ищите добра и друг другу, и всем* (1 Фес. 5, 15).

Впрочем, не обходится без наказания. Так и Каин, убивший брата, справедливо получил разное и известное наказание, наказан сам собой и Ламех. И Авессалом, убивший брата Амнона, не был убит, смягченный Фекоитянкой, но был удален отцом, и сам Давид не хотел, чтобы Авессалом, восставший на отца, был убит, также и восставших вместе с ним он приказал, как написано, не умерщвлять по прекращении войны. Об этом кратко. Ибо Милосердный Бог хочет посредством других наказаний, например, ссылок, заключений под стражу и прочих, сохранить их для раскаяния в течение всей жизни.

Что сказать нам о другом предмете, когда твой

мудрый и пронизательный ум знает все? Прежде царствовавший Лев заботился о том, чтобы мы вступили в состязание с иноверными, а он сам, по его замыслу, произнес бы суд против нас. И у ныне царствующего императора было такое же намерение, когда он лично беседовал с нами три года назад, говоря, что не он будет судьей дела, но кто-либо из тех, которые, как казалось, единомысленны с нами.

Но ни мы, лично присутствовавшие, ни знаменитый наш архиерей не допустили этого, как незаконного и чуждого. Это и справедливо, возлюбленный господин наш, ибо здесь речь идет не о предметах мирских и плотских, судить о которых имеет власть царь и мирской суд, но о божественных и небесных догматах, что вверено не кому-нибудь, а лишь тем, которым сказал Сам Бог Слово: *что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах* (Мф. 16, 19).

Кто же те, которым это вверено? Апостолы и их преемники. Кто эти преемники? Нынешние патриархи: Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Это — пятиглавая власть Церкви. Им принадлежит право произносить суд о божественных догматах. А дело царей и правителей — помогать и подтверждать определяемое, и примирять плотские разногласия. Ничего другого относительно божественных догматов не вверено им от Бога, и, если что будет сделано ими, не устоит.

Поэтому и отвергнуто все, сделанное и сказанное некогда царской властью и дерзновением Константина и Льва относительно догмата о божественных иконах, вследствие чего и отделилась здешняя Церковь от других четырех, подвергшись вечному

проклятию, запечатленному Духом Святым. Потом, по милости Божией, был воздвигнут рог православия при Ирине, славно царствовавшей с сыном своим, при них соединено было разделенное, но до воцарения следующего Льва. При нем здешняя Церковь опять отделилась, подвергшись, как и раньше, проклятью от прежних.

Итак, господин, невозможно смешивать Божественный суд с мирским, также невозможно здешней Церкви созвать собор без согласия пяти патриархов. Если же кто спросит о том, каким образом это может произойти, то скажу: необходимо, чтобы иноверные удалились из церквей Божьих и священный патриарх Никифор получил свой престол. Тогда бы он составил собор с теми, с кем вместе он подвизался, в присутствии представителей прочих патриархов, и главное — западного, которому принадлежит высшая власть на Вселенском Соборе, что возможно, если захочет император, завершил бы примирение и устроил бы воссоединение Церквей посредством своих соборных посланий к Римскому престолу.

Если же это не угодно императору, и если, как он говорит, председатель Никифор вместе с нами уклонился от истины, то следует послать к Римскому патриарху с той и другой стороны, и пусть оттуда будет принято утверждение веры. Ибо таково положение: если уклонится один из патриархов, то он должен принимать исправление от равных ему, как говорит божественный Дионисий, а не судиться императорами, хотя бы восстали все православные императоры. Этого правила не должен презирать наш император, но, напротив, должен больше всего заботиться о его соблюдении, так как от этого зависит и благополучие царства, и законное царствование.

Ничего другого мы добавить не можем, смиренные и недостойные, молящиеся о вожденном твоём благоденствии. Если же чего не достаёт в письме, то относящий письмо и поклоняющийся почтенным стопам твоим, даст ответ.

Шествуй по всем возрастам и силам Христовым. Как Христов ученик, очистишь, освободишь от лежащего на тебе с рождения покрова (ветхого человека). Претерпи, если нужно, побиение камнями; хорошо знаю, что укроешься посреди них, как Бог, потому что слово не побивается камнями. Приведен ли будешь к Ироду, не отвечай ему. Твое молчание более достойно, чем длинные речи других. Будут ли тебя сечь бичами, ожидай и прочего, вкуси желчь за первое вкушение запретного плода, испей уксус, ищи заплеваний, прими ударение в ланиту и заушения. Увенчайся тернием — суровостью жизни по Богу; облекись в багряную ризу, прими трость; пусть преклоняются, издеваясь над тобою, оскорбляющие истину. Наконец, охотно распнись, умри и прими погребение со Христом, чтобы с Ним и воскреснуть, и прославиться, и воцариться, видя Бога во всем Его величии и Им зримый.

Во всем мы, христиане, смиреннее всякого - это повелевает нам заповедь, и не только перед мирским могуществом, но даже перед кем бы то ни было не поднимаем брови; но если дело о Боге и против Него дерзают восставать, тогда, презирая все, мы помним только одного Бога. Огонь же, меч, дикие звери и терзающие плоть когти скорее будут для нас наслаждением, чем устрашат.

Святитель Григорий Богослов

СЛОВАРЬ

Апокрисиарий — ходатай, адвокат по делам церковным.

Архонт — знатный и богатый человек, господин.

Веститор (вестиарий) — один из придворных чиновников, заведывавших царскими одеждами.

Государственный логофет — начальник, заведовавший государственным казначейством.

Ипат — греческий перевод латинского слова «консул».

Ктитор — владелец недвижимого имущества, а также строитель церкви или монастыря.

Кандидат — заслуженный воин, состоявший при дворе Римского и Византийского Императора и носивший обыкновенно белую одежду.

Комит — начальник конного отряда.

Консул — должностное лицо в городе или районе, назначаемое в качестве постоянного представителя для защиты юридических и экономических прав Римского государства.

Куратор — заведующий императорскими дворцами.

Магистр — начальник, учитель, должностное лицо.

Мандатор — царский курьер или адъютант.

Логофетодромнион — главный начальник почтового ведомства.

Логофет — хранитель печати, секретарь при Цареградском дворе и Патриархе.

Наместник — исполняющий должность правителя области.

Патриций — римский аристократ.

Протонотарий — старший секретарь.

Протоспафарий — начальник телохранителей (личной стражи) Византийского Императора, сановник и судья.

Саккеларий — казначей.

Силенциарий — пристав государственного совета, принадлежавший к особому корпусу гвардии Византийского Императора, императорский курьер.

Синкелл — живущий вместе с Патриархом или приближенное к Патриарху лицо.

Спафарий — телохранитель.

Стратиг — наместник фемы (административно-военного округа) в Византийской империи в VII—XII вв.

Турмарх — начальник небольшой пограничной области с расквартированным там конным отрядом — турмой.

Хартофилакс — хранитель бумаг при Императоре или Патриархе.

Хотя добродетель Владыки неподожаема, но, если по возможности, мы стараемся подражать ей, это не напрасно. Как учителя чистописания, взяв грифель, очень красиво пишут для детей буквы, чтобы дети выводили их хоть немного похоже, так и Божия благодать предложила нам образцы добродетели, чтобы мы подражали им, насколько это для нас достижимо. И если мы не можем подражать совершенно, да не отворотимся от того, что возможно.

Преподобный Исидор Пелусиот

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. К Платону, отцу духовному	3
II. К нему же	7
III. К нему же	11
IV. К Никифору-игумену	18
V. К Стефану-секретарю	20
VI. К Феоктисте, своей матери	23
VII. К Ирине-императрице	26
VIII. К Симеону, игумену	30
IX. К Геласию, ученику	33
X. К Николаю, ученику	35
XI. К Анастасию, епископу Кносийскому	39
XII. К Фоме-консулу	44
XIII. О служении умершим без призрения	46
XIV. К Игнатию-игумену	49
XV. К Феодулу-столпнику	51
XVI. К Никифору-императору	52
XVII. К Иоанну, спафарию	54
XVIII. К Ставракию, спафарию	56
XIX. К обществу народа антисархенского	59
XX. К Пинуфию и Марию, сынам	60
XXI. К Симеону, монаху	62
XXII. К нему же	65
XXIII. К нему же	70
XXIV. К Феоктисту, магистру	72
XXV. К Никифору, патриарху	77
XXVI. К Симеону, игумену	80
XXVII. К Никите-патрицию	82
XXVIII. К Василию, монаху	85
XXIX. К Льву-орфанотрофу (сиропитателю)	91
XXX. К Никифору, патриарху	93
XXXI. К братьям, находящимся в Саккудионе	95
XXXII. К Николаю, халтуларию	100
XXXIII. К Льву, папе римскому	102
XXXIV. К нему же	106
XXXV. К Василию, игумену	112

XXXVI. К Евпрепиану и находящимся с ним	115
XXXVII. К Иосифу, архиепископу Солунскому	121
XXXVIII. К Арсению, сыну	124
XXXIX. К Феофилу, игумену	128
XL. К Навкратию, сыну	132
XLI. К Силуану и Евпрепиану, сынам	140
XLII. К Анне, монахине	142
XLIII. К Иосифу — брату и архиепископу	144
XLIV. К Сергию-консулу	149
XLV. К Навкратию, сыну	150
XLVI. К Анне, игумении	150
XLVII. К Навкратию, сыну	150
XLVIII. К Афанасию, сыну	150
XLIX. К Навкратию, сыну	163
L. К нему же	169
LI. К нему же	175
LII. К Филиппу-диакону	178
LIII. К Стефану-чтецу и находящимся с ним	180
LIV. К Анне-игумении	185
LV. К Ирине-патриции	186
LVI. К Антонию, игумену монастыря святого Петра, и находящимся с ним	187
LVII. К Платону, отцу своему	190
LVIII. К спафарии, по прозванию Махара	192
LIX. К Василию, почтенному игумену, со всеми братьями честной обители святого Саввы	194

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. К иконоборческому собору	195
II. К монашествующим	198
III. К игумену	201
IV. К Феофилакт, епископу Никомидийскому	201
V. К Навкратию, сыну	202
VI. К пресвитеру подписавшемуся	205
VII. К Иоанну, сыну	207
VIII. К братьям, находящимся в ссылке и темницах	208
IX. К Иосифу — брату и архиепископу	217
X. К Навкратию, сыну.	219

XI. К нему же	222
XII. К Пасхалию, Папе Римскому	228
XIII. К нему же	231
XIV. К папе Александрийскому	232
XV. К Патриарху Иерусалимскому	236
XVI. В лавру святого Саввы	240
XVII. В лавру святого Харитона	242
XVIII. К Никифору, святейшему патриарху	246
XIX. К монахиням	247
XX. К Макарию, игумену	249
XXI. К братьям, содержимым в темницах	251
XXII. К братьям отсутствующим	257
XXIII. К игумену	259
XXIV. К Игнатию, сыну.	260
XXV. К Петру, епископу Никейскому	262
XXVI. К Феофилакту, епископу Никомидийскому	263
XXVII. К Тимофею, сыну	265
XXVIII. К Василию-игумену	266
XXIX. К Мегало и Марии, монахиням	268
XXX. К Симеону, монаху	270
XXXI. К Иосифу — брату и архиепископу	271
XXXII. К Фалелею, сыну	273
XXXIII. К утверждающим, что Христос неизобразим	275
XXXIV. К Навкратию, сыну	276
XXXV. К Епифанию, сыну	279
XXXVI. К Навкратию, сыну	280
XXXVII. К братьям рассеявшимся	291
XXXVIII. К братьям, рассеянными повсюду	298
XXXIX. К Афанасию, сыну	300
XL. К Навкратию, сыну	304
XLI. К Феофилу, епископу ефесскому	307
XLII. К Фалелею, сыну	308
XLIII. К заключенной	311
XLIV. К Симеону, сыну	313
XLV. К Василию-игумену	315
XLVI. Аркадию, монаху	316
XLVII. К игумену	317
XLVIII. К братьям, всюду рассеянными	318
XLIX. К отцам гонимым	321
L. К Лукиану, сыну	325
LI. К Албенеке, протоспафарии	326

LII. К Марии-монахине	328
LIII. К монахине	329
LIV. К Василию — патрицию	330
LV. К Григорию-мирянину	332
LVI. К Льву, патрицию и сакелларию	333
LVII. К Анастасию-протоспафарию	334
LVIII. К братьям студийским	336
LIX. К монахиням	337
LX. К девственницам	339
LXI. К Навкратию, сыну	340
LXII. К братьям, находящимся в рассеянии	342
LXIII. К Навкратию, сыну	344
LXIV. К исповедникам	347
LXV. К Навкратию-сыну	349
LXVI. К братьям студийским	352
LXVII. К Навкратию-сыну	355
LXVIII. К Ирине-патриции	358
LXIX. К Евфимии-затворнице	359
LXX. К Феофилу, епископу ефесскому	360
LXXI. К Навкратию-сыну	361
LXXII. К Николаю-сыну	364
LXXIII. К Навкратию-сыну	367
LXXIV. К Михаилу, самодержавному императору	369
LXXV. К Стефану-секретарю	371
LXXVI. К Стефану-магистру	373
LXXVII. К исповедникам	375
LXXVIII. К Никите-игумену	376
LXXIX. К Никифору, святейшему Патриарху	377
LXXX. К Иоанну-логофету	379
LXXXI. К Пантолеону-логофету	380
LXXXII. К Димохари, государственному логофету	382
LXXXIII. К исповедникам	384
LXXXIV. К Феодору-монаху	385
LXXXV. К Афанасию-сыну	387
LXXXVI. К Михаилу-императору	389
LXXXVII. К епископам, находящимся в ссылке ради Господа	391
LXXXVIII. К Аммону-сыну	392
LXXXIX. К Феофилу-игумену	394
XC. К братьям, находящимся в рассеянии	397
XCI. К игумении никейской	399

ХСII. К епископам, сосланным ради Христа в Херсон	401
ХСIII. К игумении гординской	402
ХСIV. К Евдокии-девице	404
ХСV. К Василию-игумену	406
ХСVI. К Никите-куратору	407
ХСVII. К Василию, духовному сыну	409
ХСVIII. К братьям, находящимся в Греции	410
ХСIX. К Авраамию, странноприимцу	412
С. К Ипатию-сыну	414
СИ. К Петру, епископу Никейскому	417
СИ. К Еваресту-сыну	418
СIII. К Григорию-игумену	420
СIV. К монахиням Ирине и Евфросинии	421
СV. К Анфиму-сыну	423
СVI. К Евстратию-игумену	424
СVII. К братьям, находящимся в городе	426
СVIII. К Иоанну, епископу Сардийскому	428
СIX. К Илию-сыну	429
СX. К Димохари, вдове	430
СXI. К монахам миельским	432
СXII. Огласительное к своим ученикам	433
СXIII. К Евфросинии-игумении	435
СXIV. К Юлиану-веститору	439
СXV. К Евфросинии-игумении	441
СXVI. К Иоанну-пустыннику	443
СXVII. К Мариану-спафарию	445
СXVIII. К Евфросинии-игумении	447
СXIX. К Иакову-монаху	449
СXX. К Никите-наместнику	451
СXXI. К Фоме, патриарху Иерусалимскому	452
СXXII. К Феодору, странноприимцу	455
СXXIII. К Евфросинии-игумении	457
СXXIV. Оглашение к своим ученикам	459
СXXV. К девственницам принцевым	461
СXXVI. К монахам фотинудийским	463
СXXVII. К Петру, епископу Никейскому	465
СXXVIII. К Марии-девственнице	467
СXXIX. К Льву-сакелларию	469
СЛОВАРЬ	474

